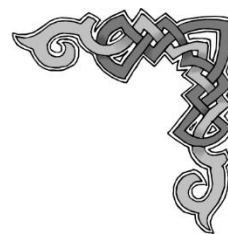

**ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВО «Адыгейский
государственный университет»**

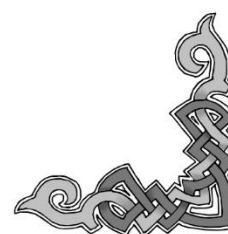
16+

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

**Научный журнал
www.online-science.ru**

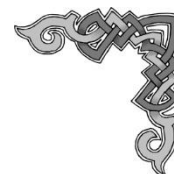
**№ 11
2025**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Сетевое издание / Online edition

№ 11 от 25.11.2025

Выходит 12 раз в год

www.online-science.ru

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

**Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВО

«Адыгейский государственный университет»

ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Наука и образование»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

ООО «Наука и образование»; 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Гапоненко Владимир Федосович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный сотрудник МВД России, действительный член Международной академии наук ООН информационных систем и технологических процессов, действительный член Академии военных наук РФ, награжден Почетным знаком «Международное признание», Академия управления МВД России;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Head of the Educational and Methodological Department of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir F. Gaponenko, Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, full member of the International Academy of Sciences of the United Nations of Information Systems and Technological Processes, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, awarded the Honorary Badge «International Recognition», Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Sergey V. Ivantsov, Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, и.о. декана экономического факультета Киргизско-Российского университета им. Б.Н. Ельцина, директор Международного аналитического клуба «Иссык-Куль-Большая Евразия», член Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза», отделения общественных наук РАН, член Секретариата координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК);

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук, Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot';

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Acting Dean of the Faculty of Economics at the B.N. Yeltsin Kyrgyz-Russian University, Director of the Issyk-Kul-Greater Eurasia International Analytical Club, Member of the Scientific Council on Social, Political, and Demographic Issues in the Formation of the Eurasian Economic Union, Department of Social Sciences at the Russian Academy of Sciences, and Member of the Secretariat of the Coordination Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium (EIAC);

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Сапрыкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, доцент, директор филиала Российского общества «Знание» в Донецкой Народной Республике;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Lyudmila N. Saprykina, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the branch of the Russian Society «Knowledge» in the Donetsk People's Republic;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

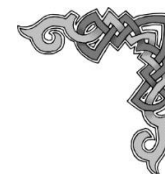
Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Russian Academy of Natural Sciences;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Баширова А.А. Подходы к исследованию социальной стратификации и критерии ее оценки	13
Вологина Е.В., Плотников В.В. Легитимация детектива в японской литературе как социальный процесс	20
Гавриленко В.В., Хлабыстова Н.В. Стратегии потребительского поведения на рынке образовательных услуг в условиях трансформации ценности образования: социологический анализ	26
Гюрджян Г.А., Таганова А.А., Плотников В.В. Диалектика криминального поведения в эпоху True-crime медиа: взаимовлияние репрезентаций раскрытия преступлений и типологических признаков их совершения	34
Проскурина А.С., Боричевская Е.И., Павлюкевич К. Возможности и ограничения исследовательской операционализации карьерных планов молодых преподавателей в вузе	41
Слизский Е.А. Социальное самочувствие этнических групп как условие их интеграции в принимающее сообщество	48
Стрелецкий Я.И., Северин И.В. Специальная военная операция России на Украине: духовный дискурс	55

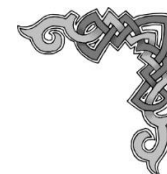
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Афамготов Э.М., Гайдарева И.Н., Удычак Ф.Н. Современные тенденции в законодательстве о гражданстве Российской Федерации	65
Бегоян Л.А. Конституционные и доктринальные основания допустимости оценочных признаков в уголовном праве	72
Вишневецкий К.В., Петровский А.В. Преступность в Краснодарском крае: ее причины и тенденции в 2019–2024 гг.	77
Газизуллин Р.И. Добросовестность и экономическая свобода как основополагающие элементы правовой легитимации социальной ответственности бизнеса	87
Дзюба М.А. Структура преступности в общеобразовательных организациях (по результатам эмпирического исследования)	97
Карпенко И.Н. Многокомпонентная защита данных цифровых валют центральных банков: интеграция правовых и технологических подходов	102
Кашкаров А.А. Законопроект об усилении уголовной ответственности за дезертирство – обратная сторона особых режимов освобождения от уголовной ответственности и наказания в период мобилизации, военного положения, в военное время	108
Конорезов Н.А. Применение примирительных процедур в судопроизводстве в контексте поиска путей повышения их эффективности	113

Лобачев Д.А. Законность размещения антенно-мачтовых сооружений «вопреки» разрешенному виду использования земельных участков	120
Медведев В.И., Стрелецкий Я.И., Шахторин А.А. Правовой нигилизм – стратегический курс Запада в современном геополитическом пространстве	126
Найдич И.Ю. Дееспособность гражданина при введении в его отношении процедур банкротства	133
Насибулин А.Д. К вопросу о дифференциации ответственности за служебные преступления, совершаемые в сфере ГОЗ	142
Наумова Н.В., Беляев Д.С. Проблемы реализации основных избирательных прав в условиях введения экстраординарного административно-правового режима	149
Осадчий Н.И., Марухно В.М., Собянин А.В. О правовой защите медицинских работников и лиц, содействующих оказанию медицинской помощи	155
Симонова Е.Ю. Проблемы правоприменительной уголовно-правовой политики в отношении преступлений с административной преюдицией	164
Фролов В.В. Использование информационных технологий в организации и тактике следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных происшествий	170
Шадже М.Г., Хаконова И.Б. Интеграция целей устойчивого развития в гражданско-правовую науку	176
Эндерс А.И. Особенности личности преступника, скрывающего поджогом ранее совершенное преступление	182

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абдуллаев Р.Н. Оптимизация процессов управления устойчивым развитием бизнеса на основе принципов ESG: российская специфика и практические рекомендации	191
Вершинин В.П. «Нетрафаретный ИИ-маркетинг» как этап развития цифрового маркетинга	199
Гаранин М.А., Горбунов Д.В. От целевой подготовки к агентской модели: алгоритм партнерства нового уровня HR-службы РЖД и университета	204
Нехайчук Д.В., Симченко Н.А., Фомина Е.А. Об экономических приоритетах устойчивого развития промышленной сферы региона	214
Поляничко М.А. EdTech и вузы: конкурировать нельзя сотрудничать – где поставить запятую?	225
Серпер С.А. Финансирование адаптивной физической культуры и адаптивного спорта: структура расходов, источники и управленческие дефициты	237
Стефаненко М.Н., Каджаметова Т.Н. Региональные различия в доступности финансирования предприятий малого и среднего бизнеса сферы услуг	244
Чугаева Ю.А. Формирование сетевого квазиинтегрального партнерства кооперации, субконтрактации и трансфера высокотехнологичных инноваций как фактор стимулирования добычи маргинальных запасов нефти	252
Шефель С.В., Землячева О.А. О взаимосвязи факторов устойчивого развития современного российского социума: по результатам комплексного анализа динамики и тенденций данного процесса	258

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Aminat A. Bashirova Social stratification study approaches and evaluation criteria	13
Ekaterina V. Vologda, Vladimir V. Plotnikov Legitimation of the detective story in Japanese literature as a social process	20
Violeta V. Gavrilenko, Natalia V. Khlabytova Strategies of consumer behavior in the educational services market in the context of digital transformation: a sociological analysis	26
Gayk A. Gyurjyan, Anna A. Taganova, Vladimir V. Plotnikov The dialectics of criminal behavior in the age of True-crime media: the interaction of representations of crime solving and typological features of their commission	34
Alexandra S. Proskurina, Elizaveta I. Borichevskaya, Kristina Pavlyukevich Possibilities and limitations of research operationalization of career plans of young teachers at the university	41
Evgeny A. Slizsky Social well-being of ethnic groups as a condition for their integration into the host community	48
Yakov I. Streletsky, Igor V. Severin Special military operation of Russia in Ukraine: spiritual discourse	55

JURISPRUDENCE

Eduard M. Afamgotov, Inna N. Gaidareva, Fatima N. Udychak Modern trends in the legislation on citizenship of the Russian Federation	65
Lala A. Begoyan Constitutional and doctrinal foundations of the admissibility of evaluative elements in criminal law	72
Kirill V. Vishnevetsky, Anton V. Petrovsky Crime in Krasnodar region: its causes and trends in 2019–2024 integrity and economic freedom as fundamental elements of the legal legitimization of business social responsibility	77
Rishat I. Gazizullin Integrity and economic freedom as fundamental elements of the legal legitimization of business social responsibility	87
Maxim A. Dzyuba Crime structure in general educational organizations (based on the results of an empirical study)	97
Irina N. Karpenko A multicomponent data protection system in central bank for digital currencies: integration of legal and technological approaches	102
Alexey A. Kashkarov The bill to strengthen criminal liability for desertion is the flip side of special regimes of exemption from criminal liability and punishment during periods of mobilization, martial law, and wartime	108
Nikolay A. Konorezov The use of conciliation procedures in court proceedings in the context of finding ways to improve their effectiveness	113
Denis A. Lobachev The legality of the placement of antenna-mast structures «contrary» to the permitted type of land use	120

Valery I. Medvedev, Yakov I. Streletsky, Alexander A. Shakhtorin Legal nihilism – the West's strategic course in the modern geopolitical space	126
Igor Yu. Naidich Legal capacity of individual during bankruptcy proceedings	133
Andrey D. Nasibulin On the differentiation of responsibility for official crimes committed in the field of state defense	142
Natalya V. Naumova, Danil S. Belyaev Problems of implementing basic voting rights in the context of an extraordinary administrative and legal regime	149
Nikolai I. Osadchii, Vasilisa M. Marukhno, Andrei V. Sobianin On the legal protection of medical workers and persons assisting in the provision of medical care	155
Ekaterina Yu. Simonova Problems of law enforcement criminal law policy in relation to crimes with administrative prejudice	164
Vyacheslav V. Frolov Use of information technologies in the organization and tactics of investigative experiments in the investigation of road accidents	170
Marina G. Shadzhe, Irina B. Khakonova Integration of sustainable development goals into civil law	176
Anastasia I. Enders Personality traits of a criminal who hides a previously committed crime by arson	182

ECONOMIC SCIENCES

Rasul N. Abdullaev Optimization of sustainable business development management processes based on ESG principles: russian specifics and practical recommendations	191
Valentin P. Vershinin «Stencil AI marketing» as a stage in the development of digital marketing	199
Maxim A. Garanin, Dmitry V. Gorbunov From targeted training to agent model: new level hr-service-university partnership algorithm	204
Dmytriy V. Nekhaychuk, Natalia A. Simchenko, Elena A. Fomina About of economic priorities for sustainable development of the industrial sector of the region	214
Mark A. Polyanichko EdTech and universities: compete or cooperate – where to put the comma?	225
Sergey A. Serper Financing of adaptive physical education and adaptive sports: cost structure, sources, and management deficits	237
Margarita N. Stefanenko, Tamila N. Kazhametova Regional differences in financing accessibility for small and medium-sized enterprises in the service sector	244
Julia A. Chugaeva Formation of a network quasi-integrated partnership of cooperation, subcontracting, and transfer of high-tech innovations as a factor stimulating the production of marginal oil reserves	252
Sergey V. Shefel, Olga A. Zemlyacheva On the relationship between the factors of sustainable development in modern Russian society: based on a comprehensive analysis of the dynamics and trends of this process	258

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-3>

УДК 316.34

Attribution

cc by

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И КРИТЕРИИ ЕЕ ОЦЕНКИ

Баширова А.А.

*Институт социально-экономических исследований
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН*

Аннотация. Социальная стратификация обладает множеством характеристик для исследования, все более усложняющихся с каждым последующим историческим периодом. В работе рассматриваются различные научные подходы и способы изучения понятия «стратификация», а также классические и современные подходы к построению социальной структуры общества, в том числе на региональном уровне, основанные на различных критериях.

Сделан вывод о том, что, в эпоху развития цифрового общества, несмотря на повышение значимости нематериальных критериев и потенциала человека, основным критерием его размещения в социальном поле, по-прежнему остается доход как маркер потенциальной принадлежности к определенным иерархическим слоям. Остальные критерии помогают конкретизировать его положение в сторону улучшения (высокий социальный статус, обладание властью, высокие жизненные шансы) или ухудшения («непрестижная» работа, «низкое» происхождение, высокие жизненные риски).

Отмечено, что выбор тех или иных критериев стратификации должен отражать и учитывать исторические и региональные условия функционирования общества.

Ключевые слова: социальная стратификация, неравенство, подход, критерий, доход, накопленное богатство, расход, престиж, власть, профессия.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIAL STRATIFICATION STUDY APPROACHES AND EVALUATION CRITERIA

Aminat A. Bashirova

*Institute for Socio-Economic Research
of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences*

Abstract. Social stratification has many characteristics and facets to explore, becoming increasingly complex with each successive historical period. The paper examines various scientific views and ways to study the concept of stratification, as well as classical and modern approaches to building the social structure of society, including at the regional level, based on various criteria.

It was concluded that, in the era of the development of digital society, despite the increasing importance of intangible criteria and human potential, the main criterion for its placement in the social field is still income, as a marker of potential belonging to certain hierarchical strata. The rest of the criteria help to concretize his position towards improvement (high social status, possession of power, high life chances) or deterioration («non-prestigious» work, «low» origin, high life risks).

It was noted that the choice of certain stratification criteria should reflect and take into account the historical and regional conditions of the functioning of society.

Keywords: social stratification, inequality, approach, criterion, income, accumulated wealth, expenditure, prestige, power, profession.

Funding: Independent work.

Введение.

Каждое общество в каждый момент времени является стратифицированным, основанным на принципе неравенства, которое существует в

форме неравномерного распределения ресурсов и доступа к ним.

Современные условия развития общества в глобальном аспекте таковы, что рост неравенства

© Баширова А.А.

является долговременным и устойчивым трендом. Это сопровождается сокращением численности среднего класса, цифровым неравенством, ростом уровня бедности, увеличением разрыва самыми богатыми и бедными. Создаются условия, которые усугубляют «ловушки бедности» для целых пластов населения, когда отсутствие доступа к ресурсам, в том числе, цифровым, не позволяет улучшить свое текущее положение даже на минимальный уровень.

Социальная стратификация определяется как иерархия социальных слоев. Одним из важнейших показателей, лежащих в основе социальной иерархии является доход человека. В тоже время, неравенство складывается из больших структурных элементов, чем просто доход.

В основе социальной стратификации может лежать больше классификационных признаков, что связано с расширением представлений о качестве и уровне жизни, которые не сводятся только к обладанию определенным количеством материальных ресурсов, либо доступа к ним.

Современное общество структурно сложное, и невозможно отразить реальное социальное и экономическое положение человека/группы людей, используя только принцип вертикального построения общества на основе подчинения низших слоев высшим.

Общество состоит из множества различных подсистем, которые могут не зависеть друг от друга, могут взаимодействовать, и с каждым моментом времени более усложняться. С этих позиций, «всякий целостный объект реальности – то же человеческое существо – может рассматриваться как включенный в совокупность иерархических уровней, как представленный одновременно на множестве уровней» [14].

Сложность категорирования обуславливает большое количество подходов и критериев к его изучению и определяет актуальность работы, постановку её цели и задач, которые состоят в исследовании основных подходов к изучению социальной стратификации и определении критериев ее оценки, исходя из современных условий функционирования российского общества.

Методологические подходы к исследованию социальной стратификации.

В научных публикациях нет единого понимания о классификации подходов к исследованию стратификации.

Н.Е. Тихонова выделяет два основных подхода, предложенные экономистами К. Марксом (классовая теория), М. Вебером (трехкомпонентная теория) [16].

О. Шкаратан исследует социальную стратификацию с точки зрения двух основных подходов: функционалистский (определяет место человека

исходя из значимости его общественных функций) и структуралистский (рассматривает социальную стратификацию через призму отношений социальных групп) [18].

Представителями функционалистского подхода являются Т. Парсонс, К. Дэвис, У. Мур, их последователи.

Структуралистский подход представлен работами К. Маркса, М. Вебера, Д. Голдторпа, Э. Гидденса и др.

Помимо этих двух направлений, выделяют конфликтологический подход (различие интересов представителей разных страт), который противопоставляется функционализму (общие интересы общества) и заключается в стремлении одних классов господствовать над другими в том числе, при помощи принуждения. В его основе лежит классовая теория К. Маркса, и конфликтная модель общества Р. Дарендорфа.

В настоящее время классовая модель общества в ее чистом антагонистическом виде отрицается, поскольку невозможно выделить четкие границы социальных классов вследствие процессов социальной мобильности и самоидентификационного критерия стратификации. Постоянно возникают новые социальные группы вследствие усложнения социальных и экономических процессов в обществе, в том числе и вопросов собственности. Однако нельзя не согласиться с тем, что экономическое превосходство часто сопровождается политической властью (и наоборот), существуют механизмы принуждения и противоречивости интересов.

В качестве более поздних подходов к исследованию стратификации можно выделить:

- эволюционный подход (Г. Ленски, Д. Ленски);
- ресурсный подход (П. Бурдые, Р. Патнем, Дж. Коулман, Э. Гидденс, в нашей стране Т.Н. Заславская, О.И. Шкаратан, В.В. Радаев и Н.Е. Тихонова);
- теорию фрагментации (А. Турен).

Критерии изучения социальной стратификации.

Критериальные подходы к оценке социальной стратификации, условно можно разделить:

- на традиционные, основанные на обладании материальным ресурсом и делящие общество на страты по признакам доходов/расходов, накопленному богатству;
- на подходы, определяющие наличие у человека общественно значимых ресурсов: власть, профессия, образование, статус и престиж; основанные на идеологии превосходства: по нацио-

нальному, гендерному, религиозному и т.п. признакам.

Исследование и оценка социальной стратификации, как правило, основаны на нескольких критериях и являются многомерными.

Доход. Стратификация на основе показателя дохода (экономического положения) является одним из самых распространенных методических подходов к изучению данного явления [1; 12]. Он является основой для разработки мер государственной социально-экономической политики в нашей стране в сфере борьбы с бедностью и поддержки малообеспеченных слоев населения, повышения процента среднего класса в структуре общества.

Причины доходного неравенства в разрезе экономического неравенства могут быть различными.

Б. Миланович выделяет три исторических периода по принципу распределения доходов в мире [11]. Экономическое неравенство между странами в начале XIX века достигалось за счет военного и торгового флота, колониальных захватов, накопленного богатства, а также промышленных революций.

Для остальных стран существовало так называемое «равенство бедности», которое близко к глобальному экономическому равенству.

В XX веке, примером равенства бедности являлась социальная структура общества в Советском Союзе. Процессы, происходящие в советском обществе, описывает Е.Ю. Зубкова, отмечая, что: «...для коммунистических режимов характерен особый механизм нивелирования бедности, основанный на системе идеологических компенсаторов» [7].

Современный период развития общества характеризуют следующие причины неравномерного распределения доходов:

- системные сдвиги в экономике, порождающие сильные диспропорции в доходах; цифровизация и автоматизация производства;
- темпы инфляции;
- последствия пандемии COVID-19;
- глобализация;
- проблемы в стартовых возможностях человека, когда уровень его дохода во многом определяется не личными способностями, а тем, в какой семье он родился и какое окружение вокруг него.

Существуют различные стратификационные классификации по уровню дохода (О.И. Шкаратан [18], Т.И. Заславская [8], Е. Гонтмахер, Т. Малеева [6], Н.Е. Тихонова [15], В.А. Аникин [2] и др.). Модели стратификации, которые они предлагают не

являются одномерными, однако, доход является основным их элементом.

Названия групп, их количество, основные характеристики, наличие дополнительных критериев может отличаться в зависимости от целей и задач исследований.

В самом общем виде, классификация общества выглядит следующим образом:

- высокодоходные (элита, богатые);
- среднедоходные (средний класс);
- низкодоходные (бедные, нищие).

С методологической точки зрения, определение границ для классов на шкале доходной стратификации является непростой задачей. В первую очередь, это связано с показателями гомогенности групп и их дифференцированности между собой.

Для определения пороговых значений разделения групп используются различные подходы: абсолютный, относительный, расчет бедности (стоимость минимальной потребительской корзины, прожиточный минимум), депривационный подход. В тоже время, неравенство и бедность – это разные понятия.

Проблема неравенства – шире, чем просто экономический аспект как неравенство в доходах. Сюда входит понятия «справедливость», «равенство в оценке результатов», «равенство возможностей в удовлетворении потребностей», которые тяжело посчитать количественно. Проблема бедности упирается в обладание материальными благами, либо к доступу к ним.

Расход. Заключается в построении шкал стратификации соответственно тем расходам, которые осуществляет человек, либо домохозяйство. Сюда можно отнести исследования, проведенные А. Банерджи и Э. Дюфло [20]. Они изучали на примере опыта развивающихся стран как средний класс строит свои модели поведения и потребления, и в чем их отличие от моделей поведения и потребления бедных.

Критика данного подхода заключается в том, что «расходы больше говорят о выбранном образе жизни с учетом имеющихся ограничений» [12]. В этом случае остается открытым вопрос принадлежности человека, например, к среднему классу по уровню дохода, но по модели поведения ближе к низшим слоям социальной структуры (отсутствие сбережений, импульсивные покупки и т.п.).

Накопленное богатство. Как правило, в исследованиях, накопленное богатство рассматривают как одну из доходных частей домохозяйства. Ограниченность подхода заключается в том, что «накопленное богатство, причем как финансовое, так и нефинансовое, дифференцирует лишь небольшую часть населения» [12]. В тоже время,

проблема заключается в том, что можно отнести к накопленному богатству. Очевидно, что в разных странах будет свое представление относительно данной категории. Более того, чем выше процент внутристранового неравенства, тем более различное содержание будет вкладываться в понятие накопленного богатства.

Статус и престиж. Статус и престиж – две характеристики положения человека в обществе. «Престиж, авторитет, уважение, привлекательность являются способами субъектной оценки социального статуса, дифференциации общества на статусы, а также идентификации социальных объектов и субъектов внутри одного статуса» [9].

Исследованию социальной стратификации на основе многомерного подхода с выделением категорий престижа и статуса в качестве критериев занимались такие ученые, как:

- М. Вебер (ввел понятие «престиж» в теорию стратификации);
- У.Л. Уорнер (считал, что «американское» понимание класса упирается не в доход и богатство, а в престиж);
- П. Блау (увязывал между собой власть и престиж);
- Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Т. Парсонс увязывали престиж с обладанием и значимостью той или иной профессии;
- Т. Гейгер (в своих работах эмпирически измерял статус престижа) и др.

Вопросы измерения соотношения престижа/дохода и размещение человека на основании этого в социальной системе являются сложными и трактуются так или иначе в зависимости от многих причин, в том числе культурно-ценностных и региональных особенностей. Примером может служить, отношение к профессии врача в Республике Дагестан. Престиж именно обладания специальностью врача, вне зависимости от того, какой доход это принесет в будущем и вообще будет ли работать человек по специальности, очень высок, (по результатам обследования, проводимого автором в 2024 году в Дагестане на предмет развития социального капитала [4]).

Престиж и связанный с ним статус не являются самостоятельным критерием в отрыве от профессиональной деятельности человека и от экономических стимулов при построении систем стратификации. С подходом, основанном на обладании престижем, тесно связаны два других – обладание властью и принадлежностью человека к той или иной профессии. Однако, несмотря на то, что многие исследователи их увязывают, разница между подходами все же есть.

Профессия. Впервые профессию как критерий социальной стратификации предложил П. Соро-

кин, рассматривая профессию как средство передвижения из одной страты в другую. Профессия как критерий стратификации представлена во многих научных работах, и, как правило, это работы, посвященные престижу профессий, их ранжированию на основе социальной значимости, которую придают им люди в тот или иной исторический отрезок времени. Сюда можно отнести исследования Д. Каунтса, М. Смита, С. Норта, П. Хатта, отечественных социологов В.Н. Шубкина, Д.Л. Константиновского (привлекательность профессий) и др.

Обладание конкретной специальностью, которая придает вес человеку за счет изначального существующего уважения к ней в конкретном обществе, действительно совпадает с понятием престижа. В тоже время, не всегда понятия «престиж» и «статусность» связаны с профессиональной деятельностью человека. Это хорошо иллюстрирует современное состояние рынка труда в России.

Иногда, обладание профессией позволяет человеку перемещаться внутри социальной структуры именно за счет дохода, но не престижа.

По данным Headhunter, наиболее востребованными работниками сегодня на рынке труда нашей страны являются продавцы-кассиры и продавцы-консультанты. Далее следуют менеджеры по продажам и работе с клиентами, водители, операторы call-центров, бухгалтера, разнорабочие, электромонтажники, врачи, кладовщики и слесари [21]. То есть, российскому рынку труда требуются рабочие профессии (кроме врачей, для всех остальных представленных вакансий достаточно среднего специального образования). В 2024 году произошел самый высокий прирост зарплат именно рабочих специальностей. В 2025 году тенденция сохранилась. В Топ-10 самых высокооплачиваемых вакансий России – токарь-карусельщик (257752 руб.) занимает 2 строчку после СIO (324000 руб.), карусельщик – 3 строчку (257423 руб.), а водитель-механик – 5 строчку (240820 руб.) [17].

Российский рынок труда претерпевает изменения, и эти изменения серьезным образом воздействуют на изменение социальной структуры общества, выдвигая на первые места по доходности ранее «непрестижные» рабочие специальности.

Власть. Это – способность или возможность одной группы или индивида оказывать влияние на поведение, решения и действия других людей или групп в социальной среде. Использование конкретного понятия «власть» всегда будет зависеть от целей и задач исследований. Как правило, в качестве стратификационного критерия выделяют политическую власть (в данном случае, понятия «государственная власть» и «политическая власть» тождественны).

Политическая власть играет важную роль в общественной жизни и как критерий, определяющий социальную структуру, может служить маркером

социальной напряженности. Экономисты и социологи, которые уделяли власти внимание в своих исследованиях, посвященных теории стратификации можно отнести К. Маркса, М. Вебера, П. Бурдьё, П. Сорокина, О.И. Шкаратана, В.В. Радаева, С.Г. Кордонского.

Баргесян В.М. делит исследования:

— на «классовые теории (как неомарксистские, так и неовеберианские), которые практически не учитывают организующую роль государства в социальной структуре;

— и на концепции этатрагического и сословного общества, которые, наоборот, придают гипертрофированное значение политической власти, в результате чего, вынуждены (например, в рамках теории сословного общества Кордонского) предлагать конструкты теневой жизни» [3].

Подход, основанный на религиозном, расовом, этническом возрастном, гендерном критериях. Подход основан на так называемой идеологии превосходства одних над другими (супермасизм). Официально в большинстве стран законодательно закреплено равенство прав и свобод человека независимо от пола, расы, национальности, социального положения, места жительства, отношения к религии и других критериев. В тоже время, история, в том числе современная, знает немало случаев расположения групп людей в социальных структурах общества, основанных по данным признакам.

Самоидентификационный критерий. Человек сам измеряет свое положение в общественной структуре. Это интересный, но неинформативный критерий для выстраивания социальной и экономической политик государства. В тоже время, он может отражать уровень притязаний, в том числе материальных, сложившихся в общественной страновой и региональной системах.

Существуют также критерии, которые не выделены здесь, однако, безусловно, заслуживают внимания. Например, подход, основанный на исследовании жизненных шансов и рисков, который предлагает коллектив авторов под руководством Н.Е. Тихоновой [13].

Еще одним значимым современным критерием является доступ к цифровым технологиям. В последнее время все чаще звучат высказывания о «цифровом неравенстве» и «цифровом разрыве». Исследованиям в этой области посвящены работы В.Д. Курганской, В.Ю. Дунаева [10], О.Н. Вершинской [5], М.А. Юдиной [19] и др.

Заключение.

На сегодняшний день, в мире, где доступ к благам и ресурсам обеспечивается посредством денежных единиц, самым используемым критерием измерения положения человека в социальной структуре общества остается его доход. Остальные признаки служат дополнением, и могут конкретизировать его положение в сторону улучшения (высокий социальный статус, обладание властью, высокие жизненные шансы) или ухудшения («непрестижная» работа, «низкое» происхождение, высокие жизненные риски).

Критерии социальной стратификации должны отражать и учитывать реальные условия функционирования общества на конкретном этапе его существования. При выделении критериев оценки построения социальной стратификации важно учитывать региональный аспект, в частности, традиции, культуру, ценности, особенности массового сознания и поведенческих установок у разных социальных групп, проживающих на одной территории. Даже в границах одной страны, соотношение социальных групп в разных регионах может существенно отличаться.

Не указан
Конфликт интересов

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Аникин В. Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп / В. Аникин, Ю. Лежнина // Социологическое обозрение. 2018. № 1. С. 237–273. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-1-237-273 EDN: XNYZGH
2. Аникин В.А. Социальные классы новой России – неравные и разные // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 31–42. DOI: 10.31857/S013216250008492-4 EDN: XHWTEV
3. Баргесян В.М. Социальная стратификация и политическая сфера: роль власти и государства в структурировании общества // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 34–38. DOI: 10.24158/tpor.2017.12.7 EDN: ZWOQLL
4. Баширова А.А. Региональная социально-экономическая политика в условиях современных вызовов (на материалах СКФО). Махачкала : Издательство «Апробация», 2024. 216 с.

5. Вершинская О.Н. Новый фактор социальной стратификации // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 176–180. EDN: WBNSFF
6. Гонтмахер Е. Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения / Е. Гонтмахер, Т. Малеева // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 61–72. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-2-61-72 EDN: IJFJYT
7. Зубкова Е.Ю. «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940–1960-е гг. // Российская история. 2013. № 5. С. 92–104. EDN: RCPLWH
8. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23.
9. Карпова М.К. Феномен престижа в теории социальной стратификации / М.К. Карпова., А.А. Карпухина // Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал. 2018. Т.6. № 4. URL : <http://esj.pnzgu.ru>. (дата обращения 19.08.2025). EDN: YYHBXV
10. Курганская В.Д. Цифровизация как моделирующая система социальной стратификации / В.Д. Курганская, В.Ю. Дунаев // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 1. С. 46–64. DOI: 10.31249/snsn/2021.01.05 EDN: PAXQAE
11. Миланович Б. Изменения в глобальном распределении доходов и их политические предпосылки // XXIV Ясинская (апрельская) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 4–14 апреля. 2023 г. М. : ИД ВШЭ, 2023.
12. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н.Е. Тихонова [и др.]; Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб. : Нестор-История, 2018. 368 с. DOI: 10.31754/nestor4469-1419-7 ISBN: 978-5-4469-1419-7 EDN: YSPCNF
13. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н.Е. Тихонова [и др.]; Под ред. Н.Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь Мир», 2022. 424 с. DOI: 10.55604/9785777708731 ISBN: 978-5-7777-0873-1 EDN: XJGBFE
14. Сахарова Ю.В. К вопросу об иерархической организации социальных систем как способа их стабилизации и устойчивого развития // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 2. С. 164–171. EDN: RFMKJL
15. Тихонова Н.Е. Классы в современной России: миф или реальность? // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 62–92. EDN: PBVCCX
16. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. № 3. С. 11–26. EDN: OYOAUH
17. Топ зарплат в России: у кого быстрее растут доходы в 2025 году // РБК Компании: [сайт]. 2025. URL : <https://companies.rbc.ru/news/15KXQAPNSX/top-zarplat-v-rossii-u-kogo-byistree-rastut-dohodyi-v-2025-godu> (дата обращения 30.09.2025).
18. Шкаратан О.И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Мир России. 2008. № 4. С. 60–89. EDN: KVCNCV
19. Юдина М.А. Влияние цифровизации на социальное неравенство // Уровень жизни населения регионов России. 2020. № 1(126). С. 97–108. DOI: 10.19181/Ispr.2020.16.1.10 EDN: OQKAIZ
20. Abhijit Banerjee, Esther Dufo What Is Middle Class about the Middle Classes around the World? // Journal of Economic Perspectives. 2008. № 22(2). P. 3–28. DOI: 10.1257/jep.22.2.3
21. Headhunter назвала три наиболее востребованные в России профессии // Вести.ru: [сайт]. 2025. URL : <https://www.vesti.ru/article/4632809> (дата обращения 29.09.2025).

References:

1. Anikin V. Economic stratification: on defining the boundaries of income groups / V. Anikin, Yu. Lezhnina // Sociological Review. 2018. № 1. P. 237–273. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-1-237-273 EDN: XYZ
2. Anikin V. A. Social classes of new Russia – unequal and different // Sociological research. 2020. № 2. P. 31–42. DOI: 10.31857/S013216250008492-4 EDN: XHWTEV
3. Barseghyan V.M. Social stratification and the political sphere: the role of government and the state in structuring society // Theory and practice of social development. 2017. № 12. P. 34–38. DOI: 10.24158/ tipor.2017.12.7 EDN: ZWOQLL
4. Bashirova A.A. Regional socio-economic policy in the context of modern challenges (based on the materials of the North Caucasus Federal District). Makhachkala : Publishing house «Approbation», 2024. 216 p.
5. Vershinskaya O.N. A new factor of social stratification // Socio-political sciences. 2016. № 2. P. 176–180. EDN: WBNSFF
6. Gontmakher E. Social problems of Russia and alternative solutions / E. Gontmakher, T. Maleeva // Economic issues. 2008. № 2. P. 61–72. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-2-61-72 EDN: IJFJYT
7. Zubkova E.Y. «The habit of poverty». Problems of measuring the standard of living in the USSR in the 1940s and 1960s // Russian History. 2013. № 5. P. 92–104. EDN: RCPLWH
8. Zaslavskaya T.I. The social structure of modern Russian society // Social Sciences and modernity. 1997. № 2. P. 5–23.
9. Karpova M.K. The phenomenon of prestige in the theory of social stratification / M.K. Karpova, A.A. Karpukhina // Science. Society. The State: an electronic scientific journal. 2018. Vol. 6. № 4. URL : <http://esj.pnzgu.ru> (date of application 08/19/2025). EDN: YYHBXV
10. Kurganskaya V.D. Digitalization as a modeling system of social stratification / V.D. Kurganskaya, V.Yu. Dunaev // Social innovations and social sciences. 2021. № 1. P. 46–64. DOI: 10.31249/snsn/2021.01.05 EDN: PAXQAE
11. Milanovich B. Changes in global income distribution and their political prerequisites // XXIV Yasin'skaya (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development, Moscow, April 4–14.

2023. М. : HSE Publishing House, 2023.
12. The model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, and cross-country comparisons / N.E. Tikhonova [et al.]; Edited by N.E. Tikhonova, M.; SPb. : Nestor-Istoriya, 2018. 368 p. DOI: 10.31754/nestor4469-1419-7 ISBN: 978-5-4469-1419-7 EDN: YSPCNF
 13. Society of unequal opportunities: the social structure of modern Russia / N.E. Tikhonova[et al.]; Edited by N.E. Tikhonova. М. : The Whole World Publishing House, 2022. 424 p. DOI: 10.55604/9785777708731 ISBN: 978-5-7777-0873-1 EDN: XJGBFE
 14. Sakharova Yu.V. On the hierarchical organization of social systems as a way of their stabilization and sustainable development // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2013. № 2. P. 164–171. EDN: RFMKJL
 15. Tikhonova N.E. Classes in modern Russia: Myth or reality? // Russia is reforming. 2008. No. 7. pp. 62-92. EDN: PBVCCX
 16. Tikhonova N.E. Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification research // Economic sociology. 2006. № 3. P. 11–26. EDN: OYOAUH
 17. Top salaries in Russia: who has faster income growth in 2025 // RBC Companies: [website]. 2025. URL : <https://companies.rbc.ru/news/15KXQAPNsX/top-zarplat-v-rossii-u-kogo-byistree-rastut-dohodyi-v-2025-godu> (date of application 30.09.2025).
 18. Shkaratan O.I. Reproduction of socio-economic inequality in post-Soviet Russia: dynamics of living standards and the situation of the social lower classes // The world of Russia. 2008. № 4. P. 60–89. EDN: KBCNCV
 19. Yudina M.A. The impact of digitalization on social inequality // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2020. № 1(126). P. 97–108. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.1.10 EDN: OQKAIZ
 20. Abhijit Banerjee, Esther Duflo What Is Middle Class about the Middle Classes around the World? //Journal of Economic Perspectives. 2008. № 22(2). P. 3–28. DOI: 10.1257/jep.22.2.3
 21. Headhunter named three professions most in demand in Russia // [Electronic resource] // Вести.ги : [website]. [2025]. // URL: <https://www.vesti.ru/article/4632809> (date of request: 09/29/2025).

Информация об авторе

Баширова Аминат Ахмедовна

кандидат экономических наук,
доцент,
старший научный сотрудник,
Институт социально-экономических исследований
Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН
ORCID: 0009-0002-9438-5601
15july@inbox.ru

Aminat A. Bashirova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Senior Researcher,
Institute of Socio-Economic Research
Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences
ORCID: 0009-0002-9438-5601
15july@inbox.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-32>

УДК 316

Attribution

cc by

ЛЕГИТИМАЦИЯ ДЕТЕКТИВА В ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Вологина Е.В.¹, Плотников В.В.²

¹Кубанский государственный университет,

²Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация. В статье на основе междисциплинарного подхода (социология литературы и теория культуры) исследуется легитимация детективного жанра в японской литературе как социальный процесс. Прослеживается историческая динамика развития жанра с 1920-х годов до настоящего времени; отмечается вклад ключевых писателей – Эдогавы Рампо, Сэйси Ёкомидзо, Сэйтё Мацумото, Миябэ Миюки, Хигасино Кэйго и др. – в повышение статуса детективной литературы. На примере их творчества показана эволюция жанра: от интеллектуальных загадок межвоенного периода до социально-критических детективных романов второй половины XX века, а затем – к многообразию современных форм жанра. Особое внимание уделено формированию институциональных механизмов признания: созданию специализированных писательских объединений (например, Ассоциация детективных писателей Японии) и учреждению литературных премий и конкурсов (включая премию Эдогавы Рампо и Премию Ассоциации детективных писателей Японии). Кроме того, анализируются социокультурные условия развития жанра и международные аспекты легитимации японского детектива, в том числе рост его популярности и признания за рубежом. Подчеркивается особая роль литературных наград как инструмента символического признания жанра: именно через систему премий и профессионального признания детективная литература в Японии получила культурную легитимность и утвердилась как значимый элемент национальной литературной традиции.

Ключевые слова: японская детективная литература, легитимация жанра, социология литературы, теория культуры, литературные премии и конкурсы, символическое признание, премия Эдогавы Рампо, Ассоциация детективных писателей Японии, международное признание, социальный процесс.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LEGITIMATION OF THE DETECTIVE STORY IN JAPANESE LITERATURE AS A SOCIAL PROCESS

Ekaterina V. Vologda¹, Vladimir V. Plotnikov²,

¹Kuban State University,

²Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. This article employs an interdisciplinary approach – combining sociology of literature and cultural theory – to examine the legitimation of Japanese detective fiction as a social process. It traces the historical development of the genre from the 1920s to the present, highlighting the contributions of key writers such as Edogawa Rampo, Seishi Yokomizo, Seicho Matsumoto, Miyuki Miyabe, and Keigo Higashino to the genre's rising status. Their works illustrate the genre's evolution from the intellectual puzzle-driven mysteries of the interwar period to the socially conscious crime narratives of the postwar era and the diverse contemporary forms of detective fiction. Special attention is given to the formation of institutional mechanisms of recognition, such as the establishment of genre-specific writers' associations (e.g., Mystery Writers of Japan) and the creation of literary awards and competitions (including the Edogawa Rampo Prize and the Mystery Writers of Japan Award). In addition, the study examines the sociocultural conditions and international dimensions of the genre's legitimation, including the growth of its popularity and recognition abroad. The article emphasizes the crucial role of literary prizes as instruments of symbolic recognition; through this system of awards and professional recognition, detective fiction in Japan ultimately achieved cultural legitimacy and became a significant part of the national literary tradition.

Keywords: Japanese detective fiction, genre legitimation, sociology of literature, cultural theory, literary awards and competitions, symbolic recognition, Edogawa Rampo Prize, Mystery Writers of Japan Award, Mystery Writers of Japan, international recognition.

Funding: Independent work.

Введение.

Детективная литература прошла в Японии долгий путь от развлекательного чтива до общепризнанного элемента национальной культуры.

Сами японские критики ведут отсчёт жанра от 1923 года, когда Эдогава Рампо опубликовал рассказ «Медная монета в два сэн» – дебютное произведение, которое позднее назвали первым классическим японским детективом.

В межвоенный период отношение к детективам оставалось снисходительным: в литературных кругах их считали «одноразовым» массовым чтивом, хотя сам Рампо подчёркивал, что его истории по качеству не уступают «большой» прозе [6]. Тем не менее, рост читательского интереса и появление новых авторов заложили основу для постепенной легитимации детектива – то есть, приобретения жанром литературного престижа и институционального признания.

В данной работе исследуется, как именно происходила легитимация детективного жанра в Японии с 1920-х годов до наших дней. Ранее мы уже рассматривали процесс легитимации литературы в контексте премирования [4], теперь же, нас интересует конкретно взятый аспект национальной детективной литературы (на примере Японии). Особое внимание уделяется социальным механизмам этого процесса – роли профессиональных сообществ, литературной критики, читательской аудитории – а также значению литературных премий и конкурсов в подъёме статуса детективной литературы. В фокусе находятся как внутренние факторы (развитие жанра внутри Японии, деятельность издателей и ассоциаций писателей, вручение национальных премий), так и международное признание (переводы, зарубежные награды, влияние на мировой литературный процесс).

Материалы и методы. Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем историко-литературный анализ и элементы социологии культуры. Проведён обзор японской детективной литературы XX–XXI вв. по десятилетиям с выявлением ключевых авторов, произведений и событий, повлиявших на статус жанра. Особое внимание уделено анализу институциональных данных: датам основания литературных организаций, условиям и лауреатам профильных премий (в частности, Mystery Writers of Japan Award и Премия Эдогава Рампо), тиражам и рецензиям. Использован сравнительный метод – сопоставление динамики признания детектива в Японии с западными трендами, а также контент-анализ критических высказываний и публицистики о жанре. Основные источники включают

академические работы и обзоры по истории японского детектива [3].

Результаты.

Первая волна японской детективной литературы возникла в 1920-е годы под прямым влиянием западных образцов. Эдогава Рампо (настоящее имя Таро Хираи, 1894–1965), вдохновлённый Эдгаром По и Артуром Конан Дойлем, считается родоначальником жанра в Японии. Его дебютный рассказ «Медная монета в два сэн» положил начало традиции хонкакутан – классического детектива-загадки с логическим разгадыванием шифров и тайн. В 1920–30-е гг. ряд известных писателей основной литературы (таких как Акутагава Рюноске, Танидзаки Дзюнъитиро) пробовали перо в детективном жанре. Однако подобные опыты воспринимались скорее, как курьёз, литературное сообщество продолжало считать детективы лёгким чтивом для развлечения, не придавая им высокой художественной ценности. Сам Рампо осознавал эту стигматизацию, он прямо называл свои рассказы «массовой литературой», но при этом отстаивал их право на равноправие с «большой» прозой, полагая, что детективные сюжеты ничуть не уступают другим по глубине и мастерству.

Популярность детективов росла благодаря журнальным публикациям и формированию кружков любителей загадок. Тематика ранних произведений отражала запрос общества на логику и порядок: детективная история воспринималась как «битва умов» гениального преступника и сыщика, разворачивающаяся в декорациях модернизирующейся Японии. В то же время уже в довоенных текстах Рампо заметна тяготение к психологизму и эстетике «эрогуро» (эротического гротеска), что расширяло границы жанра за счёт изображения тёмных сторон человеческой души. Однако наступление периода милитаризма привело к сворачиванию детективной литературы: начиная с 1930-х годов милитаристская цензура негативно относилась к «декадентским» западным жанрам. В 1941 году детективные романы англо-американского происхождения были официально запрещены в Японии [3]. Многие авторы либо переключились на патристическую публицистику, либо маскировали детектив под приключенческую прозу и шпионские истории. Военные годы практически прервали эволюцию жанра, а отсутствие бумаги и общая мобилизация литературы на нужды пропаганды законсервировали детектив в маргинальном положении вплоть до конца Второй мировой войны.

Поражение во Второй мировой войне открыло путь к возрождению популярной литературы. Уже в конце 1940-х – 1950-е годы японский детектив

переживает настоящий ренессанс популярности. В условиях послевоенных социальных перемен читателей привлекали как классические загадки, так и новые социальные детективы, осмысляющие преступления через призму актуальных проблем общества. Показательно, что один из первых крупных послевоенных бестселлеров – роман Ёкомидзо Сэйси «Убийства в Хондзине» 1946-го года – был удостоен высшей профессиональной награды жанра: в 1948 г. эта книга получила Премию клуба писателей-детективистов (позднее известную как Mystery Writers of Japan Award) [2]. Данная премия была учреждена самим Эдогавой Рампо вскоре после войны, в 1947 году, с целью поощрения лучших детективных произведений. Первые годы награды продемонстрировали серьёзность намерений. Лауреатами становились не просто развлекательные романы, а качественные литературные детективы (например, сложный головоломный сюжет Ёкомидзо или необычный детективный роман Анго Сакагути, победивший в 1949 г.).

Факт учреждения профильной премии сразу после войны и чествование ею видных писателей указывает на то, что жанр начал получать институциональное признание, сформировалось сообщество авторов (Ассоциация писателей детективного жанра), появились символические регалии и награды, повышающие статус детективов в глазах публики и критиков.

Ключевым этапом легитимации стало появление писателей, сумевших преодолеть грань между «жанровой» и «большой» литературой. В 1950-е годы такую роль сыграл Сэйтё Мацумото – журналист по профессии, который пришёл в детективный жанр после того, как уже получил признание в высоколiterатурных кругах (в 1952 г. Мацумото был награждён премией Акутагавы, одной из высших наград за литературный дебют). Обратившись к детективу, Мацумото привнёс в него серьёзность и реализм натуралистической прозы [5]. Его произведения – «Точки и линии», «Исследования расписания поездов» и др. – заложили основу так называемой «социальной школы» японского детектива, где на первом плане стояли достоверное расследование профессиональным полицейским, мотивация преступления социальными факторами и суровая правда послевоенной жизни. Такой подход резко отличался от прежних авантюрных историй в духе Рампо. Мацумото отказался от эксцентрики и «трюкачества» (никаких таинственных маньяков с гротескными методами убийств или частных сыщиков-джентльменов) в пользу правдоподобия и глубины образов. Его новаторский роман «Точки и линии» 1958-го года сочетал увлекательный детективный сюжет с разоблачением коррупции и бюрократии – тем, что волновало общество эпохи экономического чуда. Неудивительно, что книга имела огромный успех у читателей, а сам Мацумото вскоре стал кумиром публики и самым продаваемым писателем Японии 1960-х годов [3]. Критики также высоко оценили реализм Мацумото. Его детективы получили признание не только как развлечение, но и

как литература с художественными достоинствами [6]. Показательно, что литературный дебют Мацумото в детективе был отмечен отраслевой премией клуба писателей-детективистов, а впоследствии он возглавил Ассоциацию детективных писателей (сменив Рампо на посту председателя в 1963 г.). Современники говорили о «синдроме Мацумото», после его успеха детективный роман перестали априори презирать как низкий жанр, и путь для его легитимации в литературе был фактически открыт.

В послевоенные десятилетия складывается инфраструктура, которая поддержала рост престижа жанра. Mystery Writers of Japan Award благодаря своей истории и авторитету жюри стала считаться самой престижной наградой в мире японского криминального жанра [2]. А премия имени Рампо, которую первоначально финансировал сам классик, ежегодно отмечала лучшее произведение года в детективном жанре и рассматривалась как самая важная награда своего рода в Японии [1]. Призовой фонд (к примеру, премия Рампо в XXI веке – это 10 млн иен плюс публикация романа-победителя) и число претендентов (сотни рукописей ежегодно) свидетельствует о серьёзности конкурса. Многие впоследствии знаменитые авторы дебютировали именно через получение этой премии – например, Хигасино Кэйго в 1985 г. стал лауреатом премии Эдогава Рампо, после чего начал успешную карьеру писателя-бестселлера.

Таким образом, наличие специализированных премий и профессионального сообщества в 1950–60-е годы создали социальный лифт для жанра, детективные произведения получили институциональное признание, а их авторы – поддержку издательств и доступ к широкой аудитории.

К 1980-м годам японский детектив утвердился как популярный и коммерчески успешный жанр. Далее процесс легитимации продолжился через углубление тематики и появление новых творческих школ. С середины 1970-х – 1980-х возникает движение за возврат к «чистой» загадке, названное син-хонкаку (новый ортодоксальный детектив). Молодые авторы, такие как Содзи Симада и Юкито Аяцудзи, восприняли классические каноны (тайна «закрытой комнаты», логическая игра) и обновили их, предложив интеллектуальные эксперименты в духе постмодерна [5].

Одновременно в 1990-е заявила о себе плеяда писательниц, которые придали детективному жанру остросоциальное звучание. Авторы вроде Миябэ Миюки и Кирино Натсуо создали бестселлеры, в которых детективный сюжет служил средством критики современного общества и особенно положения женщин в нём. Так, роман Миябэ «Цена жизни» 1992-го года разоблачал проблемы потребительства и кредитного кризиса, а мрачный триллер Кирино «Аут» 1997-го года исследовал темы домашнего насилия и женской солидарности. Эти произведения были не просто

криминальными историями «кто убийца», но скорее «зачем убийца» – психологические драмы, обнажающие причины, толкающие обычных людей на преступление. Критика отметила, что в 1990-е возник «бум женщин-авторов мисутэри», которые успешно использовали ресурсы детективного жанра для осмысления социальных конфликтов и тем гендерного неравенства [3]. Массовый читатель также принял новаторские тексты. Книги Миябэ и Кирино расходились большими тиражами, подтверждая, что детектив может поднимать серьезные темы, не теряя развлекательности.

К этому времени детективная литература полностью завоевала свое место в издательской индустрии. Появилось множество специальных премий (по оценкам, в современной Японии насчитывается не менее двенадцати различных литературных наград). Примечательно, что такой разветвлённой системы специализированных детективных премий нет почти нигде в мире. По оценкам исследователей, вне Японии (если не считать частичный пример Тайваня) дебютные премии для авторов детективов практически отсутствуют [5].

Японский литературный рынок создал уникальную среду, где жанровая литература поощряется через институциональные каналы – конкурсы нередко предусматривают публикацию романа-победителя крупным издательством, что интегрирует новых детективщиков в мейнстрим.

Важным индикатором легитимации стало также получение детективными произведениями общепринятых литературных премий, традиционно присуждаемых за высокую художественную прозу. Если в 1950-е прецедентом была премия Акутагавы у Мацумото, то к концу XX века несколько авторов детективов удостоились премии Наоки – престижной награды за популярную беллетристику. Например, Миябэ Миюки получила премию Наоки в 1998 году за криминальный роман «Причина», а Хигасино Кэйго – в 2006 году за детектив «Преданность подозреваемого X». Эти награды окончательно закрепили за указанными писателями статус мастеров литературы, чьи книги стоит рассматривать не только как жанровое чтиво, но и как значимые художественные тексты. Более того, такие произведения начали привлекать внимание за рубежом.

С рубежа XX–XXI веков японский детектив завоевывает международное признание, становясь частью глобального культурного обмена. Популярные романы переводятся на десятки языков, а имена авторов входят в число мировых бестселлеров. Одновременно, японские детективные образы распространяются через кино, телевидение и комиксы (манга и аниме по мотивам Рампо, Ёко-мидзо и др. популярны не только на родине, но и за границей). Всё это свидетельствует о том, что к началу XXI века японский детектив отвоевал своё место в мировой литературе, из периферии

он переместился в центр внимания международного сообщества любителей криминального жанра.

Обсуждение.

История развития японского детектива демонстрирует классический социокультурный механизм, когда изначально низкий в иерархии жанр постепенно получает признание через совокупность институциональных и эстетических изменений.

В межвоенный период детективная литература в Японии существовала на периферии «литературного поля», будучи отделена от «высокой» литературы ярлыком массовой развлекательности. Однако послевоенные десятилетия изменили ситуацию благодаря ряду социальных агентов легитимации.

Во-первых, сами писатели-энтузиасты (такие как Рампо) объединились в профессиональное сообщество, что придало жанру субъектность – появилось чувство традиции и преемственности, формировался собственный канон.

Во-вторых, введение литературных премий специализированного характера создало механизм символического капитала. Премии также стимулировали конкуренцию и совершенствование мастерства внутри жанра, что приводило к появлению всё более качественных произведений, достойных внимания широкой публики.

Во-третьих, ключевую роль сыграла эволюция самого содержания детективных произведений. Постепенный отход от шаблонов чистой головоломки и обогащение жанра глубокими психологическими, социальными темами привели к тому, что критики стали воспринимать детектив всерьёз.

Мацумото Сэйтё доказал, что детектив может выполнять функцию социального романа, а писательницы 1990-х – что через криминальный сюжет можно затронуть болезненные вопросы современности (семья, неравенство, насилие).

Таким образом, жанр подтвердил свою культурную значимость, расширив пределы и завоевав новую аудиторию из числа требовательных читателей. Это подтолкнуло литературное сообщество к переоценке детектива, его начали включать в обсуждения наравне с остальными жанрами, о нём стали писать серьёзные исследования, его авторам начали вручать общелитературные премии. Можно сказать, что произошёл сдвиг границ канона – детективная литература из маргиналии переместилась в зону «легитимной» литературы, приобретая двойной статус: она по-прежнему массово популярна, но теперь её ценность признаётся и элитой.

Интересно, что в случае Японии особую роль в этом процессе играли издательско-конкурсные практики. Как отмечают исследователи, нигде в мире нет такого количества конкурсов для неопубликованных авторов детектива, как в Японии.

Эти социальные институты обеспечивают постоянное обновление и поддержание интереса к детективу. Фактически, жанр детектива в Японии был институционально встроен в литературный рынок. Вместо противостояния «высокой» и «низкой» культуры возникло сотрудничество, когда и критики, и издатели работают на продвижение лучших образцов жанра. Включение японского детектива в глобальный контекст также способствовало его легитимации внутри страны. Международные переводы и премии придали жанру ореол «экспортного» культурного продукта. Фактически, легитимация шла в двух направлениях: «снизу-вверх» (через массовую популярность и институциональные изменения внутри Японии) и «снаружи внутрь» (через подтверждение ценности жанра мировым сообществом). К 2020-м годам японский детектив окончательно закрепился как уважаемый литературный жанр, на равных участвующий в культурном диалоге внутри страны и представляющий её за рубежом.

Заключение.

Легитимация детективного жанра в японской литературе на протяжении XX – начала XXI века представляет собой показательный пример того,

как социальные процессы и культурные институции способны трансформировать статус литературного направления. От первых опытов Эдогавы Рампо, боровшегося за место для «нового жанра» в национальной культуре, до современных триумфов японских бестселлеров на мировой арене – детектив прошёл путь от маргинализации к полному признанию. Решающее значение имели действия самих творческих агентов (писателей, объединявшихся в сообщества), институциональная поддержка (создание ассоциаций и специальных премий) и эстетическое обогащение жанра (включение в него социальных и психологических глубин). Литературные премии и конкурсы сыграли двоякую роль, они не только выявили и поощрили талантливых авторов, но и легитимировали жанр символически, демонстрируя, что детектив достоин наград и исследования. Процесс его легитимации продолжался почти столетие, и опыт Японии показывает, что со временем границы между «массовым» и «элитарным» в литературе могут быть преодолены, если жанр получает общественное признание, институциональную поддержку и продолжает художественно расти.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Escribano J.I. Edogawa Rampo (1894–1965) // A Crime is Afoot (блор), 16.07.2020. URL : jiescribano.wordpress.com (date of application 27.10.2025).
2. Mystery Writers of Japan Award. Japanese Mystery Writers Fandom Wiki. URL : https://jmystery.fandom.com/wiki/Mystery_Writers_of_Japan_Award (date of application 22.10.2025).
3. Nakanishi W.J. A Mirror of Society: Japanese Crime Fiction // Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies, 2014. Vol. 14. Iss. 3.
4. Вологина Е.В. Литературное премирование как институт легитимизации детективного жанра / Е.В. Вологина, В.В. Плотников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 7. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnoe-premirovanie-kak-institut-legitimizatsii-detektivnogo-zhanra> (дата обращения 11.10.2025). DOI: 10.24412/2220-2404-2025-7-3 EDN: BVYISJ
5. Имамура М. Послесловие автора // Смерть среди бессмертных. М. : Эксмо, 2024. URL : <https://static2.mys-shop.ru/products501/5006317/demo.pdf> (дата обращения: 18.10.2025).
6. Исигава Т. Эдогава Рампо – родоначальник японского детектива // Nippon.com. 10.11.2021. URL : nippon.com (дата обращения 12.10.2025).

References:

1. Escribano J.I. Edogawa Rampo (1894–1965) // A Crime is Afoot (блор), 16.07.2020. URL : jiescribano.wordpress.com (date of application 27.10.2025).
2. Mystery Writers of Japan Award. Japanese Mystery Writers Fandom Wiki. URL : https://jmystery.fandom.com/wiki/Mystery_Writers_of_Japan_Award (date of application 22.10.2025).
3. Nakanishi W.J. A Mirror of Society: Japanese Crime Fiction // Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies, 2014. Vol. 14. Iss. 3.
4. Vologda E.V. Literary awarding as an institution of legitimization of the detective genre / E.V. Vologda, V.V. Plotnikov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2025. № 7. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnoe-premirovanie-kak-institut-legitimizatsii-detektivnogo-zhanra> (date of application 11.10.2025). DOI: 10.24412/2220-2404-2025-7-3 EDN: BVYISJ

5. Imamura M. Afterword by the author // Imamura M. Death among the immortals. M. : Eksmo, 2024. URL : <https://static2.my-shop.ru/products501/5006317/demo.pdf> (date of application 18.10.2025).
6. Ishikawa T. Edogawa Rampo – the founder of the Japanese detective // Nippon.com.11/10/2021. URL : nippon.comnippon.com (date of application 12.10.2025).

Информация об авторах

Вологина Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент,
заведующая кафедрой электронных СМИ
и новых медиа,
Кубанский государственный университет
vokal@list.ru

Ekaterina V. Vologda

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Electronic Media and New Media,
Kuban State University
vokal@list.ru

Плотников Владимир Валериевич

доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры философии,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя;
профессор кафедры ГМУ,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
kal@list.ru

Vladimir V. Plotnikov

Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Philosophy Department,
Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia;
Professor of the GMU Department,
Plekhanov Russian University of Economics
kal@list.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-6>

УДК 316.74

Attribution

cc by

СТРАТЕГИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Гавриленко В.В., Хлабыстова Н.В.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. Сформированное на современном этапе потребительское общество охватывает теперь все сферы жизни человека. Потребительское поведение на рынке образования, в условиях его трансформации и глобализации, а также роста конкуренции, подвергается постоянным изменениям с течением времени и в зависимости от процессов, протекающих внутри этого рынка. Статья посвящена анализу особенностей потребительского поведения на современном российском рынке образовательных услуг с целью выделения наиболее преобладающих стратегий поведения современных потребителей образовательных услуг и определения факторов, влияющих на конечное потребительское решение в разных возрастных группах.

Основным методом исследования выступает социологический опрос, проведенный по авторской программе исследования в период с 11 по 29 мая 2025 года среди 300 жителей Краснодарского края, являющихся потребителями образовательных услуг в период 2020–2025 годов. Также использованы методы количественного и качественного анализа результатов эмпирического исследования, метод типологизации и анализ теоретического и практического материала по теме исследования.

В рамках анализа полученных данных была установлена взаимосвязь возраста, мотивации и доверия к формам образования. Предложена авторская типология стратегий поведения, из которой наиболее распространенной является рационально-прагматическая стратегия и приведены рекомендации по работе с потребителями для образовательных организаций. Результаты могут быть использованы как теоретическая база для дальнейших исследований, или же в целях расширения научных подходов к проблеме потребительского поведения, а также позволят упростить процессы адаптации образовательных организаций к динамичным условиям рынка и разработки конкурентных стратегий в условиях изменения моделей потребительского поведения.

Ключевые слова: потребитель, потребительское поведение, стратегии потребительского поведения, образование, образовательные услуги, российский рынок образования.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

STRATEGIES OF CONSUMER BEHAVIOR IN THE EDUCATIONAL SERVICES MARKET IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Violeta V. Gavrilenko, Natalia V. Khlabytova

Kuban State Technological University

Abstract. The consumer society that has emerged today now encompasses all spheres of human life. Consumer behavior in the education market, in the context of its transformation and globalization, as well as increasing competition, is subject to constant change over time and depending on processes occurring within the market. This article analyzes the characteristics of consumer behavior in the contemporary Russian educational services market with the aim of identifying the most prevalent behavioral strategies of modern consumers of educational services and determining the factors influencing final consumer decisions across different age groups.

The primary research method was a sociological survey conducted according to the author's research program from May 11 to 29, 2025, among 300 residents of the Krasnodar Krai who were consumers of educational services in the period 2020–2025. Quantitative and qualitative analysis of empirical research results, a typology method, and an analysis of theoretical and practical material on the

research topic were also used.

As part of the analysis of the obtained data, the relationship between age, motivation, and trust in forms of education was established. The author proposes a typology of behavioral strategies, the most common of which is the rational-pragmatic strategy. Recommendations for educational organizations on how to engage with consumers are provided. The results can be used as a theoretical basis for further research or to expand scientific approaches to consumer behavior. They can also simplify the adaptation of educational organizations to dynamic market conditions and the development of competitive strategies in the face of changing consumer behavior patterns.

Keywords: consumer, consumer behavior, consumer behavior strategies, education, educational services, Russian education market.

Funding: Independent work.

Введение.

Потребление двадцать первого века уже не ограничивается выбором бытовых товаров или услуг. Внутрине рыночные отношения складываются не только по экономическим законам, а потребительское решение принимается не только из побуждения получить наибольшую выгоду. В таких условиях важными для изучения становятся особенности протекания процесса потребительского выбора на рынках различных товаров и услуг. Наиболее спорным становится вопрос о приобретении образовательной услуги на рынке, где предложение во много раз превышает спрос.

Современное общество функционирует в условиях массового потребления, где выбор образовательной стратегии является сложным, многогранным и протяженным процессом. На потребителей в сфере образования влияет множество факторов разной природы: личностные, социальные, культурные, экономические и т.д. В таких условиях становится невозможным выделения одной главенствующей группы факторов или сведения потребительского поведения на рынке образовательных услуг к универсальной поведенческой стратегии.

Помимо этого, сам рынок образования подвергается наибольшим изменениям за всю его историю в столь краткосрочный период времени. Появление цифровых и дистанционных образовательных платформ, внедрение новейших методик обучения и стремление к международным образовательным стандартам влияют не только на образовательные организации, но и на потенциальных обучающихся, которым предстоит помимо определения сферы дальнейшей трудовой деятельности определить формат и место обучения.

В условиях цифровой трансформации поведение потребителей образовательных услуг приобретает особую значимость как объект социологического анализа. Актуальность темы обусловлена ростом конкуренции между вузами, развитием EdTech-сектора и переоценкой роли образования как инвестиции в человеческий капитал.

Несмотря на расширение возможностей сферы образования, до сих пор остается неизученным вопрос мотивов, критериев и стратегий выбора

образовательных услуг потребителями в специфике большинства сегментов, что приводит к низкой эффективности деятельности образовательных организаций. Так, целью исследования является выявление стратегий потребительского поведения на современном российском рынке образовательных услуг ввиду динамичной структуры рынка и изменяющихся моделей потребительского поведения.

Для достижения поставленной цели необходимым является выполнение следующих задач:

- проанализировать сущность и модели потребительского поведения;
- изучить основные характеристики современного рынка образования; изучить мнения потребителей о современном состоянии рынка образовательных услуг на основе эмпирического исследования;
- определить на основе эмпирического исследования основные тенденции поведения современных потребителей образовательных услуг;
- выявить преобладающие типы стратегий потребительского поведения в пространстве образовательных услуг;
- сформировать практические рекомендации на основе выделенной типологии стратегий потребительского поведения в сфере образования.

Обсуждение.

Проблематика потребительского поведения в сфере образовательных услуг активно исследуется в междисциплинарном поле, объединяющем социологию, маркетинг и экономику. основополагающим подходом, послужившим отправной точкой для последующих научных исследований, является концепция, согласно которой знания, получаемые в процессе образования, рассматриваются как товар, предлагаемый на рынке услуг. Данный взгляд представлен в трудах таких авторов, как П. Бергер, Т. Лукман [1] и Ж.-Ф. Лиотар [2].

Потребительское поведение признается ключевой категорией в области маркетинга и социологической науки. В базовом понимании его можно

охарактеризовать как совокупность действий, направленных на удовлетворение потребности посредством приобретения или отказа от определённых товаров и услуг. Как уточняет М.А. Вотякова, в рамках этой категории, необходимо учитывать не только акт покупки, но и стадии использования и избавления от продукта или услуги [3, с. 2338].

Резкие изменения в экономической обстановке, вызванные геополитическими и эпидемиологическими факторами, привели к изменению потребительских предпочтений, что обусловило появление новых моделей поведения. Среди них – «онлайн-потребление» и «потребление впрок», получившие внимание в трудах М.М. Малых и Т.И. Грабельных [4, с. 43–45].

Говоря о рынке образовательных услуг, Т.А. Половова и О.С. Баталова подчеркивают, что образовательные услуги сочетают типичные черты нематериальной услуги с уникальными характеристиками, присущими исключительно образовательной сфере. Исходя из анализа существующих научных подходов, авторы предлагают следующее определение: «образовательная услуга – это многоаспектный процесс, включающий передачу знаний и умений общего или профессионального характера, направленный на удовлетворение и развитие личных и общественных потребностей» [5].

Сам рынок образования демонстрирует тенденцию к постоянной трансформации, адаптируясь к условиям цифровизации и глобальных изменений. Особенно заметны сдвиги в секторах высшего, поствузовского и дополнительного образования.

Отдельное внимание следует уделить росту сегмента онлайн-образования, который формирует новую группу потребителей, предпочитающих гибкие и доступные формы обучения. Согласно данным о развитии EdTech в России, к началу 2024 года более 85 % образовательных организаций интегрировали дистанционные форматы в учебные программы [6]. При этом по сведениям World Economic Forum, глобальный рынок онлайн-образования демонстрирует ежегодный рост на уровне 16,5 % и к 2025 году достигнет объёма в 350 миллиардов долларов [7]. Эти показатели свидетельствуют не только о количественном расширении, но и о качественном улучшении в части доступности, эффективности, содержания и уровня удовлетворённости обучающихся.

Таким образом, в современной отечественной социологии формируется новое представление о механизмах выбора в образовательной сфере. Наименее проработанным направлением остаётся изучение влияния образовательных онлайн-платформ на спрос.

Материалы и методы. В рамках исследования с целью изучения на практике особенностей поведения потребителей на современном российском рынке образовательных услуг, был выбран метод

социологического опроса в формате онлайн-анкетирования среди жителей Краснодарского края Российской Федерации для облегчения процесса сбора данных и анализа информации, полученной в ходе исследования. Результаты опроса также предоставляют репрезентативную информацию о мотивах, установках и стратегиях поведения потребителей образовательных услуг.

Анкета и программа исследования были разработаны самостоятельно в рамках исследования с учетом результатов анализа теоретической и эмпирической научной базы по проблеме исследования и включали блоки вопросов, которые обеспечивали наиболее точное отражение мотивов, факторов и других индикаторов поведения потребителей, а именно:

- мнения потребителей о современном состоянии рынка образовательных услуг в Российской Федерации и его специфических чертах;

- о конкурирующих на современном этапе традиционных и инновационных формах образования с учетом их эффективности и уровня потребительского доверия с точки зрения возможности получить наиболее полное и качественное образование;

- критерии выбора потребителями образовательных организаций и формата предоставления образовательной услуги; особенности процесса принятия потребительского решения, включая его продолжительность, внутренние и внешние факторы влияния, каналы поиска информации и пост покупочную оценку.

Эмпирическое исследование было проведено в период с 11 по 29 мая 2025 года среди 300 жителей Краснодарского края, являющихся потребителями образовательных услуг в период 2020–2025 годов. Выборка формировалась по принципу целенаправленного отбора. Где респондентами стали представители трех возрастных групп: 100 представителей поколения Z (Зумеры) от 15 до 18 лет, 100 представителей поколения Z (Зумеры) в возрасте от 19 до 29 лет и 100 представителей поколения Y (Миллениалы) в возрасте от 30 до 45 лет. Возраст опрошиваемых и их разделение обосновано статистическими данными исследований платформ Нетология [8] и GeekBrains [9]. Согласно представленным на сервисах данным, возрастная группа старше 45 лет составляют соответственно 3 % и 5 % по результатам мониторингов. Возрастная группа младше 15 лет не рассматривалась в рамках социологического опроса по причинам недостаточного спроса на образовательные услуги и сильной зависимости от мнения родителей или опекунов в вопросе выбора дополнительного обучения любого формата.

Мужской и женский пол представлен в данной выборке в следующем соотношении: 83 % женщин и 17 % мужчин. Свое материальное положение 40,3 % опрошенных оценили, как «хорошее», 34 % – «среднее», 22 % – «отличное», и 3,7 % – «ниже

среднего». Все опрошенные являются постоянными жителями Краснодарского края, из которых 80,3 % проживают в городе с населением более миллиона человек, 13,7 % проживают в городах с населением до миллиона человек, а оставшиеся 6 % респондентов проживают в сельской местности.

Для анализа результатов социологического опроса использованы методы количественного, качественного и корреляционного анализа, типологизации, и сравнительной оценки средних баллов по шкале Лайкерта.

Результаты.

Проведенный опрос и анализ его результатов дают основание для обобщения мнения всей выборки респондентов о современном состоянии рынка образовательных услуг в России. Так, общее качество рынка образования было оценено респондентами в 3,85 балла по пятибалльной шкале. Данный показатель не является сугубо положительным, так как 27,7 % опрошенных оценили качество посредственно («удовлетворительно» и ниже).

Доступность и разнообразие образовательных услуг на современном российском рынке было оценено опрошенными более позитивно. Согласно полученным данным, 79,3 % и 90,7 % потребителей, принявших участие в опросе, довольны соответственно уровнем доступности и разнообразия услуг на рынке.

Перспективы развития рынка образовательных услуг в России были оценены современными потребителями неоднозначно. Ответы были даны в следующем соотношении: «читают, что рынок «будет активно развиваться с внедрением современных технологий» 37,3 % респондентов; «Будет стабильно развиваться» – 39,3 %; «Будет медленно развиваться» – 13 %; «Останется на текущем уровне» – 6,3 %; «Будет сокращаться и угасать» – 4 %.

Абсолютное большинство (89,6 %) уверено в дальнейшем развитии рынка образования и образовательных услуг соответственно. Однако при корреляционном анализе было выявлено, что у части опрошенных, особенно респондентов в возрасте от 15 до 18 лет, есть опасения о стагнации

и даже деградации системы образовательных структур в России.

Переходя к конкретным форматам предоставления образовательных услуг, респондентам был задан вопрос о наличии наиболее и наименее эффективных характеристик среди традиционных и инновационных форм образования.

Для традиционного образования наиболее эффективными общая выборка респондентов признала структурированность учебной программы (50 %), фиксированное расписание при обучении (47,3 %) и единый темп обучения для всей группы (47,3 %). Меньшая часть опрошенных признает эффективным долю практики и теории в обучении (37 %) и использование традиционных форм подачи материала (30 %). Наименее эффективными характеристиками опрошенные всех возрастов определили очную форму взаимодействия с преподавателем (72 %), живое общение со сверстниками (59 %), долю теории и практики в обучении (54 %), фиксированное расписание (54 %), уровень связи с условиями рынка труда (49 %) и важность инфраструктуры (41 %). Для инновационного же образования потребители признали более эффективными такие характеристики, как индивидуальный темп прохождения материала (59,3 %), территориальная доступность (52,7 %), широкое применение цифровых и интерактивных технологий (48,3 %), а также доступность образования (38,3 %) и график обучения (37 %). Наименее эффективными характеристиками респонденты считают отсутствие жесткой структуры и расписания (25 %), уровень взаимодействия с преподавателями (18,7 %) и график обучения (17,3 %).

Переходя к исследованию особенностей потребительского поведения, у опрошенных было уточнено, какие критерии являются для них наиболее и наименее важными при выборе образовательной услуги и организации.

В таблице 1 и таблице 2, соответственно, указаны распределения среднего значения оценки степени важности критериев по шкале от одного до пяти как для каждой исследуемой возрастной группы, так и для всей выборки респондентов.

Таблица 1

Распределение средних баллов при оценке респондентами важности критерия при выборе образовательной услуги

Критерий	15–18 лет	19–29 лет	30–45 лет	Средний балл
1	2	3	4	5
Соответствие рынку труда	3,9	4,4	4,17	4,15
Отзывы	3,86	4,15	4,11	4,04
Цена	3,77	4,28	4,29	4,11
Преподавательский состав	4,22	4,25	4,7	4,39

Окончание таблицы 1

— СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ —

1	2	3	4	5
Продолжительность	3,4	3,85	4	3,75
Формат подачи материала	4,13	4,13	4,43	4,23
Качество материала	4,31	4,7	4,35	4,45
Доступ к материалам	4,18	4,62	4,47	4,42
Общение с преподавателем	4,18	4,28	4,31	4,26
Сертификат/диплом	3,9	4,27	4,64	4,27

Таблица 2

Распределение средних баллов при оценке респондентами важности критерия при выборе образовательной организации

Критерий	15–18 лет	19–29 лет	30–45 лет	Средний балл
Лицензия	3,32	4,2	4,53	4,02
Репутация	3,86	4,35	4,7	4,3
Советы знакомых	2,9	3,13	3,88	3,3
Уровень преподавателей	3,82	4,41	4,65	4,3
Онлайн-доступ	2,82	3,6	4,11	3,51
Стоимость	3,32	4,12	4,18	3,87
Расположение	2,86	3,64	3,88	3,46
Современность программ	3,64	4,13	4	3,92
Техподдержка	2,73	3,8	3,94	3,49
Сайт/соцсети	3,14	3,68	3,76	3,53

Таким образом, в общей выборке респондентов при выборе образовательной услуги важнейшими критериями стали: качество материалов и доступ к ним, а также преподавательский состав. Меньше всего респонденты обращают внимание на продолжительность получения образовательной услуги, отзывы и цену предоставления услуги.

При сравнении же образовательных организаций наиболее важными являются репутация организации, уровень преподавателей и наличие образовательной лицензии. Наименьшую важность потребители придают советам знакомых, расположению организации и территориальной доступности, а также наличию технической и организационной поддержки.

При анализе поведенческих потребительских привычек у опрошенных также был выявлен ряд отличительных особенностей и различий в мышлении и протекании процесса потребительского выбора.

Внешнее влияние ближайшего окружения представители возрастных групп описали следующим образом: на зумеров все еще большое влияние оказывают родители (38 %) и друзья (13 %), миллениалы, в свою очередь, в большей степени подвержены влиянию трудовых структур (32 %), таких как руководительский состав, коллеги и профсоюзы.

Влияние же социальных сетей и других источников онлайн-контента в большей степени проявляется у зумеров (81 %), у миллениалов доля подверженных влиянию такого рода контента составляет меньше половины (49 %). При этом самыми популярными источниками информации о структурах образования являются соцсети

(57 %) и поисковые системы (65,7 %). А свое погружение в процесс поиска и сравнения альтернатив большая часть опрошенных оценивает, как достаточно глубокое (43,3 % всегда подробно изучают варианты, 38 % ищут возможный максимум информации).

Затраченное время на принятие потребительского решения сокращается с возрастом: подростки 15–18 лет тратят на весь цикл потребительского выбора в среднем до месяца, а поколение 19–45 лет – до недели. Также стоит отметить, что присутствуют респонденты, выделяющие на принятие решения всего один день, что более характерно для старшей возрастной группы, но прослеживается и в других возрастах. Еще больший процент опрошенных отдает предпочтение затяжному и глубокому анализу в течение более чем месяца, что прослеживается во всех возрастных группах, но в большей степени характерно для подростков в возрасте от 15 до 19 лет.

Закключение.

На основе представленных эмпирических данных, а также их корреляционного анализа можно заявить о сильном разбросе в поведенческих особенностях современных российских потребителей образовательных услуг, что обосновывается влиянием, в первую очередь, цифровизации и оптимизации процессов коммуникации организаций с потребителями.

Образование, несомненно, остается одной из наиболее востребованных услуг в современной России. Среди всех возрастов. Однако подход к определению вектора обучения сильно зависит от жизненного этапа и внешних факторов, влияющих на потребителя. Подростки чаще выбирают

краткосрочные и гибкие форматы из-за подготовки к экзаменам и необходимости быстрого старта и адаптации к задачам. Молодые люди в возрасте 19–29 лет стремятся получить профессиональные компетенции, активно комбинируя традиционные формы с онлайн-обучением. Миллениалы же предпочитают практичные и краткосрочные курсы или программы, которые помогут эффективно освоить или дополнить существующие навыки.

В целом потребители, принявшие участие в опросе, оценивают рынок образовательных услуг как доступный и разнообразный, но уровень удовлетворения качеством (3,85 балла) говорит о существующих пробелах в системе, которые требуют внимания как от государственных, так и от частных образовательных организаций.

При выборе образовательной программы и места ее прохождения, потребители образовательных услуг ориентируются на качество материалов, до-

ступность обучения, лицензирование и преподавательский состав. Несмотря на активное развитие онлайн-форматов, офлайн остается в приоритете, но также претерпевает изменения в ожиданиях потребителей. Интернет, отзывы и ближайшее окружение все так же оказывают большое влияние на выбор респондентов, но в итоге, решение все же принимается посредством, по большей части, глубокого анализа и длительного сравнения альтернатив со всех источников.

Актуальным является типологизация современных потребителей на основе их мотивов, потребительских привычек и других критериев поведения при выборе услуги образования.

Так, авторская типология, представленная на рисунке 1, включает четыре основных группы потребителей, составляющие наибольший интерес и являющиеся наиболее распространенными на современном этапе российского рынка образования.

Рисунок 1 – Типология современных потребителей образовательных услуг

Интуитивно-пассивная стратегия проявляется тогда, когда решение о покупке образовательной услуги принимается быстро, чаще всего, за несколько дней, и без глубокой проработки альтернатив. Она характерна преимущественно для людей в возрасте 19–45 лет. Главным становится моментальная доступность курса, привлекательная цена и понятная информация от организации. При этом уровень вовлеченности в выбор минимален, а отказ может быть вызван перегрузкой информации, сложным процессом регистрации или отсутствием поддержки.

Эмоционально-зависимая стратегия чаще встречается у подростков 15–18 лет, но также актуальна и для части молодежи до 29 лет. Люди в этом случае ориентируются на мнения сверстников, советы в соцсетях и общее впечатление от организации. Часто выбор делается под влиянием эмоций или визуальной привлекательности,

а не на основе содержания программ. Важен комфорт и чувство уверенности, даже если критического анализа практически нет.

Институциональная стратегия свойственна поколению Y и частично представителям возрастной группы 19–29 лет. В её основе – стремление к формальному признанию своих знаний. Потребители доверяют проверенным учреждениям с лицензиями, ценят структурированные программы и официальные сертификаты. Они редко обращают внимание на визуальный стиль и рекламу, делая ставку на репутацию и стабильность.

Рационально-прагматическая стратегия характерна для людей, ориентированных на конкретный результат и карьерную пользу. Она преобладает у респондентов 19–29 лет, но встречается и в других возрастных группах. Такой потребитель

тщательно анализирует предложения, сравнивает варианты и делает выбор на основе пользы, качества содержания и соответствия требованиям рынка. Он меньше доверяет чужому мнению и делает выбор, опираясь на личный расчёт.

Таким образом, данная типология может быть использована образовательными организациями

при работе с конкретным сегментом потребителей. Но рекомендуется и при фокусе на конкретной группе не оставлять без внимания другие возможные пути построения стратегии работы с потенциальными потребителями в целях охвата наибольшей аудитории и расширения конкурентных преимуществ на столь динамичном рынке.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : «Медиум», 1995. 323 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; Пер. с франц. Н.А. Шматко. М. : «Алетейя», 2016. 160 с.
3. Вотякова М.А. Ключевые факторы поведения потребителей // Вестник науки. 2025. № 6. С. 2335–2339. EDN: XKP TIR
4. Малых М.М. Трансформация моделей потребительского поведения населения России в новой геополитической и пандемической реальности / Малых М.М., Т.И. Грабельных // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 5(56). С. 42–45. DOI: 10.26907/2079-5912.2022.5.42-45 EDN: AWPNGQ
5. Половова Т.Л. Образовательная услуга как ключевой элемент рынка образования / Т.Л. Половова, О.С. Баталова. URL : https://nsuem.ru/science/publications/science_notes/2009_2/article.php?ELEMENT_ID=819 (дата обращения 25.07.2025).
6. Исследование российского рынка онлайн-образования 2023. URL : <https://www.interfax.ru/business/943982> (дата обращения 25.07.2025).
7. Отчет о будущем рабочих мест в 2023 году. URL : https://ai.gov.ru/knowledgebase/obrazovanie-i-kadry-ii/2023_otchet_o_buduschem_rabochih_mest_future_of_jobs_report_2023_world_economic_forum (дата обращения 25.07.2025).
8. Исследование рынка онлайн-образования. URL : https://netology.ru/edtech_research_2022 (дата обращения 25.07.2025).
9. Исследование взрослой аудитории образовательных программ. URL : <https://skillbox.ru/media/education/poyavilos-novoe-issledovanie-vzrosloy-auditorii-obrazovatelnykh-onlaynplatform> (дата обращения 25.07.2025).

References:

1. Berger P. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. M. : Medium, 1995. 323 p.
2. Lyotard J.-F. The state of postmodernity / J.-F. Lyotard; Translated from French by N.A. Shmatko. M. : «Aleteya», 2016. 160 p.
3. Votyakova M. A. Key factors of consumer behavior // Bulletin of Science. 2025. № 6. P. 2335–2339. EDN: XKP TIR
4. Malykh M.M. Transformation of models of consumer behavior of the Russian population in the new geopolitical and pandemic reality / M.M. Malykh, T.I. Grabelnykh // Kazan Socio-Humanitarian Bulletin. 2022. № 5 (56). P. 42–45. DOI: 10.26907/2079-5912.2022.5.42-45 EDN: AWPNGQ
5. Polovova T.L. Educational service as a key element of the education market / T.L. Polovova, O.S. Batalova. URL : https://nsuem.ru/science/publications/science_notes/2009_2/article.php?ELEMENT_ID=819 (date of application 07/25/2025).
6. Research of the Russian online education market 2023. URL : <https://www.interfax.ru/business/943982> (date of application 07/25/2025).
7. Report on the future of jobs in 2023. URL : https://ai.gov.ru/knowledgebase/obrazovanie-i-kadry-ii/2023_otchet_o_buduschem_rabochih_mest_future_of_jobs_report_2023_world_economic_forum (date of application 07/25/2025).
8. Research of the online education market. URL : https://netology.ru/edtech_research_2022 (date of application 07/25/2025).
9. Research of the adult audience of educational programs. URL : <https://skillbox.ru/media/education/poyavilos-novoe-issledovanie-vzrosloy-auditorii-obrazovatelnykh-onlaynplatform> (date of application 07/25/2025).

Информация об авторах

Гавриленко Виолетта Витальевна

выпускница кафедры социологии,
Кубанский государственный
технологический университет
gavrilenkova00@mail.ru

Violeta V. Gavrilenko

Graduate of the Department of Sociology,
Kuban State Technological University
gavrilenkova00@mail.ru

Хлабыстова Наталья Валерьевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный
технологический университет
hlabystova_1@mail.ru

Natalia V. Khlabystova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology,
Kuban State Technological University
hlabystova_1@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-31>

УДК 316

Attribution

cc by

ДИАЛЕКТИКА КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЭПОХУ TRUE-CRIME МЕДИА: ВЗАИМОВЛИЯНИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ИХ СОВЕРШЕНИЯ

Гюрджян Г.А.¹, Таганова А.А.², Плотников В.В.³

^{1, 2}*Краснодарский университет МВД России,*

³*Российский государственный экономический имени Г.В. Плеханова*

Аннотация. Современные true-crime медиа – от популярных телесериалов («CSI», «Менталист», «Декстер») до документальных фильмов и подкастов – оказывают противоречивое диалектическое воздействие на преступность. С одной стороны, они просвещают общество и раскрывают широкому зрителю методы криминалистики и типичные поведенческие маркеры лжи. С другой – эти же медиа невольно обучают потенциальных преступников, повышая их «криминальный интеллект» и вооружая знаниями для противодействия следствию. В данной статье предлагается модель «эффекта криминального просвещения», представляющую динамическую гонку вооружений между правосудием и преступниками. На основании анализа литературы и медийного дискурса выделены четыре ключевые закономерности такого взаимодействия: 1) «смещение поведенческих маркеров» лжи под влиянием узнаваемости клише; 2) начальная стандартизация, а затем дифференциация методов сокрытия улики по мере освоения популярных приемов; 3) романтизация и заимствование медийных нарративов для рационализации преступления; 4) парадокс доверия к следствию, сочетающий страх перед всемогущей криминалистикой и надежду на ее изъезды. Обсуждается, как true-crime медиа создают у преступников новые поведенческие стратегии, а у следствия – необходимость инноваций, что ведет к эволюции «портрета» преступления. Теоретическая новизна работы заключается в диалектическом осмыслении данного феномена. Предложены направления дальнейших эмпирических исследований – от контент-анализа уголовных дел до экспериментов с группами зрителей true-crime – для проверки обозначенных эффектов.

Ключевые слова: true-crime медиа, эффект CSI, копирующие преступления, криминальное поведение, криминалистическая тактика, социальное научение, диалектическая модель.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE DIALECTICS OF CRIMINAL BEHAVIOR IN THE AGE OF TRUE-CRIME MEDIA: THE INTERACTION OF REPRESENTATIONS OF CRIME SOLVING AND TYPOLOGICAL FEATURES OF THEIR COMMISSION

Gayk A. Gyurjyan¹, Anna A. Taganova², Vladimir V. Plotnikov³

^{1, 2}*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,*

³*Plekhanov Russian University of Economics*

Abstract. Modern true-crime media—from popular television series (CSI, The Mentalist, Dexter) to documentaries and podcasts—have a contradictory, dialectical impact on crime. On the one hand, they educate society and reveal forensic methods and typical behavioral markers of deception to a wider audience. On the other hand, these same media unwittingly educate potential criminals, increasing their «criminal intelligence» and equipping them with the knowledge to counter investigators. This article proposes a model of the «crime education effect», which represents a dynamic arms race between the justice system and criminals. Based on an analysis of literature and media discourse, four key patterns of this interaction are identified: 1) the «shifting of behavioral markers» of lying under the influence of cliché recognition; 2) the initial standardization and subsequent differentiation of methods for concealing evidence as popular techniques are mastered; 3) the romanticization and borrowing of media narratives

© Гюрджян Г.А., Таганова А.А., Плотников В.В.

to rationalize crime; 4) the paradox of trust in the investigation, combining fear of the omnipotent forensic science with hope for its flaws. It discusses how true-crime media create new behavioral strategies in criminals and the need for innovation in investigators, leading to the evolution of the «portrait» of the crime. The theoretical novelty of the paper lies in its dialectical understanding of this phenomenon. Directions for further empirical research—from content analysis of criminal cases to experiments with groups of true-crime viewers—are proposed to test the identified effects.

Keywords: true-crime media, CSI effect, copycat crimes, criminal behavior, forensic tactics, social learning, dialectical model.

Funding: Independent work.

Введение.

Популярность криминальных сериалов и документальных проектов о преступлениях в последние десятилетия стремительно возросла. Например, сериал «CSI: Место преступления» в середине 2000-х годов стал глобальным феноменом, еженедельно аудитория нескольких его версий достигала свыше 100 миллионов зрителей. Миллионы людей регулярно смотрят телешоу о расследованиях, слушают подкасты о серийных убийцах, читают детективные хроники. Это медиа-потребление формирует у массовой аудитории определенные представления о методах раскрытия преступлений и возможностях криминалистики. Возникает т.н. «эффект CSI», заключающийся в завышенных ожиданиях общества в отношении всеисильности судебных экспертиз. Считается, например, что присяжные, просмотревшись сериалов, требуют от обвинения «неоспоримых» вещественных доказательств (ДНК, сложных анализов) в каждом деле и склонны сомневаться в виновности при их отсутствии. Однако влияние true-crime медиа не ограничивается сферой правосудия и общественного мнения – оно может затрагивать и само преступное поведение [3].

В рамках междисциплинарных подходов (социология девиантности, криминальная психология, криминалистика) все более актуальным становится вопрос: Не происходит ли незаметная «просветительская» подготовка самих преступников под влиянием этих же популярных медиа?

Сериалы и документалистика, разоблачающие приемы следствия, могут непреднамеренно служить пособием для правонарушителей. Преступники, особенно с заранее сформированной склонностью к насилию или нарушению закона, способны усваивать модели поведения, технологии сокрытия улик и даже идеологические обоснования противоправных действий, почерпнутые из экранных образов.

Согласно классическим положениям дифференциальной ассоциации Э. Сатерленда, преступное поведение – это результат научения в определенной социальной среде [8]. В современных условиях такую среду все чаще дополняют массовые коммуникации.

Как отмечает В.Н. Кудрявцев, медиа (телевидение, кино, видеоигры) могут выступать каналами

«преступной социализации», транслируя образцы противоправного поведения и обучая новые поколения потенциальных правонарушителей [11].

Таким образом, вырисовывается диалектическое противоречие. С одной стороны – просветительская функция true-crime жанра, благодаря которой общество (включая добропорядочных граждан) узнает о криминалистических методиках, учится распознавать признаки лжи и осторожнее относится к потенциальным угрозам. Но с другой стороны – тот же поток информации доступен и преступникам, для которых подобные передачи превращаются в своего рода «учебники» по тому, как не попасться следствию. Этот эффект можно назвать «эффектом криминального просвещения», когда медиа повышают информированность не только законопослушных зрителей, но и правонарушителей. В результате, происходит своего рода скрытая адаптация преступников. Они стараются учитывать известные им из фильмов методы работы полиции и корректировать свои действия, чтобы сложнее было их изобличить.

Противоречие между тезисом (просвещение против преступности) и антитезисом (просвещение во благо преступности) разрешается в виде динамического синтеза – эволюционирующей «гонки вооружений» между преступным поведением и криминалистикой. Следователи вынуждены постоянно усложнять и совершенствовать тактику расследования, выходя за рамки стереотипных приемов, известных из массовой культуры. В то же время, наиболее мотивированные преступники ищут более изощренные способы уклонения от правосудия, не ограничиваясь простым копированием увиденных на экране приемов, а творчески их перерабатывая или отвергая как слишком очевидные.

В итоге, меняются и типологические черты самого преступления – способы подготовки, совершения и сокрытия деяний, а также поведение преступников после преступления.

Актуальность данного исследования обусловлена как широким распространением true-crime медиа, так и недостаточной изученностью их влияния на преступное поведение. Данные свидетельствуют о том, что примерно каждый пятый преступник из числа осужденных признавал за собой так называемое сорусат-преступление, т.е.

© Гюрджян Г.А., Таганова А.А., Плотноков В.В.

деяние, совершенное по мотивам или с использованием идей из медиасюжета. Около 20 % заключенных прямо указывают на то, что рассматривали медиа (фильмы, новости) как источник ценной информации о том, как совершить преступление [7].

Более того, имеющиеся наблюдения показывают, что медиа могут влиять преимущественно на уже сформировавшихся преступников (с историей правонарушений), усиливая их «профессиональные» навыки либо мотивируя на более дерзкие действия [3].

Таким образом, цель данной статьи – разработать теоретическую модель диалектического воздействия true-crime медиа на преступное поведение и на этой основе выявить конкретные закономерности изменения поведения преступников под влиянием медийного «криминального просвещения».

Материалы и методы. Исследование основывается на качественном анализе литературных и эмпирических источников, а также на данных медийного дискурса о преступности. Особое внимание уделено работам по криминологии и психологии, посвященным проблемам научения преступному поведению и противодействия расследованию (теории социального научения, рационального выбора, нейтрализации ценностей и др.). Например, использованы результаты опросов осужденных о влиянии медиа, контент-анализ сообщений о сорусат-преступниках [6], а также психолингвистические исследования лжи [5].

Результаты.

Диалектическая модель влияния true-crime медиа на преступное поведение включает четыре ключевых взаимосвязанных эффекта (закономерности). Для удобства презентации мы выделяем их схематически, хотя в реальности они пересекаются. Ниже последовательно рассмотрены:

- 1) смещение поведенческих индикаторов лжи;
- 2) стандартизация, а затем дифференциация методов сокрытия улик;
- 3) медийная рационализация (оправдание) преступления;
- 4) парадокс восприятия всемогущества и уязвимости следствия.

Популярные медиа не только популяризируют научные методы криминологии, но и тиражируют определенные образы лжи – т.е. стереотипные признаки, по которым в фильмах вычисляются виновные. Во многих передачах уделяется внимание языку тела, мимике, неврологическим реакциям подозреваемых.

Широкий зритель теперь знает, что нервный беглый взгляд, дрожащие руки, пот на лбу или путаная речь – потенциальные сигналы обмана. Однако

именно вследствие этой осведомленности подобные наивные маркеры становятся все менее надежны.

Преступники, особенно подготовленные, учатся контролировать очевидные проявления волнения. Более того, они могут преднамеренно демонстрировать «спокойствие», имитируя образ невиновного, каким его представляют в массовом сознании.

Как показывают психологические исследования, люди, которые намеренно хотят скрыть обман, часто переигрывают естественность. Например, вместо того, чтобы отводить взгляд (как, по их мнению, делают лжецы), они стараются непрерывно смотреть в глаза собеседнику, тем самым, выходя за пределы нормального поведения правдивого человека.

Исследование, проведенное С. Манн и др., эмпирически подтвердило: лжецы умышленно поддерживают зрительный контакт дольше, чем это делают честные люди, именно из-за распространенного мифа о «бегущих глазах» обманщика [5]. Данный феномен можно рассматривать как пример смещения маркеров: те сигналы, которые в докриминальную эпоху теледетективов могли косвенно указывать на ложь, теперь осознаются самими лжецами и подавляются или маскируются.

Разумеется, полностью ликвидировать произвольные утечки информации сложно – в ответ на подавление одних индикаторов могут возникать другие. Так, подозреваемый, тщательно контролирующий позу и жесты, может демонстрировать аномальную скованность, «деревянность» движений; стремление говорить слишком ровно и спокойно может проявиться в неестественной монотонности речи. Парадоксально, но подобная сверхконтроль тоже способен насторожить опытных следователей.

Новейшие методики психодиагностики лжи учитывают эту возможность: вместо отдельных поведенческих «типов» анализируется комплекс признаков и сравнивается с базовой линией поведения человека. Кроме того, следователи начинают шире применять тонкие подходы – например, когнитивные техники допроса, заставляющие лжеца раскритиковать себя не физиологическими реакциями, а противоречиями в искусственно усложненном рассказе. Тем не менее, гипотеза смещения остается: под влиянием true-crime медиа, распространенные клише лжи теряют информативность, а на авансцену выходят более сложные, «мета-» маркеры, связанные с попытками имитировать правдивость.

Поставленная проблема может быть исследована экспериментально. Можно сопоставить поведение «осведомленных» и «неосведомленных» лиц в ситуации симулированного допроса. Предположение состоит в том, что участники, много смотрящие детективные шоу, будут демон-

стрировать меньше стандартных признаков волнения (избегание взгляда, заметная дрожь, оголовки), но возможно чаще станут допускать сверхстандартные проявления (необычно пристальный взгляд, заученно спокойную речь и пр.). Некоторое подтверждение этому можно видеть даже в бытовом контексте: люди, знающие о методах полиграфа или о типичных «симптомах» лжи, иногда пытаются обмануть окружающих более изощренно. Например, ряд пособий для мошенников рекомендует прикидываться не просто уверенным, а чересчур возмущенным подозрениями – создавая впечатление оскорбленной невинности. Подобные тактики все чаще фигурируют и в криминальной практике, отразившись, в частности, в портретах некоторых серийных убийц, умело вводивших полицию в заблуждение относительно своей личности.

Стандартизация и дифференциация методов сокрытия – не менее важный аспект. Медиа-влияние прослеживается не только в области поведения подозреваемого, но и на техническом уровне – в способах приготовления и сокрытия преступления. Популярные криминальные сюжеты нередко диктуют своеобразную «моду» на определенные приемы. Зрители узнают, как убийцы уничтожают следы крови с помощью химических средств, избавляются от тел, избегают отслеживания мобильных телефонов и т.п. Иногда такие детали сюжета основаны на реальных прототипах, иногда – плод сценарной фантазии. В любом случае, они открыто транслируются миллионным зрителям. Как следствие, часть криминальной аудитории может взять их на вооружение.

Феномен *copycat*-преступлений (преступлений-подражаний) хорошо известен криминологии: до 20–25 % правонарушителей признают, что имели образец для подражания, увиденный в СМИ или художественном произведении [5]. Причем, обычно речь идет не о полном копировании, а лишь об использовании отдельных элементов, «подсмотренных» в оригинале. К примеру, резонансный случай в Великобритании: 18-летний преступник Джордж Найтс, фанат сериала «Во все тяжкие», убил человека и пытался растворить тело жертвы в кислоте – метод, который он явно почерпнул из телесюжета. Он также использовал имя главного героя сериала, «Уолтер Уайт», как пароль к своему компьютеру – символический жест, подтверждающий влияние художественного образа на реальное преступление.

Другой печально известный пример – случай канадца Марка Твитчелла: будучи одержимым персонажем серийного убийцы из шоу «Декстер», он попытался воплотить сценарий на практике, оборудовав свой гараж под «комнату убийств» по образцу сериала (стены и окна затянуты полиэтиленовой пленкой, приготовлены средства для чистки крови и т.д.). Твитчелл даже публично отождествлял себя с Декстером, создавая страницу от его имени в соцсети [1]. В итоге, его преступление практически полностью воспроизвело

сцены из фильма, что позволило следователям легко провести параллели и изобличить его по горючим следам.

Эти случаи иллюстрируют явление стандартизации криминальных методов под влиянием попкультуры. Определенные приемы – скажем, использование бытового отбеливателя для уничтожения следов ДНК – из относительно редких превращаются в почти тривиальные, поскольку о них «узнали все». Однако диалектическое развитие не останавливается на этом этапе. Как только прием становится типовым и широко известным, следственные органы адаптируются, разрабатываются методики обнаружения и нейтрализации подобных уловок. Например, криминалисты научились обнаруживать даже тщательно вычищенные отбеливателем пятна крови с помощью специальных реагентов, фиксировать следы горючих жидкостей при умышленных поджогах и т.п. Более того, правоохранители, зная о популярности того или иного *modus operandi* из кино, могут целенаправленно искать соответствующие улики. В том числе, попытки замаскировать то или иное деяние – это фактор, указывающий на интерес в сокрытии информации. В результате продвинутые преступники осознают, что избитые методы маскировки уже не дают прежнего преимущества, а лишь привлекают лишнее внимание. Им приходится искать новые, еще не «засвеченные» в культуре способы сокрытия. Это ведет к дифференциации методов – появлению более разнообразных и сложных технологий преступления. Практические примеры подтверждают данную динамику. Если в 1990-е годы использование одноразовых перчаток, стирание серийных номеров оружия или сжигание одежды преступника были сравнительно надежными стратегиями, то сегодня они считаются минимальной нормой предосторожности, и большинство следователей их ожидают по умолчанию.

Прогнозируемая закономерность такова. После волны популярности конкретного медийного сюжета, где показан уникальный способ сокрытия, возможно кратковременное учащение случаев применения этого способа в реальных преступлениях (стандартизация). Затем – по мере раскрытия и осуждения таких случаев – их доля будет снижаться, уступая место иным, ранее не встречавшимся методам (дифференциация).

Проверка данной гипотезы может быть осуществлена посредством статистического анализа содержимого уголовных дел. Перспективно, на наш взгляд, проанализировать хронологию использования некоторых методов уничтожения улик (как менялась частота применения хлорки, кислот, инсценировки самоубийства, раздельного расчленения тел и т.д.) – и сопоставить эти тренды с выходом на экраны соответствующих фильмов, сделавших данные методы известными широкой публике.

Обсуждение.

© Гюрджян Г.А., Таганова А.А., Плотноков В.В.

Помимо технических знаний, true-crime медиа предоставляют определенные нарративы – культурные сценарии, способные влиять на мотивацию и самооценку преступника.

Многие сериалы героизируют или очеловечивают правонарушителей, иногда представляя их в образе своеобразных «мстителей» или гениев, действующих по собственному моральному коду. Классическим примером является уже упомянутый сериал «Декстер», где главный герой – серийный убийца, однако уничтожающий только «плохих парней» и симпатизирующий зрителю. Подобные сюжеты могут приводить к романтизации образа преступника. Для реальных потенциальных преступников это чревато тем, что у них появляется готовая схема рационализации своих действий.

Теория нейтрализации моральных норм [9] утверждает, что делинквенты часто заранее придумывают оправдания своим нарушениям – например, обвиняют жертву («она сама виновата») или апеллируют к высшей цели («восстановление справедливости») [2]. Массовая культура может снабжать их такими оправданиями в яркой, эмоционально притягательной форме.

Так, анализ реальных признаний и переписки упомянутого Марка Твитчелла (дело «декстеровского» убийцы) показал, что он фактически идентифицировал себя с художественным персонажем, пытаясь переложить логику вымышленного сюжета на жизнь. В его дневнике содержались рассуждения о «прогрессировании в серийного убийцу» как о творческом проекте, своего рода самореализации. Хотя Твитчелл и не смог внятно объяснить свою мотивацию (кроме фразы «есть как есть, я таков каков есть»), его случай демонстрирует, что грань между вымыслом и реальностью для него размылась. Подобно этому, некоторые серийные преступники черпали вдохновение из образов маньяков в кино, стараясь «превзойти» оригинал. True-crime документалистика также способна влиять на самоощущение преступника (когда истории убийц становятся популярными, у новых девиантов появляется искушение прославиться аналогичным путем, получить свою долю печальной славы). Медиа внимание – это то, чего, по мнению психологов, жаждет определенный тип преступников (особенно террористы, массовые стрелки) ради самореализации.

Таким образом, массовое освещение преступлений может порождать эффект подражания с целью признания. Гипотеза романтизации предполагает, что среди мотивирующих факторов для части преступников оказывается медийный образ преступления как оправданного или грандиозного деяния.

В то же время, у этого явления есть и обратная сторона, полезная для следствия. Некоторые злоумышленники, вдохновленные поп-культурой, начинают афишировать свои планы или восхищение предшественниками в соцсетях. Отмечено,

что нередко перед резонансными преступлениями их будущие исполнители оставляли цифровые следы – комментарии, посты, видео – где упоминали предыдущие трагедии или общались на форумах поклонников серийных убийц [3; 4]. Вовремя перехваченные такими же пользователями или спецслужбами, эти сигналы позволяли пресечь готовящийся акт.

Таким образом, медиа способствуют не только появлению сорусат-преступников, но и помогают их разоблачать, когда те публично выдают свои намерения в попытке самоутверждения.

Четвертая закономерность отражает двойственное воздействие true-crime медиа на отношение к правоохранительной системе, как у широкой публики, так и у самих потенциальных преступников. С одной стороны, многочисленные сериалы и репортажи внушают мысль, что преступление рано или поздно будет раскрыто благодаря чудесам науки и упорству детективов. С другой – он помнит, что в тех же сериалах часто фигурируют ошибки, провалы и нераскрытые дела.

В итоге, у преступника может сложиться странный «парадокс доверия» по отношению к следствию – он уважает профессионализм и мощь системы, но не до конца верит в ее непогрешимость. Он одновременно переоценивает некоторые возможности полиции (и предпринимает контрмеры против них) и недооценивает другие, уповая на слабые места. Например, зная из медиа, что улики ДНК крайне важны для суда, такой злоумышленник сосредоточится на том, чтобы не оставить генетических следов – и, может быть, преуспеет в этом. Однако при этом он может пренебречь каким-то традиционным оперативным фактором (скажем, свидетелями или собственной цифровой активностью), посчитав его менее значимым – и будет изобличен именно через него. Либо наоборот, ожидая, что полиция будет действовать строго по шаблону, известному из кино, преступник попытается «обмануть алгоритм», внося ложные зацепки – но в реальности следователь пойдет другим путем. В любом случае, такое субъективное восприятие работы правосудия, формируемое медиаконтентом, влияет на выбор стратегии преступника, что должно учитываться в расследовательской практике [2].

Парадокс состоит в том, что медиа создали образ почти всемогущей криминалистики, но одновременно – шаблонизированный и предсказуемый [11]. Преступники, беря этот образ за точный, одновременно боятся и пытаются переиграть именно ту систему, которую видят на экране. А реальные правоохранители вынуждены ломать данный стереотип, внедряя новые неочевидные методы работы, чтобы восстановить элемент неожиданности. В этой связи, перспективным направлением исследования является изучение представлений о полиции у лиц, склонных к делинквентности (как коррелируют часы, проведенные за true-crime сериалами, с верой респондента в возможность обойти следствие, либо наоборот

– с апатией перед его непобедимостью). Если гипотеза верна, мы ожидаем обнаружить нелинейную зависимость: медиапотребление сначала повышает доверие к силе полиции (усиливая страх наказания), но затем, после определенного «порога знаний», может усиливать уверенность в своей способности перехитрить систему (снижая сдерживающий страх). Подобный эффект зачастую распространен в представлениях правонарушителей с юридическим образованием.

Заключение.

Подводя итог, диалектика true-crime медиа и преступного поведения – сложный и многогранный феномен, требующий междисциплинарного осмысления. Его изучение позволит глубже понять эволюцию современных форм преступности и выработать адекватные ответные стратегии со стороны общества и государства. Только учитывая двусторонний характер «криминального просвещения», можно эффективно нейтрализовать негативные последствия медийного влияния и одновременно использовать его просветительский потенциал на благо безопасности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. «The Dexter Killer» Inside the mind of a murderer // CBS News. 14.08.2024. URL : <https://www.cbsnews.com/pictures/mark-twitchell-the-dexter-killer-evidence-photos> (date of application 11.11.2025).
2. Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1977. 247 p.
3. Baranowski A.M. The CSI-education effect: Do potential criminals benefit from forensic TV series? / A.M. Baranowski, A. Burkhardt, H. Hecht // International Journal of Law, Crime and Justice. 2018. Vol. 52. P. 86–97. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2017.10.001
4. Beauregard E. Cleaning up your act: Forensic awareness as a detection avoidance strategy / E. Beauregard, M. Bouchard // Journal of Criminal Justice. 2010. Vol. 38. № 6. P. 1160–1166. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2010.08.006
5. Johnston J.E. The psychology of «copycat killers» // Psychology Today. 13.07.2021.
6. Windows to the soul? Deliberate eye contact as a cue to deceit / S. Mann [et al.] // Journal of Nonverbal Behavior. 2012. Vol. 36. № 2. P. 205–215. DOI: 10.1007/s10919-012-0132-4 EDN: RMAGHR
7. Shelton D.E. A study of juror expectations and demands concerning scientific evidence: Does the «CSI effect» exist? / D.E. Shelton, Y.S.Kim, G. Barak // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. 2007. Vol. 9. № 2. P. 331–368.
8. Surette R. Estimating the prevalence of copycat crime: A research note // Criminal Justice Policy Review. 2014. Vol. 25. № 6. P. 703–718. DOI: 10.1177/0887403412464546
9. Sykes G.M. Techniques of neutralization: A theory of delinquency / G.M. Sykes, D. Matza // American Sociological Review. 1957. Vol. 22. № 6. P. 664–670.
10. Васильева Н.Ю. Психолингвистический анализ показаний участников предварительного расследования как один из параметров отражения идеального криминалистического следообразования // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskiy-analiz-pokazaniy-uchastnikov-predvaritelnogo-rassledovaniya-kak-odin-iz-parametrov-otrazheniya-idealnogo> (дата обращения 20.10.2025). EDN: WYNAAF
11. Кривенцов П.А. Зарубежный опыт изучения латентной преступности // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-izucheniya-latentnoy-pres-tupnosti> (дата обращения 11.11.2025). EDN: PVAAIZ
12. Кудрявцев В.Н. Интервью: «Криминолог оценил влияние фильмов и компьютерных игр на уровень преступности» // Вечерняя Москва. 2021. 04 марта. URL : https://vm.ru/society/163065-2-noyabrya-dmitrievskaya-roditelskaya-subbota?utm_source=vm&utm_campaign=scroll&utm_medium=scroll (дата обращения 20.10.2025).

References:

1. «The Dexter Killer» Inside the mind of a murderer // CBS News. 14.08.2024. URL : <https://www.cbsnews.com/pictures/mark-twitchell-the-dexter-killer-evidence-photos> (date of application 11.11.2025).
2. Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1977. 247 p.
3. Baranowski A.M. The CSI-education effect: Do potential criminals benefit from forensic TV series? / A.M. Baranowski, A. Burkhardt, H. Hecht // International Journal of Law, Crime and Justice. 2018. Vol. 52. P. 86–97. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2017.10.001
4. Beauregard E. Cleaning up your act: Forensic awareness as a detection avoidance strategy / E. Beauregard, M. Bouchard // Journal of Criminal Justice. 2010. Vol. 38. № 6. P. 1160–1166. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.

2010.08.006

5. Johnston J.E. The psychology of «copycat killers» // Psychology Today. 13.07.2021.
6. Windows to the soul? Deliberate eye contact as a cue to deceit / S. Mann [et al.] // Journal of Nonverbal Behavior. 2012. Vol. 36. № 2. P. 205–215. DOI: 10.1007/s10919-012-0132-4 EDN: RMAGHR
7. Shelton D.E. A study of juror expectations and demands concerning scientific evidence: Does the «CSI effect» exist? / D.E. Shelton, Y.S.Kim, G. Barak // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. 2007. Vol. 9. № 2. P. 331–368.
8. Surette R. Estimating the prevalence of copycat crime: A research note // Criminal Justice Policy Review. 2014. Vol. 25. № 6. P. 703–718. DOI: 10.1177/0887403412464546
9. Sykes G.M. Techniques of neutralization: A theory of delinquency / G.M. Sykes, D. Matza // American Sociological Review. 1957. Vol. 22. № 6. P. 664–670.
10. Vasilyeva N.Y. Psycholinguistic analysis of the testimony of participants in the preliminary investigation as one of the parameters of reflection of the ideal forensic trace formation // News of TuSU. Economic and legal sciences. 2016. № 3-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskiy-analiz-pokazaniy-uchastnikov-predvaritelnogo-rassledovaniya-kak-odin-iz-parametrov-otrazheniya-idealnogo> (date of application 10/20/2025). EDN: WYNAAF
11. Kriventsov P.A. Foreign experience in the study of latent criminality // Actual problems of Russian law. 2012. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-izucheniya-latentnoy-prestupnosti> (date of application 11.11.2025). EDN: PVAAIZ
12. Kudryavtsev V.N. Interview: «A criminologist assessed the impact of films and computer games on the crime rate» // Evening Moscow. 2021. March 04. URL : https://vm.ru/society/163065-2-noyabrya-dmitrievskaya-roditskaya-subbota?utm_source=vm&utm_campaign=scroll&utm_medium=scroll (date of application 10/20/2025).

Информация об авторах

Гюрджян Гайк Арменович

кандидат психологических наук,
начальник кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
inkognito3@inbox.ru

Gaik A. Gyurjyan

Candidate of Psychological Sciences,
Head of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
inkognito3@inbox.ru

Таганова Анна Александровна

кандидат психологических наук,
доцент,
профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
inkognito1@inbox.ru

Anna A. Taganova

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
inkognito1@inbox.ru

Плотников Владимир Валериевич

доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Российский государственный университет
имени Г.В. Плеханова
inkognito13@inbox.ru

Vladimir V. Plotnikov

Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Professor of the Department
of State and Municipal Management,
Plekhanov Russian State University
inkognito13@inbox.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-18>

УДК 316.37

Attribution

cc by

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ КАРЬЕРНЫХ ПЛАНОВ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ВУЗЕ

Проскурина А.С., Боричевская Е.И., Павлюкевич К.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Управление человеческими ресурсами в крупной организации требует инструментов для получения оперативного отчёта о кадровых трендах. В статье представлены результаты экспертных интервью, в ходе которых апробирована авторская методика изучения степени долгосрочности карьерных ориентаций работников университета, в частности, молодых преподавателей. Экспертные интервью позволили сделать значимые выводы о предлагаемом инструменте: молодой работник действительно является отдельной группой в кадровом смысле, приоритетом должен быть вопрос о целях работника в организации, также необходимо исследовать проявление целеполагания в деятельности, в частности, наукоёмкой и социализационной. На основе сравнения данного исследования со схожими сделан вывод о том, что предлагаемая методика может выступить инструментом преодоления противоречий между управленческим взглядом на карьеру работника и позицией самого работника по данному вопросу.

Ключевые слова: молодой специалист, социология труда, карьерная ориентация, управление персоналом, методика исследования персонала, управление вузом, преподаватель высшего учебного заведения

Финансирование: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств Научного фонда Финансового университета.

Original article

POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF RESEARCH OPERATIONALIZATION OF CAREER PLANS OF YOUNG TEACHERS AT THE UNIVERSITY

Alexandra S. Proskurina, Elizaveta I. Borichevskaya, Kristina Pavlyukevich

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. Human resource management in a large organization requires tools for generating operational reports on HR trends. This article presents the results of expert interviews during which the author's method for studying the long-term career orientations of university employees, particularly young faculty, was tested. Expert interviews allowed us to draw significant conclusions about the proposed tool: young workers truly are a distinct group in terms of personnel; the priority should be the question of the employee's goals within the organization; and it is also necessary to explore the manifestation of goal-setting in activities, particularly knowledge-intensive and socializing ones. Based on a comparison of this study with similar ones, it was concluded that the proposed methodology could serve as a tool for overcoming contradictions between management's view of an employee's career and the employee's own position on this issue.

Keywords: young specialist, sociology of labor, career guidance, personnel management, personnel research methodology, university management, higher education institution teacher

Funding: The article was prepared based on the results of research carried out with funds from the Scientific Fund of the Financial University.

Введение.

Профессиональный труд – это пространство социализации, в связи с чем, интерес к данной об-

ласти исследований среди социологов не угасает, находя отражение в тематических мероприятиях, публикациях и исследовательских проектах.

Неизбежность труда [1] приводит к тому, что в профессиональном поле оказываются люди с очень разной мотивацией. Кто-то приходит удовлетворять потребность в самореализации, для кого-то это пространство стабильности, а кто-то ставит для себя цель использовать вуз как стартовую площадку для карьеры в других областях (к примеру, государственное управление, бизнес, популярная литература). Кадровая политика в таких условиях должна адаптироваться к такой вариативности мотивации, но для адаптивности необходимо комплексное понимание, которое можно достичь через проведение мониторингов.

Задача разработки методики мониторинга для организации даёт возможность актуализировать соответствующую теорию, накопленную в различных отраслях социологии, связать её с российской реальностью и определить возможности применения.

В рамках авторского исследовательского проекта мы уделили внимание определению того, на чём именно целесообразно держать фокус в социологическом изучении профессионального труда молодых преподавателей – прежде всего на их многогранной идентичности [2].

В данной статье представлены результаты экспертных интервью на тему возможностей и ограничений разработанной авторами методики оценки сформированности ориентации молодых преподавателей (до 35 лет) на карьеру в вузе.

Целью проекта «Оценка сформированности ориентации на профессиональное становление в университете» (поддержан Научным фондом Финансового университета при Правительстве РФ) являлась разработка и апробация методики оценки сформированности карьерных установок молодых преподавателей, и экспертные интервью стали частью процесса доработки предлагаемой методики до этапа диагностики на уровне университета.

Методология.

Исследование выполнено с опорой на синергетический подход, предполагающий учёт взаимодействия и взаимовлияния различных факторов, в том числе в динамике. Также учтена возможность выделения различных уровней познания, для чего была разработана авторская схема, использованная при разработке апробируемой методики (рис. 1).

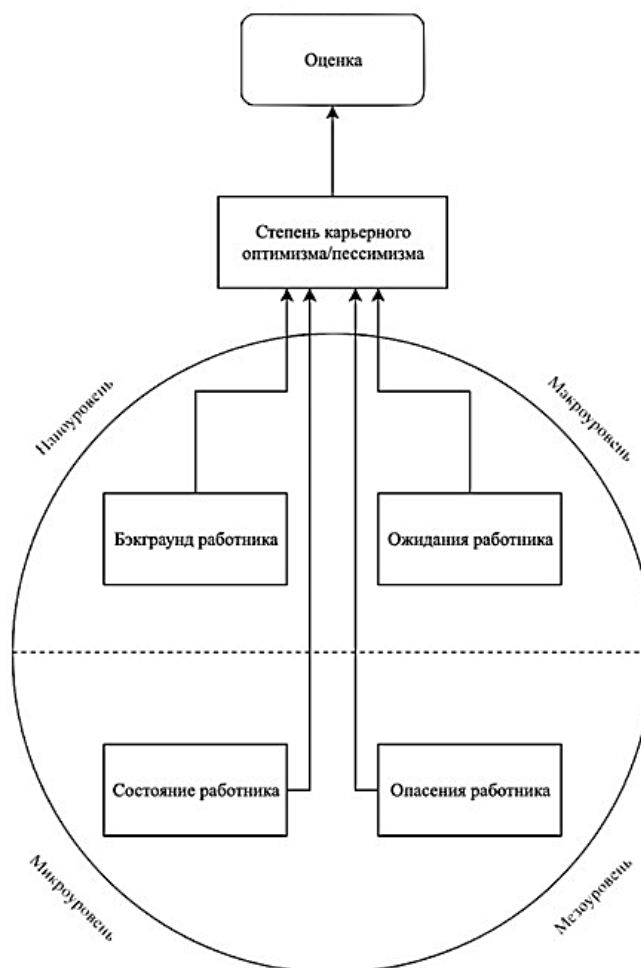

Рисунок 1 – Схема логики оценивания сформированности ориентации на профессиональное становление в университете.

Источник: Составлено авторами исследования.

Апробируемая методика представляет собой бланк опроса, состоящий из тематических блоков, отражающих схему анализа на рисунке 1.

Карьерная ориентация представляет собой долгосрочную или краткосрочную стратегию профессионального развития внутри университета, складывающуюся из четырёх компонентов, соотносящихся с уровнями идентичности: наноуровень («сердцевина») идентичности определяет его бэкграунд, микроуровень (уровень деятельности) – его состояние, мезоуровень (пространство взаимодействия с сообществом) – опасения, а макроуровень (уровень общественных отношений, культуры, экономики) – ожидания. На основе этой схемы и других теоретических разработок создана диагностическая анкета, состоящая из четырёх блоков.

Для проведения экспертных интервью был разработан бланк беседы, включающий в себя три тематических части. В первой был задан вопрос о целесообразности отдельного изучения молодых преподавателей как группы работников – внутри этого блока эксперт имел возможность уточнить, чем именно данная группа отличается (если отличий нет, то предлагалась альтернативная формулировка «Как Вам кажется, почему их часто выделяют как отдельную группу?»). Целью первой части бланка является поиск заметных черт молодых преподавателей, на основе которых возможно уточнение теоретической модели, разработанной авторами ранее [2].

Во второй части бланка экспертам предлагалось прокомментировать целеполагание для измерения сформированности карьерной ориентации – в чём может быть функция таких измерений для организации, а также для работников. Целью данной части бланка являлось уточнение «маркетинга» разрабатываемой методики (кому и для чего она может быть полезна), а также уточнение содержания отчёта по итогам её применения (диагностическая анкета с последующим отчётом для работника и для организации).

В третьей части бланка экспертам была предложена концептуальная схема разработанной методики, а также конкретные анкетные вопросы, предполагаемые к включению в диагностическую анкету. Экспертам было предложено прокомментировать вопросы с точки зрения информативности для различных тематических блоков анкеты, однозначности формулировки и необходимости таких вопросов в целом.

Интервью с экспертами проводились очно в августе-сентябре 2025 года. В интервью приняли участие четыре эксперта в области управления университетом, управления персоналом, преподавания в вузе. Отбор экспертов осуществлялся по степени их связи с темой разрабатываемой методики – имеют ли они опыт взаимодействия с различными возрастными группами работников, понимают ли специфику работы в вузе, имеют ли опыт принятия кадровых и управленческих решений. Эксперты принимали участие в исследовании на условиях анонимности.

Результаты.

Контакт с экспертами дал возможность посмотреть на разработанную схему методики «извне», глазами не только потенциальных участников анкетирования (с ними также был произведён тестовый пилотаж анкеты), но и глазами тех, кто может входить в группу целевой аудитории информации, собранной через методику.

Целесообразность изучения молодых преподавателей как отдельной категории была подтверждена обоими экспертами. В качестве мотивации такого выделения было отмечено, что «у неё (молодёжи) другие цели, нежели у более старших возрастных групп», «у 30–35 уже другие цели», поэтому задача разработки дифференцированных по возрасту кадровых инструментов действительно имеет смысл. Детализируя возможные различия, связанные с возрастом, эксперты обратили внимание на несколько фактов. У преподавателей разных возрастных групп разный уровень «костепенённости» (*«нужно сегментировать на тех, кто защитился и не защитился... выясняя причину, по которой молодой преподаватель не защитился»*), в частности, отмечены возможные причины отсутствия степени кандидата наук (отсутствие поддержки организации, отсутствие условий со стороны руководства, незаинтересованность, отсутствие карьерных планов в области науки и преподавания, отсутствие возможностей участия в научно-исследовательских проектах, отсутствие грантовой поддержки). У преподавателей, в зависимости от возраста, может быть разный опыт – как позитивный, так и негативный – который может определять дальнейшие планы (*«самым ценным будет являться вовлечение, начиная с более младших возрастов... потому что разные цели, разный опыт»*). Особенно, эксперты отметили, что у молодёжи могут быть разные цели устройства в университет, и среди них хорошо было бы диагностировать тех, чьи цели совпадают с целями университета: *«вузу нужно получить... амбициозных, рефлексивных, которые могут ставить перед собой задачи и эти задачи достигать»*. В интервью эксперты, не опираясь на авторскую визуализацию, обратили внимание на те же компоненты идентичности, на которых основана сама методика – наноуровень (внутренняя мотивация), микроуровень (деятельностные проявления внутренних установок), мезоуровень (контакт с профессиональной группой) и макроуровень (социальные институты, экономика, культура общества).

Говоря о цели проведения замера сформированности карьерной ориентации молодых преподавателей, эксперты согласились с предложенным разделением на отчёт для работника и отчёт для работодателя, включающие соответствующие рекомендации. Одобрив концептуальную схему, эксперты всё же сделали замечания к конкретным вопросам и тематическим направлениям, с которыми предполагается работать в процессе реализации методики. Замечания здесь были разде-

лены на три категории: замечания к формулировкам вопросов, сомнения в целесообразности и альтернативные предложения. Предложения по формулировкам были частично учтены в дальнейшей работе, но отдельного внимания заслуживают комментарии двух других категорий.

Эксперты обратили внимание на то, что может существовать разрыв между фактическими трудностями и ожиданиями работы в вузе и тем, как их воспринимает сам преподаватель: *«понимает ли молодой преподаватель реальные сложности?»*. Если вопросы конструируются без учёта возможности искажённого восприятия, то самооценка также может быть отражена респондентом не совсем корректно — *«недостаток понимания работы приведёт к неправильной профессиональной самооценке»*. Здесь мы приняли комментарий через призму собственного понимания проблемы: дело в том, что даже «искажённая» или «неадекватная» самооценка, замеряемая средствами исследования, является тем основанием, с опорой на которое респондент реализует преподавательскую деятельность. Да, он может не учитывать полностью все нюансы такой работы, не осознавать «истинные» или «глубинные» основания вузовского мира, но нашей задачей является операционализация и дальнейшее отражение именно его видения ситуации, а не указание ему на «верный путь». В связи с этим, пониманием сущности методики, замечания в области связи «истинного понимания» или «заблуждений» преподавателей мы отразили в корректировках вопросов в сторону возможности выбора более детальных компонентов, которые в дальнейшем можно было бы связать с характеристиками внешней среды.

Отдельный акцент эксперты предлагают сделать на уточнении целей преподавателя, особенно во втором блоке вопросов, посвящённом уровню принятия роли преподавателя. Среди возможных целей отмечают не только повышение квалификации, но и *«внутриличностный рост»*, карьеру *«в административном составе»* или же саморазвитие именно как педагога — предложенные варианты были нами добавлены в финальный вариант методики. Также, по мнению экспертов, принятие роли преподавателя предполагает готовность полного участия в работе, включая и работу со студентами, и выполнение кафедральных нормативов, и организацию собственных проектов (*«быть амбициозным, коммуникативным преподавателем, чтобы вести за собой студентов, суметь завлечь в любую деятельность...»*). Интересно, что здесь слова экспертов носят именно ту окраску, которую мы ожидали, когда планировали проведение экспертных интервью — происходит соединение индивидуального и организационного целеполагания в единый массив; от работников ожидают, что они будут ставить те же цели, которые от них ждёт работодатель. Фактически же наблюдается разрыв, который и обусловил постановку проблемы данного исследования — можно ли достигать целей организации с учётом индивидуальных потребностей

молодых преподавателей? Или же преподаватель должен ранжировать свои цели в зависимости от того, насколько он планирует связать свою жизнь с организацией?

Блок вопросов, связанных с идентификацией с профессиональной группой, также получил много комментариев от экспертов. Цель данного блока — определить, насколько преподаватель субъективно воспринимает себя как преподавателя, как носителя специальности (то есть научной области, в рамках которой он преподаёт), насколько он осознанно интегрируется в сообщество (и по специальности, и в университете). Примечательно, что эксперты единогласно предложили отказаться от указания на специальность в формулировках (мы включили в блок два вопроса: *«Я чувствую себя частью профессионального сообщества по специальности»* и *«Я чувствую себя частью профессионального сообщества преподавателей вузов»*), исходя из того, что преподаватель преподаёт не в целом и общем, а набор дисциплин, в области которых у него есть профильное образование). Мы связываем такой комментарий с тем, как поставлена задача методики — изучить сформированность карьерной ориентации молодого преподавателя вуза, а не молодого профессионала или специалиста. В связи с этим, мы не приняли данное замечание, мотивируя это тем, что часть идентичности может быть реализована именно в области специализации — например, человеку может быть важно быть не только успешным преподавателем, но и успешным экономистом, социологом, политологом, юристом и так далее. В этой же линии рассуждений эксперты предложили анализ идентификации с профессиональной группой (то есть с группой «преподаватели вуза») в четырёх плоскостях: идентификация с профессиональной деятельностью, идентификация себя как преподавателя, идентификация с наукой, а также *«умение коммуницировать и готовность работать в профессиональных сообществах»*. Уточняя, что именно понимают эксперты под этими направлениями, мы выделили основную идею для данного блока, значимую для лиц, принимающих кадровые решения: идентификация с профессиональной группой должна проявляться в конкретных результатах деятельности, будь то выполнение нормативов или результаты студентов. То есть, возвращаясь к идее продвижения результатов на различные группы реципиентов информации, вузам интереснее всего понимать, какие именно сотрудники могут составить *«продуктивное ядро»* коллективов.

На основе соединения и систематизации комментариев экспертов составлен список ключевых элементов анализа кадровых ориентиров молодых преподавателей вуза:

1. Молодёжь должна рассматриваться как отдельная группа, такое разделение обладает не только возможностями с точки зрения проверки гипотез на основе социально-демографической информации, но и фактически наблюдаемо экс-

пертами, работающими с молодыми специалистами.

2. При изучении карьеры необходимо задавать вопрос о приоритетных целях, которые преследует преподаватель, устраиваясь в вуз. Цели могут быть прагматическими, творческими, социально-одобряемыми или иными – по мнению экспертов, вопрос о целях может иметь больший объяснительный потенциал, чем другие.

3. Помимо вопроса о целях, эксперты рекомендовали обратить внимание на то, как проявляется выбранное целеполагание в деятельности – планирует ли преподаватель получать научную степень (если ещё не получил), есть ли ориентация на научную работу, работу со студентами, организационную работу, какие он демонстрирует амбиции, как взаимодействует с коллегами.

Обсуждение.

Идея типологизации идентичности в целях управления персоналом не нова. Она соответствует общему запросу на измеримость, благодаря которой возможна масштабируемость предприятия, мониторинг и контроль. Современный университет в этом контексте представляет собой уникальное сочетание пространства коллективного научного творчества, требующего свободы и независимости, и бизнес-ожиданий, помещающих это творчество в логику экономической целесообразности и прибыльности деятельности.

В качестве примеров существующих практик типологизации идентичности человека и соответствующих характеристик деятельности можно привести подход, описанный в статье американских исследователей, посвящённой эффективности молодых преподавателей [3]:

— на основе анализа литературы они отмечают возможность оценки эффективности через рейтинги от студентов, черты личности преподавателей, достижения студентов по завершению курса, стиль оценивания преподавателем работы студентов;

— в собственном исследовании авторы опирались именно на студенческие мнения, на основе которых для преподавателей были выделены группы центральных ориентиров (преподают ценную дисциплину, мотивируют студентов стараться, создают комфортную атмосферу, хорошо организуют обучение, эффективны в коммуникации, заботятся об обучении студентов).

Затем, на основе кластерного анализа были выделены пять «профилей» преподавателей: высокий рейтинг по всем направлениям; высокий рейтинг по всему, кроме коммуникации; высокий рейтинг по всему, кроме организации курса; высокий рейтинг по всему, кроме мотивации студентов; высокий рейтинг по всему, кроме комфорта на занятиях. Это исследование интересно тем, что у преподавателей может быть «слабая сторона», которая, тем не менее, не «тянет»

за собой остальные характеристики преподавания.

Интерес, в этом контексте, представляет исследование учёных из Санкт-Петербурга, в котором по результатам анкетирования 93 молодых преподавателей Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого отмечено, что преподаватели испытывают разные наборы проблем в зависимости от того, есть ли у них педагогическое образование [4]: молодые преподаватели без такого образования испытывают сложности в адекватной оценке студентов, им сложнее работать с документами, сложнее организовать свою работу, иногда не хватает уверенности в себе, они устают и не всегда могут установить дисциплину в студенческой среде. Также отмечена тревожность, проблемы с коммуникацией (как со студентами, так и с администрацией вузов), и, как следствие, негативное отношение к профессии и «выключение» из трудового процесса. На основе этого исследования можно предположить, что педагогическое образование – значимый фактор в оценке карьерной ориентации. Эти данные придают словам экспертов новую грань, так как в беседах с ними речь чаще шла о том, что преподаватель, выбирая профессию, по умолчанию будет стараться «справляться», в то время как наличие педагогического образования (о котором в методике, к слову, есть вопрос) во многом может определять, получит ли у преподавателя вообще включиться в такого рода работу.

В исследовании чилийских учёных, посвящённом опыту молодых преподавателей в школах, отмечается, что контекст (то есть организация, в которой преподаватель работает) также входит в список важных направлений анализа [5]. Так, многие опрошенные отмечали, что для них не было создано условий по «входу» в рабочий процесс, сразу была дана полная нагрузка и полная ответственность за детей. Отсутствие предварительных подготовительных мероприятий привело к тому, что преподаватели опасались учеников, чувствовали неспособность «догнать» старших коллег в части опыта и результативности, не ощущали себя способными достигать стабильно качественных результатов в работе. Также накладывалась и физическая усталость (об этом же говорилось и в исследовании Санкт-Петербургских исследователей). Стресс выделен как важный фактор и в исследовании учёных из Китая, где он исследован в связи с лидерством и вовлечённостью в организацию (то есть включённость в процесс в качестве работника организации) [6]. В статье представлены результаты анкетирования, выполненного среди 2200 преподавателей из 22 университетов Китая различных уровней, на основе чего была составлена структура зависимости между стрессом, выгоранием, удовлетворённостью работой и включённостью в организацию (*organizational commitment*). Авторы приходят к выводу о том, что стресс на работе имеет высокую предсказательную силу для того, насколько

преподаватель будет стремиться быть частью организации; в частности, уровень выгорания (о чём также идёт речь в разработанной нами методике) может частично предсказывать карьерные планы молодого преподавателя, что отразилось математически в исследовании китайских учёных.

На основе сравнения нашего исследования с уже реализованными, можно сказать, что экспертное интервью действительно позволило скорректировать разработанную методику в сторону более высокой эффективности.

Заключение.

Управление персоналом в крупной организации опирается на данные, одной из функций которых является точное отражение измеряемой реальности. В то время как всю глубину и сложность мотиваций, установок и принципов деятельности

выразить количественно невозможно, всё же сохраняется возможность приближения к такому отображению. Апробация разработанной методики позволила определить возможности и ограничения такого рода инструментов.

Основным ограничением выступает необходимость учёта в анкетировании субъективных факторов, а также различия между взглядом управленцев вуза и взглядом самих преподавателей на сущность карьерных устремлений. В то же время, предлагаемая методика даёт возможность соединить эти взгляды в единую перспективу, «познакомить» участников образовательного процесса с оценками друг друга, в надежде, что такой формат кадровой работы поможет и организации за счёт обеспечения кадровой безопасности, и работникам за счёт того, что они будут «услышаны» руководством.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Проскурина А.С. Социализация и социализированность через призму трудовой деятельности: определение понятий // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 6(134). С. 14–21.
2. Боричевская Е.И. Идентичность молодого преподавателя вуза как объект эмпирических исследований / Е.И. Боричевская, А.С. Проскурина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 9.
3. Янг С. Профили эффективных преподавателей колледжей и университетов / С. Янг, Д.Г. Шоу // Журнал о высшем образовании. 1999. Т. 70. № 6. С. 670–686.
4. Начинающие преподаватели вузов: сравнение молодых специалистов с педагогическим образованием и без него / Т. Крепкая [и др.] // Гуманитарные и социальные науки. 2020. Т. 8. № 4. С. 952–960.
5. Авалос Б. Как молодые учителя переживают свою профессиональную деятельность в Чили / Б. Авалос, П. Эйлин // Преподавание и педагогическое образование. 2007. Т. 23. № 4. С. 515–528.
6. Связь между стрессом на работе и организационной приверженностью у трех типов преподавателей китайских университетов: опосредующие эффекты профессионального выгорания и удовлетворенности работой / П. Ван [и др.] // Передовые разработки в психологии. 2020. Т. 11. С. 576–768.

References:

1. Proskurina A.S. Socialization and socialization through the prism of labor activity: definition of concepts // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2025. № 6(134). P. 14–21.
2. Borichevskaya E.I. Identity of a young university teacher as an object of empirical research / E.I. Borichevskaya, A.S. Proskurina // Humanities, socio-economic and social sciences. 2025. № 9.
3. Young S. Profiles of effective college and university teachers / S. Young, D.G. Shaw // The Journal of Higher Education. 1999. T. 70. № 6. P. 670–686.
4. Novice university teachers: comparison of young professionals with and without pedagogical education / T. Krepkaya [et al.] // Humanities and social sciences. 2020. T. 8. № 4. C. 952–960.
5. Avalos B. How young teachers experience their professional work in Chile / B. Avalos, P. Aylwin // Teaching and teacher education. 2007. Vol. 23. № 4. P. 515–528.
6. Association between job stress and organizational commitment in three types of Chinese university teachers: mediating effects of job burnout and job satisfaction / P. Wang [et al.] // Frontiers in psychology. 2020. Vol. 11. P. 576–768.

Информация об авторах

Проскурина Александра Сергеевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации;
ведущий научный сотрудник,
Институт гуманитарных технологий
и социального инжиниринга, г. Москва
asproskurina@fa.ru

Боричевская Елизавета Игоревна

кандидат социологических наук,
ассистент кафедры социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
младший научный сотрудник,
Институт гуманитарных технологий
и социального инжиниринга, г. Москва
eiborichevskaya@fa.ru

Павлюкевич Кристина

ассистент кафедры социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
kpavlyukevich@fa.ru

Alexandra S. Proskurina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Sociology,
Financial University
under the Government of the Russian Federation;
Leading Researcher,
Institute of Humanitarian Technologies
and Social Engineering, Moscow
asproskurina@fa.ru

Elizaveta I. Borichevskaya

Candidate of Sociological Sciences,
Assistant of the Department of Sociology,
Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Junior Researcher,
Institute of Humanitarian Technologies
and Social Engineering, Moscow
eiborichevskaya@fa.ru

Kristina Pavlyukevich

Assistant of the Department of Sociology,
Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow
kpavlyukevich@fa.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-20>

УДК 316.347

Attribution

cc by

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП КАК УСЛОВИЕ ИХ ИНТЕГРАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО

Слизский Е.А.

Администрация муниципального объединения г. Краснодар

Аннотация. Российское социокультурное пространство всегда характеризовалось множественностью народностей его заполняющих. Характер и направленность взаимодействий этих этносов во многом определял и определяет целостность страны, качество жизни, перспективы развития. Именно этим объясняется и серьезный исследовательский интерес к детальному и глубокому изучению принципов организации, механизмов осуществления, тенденций развития и результатов осуществления практики межнациональных взаимодействий в полиэтничном социуме. Получаемые в процессе таких исследований результаты, позволяют разрабатывать конструктивные формы социальных взаимодействий, добиваться их реализации и сводить к минимуму возможный конфликтотенный потенциал этих взаимодействий, совершенствуя стратегию и тактику управления межэтническими отношениями в стране и на уровне регионов. Важное место в перечне направлений таких исследовательских проектов занимает проблема определения содержания и специфики социального самочувствия представителей различных этнических групп, проживающих в различных регионах нашей многонациональной страны. Некоторые результаты оценки актуального состояния социального самочувствия основных этнических групп, проживающих на территории Краснодарского края и влияния его на перспективы позитивного развития процессов интеграции этих групп в социальное пространство региона мы хотим представить в этой статье.

Ключевые слова: социальное самочувствие, этнос, этнические группы, межнациональные отношения, социальное взаимодействие, интеграционные процессы, социальные практики, эмпирические исследования.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIAL WELL-BEING OF ETHNIC GROUPS AS A CONDITION FOR THEIR INTEGRATION INTO THE HOST COMMUNITY

Evgeny A. Slizsky

Administration of the Municipal Association of Krasnodar

Abstract. The Russian socio-cultural space has always been characterized by the multiplicity of ethnic groups that fill it. The nature and direction of the interactions of these ethnic groups largely determined and determines the integrity of the country, the quality of life, and the prospects for development. This explains the serious research interest in a detailed and in-depth study of the principles of organization, implementation mechanisms, development trends and results of the practice of interethnic interactions in a multiethnic society. The results obtained as a result of such studies make it possible to develop constructive forms of social interactions, achieve their implementation and minimize the possible conflict potential of these interactions, improving the strategy and tactics of managing interethnic relations in the country and at the regional level. An important place in the list of such research projects is occupied by the problem of determining the content and specifics of the social well-being of representatives of various ethnic groups living in different regions of our multinational country. We would like to present some results of the assessment of the current state of social well-being of the main ethnic groups living in the Krasnodar Territory and its impact on the prospects for the positive development of the integration of these groups into the social space of the region in this article.

Keywords: social well-being, ethnicity, ethnic groups, interethnic relations, social interaction, integration processes, social practices, empirical research.

Funding: Independent work.

Введение.

© Слизский Е.А.

Проведенные и уже представленные ранее в статьях в этом журнале результаты нашего исследования содержания, форм, условий и факторов, а также перспектив совершенствования интегративных социальных практик в полиэтничном кубанском регионе целесообразно, по нашему мнению, дополнить результатами проведенного эмпирического исследования, направленного на изучение социального самочувствия представителей основных этнических групп среди учащейся молодежи в вузах края.

С этой целью было проведено анкетирование студентов вузов региона, являющихся представителями различных национальностей. Такая выборка объясняется существующей потребностью в изучении содержания и перспектив социальной интеграции наиболее активной части исследуемых этнических групп, которую, несомненно и составляет студенческая молодежь. С другой стороны, именно эта часть этих этнических групп, одновременно и наиболее уязвима к воздействию негативных факторов социальных взаимодействий. Размер выборки составил 271 человек.

Обсуждение. Результаты.

К числу основных исследовательских задач были отнесены следующие: определение уровня кон-

фликтности взаимодействий представителей различных этнических групп; выявление основных негативных проблем в этих взаимодействиях; выделить наиболее укоренившиеся формы социальной идентификации; определить наличие, содержание и особенности распространения стереотипов и предубеждений в восприятии других этносов; определить перспективы гармонизации межэтнических взаимодействий в полиэтничной среде края.

Ниже представлены основные результаты эмпирического исследования, выраженные в формате сводных таблиц, а также дан авторский анализ полученных данных. Представленный в таблицах этнический состав анкетированных отражает основные этнические группы, обладающие наибольшей представленностью в нашем крае.

Реализуя одну из поставленных исследовательских задач, мы сформулировали в анкете следующий вопрос: «Испытывали ли Вы сложности во взаимодействии с представителями других этнических групп, вызванные различиями в культуре, обычаях, менталитете?».

Распределение ответов на поставленный вопрос представлены в таблице 1.

Таблица 1

	Варианты ответов (%)		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Общая статистика	31,7	67,3	1,0
Русские	21,7	69,6	8,7
Чеченцы	21,1	78,9	0
Осетины	0	100	0
Определившие себя как «метисы»	0	100	0
Адыги	8,3	91,7	0
Кабардинцы	0	100	0
Армяне	7,1	64,3	28,6
Татары	40	60	0
Белорусы	16,7	83,3	0
Украинцы	40,9	59,1	0
Таджики	25,0	75,0	0
Курды	16,7	83,3	0
Греки	7,1	92,9	0
Лезгины	43,8	50,0	6,2
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	21,7	69,6	8,7

Несомненный интерес представляю здесь ответы представителей титульного этноса, составляющего основу населения края как в численном, так и в социально активном отношении. Несмотря на то, что более 67 % опрошенных отметили отсутствие у них сложностей в осуществлении взаимодействий с представителями других национальностей (что свидетельствует о благоприятном климате в межнациональных отношениях по оценкам представителей русского этноса), тем не менее, более 21 % опрошенных отметили наличие проблем в отношениях с представителями других национальностей. Это не может не вызывать серьезной озабоченности, ведь это представляет собой определенный количественный показатель конфликтного потенциала.

Незначительный уровень наличия затруднений в организации и осуществлении взаимодействий с представителями других этногрупп отметили в своих ответах метисы, кабардинцы и осетины, среди которых никто не отметил наличие затруднений, среди армян и греков их оказалось по 7,1 %. Наиболее серьезный уровень затруднений в межнациональном взаимодействии отмечен в ответах представителей таких этнических групп как лезгины (43,8 %), украинцы (40,9 %) и татары (40 %). Что касается показателя представителей украинской национальности, то во многом это объясняется событиями, происходящими сейчас на Украине в зоне СВО.

Полученные данные о общем характере межнациональных отношений в регионе было решено

дополнить вопросом анкеты, нацеленным на получение информации о характере и общей оценке личного опыта организации контактов с представителями других национальностей. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Как Вы в

целом оцениваете личный опыт взаимодействия с представителями других этнических групп?». В таблице 2 представлены результаты ответов респондентов.

Таблица 2

Варианты ответов (%)							
	Положительно	Скорее положительно	Нейтрально	Скорее отрицательно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить	Не урешенные
Общая статистика	29,9	24,4	39,9	2,6 %	1,8	1,5	0
Русские	17,8	31,1	46,7	3,3	1,1	1,1	0
Чеченцы	52,6	15,8	31,6	0	0	0	0
Осетины	100	0	0	0	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	0	0	100	0	0	0	0
Адыги	0	50,0	41,7	8,3	0	0	0
Кабардинцы	100	0	0	0	0	0	0
Армяне	28,6	0	64,3	0	7,1	0	0
Татары	50,0	30,0	20,0	0%	0	0	0
Белорусы	16,7	50,0	33,3	0	0	0	0
Украинцы	22,7	22,7	22,7	9,1	13,6	0	0
Таджики	18,8	31,3	50,0	0	0	0	0
Курды	16,7	25,0	58,3	0	0	0	0
Греки	28,6	21,4	50,0	0	0	0	0
Лезгины	31,3	6,3%	56,3	0	0	6,3	0
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	52,2	21,7	17,4	0	0	8,7	0 %

Представленные данные дают эмпирические основания для формирования представлений о характере, формах и тенденциях влияния личного опыта респондентов – представителей различных этнических групп межэтнического взаимодействия на процесс складывания определенного характера самоидентификации и идентификации представителей иных национальностей [1, с. 130–135].

Общая картина в полученных ответах вырисовывается как достаточно благоприятная для позитивных оценок. В совокупности, лишь 4,4 % опрошенных отметили либо отрицательный, либо скорее отрицательный характер опыта социальных контактов с представителями иных этнических групп. Общее число положительно оценивавший такой опыт составило 54,3 % опрошенных, нейтральные оценки отмечены в 39,9 % ответов.

Отметим и наличие информации для серьезного анализа причин негативных оценок личного опыта межнационального взаимодействия у 22,7 % опрошенных украинцев, 8,3 % адыгов и 7,1 % армян.

Весьма интересными и показательными в сравнении с данными, представленными в таблице 2

оказались ответы на такой вопрос в анкете: «Как Вы считаете, много ли в Вашем регионе людей, проявляющих нетерпимость по этническому признаку (предвзято относящихся к представителям определенной этнической группы)?» Вопрос предполагал получение информации о том насколько респонденты оценивают уровень остроты в межнациональных отношениях и насколько серьезен потенциал межэтнической конфликтности в их сознании (ответы представлены в табл. 3).

Ответы на данный вопрос (особенно в сравнении с ответами по определению личного опыта межэтнического взаимодействия) свидетельствуют о том, что отдельные этнические группы отмечают серьезный уровень напряженности в межнациональных отношениях. Почти 22 % опрошенных отметили, что встречали много и скорее много людей в регионе, проявляющих нетерпимость по этническому признаку. Среди татар таких было 30 % опрошенных, среди украинцев почти 60 %, лезгин – около 40 %, а осетин – 100 %. И что характерно, среди опрошенных только 7,7 % респондентов ответили, что не встречали в регионе людей, нетерпимо относящихся к другим по этническому признаку.

Таблица 3

Варианты ответов (%)						
	Много	Скорее много	Скорее мало	Мало	Не встречал (а) проявлений этнической нетерпимости	Не знаю
Общая статистика	8,5	13,3	58,7	8,1	7,7	3,7
Русские	3,3	8,9	64,4	10,0	11,1	2,2
Чеченцы	5,3	10,5	78,9	0	0	5,3
Осетины	0	100	0	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	0	0	100	0	0	0
Адыги	0	8,3	91,7	0	0	0
Кабардинцы	0	0	100	0	0	0
Армяне	0	7,1	64,3	0	28,6	0
Татары	20,0	10,0	50,0	0	0	20,0
Белорусы	0	16,7	66,7	0	16,7	0
Украинцы	27,3	31,8	81,3	4,5	0	0
Таджики	6,3	12,5	81,3	0	0	0
Курды	0	0	41,7	16,7	25,0	16,7
Греки	0	7,1	42,9	28,6	21,4	0
Лезгины	0	37,5	56,3	6,3	0	6,3
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	21,7	17,4	39,1	21,7	0	8,7

Данные, полученные из ответов на вопрос: «*Есть ли в Вашем окружении люди, проявляющие негативное отношение к представителям других этносов?*» представлены в следующей таблице 4 и дают информацию не об общих представлениях о наличии либо отсутствии остроты в межнациональных взаимодействиях, которые могут

формироваться на базе привычных стереотипов, мифов и ошибочных суждений, а о непосредственных фактах, наблюдениях негативного отношения к представителям других национальностей (табл. 4).

Таблица 4

Варианты ответов (%)				
	Есть, большинство	Есть, меньшинство	Нет	Затрудняюсь ответить
Общая статистика	7,4	38,0	48,7	5,9
Русские	4,4	41,1	46,7	7,8
Чеченцы	0	21,1	78,9	0
Осетины	0	100	0	0
Определившие себя как «метисы»	0	0	100	0
Адыги	0	33,3	41,7	25,0
Кабардинцы	0	0	100	0
Армяне	7,1	64,3	28,6	0
Татары	10,0	40,0	50,0	0
Белорусы	0	66,7	33,3	0
Украинцы	22,7	50,0	22,7	4,5
Таджики	0	37,5	50,0	12,5
Курды	8,3	16,7	75,0	0
Греки	0	35,7	64,3	0
Лезгины	31,3	12,5	56,3	0
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	0	47,8	39,1	13,0

Проведенный сравнительный анализ ответов, опрошенных на этот и предыдущий вопрос выявил интересный парадокс. В ответах на предыдущий вопрос более 20 % респондентов отметили наличие в регионе большого количества людей, проявляющих нетерпимость по этническому признаку, а в ответах на вопрос: «*Есть ли в Вашем окружении люди, проявляющие негативное отношение к представителям других этно-*

сов?» утвердительно ответили, что «есть большинство» только 7,4 %, а 38 % респондентов ответили, что такие люди присутствуют, но они в меньшинстве и около пятидесяти процентов ответили, что людей, нетерпимых к людям иной национальности в их окружении нет вовсе. Из этого следует, что общее представление о наличии серьезного уровня напряженности в межнациональных отношениях в регионе серьезно расходится, когда предлагается отвечать о непосредственно

наблюдаемых и переживаемых жизненных ситуациях, когда шаблонные, стереотипные представления входят в противоречие с непосредственными, конкретными личными наблюдениями и переживаниями опыта социального взаимодействия с представителями иных этнических групп. Тем не менее, цифра в почти пятьдесят процентов от общего числа опрошенных, в той или иной мере наблюдающих в своем окружении лиц с выраженной нетерпимости в отношении к представителям иной национальности, должна вызывать серьезную обеспокоенность в обществе и в системе государственно-политического управления.

Выявленное противоречие между стереотипными представлениями о облике и культурно-национальных особенностях различных этнических групп и личном опыте социального взаимодействия исследуемых подтолкнуло к рассмотрению проблемы определения степени доверия к этим стереотипам в различных этнических группах. Полученные результаты из ответов на вопрос: «Насколько обоснованы, на ваш взгляд, расхожие представления о различных этносах и их представителях?» представлены в таблице 5.

Таблица 5

Варианты ответов (%)					
	Обоснованы	Скорее обоснованы	Скорее не обоснованы	Совершенно не обоснованы	Скорее обоснованы, но есть исключения
Общая статистика	19,9	14,0	41,0	15,1	10,0
Русские	15,6	18,9	42,2	16,7	6,7
Чеченцы	10,5	0	68,4	10,5	10,5
Осетины	100	0	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	0	0	100	0	0
Адыги	0	25,0	25,0	50,0	0
Кабардинцы	100	0	0	0	0
Армяне	7,1	0	64,3	28,6	0
Татары	20,0	30,0	30,0	0	20,0
Белорусы	0	33,3	50,0	0	16,7
Украинцы	27,3	22,7	22,7	0	22,7
Таджики	12,5	43,8	31,3	0	12,5
Курды	41,7	16,7	16,7	16,7	8,3
Греки	0	7,1	57,1	28,6	7,1
Лезгины	62,5	0	31,3	6,3	0
Не определили этнич. принадлежность	21,7	8,7	34,8	8,7	26,1

Полученные ответы на поставленный вопрос свидетельствуют о том, что около половины опрошенных представителей различных этнических групп воспринимают стереотипный облик этих групп вполне обоснованным. С одной стороны, это весьма высокий и тревожный показатель существования культурно-национальных стереотипов. С другой стороны, нельзя забывать о возрастных особенностях респондентов, представляющих собою молодежь, весьма подверженную стереотипному восприятию тех или иных явлений социальной действительности.

Весьма интересным и значимым для анализа интеграционных процессов результатом опроса являются ответы представителей таких этнических групп, как осетины, кабардинцы, курды, украинцы, лезгины, татары, таджики и белорусы, в которых признаваемые ими стереотипы о этническом облике других национальностей определяются как вполне справедливые и не вызывающие отторжения. А вот представители титульного населения такие стереотипы полагают необоснованными. Такой взгляд характерен для почти 60-ти процентов опрошенных русских. Такой показатель свидетельствует о наличии достаточно позитивных

благоприятных условий для осуществления интеграционных мероприятий по встраиванию различных этнических групп в социальное пространство принимающего региона. Вместе с тем, надо обязательно иметь ввиду, что высокая подверженность представителей некоторых этнических групп стереотипному восприятию национальных особенностей составляет серьезный потенциал конфликтности социального взаимодействия по национальному признаку.

Закключение.

Подводя некоторые итоги анализа основных результатов проведенного исследования, можно отметить, что ситуация в регионе с реализацией интеграционных практик в сфере межнациональных отношений достаточно сложна и неоднозначна, о чем свидетельствуют полученные эмпирические данные о социальном самочувствии основных этнических групп, встраивающихся в социальное пространство Краснодарского края.

Противоречивость и неоднозначность в общей оценке ситуации в регионе видна и в ответах респондентов. В этих ответах лишь малая часть

представителей различных этнических групп видит рост социальной напряженности по этническим признакам. Большинство же опрошенных отмечают наличие достаточно благоприятных условий для самореализации и позитивного «врастания» в социальную среду региона. Но в ответах на другие вопросы те же самые респонденты демонстрируют на уровне своих представлений и внутренних установок существование определенного потенциала конфликтности в межнациональных отношениях, развития социальной напряженности в реализации своих интересов и жизненных целей, базирующиеся, прежде всего, на основе искаженных представлений и восприятий облика и особенностей представителей иного этноса.

Исходя из этой противоречивой картины, полученной в ходе проведения этого и ряда других исследований, можно охарактеризовать состояние межнационального взаимодействия в нашем регионе как умеренно напряженное, подверженное влиянию весьма широко представленных искаженных представлений, стереотипов в оценке

других этносов, базирующееся на поверхностных и неполных знаниях о культуре, традициях, обычаях и особенностях представителей других народностей.

Наличие у большинства населения края положительных установок на организацию и осуществление межнационального взаимодействия не должно формировать представление об отсутствии серьезных проблем в межнациональных отношениях в регионе, так как в ответах многих наших респондентов отмечаем наличие неудовлетворенности своим положением в социуме, напряженности в организации взаимодействий, наличие нерешенных проблем и ограничений, в том числе и на основании этнической принадлежности. Это все является свидетельством присутствия конфликтного потенциала, тормозящего интеграционные процессы и в перспективе могущего привести к дестабилизации социально-политической обстановки в крае.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Плотников В.В. Место межнациональных отношений в российском обществе (с опорой на актуальную ситуацию по городу Краснодару) / В.В. Плотников, Е.А. Слизский; Редкол. С.Ф. Самойлов, В.В. Плотников, Е.В. Шевченко [и др.]. // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 18. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2021. С. 130–135. EDN: GUAPDI
2. Алистанова З.Ф. Исследование этнических стереотипов: подходы и методы // Теория и практика общественного развития. 2018. № 4. С. 46–48. DOI: 10.24158/tipor.2018.4.9 EDN: YVQZFQ
3. Авксентьев В.А. Массмедиа и этнический дискурс на Северном Кавказе: политизация или деполитизация? / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Г.Д. Гриценко // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 11(88). С. 12–20. DOI: 10.24158/per.2020.11.1 EDN: EEUUOC
4. Воронова М.В. Аналитическая модель факторов адаптации и интеграции мигрантов в регионах России // Власть. 2019. № 6. С. 69–76. DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6831 EDN: YNGKWE
5. Григорьев Д.С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 2. С. 215–244. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.9 EDN: NNMYYO
6. Денисова Г.С. Методологический конструкт эмпирического исследования восприятия этнических групп и измерения межгрупповой дистанции // Этнорелигиозная идентичность татарского народа в условиях глобализации: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., г. Казань, 18–20 сент. 2019 г. Ч. 1. С. 151–171. EDN: NBRTFG
7. Денисова Г.С. Риски конфликтности межэтнических отношений на Северном Кавказе в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 3. С. 185–199. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.11 EDN: SBDODU
8. Донцова М.В. Этнические мигранты и принимающее общество: процессы социального взаимодействия: на материалах Краснодарского края : дис. ... на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Краснодар, 2007. 194 с. EDN: NOWPHD

References:

1. Plotnikov V.V. The place of interethnic relations in Russian society (based on the current situation in the city of Krasnodar) / V.V. Plotnikov, E.A. Slizsky; Editorial board S.F. Samoilov, V.V. Plotnikov, E.V. Shevchenko [et al.] // Current issues of socio-humanitarian knowledge: history and modernity. Interuniversity collection of scientific

- papers. Issue 18. Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 130–135. EDN: GUAPDI
2. Alistanova Z.F. Research of ethnic stereotypes: approaches and methods // Theory and practice of social development. 2018. № 4. P. 46–48. DOI: 10.24158/tpor.2018.4.9 EDN: YVQZFQ
 3. Avksentiev V.A. Mass media and ethnic discourse in the North Caucasus: politicization or depoliticization? / V.A. Avksentiev, B.V. Aksyumov, G.D. Gritsenko // Society: politics, economics, law. 2020. № 11(88). P. 12–20. DOI: 10.24158/pep.2020.11.1 EDN: EEUUOC
 4. Voronova M.V. Analytical model of factors of adaptation and integration of migrants in the regions of Russia // Power. 2019. № 6. P. 69–76. DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6831 EDN: YNGKWE
 5. Grigoriev D.S. The stereotype content model and ethnic stereotypes in Russia // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2020. № 2. P. 215–244. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.9 EDN: NNMYYO
 6. Denisova G.S. Methodological construct of empirical research of perception of ethnic groups and measurement of intergroup distance // The ethno-religious identity of the Tatar people in the context of globalization : proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Kazan, September 18–20. 2019. Part 1. P. 151–171. EDN: NBRTFG
 7. Denisova G.S. The risks of conflictogenicity of interethnic relations in the North Caucasus in the views of young people // Science. Culture. Society. 2023. Vol. 29. № 3. P. 185–199. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.11 EDN: SBDODU
 8. Dontsova M.V. Ethnic migrants and the host society: processes of social interaction: based on the materials of the Krasnodar Territory : dis. ... for the degree of Candidate of Sociological Sciences. Krasnodar, 2007. 194 p. EDN: NOWPHD

Информация об авторе

Слизский Евгений Анатольевич

кандидат социологических наук,
первый заместитель директора
департамента по физической культуре и спорту
муниципального объединения г. Краснодар
ORCID: 0000-0002-5972-8843
post@krd.ru

Evgeny A. Slizsky

Candidate of Sociological Sciences,
First Deputy Director of the Department
of Physical Culture and Sports
of the Municipal Association of Krasnodar
ORCID: 0000-0002-5972-8843
post@krd.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-22>

УДК 316

Attribution

cc by

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ РОССИИ НА УКРАИНЕ: ДУХОВНЫЙ ДИСКУРС

Стрелецкий Я.И., Северин И.В.

*Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков
им. Героя Советского Союза А.К. Серова*

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена как местом и ролью Специальной военной операции России (СВО) на Украине в контексте содержания архитектуры геополитических трансформаций, так и предпосылками духовного порядка, которые придали ей статус объективной необходимости. Этими параметрами определены цели и задачи исследования – проанализировать содержание духовных оснований нашей СВО по конкретным направлениям: идеологическому, культурологическому и историографическому. Сущность первого раскрывает процесс динамики украинского национализма в рамках трех его периодов: довоенного и Великой Отечественной войны, «хрущевской оттепели» и постсоветском. При этом прослеживается тенденция его трансформации в укронацизм фашистского толка. Второе направление отражает русофобскую методологию, реализуемую киевским режимом в этническом, философском и религиозном аспектах. Третье направление представлено националистическими концепциями, функция которых сводится к фальсификации исторической правды: об украинском государстве, о насильственной русификации, о голодоморе. Научная новизна отражена не только в самом объекте исследования, но и в его предмете – конкретном содержании духовного дискурса СВО. Выводы по статье включают оценку СВО в ее духовном аспекте, затрагивает важные проблемы молодежного сектора современного российского общества. Предлагается ряд мер разного порядка и уровня по патриотическому воспитанию нашей молодежи, по борьбе с «5-й колонной».

Ключевые слова: политика, идеология, национализм, русофобия, этноцид, «прокси-война» Запада, Русский мир.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SPECIAL MILITARY OPERATION OF RUSSIA IN UKRAINE: SPIRITUAL DISCOURSE

Yakov I. Streletsky, Igor V. Severin

*Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots
named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov*

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the place and role of Russia's Special Military Operation (SMO) in Ukraine in the context of the content of the architecture of geopolitical transformations, as well as by the spiritual prerequisites that have given it the status of an objective necessity. These parameters define the goals and objectives of the research, which is to analyze the content of the spiritual foundations of our SMO in specific areas: ideological, cultural, and historiographical. The first aspect reveals the dynamics of Ukrainian nationalism in its three periods: before and during the Great Patriotic War, the Khrushchev Thaw, and the post-Soviet era. It also highlights the transformation of Ukrainian nationalism into fascist-style Ucronazism. The second aspect focuses on the Russophobic methodology employed by the Kiev regime in its ethnic, philosophical, and religious aspects. The third direction is represented by nationalist concepts, the function of which is to falsify historical truth: about the Ukrainian state, about forced Russification, and about the Holodomor. The scientific novelty is reflected not only in the object of research itself, but also in its subject – the specific content of the spiritual discourse of the SVO. The conclusions of the article include an assessment of the SVO in its spiritual aspect, and address important issues of the youth sector of modern Russian society. The article proposes a number of measures of various orders and levels for the patriotic education of our

youth and the fight against the «5th column».

Keywords: politics, ideology, nationalism, Russophobia, ethnocide, Western proxy war, and the Russian World.

Funding: Independent work.

Скажу ужасную вещь: «Специальную военную операцию нам послал Бог».

Н.С. Михалков.

Введение.

Любая война, любой военный конфликт причиной своего возникновения имеют комплекс явлений материальных и духовных или, как правило, того и другого порядка. Специальная военная операция России на Украине (СВО) является классическим образцом последнего варианта при определяющей роли фактора духовного. В самом деле, ведь дефицита природных ресурсов наша страна не испытывает, производство и уровень жизни народа растут, социальная сфера развивается. Однако с другой стороны, руководство России, особенно после государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г., объективно определило экзистенциальную угрозу со стороны «альянса демократий», который неправомерно, системно и последовательно не только продвигал инфраструктуру НАТО к нашим границам, но и к этому времени уже 8 лет вел вооруженными силами Украины (ВСУ) войну на ликвидацию ДНР и ЛНР. Более того, оказавшиеся у власти на доллары США необандеровцы «незалежной», взяли стратегический курс на борьбу с Русским миром, причем, не только в Донбассе, но и в собственной стране и даже за ее пределами.

В сложившихся условиях руководство РФ было вынуждено принять решение о начале этой операции с целью демилитаризации и денацификации Украины. Отсюда, цель данной публикации состоит в анализе именно духовных оснований СВО как определяющей предпосылки защиты Русского мира и борьбы с русофобией на фронтах агрессивно ведомой Западом против нашей страны информационной войны.

Обсуждение. Результаты.

Методология русофобии реализовалась киевским режимом и его хозяевами по следующим основным направлениям.

Идеологическое, сущность которого проанализируем в следующих аспектах.

Во-первых, в историческом, отражающем генезис украинского национализма в рамках трех периодов его развития. Первый охватывает социальные последствия присоединения Буковины и Галиции к Украине по Договору между Советским Союзом и Третьим рейхом – «пакт Риббентропа-Молотова» от 23 августа 1939 г. Отметим, что эти

территории ранее входили в состав Австро-Венгерской империи, а их этническим стержнем были галичане. Они представляли собой, онемеченных Веней, этническую «помесь» из венгров, поляков, русинов и украинцев, которая, с одной стороны, считала Россию своим врагом, что проявилось в ходе Первой мировой войны, а с другой, пыталась представить себя как защитника всех украинцев от «москалей», а впоследствии – от «красных»; то есть, от «большевистской оккупации».

Отметим сразу, что советская власть не захватывала эти территории, а вернула их, ибо они были исконно русскими землями, ранее входившими в состав Галицко-Волынского княжества. К тому же, возвращение этих регионов нашей стране спасло их жителей от трагической участи поляков в начале Второй мировой войны. Тем не менее, в ходе последней главари ОУН-Б (бандеровцев) и ОУН-М (мельниковцев), сколотили из врагов советской власти вооруженные группировки, которые не только сами воевали против СССР, но и охотно пополняли структуры СС и вермахта.

Второй период – 1960-е годы «хрущевской оттепели», когда за определенные перегибы в коллективизации в западных областях советской Украины генеральный секретарь КПСС, Н.С. Хрущев, неожиданно применил тактику умиротворения к осужденным за пособничество немецким оккупационным властям. Так, 17.09.1955 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны»¹. Согласно этому юридическому акту, ранее осужденные и пораженные в правах лица, могли вернуться из эмиграции (где многие уже ранее были завербованы спецслужбами США), из лагерей в места прежнего проживания.

По архивным данным, только за 1955–1958 гг. в западные области Украинской ССР вернулось более 40 тыс. бывших бандеровцев. «Этот контингент, – отмечает легендарный ветеран Службы внешней разведки Корольков Л.В., – вернувшийся обратно на Украину, причем, часто – на руководящие должности, начал переучивать детей, начиная с 6 лет, в лагерях подготовки воспитывали малолеток в националистическом духе» [1, с. 8].

Третий период – постсоветский, в его рамках украинский национализм приобрел свои сущност-

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в годы Великой

Отечественной войны // Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. /ru.wikisource.org>wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР от...

ные черты, среди которых выделяется закономерная тенденция трансформации в украинацизм фашистского толка, доказательством чего являются факты убийства многих истинных патриотов Украины, например, писателя Олеса Бузины; геноцид оппонентов «майдана» в Доме профсоюзов 02 мая 2014 г. в Одессе; факельные шествия в Киеве и других городах «незалежной» в честь 112-летия лидера ОУН С. Бандеры и 77-летия дивизии СС «Галичина» и др.

Второй аспект анализа идеологического направления – содержательный, представляющий на идеологической ниве закономерную гегелевскую триаду: тезис, антитезис, синтез. Здесь первое – русофобия и антисоветизм, второе – украинский национализм и третье – его родство с национализмом. И в самом деле, ведь вся антропологическая стратегия Киева после госпереворота февраля 2014 г. свелась к ликвидации этнических русских и образования демографического пространства «чистой украинской нации». Весь парадокс этой идеологии заключается в том, что она оказалась губительной для самой Украины, для ее народа. Но она выгодна тем, «кто поощрял, подначивал, вооружал Украину, науськивал ее на Россию, десятилетиями взращивал там оголтелый национализм и неонацизм, честно говоря, извините за моветон, плевать хотели не только на российские интересы, но и собственно, на украинские, подлинные интересы народа этой страны» [2].

Третий аспект – функциональный, выражающий квинтэссенцию, а заодно и определяющий историческую судьбу идеологии украинского национализма во всех формах и проявлениях, но при сохранении своей стержневой стратегической цели – реализацию русофобской политики киевского режима в духовной сфере, начиная с детского сада, продолжая ее в школе, вузе...

Отметим, что националистическая обработка подрастающего поколения «незалежной» велась и ведется системно, последовательно, с учетом возрастных особенностей учащихся. По признанию министра образования и науки Украины Л. Гриневича, на доллары Сороса в 2017 г. там была разработана программа «Новая школа», цель которой состояла в том, чтобы воспитывать молодежь в духе ненависти ко всему русскому, что во многом, следует признать, удалось.

При этом проявляется, казалось бы, странное явление – к войне с Русским миром активно подключалась часть политической и военной верхушки этой страны, состоящее из этнических русских. Но это – не странность, не случайность. Дело в том, что предатели и приспособленцы, как известно, национальности не имеют, а руководствуются своими классовыми и клановыми интересами. С другой стороны, как отмечает известный отечественный ученый В.Г. Кикнадзе, «под лозунгами «самостійности и незалежності» украинские радикалы-националисты, украицисты на протя-

жении всей истории своего движения преследовали цель – продать «рідну неньку Україну» иноземным колонизаторам, чтобы стать привилегированной коллаборационистской кастой надсмотрщиков над соотечественниками» [3, с. 26]. И эта задача в целом была удачно решена: Вашингтон «со товарищи» по НАТО Украину уже купили, причем, вместе с ее продавцами.

Культурологическое направление в русофобской методологии киевского режима после госпереворота в феврале 2014 г. представим в ряде его сущностных аспектах.

Во-первых, в этническом, отправной точкой которого стала проблема языка. Дело в том, что язык любого народа – не просто нейтральная, абстрактная, бездушная форма общения, а средство формирования социального типа личности, ее мировоззрения и, стало быть, жизненной позиции. По определению Р. Соколовой, «характер, привычки, убеждения, обычаи и представления создают особенные свойства каждого народа, они зримы и ощутимы. Эти особенные свойства закрепляются и задаются человеку его родным языком. Поведение человека во многом зависит от его языковой картины мира, а она хранится в генетической памяти. Именно на этих механизмах основаны национальные стереотипы поведения, культурные сценарии, по которому живет и действует народ» [4, с. 5].

Эту социальную закономерность в своих антигуманных целях активно эксплуатирует с подачи и под контролем заокеанских управляющих киевское руководство. Так, уже 23 февраля 2014 г. в стране был упразднен закон «Об основах государственной языковой политики» 2012 г. в котором за местной властью сохранялось право наделять русский язык статусом регионального. Новая редакция этого закона зафиксировала украинский язык в качестве государственного и перевела все информационное, образовательное и культурное пространство Украины на «мову». И это при всем при том, что большая часть населения страны общалась на русском, а основу населения Донбасса традиционно-этническое русские. Заметим, что на Западе, который властью постмайданной Украины взят за образец, иная этническая политика. В Швейцарии, например, четыре государственных языка, в Канаде – два, а в Финляндии, где шведы составляют всего 6 % населения, имеют свой язык в статусе государственного.

В сущности, здесь не только практика двойных стандартов, но и стратегия этноцида; то есть, политика, идеология и практика, направленные на ликвидацию русских как этнос. При этом на «демократическом» Западе, никакого нарушения прав человека в этом не видят. А не видят потому, что не хотят видеть, ибо интересы украицистов и «коллективного Запада» здесь совпадают – нанести удар по Русскому миру.

Во-вторых, в философском – цивилизационном.

Напомним, что во второй половине XIX в. Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» предложил новую методологию анализа глобального социального процесса – цивилизационную. В ней русский философ не только солидарен с учением славянофилов, но и развил его, поднял на новый уровень теоретического осмысления проблемы общественного развития, доказав, что западная цивилизация основана на «голом рационализме», на эгоистическом прагматизме, который чужд и враждебен славянской цивилизации. Более того, он предупреждал, что «чужебесие» и «европейничанье» для славянского мира не только позорны, но и весьма опасны.

Однако, захватившие власть в стране необандеровцы, тут же отказались от общих с русскими славянских корней и объявили, что Украина «це Европа», а Россия, дескать, варварская азиатчина.

В-третьих, в религиозном. Этот аспект духовного дискурса нашей СВО отражает справедливое возмущение верующих граждан Украины грубым неправомерным вмешательством ее власти в дела церкви, которая по Закону и Совести, не должна вмешиваться в политику, не должна быть идеологически ориентирована, а обязана следовать своим традициям, канонам, догматам.

Тем не менее, уже при президентстве В. Ющенко, а затем и при П. Порошенко, был предпринят ряд сепаратистских попыток расколоть Русскую православную церковь (РПЦ) Московского патриархата, образовав в стране «самостийную» Украинскую православную церковь (УПЦ), что и было осуществлено. Не затрагивая здесь сакральные стороны религиозной и церковной проблематики, отметим одно – но весьма важное обстоятельство – верующие не могут быть подвержены духовному, а тем более физическому насилию. Однако киевские власти во главе с В. Зеленским повели интенсивную и агрессивную атаку на традиционную РПЦ Украины. Вот только несколько свидетельств этому:

– оказывается, что ранее православные праздновали «неправильное» Рождество 7 января, а «истинное», дескать, следует отмечать как у католиков – 25 декабря;

– под «патриотическими» нарративами о том, что «украинский язык, украинская вера, украинская церковь – едины», захватываются, а нередко поджигаются, сносятся православные храмы. Монахов Киево-Печерской лавры объявили «агентами Кремля», опечатали их кельи и выставили за ограду, а некоторых арестовали;

– возбуждены уголовные дела против митрополита Черкасского и Коневского Феодосия, Вышгородского и Чернобыльского Павла, Святогорского Арсения, а также Тульчинского и Братиславского Ионафана и др. Только за 2024 г. УПЦ потеряла более 1,5 тыс. своих храмов, против многих митрополитов и членов Синода завели уголовные

дела. Но даже на этом беззаконии «реформаторы» церкви не остановились: украинские верующие лишаются своих святынь. Как заявил депутат Верховной Рады Александр Дубинский, «мощи Киево-Печерской Лавры готовятся вывезти в Великобританию. Такое обещание Зеленский дал королю Карлу III [5, с. 3].

Историографическое направление духовного дискурса СВО раскрывает содержание русофобской стратегии «промывания мозгов» украинскими «историками» с целью формирования у граждан «незалежной», в первую очередь, у молодежи, мировоззрения, основанного на «героическом» прошлом «украинской нации», с одной стороны, и образа России как угнетателя, поработителя, варвара, с другой. Но не только. Информационные атаки на историческую память рассчитаны и на российскую публику с той целью, чтобы наши школьники взяли себе в пример гимназиста из Нового Уренгоя Николая Десятниченко, выступившего 19 ноября 2017 г. в бундестаге Германии с покаянной речью о «невинно погибших» солдатах вермахта под Сталинградом.

Для реализации этих задач при президентстве В. Ющенко в 2006 г. был образован Институт национальной памяти, который взял на вооружение принцип исторической амнезии – формулу английского писателя Джорджа Оруэлла: «прошлое подчищено, подчистка забыта, ложь стала правдой». На основе этой методологии сотрудниками этого «научного центра» и ряда кафедр вузов Украины в целях русофобской фальсификации исторической правды сочинено множество концепций, среди которых выделим основные.

Об украинском государстве. Этот исторический фейк имеет ряд своих вариантов, но наиболее модные два. Первый реализует идею либерала-западника М. Грушевского (1866–1934) о том, что, дескать, «Киевская Русь породила только одну нацию – украинцев, только одно государство – Украину-Русь» [6, с. 341]. Но ведь историческая наука, в том числе и западная, доказала, а социальная практика однозначно подтвердила, что в Древности и в Средневековье на территории Киевской Руси проживали племена с общим древнеславянским генетическим корнем, давшим впоследствии победы в качестве украинского, русского и белорусского народов.

Второй вариант этой концепции рассчитан на незрелые умы школьников, которым вбивают лживый тезис о якобы образованном в XVII в. «казацком государстве», разрушенном в результате «предательского сговора» Богдана Хмельницкого с московским царем [7, с. 610–614]. В действительности такого государства история не знает, ибо оно – очередной миф украинской пропаганды. Что же до насильственного поглощения Московией «казацкой вольницы», то заметим следующее:

– еще в 1624 г. к царю Михаилу Федоровичу

было делегировано посольство Киевского митрополита Иова с просьбой «О принятии Малороссии и запорожских казаков в покровительство»;

— в 1648 г. Б. Хмельницкий в послании царю Алексею Михайловичу писал: «Хотим себе самодержца такого, хозяина в своей земле, как ваша царская милость православный христианский царь. К милостивым ногам вашего царского величества покорно сдаемся» [8, с. 16].

О *насильственной русификации*, которая якобы началась «зрадой» Б. Хмельницкого и продолжалась до распада Советского Союза.

А ведь факты свидетельствуют о другом.

Во-первых, в допетровский период Москва мало интересовалась Малороссией – было не до нее. Первый русский император, как известно, ценил своих подданных за их деловые качества и продвигал по службе без учета «национального фактора». Даже после измены И. Мазепы под Полтавой издал 11.03.1710 г. Указ «О запрещении людям всякого чина притеснений малороссов по причине предательства Мазепы». Эта же политика «притеснения хохлов» продолжала императрица Елизавета, которая Указом от 21.05.1742 г. «О не укреплении холопства в Малороссии» оградила ее народ от крепостного права, освободив его к тому же от тяжелой рекрутской повинности. Тенденция особого – бережного, щадящего, уважительного – отношения к «малороссам» сохранялась и в дальнейшем.

Во-вторых, в советский период активно приводилась в жизнь, неожиданная даже для многих большевиков, политика украинизации, предусматривавшая создание «на местах» курсов изучения украинского языка, переход на него всей инфраструктуры государственного и партийного аппарата УССР. Более того, эта практика была распространена даже за ее пределами – на территорию РСФСР, где компактно проживали украинцы.

В-третьих, оказывается, что «русский шовинизм» был настолько «уродливым», что в 1920-е – 1930-е годы Красная Армия имела в своем составе национальные украинские формирования: 95-ю стрелковую Первомайскую и 96-ю стрелковую Винницкую дивизии, Школу червонных старшин, где обучение проводилось на «мове». Полагается, что читателю известна интернациональная политика советского руководства вплоть до 1991 г., которая порой за счет населения центральных областей страны ускоренными темпами осуществляла индустриализацию окраин, ликвидировала безграмотность, всячески способствовала развитию науки и национальной культуры.

О *голодоморе*, якобы устроенном большевиками в 1930-е годы с целью «геноцида» украинского народа, как об этом утверждают авторы школьных учебников по истории Украины, а также их за-

граничные кураторы и спонсоры. Научную несостоятельность и реакционную политическую сущность этих измышлений докажем следующими аргументами.

Во-первых, по правде, был голод, а не голодомор по причине природной – засухи. В этой масштабной трагедии и всенародной беде, по мнению известного отечественного ученого-историка Е.В. Анисимова, не было «антиукраинского следа», ибо голод и высокая смертность по тем же причинам поразили плодородные земли Северного Кавказа, Поволжья, Центрального Черноземья, а также Нечерноземья, Южного Урала, Северного Казахстана» [9, с. 427].

Во-вторых, где здесь элементарный здравый смысл: зачем сие злодеяние Кремлю? Ведь, большевикам судьбоносно нужны были рабочие руки, чтобы выполнить грандиозные планы социалистического строительства, чтобы отстоять и защитить молодую советскую власть для всемирной победы коммунизма.

В-третьих, осуществить голодомор по этническому признаку просто невозможно, так как украинцы проживали не изолированными анклавами, а были рассеяны не только по регионам, улицам, кварталам, а даже в этнически смешанных семьях... К тому же, в результате решительных мер советской власти по борьбе с голодом, по медицинскому и социальному обеспечению население УССР только за 1932 г. выросло более чем на четверть миллиона человек. Благодаря такой рационалистической политике, хотя бы частично были восполнены демографические потери в ходе Первой мировой и Гражданской войн.

Закключение.

Предполагается, что осуществлённый в данной публикации анализ дает достаточно основания для определенных выводов.

Во-первых, наша СВО – объективная, естественная и необходимая превентивная акция по защите Русского мира – народа Донбасса, его духовных ценностей, а также этнической идентичности проживающих на Украине русских.

Во-вторых, ход и темпы СВО показывает, что необандеровцам киевского режима при активной политической, военно-технической и медийной поддержки Запада во главе с Вашингтоном во многом удалось когнитивно-ментальная операция по формированию у целого ряда граждан страны образа врага в лице традиционного братского русского народа.

В-третьих, у Запада в своей «прокси-войне» против нашей страны на Украине экономический и военно-технический ресурсы на исходе. Поэтому в его стратегии ослабления и поражения России основной удар смещается в духовную сферу, переносится на информационный фронт, что необходимо знать и учитывать.

В-четвертых, осмысливая духовные основы СВО, нам полезно взглянуть на себя, объективно оценить реалии современного российского общества, что даст нам не везде «картину маслом». Да, с одной стороны, наши воины на передовой проявляют мужество, патриотизм, с честью выполняют свой служебный долг. Их поддерживает тыл, проявляя любовь и заботу к нашим защитникам. Но, с другой стороны, есть иной сегмент российского общества, который далек от судьбоносных проблем страны, для которого личное благополучие и гедонизм – цель жизни.

Заметим, что такой образ жизни нам занесли не марсиане. Это молодежь далеко не всегда из когорты «золотой», родилась и сформировалась в нашем обществе, а стала она таковой потому, что:

- в стране до сих пор нет стройной системы патриотического воспитания школьников;
- молодежные организации «Юнармия», «Движение первых», и др. охватывают ограниченный круг подрастающего поколения;
- отечественные СМИ, особенно TV, за исключением телеканалов «Звезда», «Победа», «Культура» нередко транслируют откровенные вредные для патриотического воспитания молодежи программы.

тура» нередко транслируют откровенные вредные для патриотического воспитания молодежи программы.

В-пятых, как обычно, традиционный вопрос – «что делать?». Полагается, что в первом приближении, следующее:

- разработать, обсудить и «принять на вооружение» Государственную идеологию России как научную платформу и философскую методологию воспитания наших граждан;
- ликвидировать институт двойного гражданства как легитимной «крыши» для коррупционеров, взяточников и лиц с колеблющейся политической ориентацией;
- признать, что в стране есть «наша пятая колонна», осевшая, главным образом, в околокультурном и информационном пространствах и, что особенно опасно, окопавшаяся на философской ниве, а конкретно – в стенах Института философии РАН, что стало предметом острых дискуссий на страницах патриотических изданий. Но одного признания этого факта явно недостаточно, особенно в современной геополитической обстановке. Необходимы соответствующие меры. Время не терпит.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Волков В.Л. «Северный ветер» // Завтра. 2025. № 31.
2. Путин В.В. Речь на заседании дискуссионного клуба «Валдай», 02 октября 2025 г. URL : [http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community meetings/78134](http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community%20meetings/78134) (дата обращения 15.10.25).
3. Кикнадзе В.Г. Спецоперация. Украинский фронт войны против России. М. : Прометей, 2023. ISBN: 978-5-00172-461-2 EDN: YEKDHT
4. Соколова Р. Рост через насилие // Завтра. 2024. № 10.
5. Калинин Руслан. Темное дело // Завтра. 2025. № 37.
6. Грушевский М.С. Очерки истории украинского народа. СПб. : Общественная польза, 1906.
7. Пенькова О.Б. Переяславская рада 1654 г.: борьба идеологических конструктов в мемориальных практиках постмайданной Украины.
8. (2014–2024 гг.). Материалы научно-практической конференции, Геленджик, 24–26 мая 2024 г. Краснодар, 2024.
9. Кудряшов К. Хотим себе самодержца такого // Аргументы и факты. 2024. № 3.
10. Анисимов Е. История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты. 4-е изд., доп. СПб. : Питер, 2024.

References:

1. Volkov V.L. «North wind» // Tomorrow. 2025. № 31.
2. Putin V.V. Speech at the meeting of the Valdai Discussion Club, October 02, 2025. URL : [http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community meetings/78134](http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community%20meetings/78134) (date of application 10/15/25).
3. Kiknadze V.G. Special Operation. The Ukrainian front of the war against Russia. M. : Prometheus, 2023. ISBN: 978-5-00172-461-2 EDN: YEKDHT

4. Sokolova R. Growth through violence // Tomorrow. 2024. № 10.
5. Kalinchuk Ruslan. A dark matter // Tomorrow. 2025. № 37.
6. Hrushevsky M.S. Essays on the history of the Ukrainian people. SPb. : Public benefit, 1906.
7. Penkova O.B. The Pereyaslavskaya Rada of 1654: the struggle of ideological constructs in the memorial practices of post-Maidan Ukraine.
8. (2014-2024) Proceedings of the scientific and practical conference, Gelendzhik, May 24–26, 2024. Krasnodar, 2024.
9. Kudryashov K. We want such an autocrat for ourselves // Arguments and Facts. 2024. № 3.
10. Anisimov E. The history of Russia from Rurik to Putin. People. Events. Dates. 4th ed., supplement. SPb. : Peter, 2024.

Информация об авторах

Стрелецкий Яков Ильич

кандидат философских наук,
профессор,
Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
popov-52@mail.ru

Северин Игорь Владимирович

кандидат философских наук,
преподаватель,
Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
pilot120558@inbox.ru

Yakov I. Streletsky

Candidate of Philosophical Sciences,
Professor,
Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots
popov-52@mail.ru

Igor V. Severin

Candidate of Philosophical Sciences,
Teacher,
Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots
pilot120558@inbox.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-2>

УДК 342.1

Attribution

cc by

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ГРАЖДАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Афамготов Э.М., Гайдарева И.Н., Удычак Ф.Н.

Адыгейский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, которые произошли в законодательстве о гражданстве РФ. Представляются основные критерии и условия, необходимые для получения гражданства, оцениваются преимущества, предоставляемые гражданством. Выделены аспекты получения гражданства для некоторых категорий лиц, а также возможные проблемы социальной и культурной адаптации для новых граждан. Также анализируются современные тенденции в законодательстве о гражданстве РФ, выявляются проблемные вопросы адаптации и интеграции мигрантов. По мнению авторов, перспективы дальнейшего развития института гражданства в РФ связаны с устранением существующих противоречий в законодательстве, особенно в части регулирования положения граждан бывшего СССР; дальнейшей гармонизацией с международными стандартами в области прав человека; совершенствованием административных процедур для упрощения процесса получения гражданства для добросовестных заявителей; с усилением защитной функции гражданства как инструмента обеспечения прав и свобод личности.

Ключевые слова: гражданство, институт гражданства, правовой статус личности, законодательство о гражданстве РФ, миграционное законодательство, демография, демографическая политика, репатриация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

MODERN TRENDS IN THE LEGISLATION ON CITIZENSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION

Eduard M. Afamgotov, Inna N. Gaidareva, Fatima N. Udychak

Adyghe State University

Abstract. The article examines the changes that have occurred in the legislation on citizenship of the Russian Federation. It presents the main criteria and conditions necessary for obtaining citizenship, and assesses the benefits provided by citizenship. It highlights aspects of obtaining citizenship for certain categories of persons, as well as possible problems of social and cultural adaptation for new citizens. It also analyzes current trends in the legislation on citizenship of the Russian Federation, and identifies problematic issues of adaptation and integration of migrants. According to the authors, the prospects for further development of the institution of citizenship in the Russian Federation are associated with the elimination of existing contradictions in legislation, especially in terms of regulating the status of citizens of the former USSR; further harmonization with international human rights standards; improvement of administrative procedures to simplify the process of obtaining citizenship for bona fide applicants; and strengthening the protective function of citizenship as a tool for ensuring the rights and freedoms of the individual.

Keywords: citizenship, institution of citizenship, legal status of an individual, legislation on citizenship of the Russian Federation, migration legislation, demography, demographic policy, repatriation.

Funding: Independent work.

Введение.

Гражданство является важным правовым статусом, определяющим принадлежность человека к определённому государству. Совокупность полномочий и ответственности, каковые индивидуум

может осуществлять, располагаются в непосредственной взаимосвязи от присутствия или неимения у него гражданства государства, в рамках которого он пребывает. Гражданство обеспечивает индивидуум принятие его права правосубъектности и предполагает правовую поддержку законов настоящего государства.

© Афамготов Э.М., Гайдарева И.Н., Удычак Ф.Н.

Таким образом, гражданство представляет собой один из ключевых параметров России как независимой страны.

Теоретико-методологические основы исследования. Гражданство – ключевой компонент системы правовых отношений, правового состояния личности в РФ. Как институт права гражданство охватывает параметры, упорядочивающие социальные связи между государством и индивидами. Государство предписывает гражданам исполнение своих обязательств как внутри страны, так и за её рубежами. Однако и государство должно отстаивать интересы своих граждан за её пределами.

Принятие Федерального закона от 28 апреля

2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» ознаменовало собой масштабную реформу одного из фундаментальных институтов конституционного права. Новый закон, полностью заменивший действовавший с 2002 года нормативный акт, был призван ответить на современные вызовы, включая вопросы национальной безопасности, демографической политики и необходимости оптимизации миграционных процессов [1].

Сравнительный анализ позволяет выявить как структурные, так и содержательные изменения, внесенные новым законом. Основные преобразования систематизированы в таблице 1.

Таблица 1

Реформирование законодательства о гражданстве РФ

Аспект регулирования	Правовое регулирование в Законе № 62-ФЗ (2002 г.)	Правовое регулирование в Законе № 138-ФЗ (2023 г.)
Терминология	Использовалось понятие «двойное гражданство», термин «множественное гражданство» не был законодательно закреплён [1]	Впервые введено четкое разграничение: «двойное гражданство» (при наличии международного договора) и «множественное гражданство» (при его отсутствии)
Порядки приема в гражданство	Четкое разделение на «общий» (ст. 13) и «упрощенный» (ст. 14) порядок [2]	Формально упразднены понятия «общий» и «упрощенный» порядок. Фактически сохранены: прием в гражданство для отдельных категорий лиц (ст. 16) и в исключительном порядке (ст. 17)
Условия приема	Владение русским языком; наличие законного источника средств к существованию [2]	Добавлено требование о знании основ истории России и основ законодательства РФ. Требование о наличии законного источника средств к существованию исключено
Круг лиц, имеющих право на упрощенный прием	Родившиеся на территории РСФСР; состоящие в браке с гражданином РФ не менее 3 лет; имеющие дееспособных совершеннолетних детей-граждан РФ; предприниматели и инвесторы [1]	Расширен: включены постоянно проживавшие в РСФСР; имеющие родственников по прямой линии, рожденных/проживавших на территориях Рос. империи или СССР; наличие детей-граждан РФ (без возрастного ценза); состоящие в браке и имеющие общего ребенка. Исключены предприниматели и инвесторы
Прекращение гражданства	Существовал институт отмены решения о приеме в гражданство [1]	Введен институт прекращения гражданства в отношении натурализованных граждан за сообщение заведомо ложных сведений. Расширен перечень преступлений, служащих основанием для прекращения гражданства
Иные основания	Существовало восстановление в гражданстве [1]	Возвращение института признания гражданства (вместо восстановления). Четкое выделение оптации как отдельного основания

Введение экзамена по истории и основам законодательства направлено на углубление социокультурной адаптации мигрантов. Это нововведение призвано обеспечить не только формальное владение языком, но и понимание ценностей и правовых основ российского общества. Одновременно, отмена требования о наличии законного источника средств к существованию упрощает процедуру для некоторых категорий заявителей, что может рассматриваться как элемент либерализации [2].

Изменения в круге лиц, имеющих право на упрощенный прием, демонстрируют ярко выраженную политику поддержки соотечественников за рубежом и укрепления семейных связей. Включение

лиц, постоянно проживавших в РСФСР и их потомков, отвечает демографическим целям государства. В то же время, исключение из этого перечня предпринимателей и инвесторов свидетельствует о пересмотре подходов к экономической миграции.

Предоставление Президенту полномочий определять иные категории лиц для приема в гражданство и устанавливать для них особые условия (ч. 9 ст. 16 Закона) добавляет гибкости всей системе, но одновременно создает потенциал для избыточно широкого усмотрения.

Современное законодательство о гражданстве Российской Федерации демонстрирует ярко вы-

раженную тенденцию к ужесточению и детализации регулирования, что продиктовано как внутренними социально-демографическими задачами, так и внешнеполитическими обстоятельствами. Эти изменения затронули как сам институт гражданства, так и смежные области, прежде всего миграционное право.

В соответствии с мировыми показателями, народонаселение России оценивается как пожилое, если численность жителей в возрасте 65 лет и старше превосходит 7 % жителей государства. На 2023 год демографический объем граждан от 65 лет и старше достиг 16,5 %. «Суммарный коэффициент рождаемости в России, то есть среднее число детей на одну женщину по итогам 2023 года составил 1,41» [3].

Согласно информации Росстата, количество жителей за 6 месяцев 2024 года убавилось на 296,6 тыс. человек. За 2023 год данное число составило 500,3 тыс. человек, за 2022 – 599,6 тысяч, за предыдущие 8 лет численность жителей в РФ убавилось на 3,5 млн человек.

По Указу Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 (ред. от 01.07.2014 г.) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [4] для того, чтобы заместить естественную смертность народонаселения ввиду падения рождаемости, наращена деятельность по рекрутированию на постоянное проживание иностранцев рабочего возраста.

Таким образом, ставка была сделана не на увеличение количества коренного население, а на завоз жителей других государств. При этом ставилась цель ассимиляции данных лиц в российскую культуру с намерением недопущения межрелигиозного противостояния.

Можно сделать предположение о неуспехе данного пункта повестки. Согласно исследованию Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН), более 43 % переселенцев игнорируют правовые нормы РФ, а 24 % настроены на защиту обычаев своей нации в уличных акциях. Государством ставилась цель привлечения высокообразованных гастробайтеров. Однако миграция не сопровождается притоком высококвалифицированных специалистов. Например, по данным МВД за 2022 г., разрешение на работу высококвалифицированным рабочим выдано лишь 33 % среди общего количества [5].

Переселенцы оказывают негативное влияние на увеличение этнической преступности. По данным председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина, «отмечается рост тяжких преступлений, совершённых и иностранными гражданами на 32 %, и особо тяжких преступлений на 26 %» [6]. «Увеличилось и количество преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. В сфере незаконного оборота наркотиков мигранты преступили закон на 27 % больше, чем прежде. Наибольший рост отмечен в сфере преступлений экстремистского характера –

плюс 147 %» [7].

Параллельно с реформой законодательства о гражданстве, происходило значительное ужесточение в смежной сфере – миграционном законодательстве, что формирует общий контекст и влияет на условия приобретения гражданства:

- **сокращение срока безвизового пребывания:** с 01 января 2025 года разрешенный срок пребывания иностранцев в России в безвизовом режиме сокращен до **90 дней в течение одного календарного года** [8; 9]. Из этого правила есть исключения для граждан стран ЕАЭС, высококвалифицированных специалистов, студентов и других категорий [10];

- **введение реестра контролируемых лиц:** с 05 февраля 2025 года начал действовать реестр иностранных граждан, нарушивших миграционное законодательство. Включение в этот реестр влечет за собой серьезные ограничения: блокировку банковских счетов, запрет на покупку недвижимости, регистрацию браков и бизнеса, а также запрет на управление транспортными средствами [11];

- **борьба с фиктивными браками:** с 25 января 2025 года ужесточены требования для иностранцев, состоящих в браке с гражданином РФ. Для получения разрешения на временное проживание (РВП) теперь необходимо подтвердить, что брак фактически длится **не менее трех лет** [11];

- **внедрение биометрической идентификации:** в 2025 году начался эксперимент по сбору биометрических данных иностранцев, въезжающих в Россию. После идентификации иностранный гражданин получает электронную карту, а идентификация на территории РФ осуществляется с помощью QR-кода [8].

Вместо того, чтобы заниматься формированием социальных проектов, которые могут обусловить демографический прирост местного населения РФ, государственными органами осуществляется привоз иностранцев в качестве недорогих трудовых ресурсов. Это снижает стимул работодателей по внедрению новых технологий, повышению производительности труда, социальной поддержки увеличению зарплаты. Создает общественное недовольство, раскачивает основы государственного устройства и может привести к дезорганизации державы. Как подчеркнул Председатель Национального антикоррупционного комитета К.В. Кабаков, «официально фиксируется значительный рост числа пенсионеров и детей, приезжающих в нашу страну из Средней Азии и Закавказья, а не рабочей силы, что является непомерной нагрузкой на социальную систему» [12].

Исходя из прошедшего подсчёта жителей РФ, «55 % семей имеют одного ребёнка, в 33 % – два, в 12 % – три и более. Среди многодетных семей 37,7 % считаются официально бедными, т.е. малоимущими» [13].

На наш взгляд, при разработке планов по изменению возрастной структуры населения необходимо делать акцент на семейства, обдумывающие деторождение одного или двух детей. И впоследствии, в дальнейшем, вычленив домохозяйства, желающие иметь трёх и более детей, разработать специальные долгосрочные программы поддержки как многодетных, так и одно и двухдетных семейств.

Возможно использовать практику Французской Республики по подъёму рождаемости коренного населения, включающую обширную схему поддержки, как, например, единоразовый бонус за деторождение, регулярные выплаты на детей до 20 лет. Сверх того, идут выплаты на учеников и учащихся среднеспециальных и высших учебных заведений, предусмотрены скидки и по налогам на доходы физических лиц домохозяйств и прочее. Данные меры поддержки позволили увеличить рост рождаемости до 1,9 на женщину, что является самым высоким показателем в Европе.

Применительно к российским реалиям, одной из существенных мер дополнительной поддержки семей с детьми и стимулирования рождаемости могло бы стать их обеспечение бесплатным жильём либо по льготному проценту (не более 5%) на весь период его погашения, малоэтажное строительство либо частное домовладение с необходимой инфраструктурой – детсадами, поликлиниками, школами, детскими площадками, местами досуга для родителей и т.д. Возможно, опереться на опыт советского периода истории страны по возведению молодёжных жилых кооперативов с помощью самих будущих жильцов, которые в своё время показали хорошие результаты. Тем более, данное предложение может частично решить проблему нехватки рабочих рук на стройке и позволит заместить труд мигрантов.

С 01.01.2024 г. Указом Президента РФ от 22.11.2023 г. № 872 введено определение репатрианта как согражданина, стремящегося переселиться в РФ по Госпрограмме в упрощённом варианте. Для данных лиц не требуется знание русского языка, им покрываются затраты на релокацию и обеспечивается ежемесячная выплата до того момента, пока они не приобретут гражданство РФ; далее они обеспечиваются дотацией на поднаём жилплощади.

В числе прочего, согласно данному документу, к репатриантам относят «лиц, имеющих родственников по прямой восходящей линии, родившихся или постоянно проживавших на территории РСФСР, либо территории, относившейся к Российской империи или СССР, в пределах госграницы РФ, и имевших соответствующую гражданскую принадлежность» [14].

Однако репатрианты **не имеют права** на получение основных государственных гарантий и мер социальной поддержки, предусмотренных для участников программы на общих основаниях. К ним относятся:

- компенсация расходов на переезд;

- «подъёмные» выплаты;
- ежемесячное пособие по безработице;
- жилищная субсидия после приобретения гражданства.

При этом субъекты Российской Федерации вправе устанавливать для репатриантов собственную дополнительную поддержку [15].

Следуя логике данного пункта закона, черкесы (адыги), вынужденные эмигрировать после Кавказской войны в 1864 г., считаются согражданами ввиду того, что их предки до переселения из территории Российской империи в XIX веке населяли область Западного Кавказа. За пределами России в настоящее время проживает в различных странах значительная диаспора (около 5 млн чел.), определённая часть которых при наличии признания их соотечественниками и соответственно распространения на них действия Указа № 872 могла бы вернуться на историческую родину. Диаспора отличается лояльностью по отношению к стране пребывания, активно принимает участие в политической и экономической жизни государств (Турция, Сирия, Иордания, Израиль), выступает на защите её рубежей. Существенный процент черкесов (адыгов) граждан РФ принимает участие в СВО, охраняя интересы страны. Однако зарубежные черкесы без видимых оснований не рассматриваются должностными лицами РФ как сограждане.

По данным Международной Черкесской Ассоциации, на сегодняшний день в Россию вернулось около трёх тысяч репатриантов. Основная работа ведётся в трех субъектах: Кабардино-Балкарии, Адыгее и Карачаево-Черкесии [16].

Выделим основные аспекты современного процесса:

- **государственные программы:** приняты и действуют государственные программы по содействию добровольному переселению соотечественников в Кабардино-Балкарии и Адыгее;
- **поддержка репатриантов:** прибывшим оказывается помощь в расселении, обустройстве, бесплатном медицинском обслуживании, обучении языкам и других адаптационных мероприятиях.

Как отмечают лидеры общин, несмотря на важность, вопрос репатриации очень многогранен и сложен, и решить его разом не удастся. Одной из важнейших задач является упрощение процедуры получения российского гражданства для черкесов-соотечественников.

Введение статуса репатрианта создало новый, гибкий механизм возвращения соотечественников. Он предлагает упрощенную процедуру и свободу выбора места жительства в обмен на отказ от масштабной государственной финансовой

поддержки, что позволяет каждому соотечественнику выбрать наиболее подходящий для себя путь возвращения на родину. Репатриация рассматривается как положительный фактор, способствующий экономическому и культурному развитию республик Северного Кавказа. Этот процесс укрепляет связи между разрозненными частями адыгского народа и способствует сохранению языка и культуры на исторической родине.

Современный этап общественно-политического развития России характеризуется повышенным вниманием государства к вопросам формирования и защиты национальной идентичности. В условиях трансформации международного порядка и обострения геополитической конкуренции идеологический и ценностный суверенитет становится ключевым ресурсом государств.

Тем временем, Президент РФ подписал Указ «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности». Иностранцы, не приемлющие авторитарные концепции, могут получить разрешения на местопребывание в РФ без предоставления свидетельства, обосновывающего освоение русского языка (языка страны пребывания), прошлого России, основных законов [17].

На наш взгляд, данный документ в большей степени приведёт к тому, что за получением данного разрешения обратятся те же жители Центральной Азии, а также стран Африки и Азии, а не Европы и Америки. К тому же, в подтверждение того, что данные лица, согласно букве документа, подвергались дискриминации за образ жизни, отличный от установок страны пребывания не требуется.

Заключение.

Институт гражданства в Российской Федерации продолжает развиваться, отвечая на **внутренние и внешние вызовы**. Принятие Закона о гражданстве 2023 года стало важным этапом в этом процессе, внося существенные изменения в правовое регулирование.

Перспективы дальнейшего развития института гражданства в РФ связаны:

- во-первых, с **устранением существующих противоречий** в законодательстве, особенно в части регулирования положения граждан бывшего СССР;
- во-вторых, с **дальнейшей гармонизацией** с международными стандартами в области прав человека;
- в-третьих, с **совершенствованием административных процедур** для упрощения процесса получения гражданства для добросовестных заявителей;
- в-четвертых, с **усилением защитной функции** гражданства как инструмента обеспечения прав и свобод личности.

Гражданство как многоаспектное правовое явление продолжает оставаться **ключевым элементом правового статуса личности** в Российской Федерации, определяющим характер взаимоотношений между человеком и государством. Дальнейшее развитие этого института будет оказывать значительное влияние на **демографическую ситуацию, миграционные процессы и правовую систему** страны в целом.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Евстафеева М.С. Новый закон о гражданстве Российской Федерации: необходимые изменения в контексте текущей геополитической обстановки // L Самарская областная студенческая научная конференция. 2024. Т. 2. С. 201–202.
2. Воронина О.В. Анализ изменений правового регулирования приема в гражданство Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований // Journal of Legal and Economic Studies. 2024. № 3. С. 52–57. DOI: 10.26163/GIEF.2024.35.39.007 EDN: CNSCDP
3. Батыров Т. Коэффициент рождаемости в России в 2023 году упал до минимума за 17 лет. URL : <https://www.forbes.ru/society/508931-koefficient-rozdaemosti-v-rossii-v-2023-godu-upal-do-minimuma-za-17-let?ysclid=mlfk1tim52761331096>.
4. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.: указ Президента РФ от 09 октября 2007 г. № 1351 (ред. от 01.07.2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009.

5. ФАДН России разработало адаптационный курс трудовых мигрантов. URL : <https://tass.ru/obschestvo/18746335?ysclid=mflk8102ho206848674>
6. Александр Бастрыкин: число тяжких преступлений среди мигрантов выросло // Парламентская газета. 2024. 27 июня. URL : <https://www.pnp.ru/politics/aleksandr-bastrykin-chislo-tyazhkikh-prestupleniy-sredi-migrantov-vyroslo.html?ysclid=mflk9q5tz6546155870>
7. Дорошенко С.В. Эффект границы в оценке влияния иммиграции на наркопреступность в регионах России / С.В. Дорошенко, О.В. Санаева // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 2. С. 179–193. DOI: 10.24412/ 1561-7785-2024-2-179-193 EDN: SEETKU
8. Мигранты в России: новые законы и ограничения на 2025 год. URL : <https://xn-b1agapfwapgcl.xn-p1ai/migranty-v-rossii-novye-zakony-i-ogranicheniya-na-2025-god>
9. Основные изменения в миграционном законодательстве РФ с января 2025 года. URL : <https://lexpat.ru/news/osnovnye-izmeneniya-v-migracionnom-zakonodatelstve-rf-s-yanvary-a-2025-goda.html>
10. Новые миграционные правила 2025 года. URL : <https://korona.ru/journal/novye-migratsionnye-pravila-2025-goda>
11. С 05 февраля 2025 года в России вступают в силу новые законодательные нормы для трудовых мигрантов. URL : <https://minnacrd.ru/news/s-5-fevralya-2025-goda-v-rossii-vstupayut-v-silu-novye-zakonodatelnye-normy-dlya-trudovykh-migrantov-2-689211fb9c463>
12. Предложение Калужской области по изменению закона о гражданстве № 9 отклонили. 11.08.2023. URL : <https://obninsk.name/news51633.htm>
13. Зорик И.С. Демографическая ситуация в России: общая характеристика, проблемы и совершенствование мер поддержки семей с детьми. URL : <https://deminform.ru/analytics/demograficheskaya-situatsiya-v-rossii-obshchaya-kharakteristika-problemy-i-sovershenstvovaniye-mer-podderzhki-semey-s-detmi>
14. О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637: указ Президента РФ от 22.11.2023 г. № 872 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 48. Ст. 8545.
15. С 01 января 2024 года вводится статус репатрианта в России. URL : <https://lexpat.ru/news/s-1-yanvary-a-2024-goda-vvoditsya-status-repatrianta.html>
16. Хаути Сохроков: Репатриация адыгов является важнейшей проблемой. URL : <https://kavtoday.ru/article/5386?ysclid=mggzh181hx356801737>.
17. Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности: указ Президента РФ от 19 августа 2024 г. № 702 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 35. Ст. 5322.

References:

1. Evstefeeva M.S. The new law on citizenship of the Russian Federation: necessary changes in the context of the current geopolitical situation // Samara Regional Student Scientific Conference. 2024. Vol. 2. P. 201–202.
2. Voronina O.V. Analysis of changes in the legal regulation of admission to citizenship of the Russian Federation // Journal of Legal and Economic Research. Journal of Legal and Economic Studies. 2024. № 3. P. 52–57. DOI: 10.26163/GIEF.2024.35.39.007 EDN: CNSCDP
3. Batyrov T. The birth rate in Russia in 2023 fell to a minimum in 17 years. URL : <https://www.forbes.ru/society/508931-koefficient-rozdaemosti-v-rossii-v-2023-godu-upal-do-minimuma-za-17-let?ysclid=mflk1tim52761331096>
4. On the approval of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the period up to 2025: Decree of the President of the Russian Federation dated October 09, 2007 № 1351 (as amended on 07/01/2014) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. № 42. Art. 5009.
5. The Federal Migration Service of Russia has developed an adaptation course for migrant workers. URL : <https://tass.ru/obschestvo/18746335?ysclid=mflk8102ho206848674>
6. Alexander Bastrykin: the number of serious crimes among migrants has increased // Parliamentary Newspaper. 2024. June 27. URL : <https://www.pnp.ru/politics/aleksandr-bastrykin-chislo-tyazhkikh-prestupleniy-sredi-migrantov-vyroslo.html?ysclid=mflk9q5tz6546155870>
7. Doroshenko S.V. The border effect in assessing the impact of immigration on drug crime in the regions of Russia / S.V. Doroshenko, O.V. Sanaeva // Population. 2024. Vol. 27. № 2. P. 179–193. DOI: 10.24412/ 1561-7785-2024-2-179-193 EDN: SEETKU
8. Migrants in Russia: new laws and restrictions for 2025. URL : <https://xn-b1agapfwapgcl.xn-p1ai/migranty-v-rossii-novye-zakony-i-ogranicheniya-na-2025-god>
9. The main changes in the migration legislation of the Russian Federation since January 2025. URL : <https://lexpat.ru/news/osnovnye-izmeneniya-v-migracionnom-zakonodatelstve-rf-s-yanvary-a-2025-goda.html>
10. New migration rules for 2025. URL : <https://korona.ru/journal/novye-migratsionnye-pravila-2025-goda>
11. Starting from February 5, 2025, new legislation for migrant workers will come into force in Russia. URL : <https://minnacrd.ru/news/s-5-fevralya-2025-goda-v-rossii-vstupayut-v-silu-novye-zakonodatelnye-normy-dlya-trudovykh-migrantov-2-689211fb9c463>
12. The Kaluga Region's proposal to amend the law on citizenship № 9 was rejected. 11.08.2023 URL : <https://obninsk.name/news51633.htm>
13. Zorik I.S. Demographic situation in Russia: general characteristics, problems and improvement of measures to support families with children URL : <https://deminform.ru/analytics/demograficheskaya-situatsiya-v-rossii-obshchaya-kharakteristika-problemy-i-sovershenstvovaniye-mer-podderzhki-semey-s-detmi>

14. On amendments to the State Program on Assistance to the Voluntary Resettlement to the Russian Federation of Compatriots Living Abroad, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated June 22, 2006 No. 637: Decree of the President of the Russian Federation dated 11/22/2023 № 872 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 48. Art. 8545.
15. From January 01, 2024, the status of a repatriate in Russia will be introduced. URL : <https://lexpat.ru/news/s-1-yanvary-2024-goda-vvoditsya-status-repatrianta.html>.
16. Khauti Sokhrokov: Repatriation of the Adygs is the most important problem. URL : <https://kavtoday.ru/article/5386?ysclid=mggzh181hx356801737>.
17. On the provision of humanitarian support to persons who share Traditional Russian spiritual and Moral values: Decree of the President of the Russian Federation dated August 19, 2024 № 702 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 35. Art. 5322.

Информация об авторах

Афамготов Эдуард Магометович

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп
alay_1968@mail.ru

Гайдарева Инна Николаевна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп
alay_1968@mail.ru

Удычак Фатима Нурбиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп
f.udychack@yandex.ru

Eduard M. Afamgotov

Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Construction, and Political Science, Adygea State University, Maikop
alay_1968@mail.ru

Inna N. Gaidareva

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Construction, and Political Science, Adygea State University, Maikop
alay_1968@mail.ru

Fatima N. Udychak

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Construction, and Political Science, Adygea State University, Maikop
f.udychack@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-4>

УДК 343.214

Attribution

cc by

КОНСТИТУЦИОННЫЕ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДОПУСТИМОСТИ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Бегоян Л.А.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Аннотация. Цель исследования состоит в теоретико-правовом анализе конституционных и доктринальных оснований допустимости использования оценочных признаков в уголовном праве. Методология исследования основана на диалектическом, сравнительно-правовом, формально-логическом и системно-структурном подходах, а также на анализе нормативных актов, судебной практики и научных источников. В ходе исследования рассмотрены позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Конституционного Суда Республики Армения и Европейского суда по правам человека относительно пределов применения неопределённых категорий в уголовном законе. Проведён анализ научных концепций нескольких авторов, исследующих проблему правовой определённости и функциональной необходимости оценочных понятий. Результаты исследования: обосновано, что оценочные признаки не противоречат принципу законности, а выражают его содержательную реализацию; показано, что допустимость их использования обеспечивается системой институциональных гарантий мотивированности и предсказуемости; раскрыта концепция «управляемой неопределённости» как формы современного баланса между правовой определённой и адаптивностью уголовного закона.

Ключевые слова: уголовное право, оценочные признаки, допустимость, правовая определённость, принцип законности, судебная практика, интерпретация норм, Конституционный Суд, доктрина уголовного права, управляемая неопределённость.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CONSTITUTIONAL AND DOCTRINAL FOUNDATIONS OF THE ADMISSIBILITY OF EVALUATIVE ELEMENTS IN CRIMINAL LAW

Lala A. Begoyan

Kutafin Moscow State Law University

Abstract. The purpose of the work is to provide a theoretical and legal analysis of the constitutional and doctrinal foundations of the admissibility of evaluative elements in criminal law. The research methodology is based on dialectical, comparative-legal, formal-logical, and systemic-structural approaches, as well as on the analysis of normative acts, judicial practice, and academic sources. The study examines the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Republic of Armenia, and the European Court of Human Rights regarding the limits of applying indeterminate categories in criminal legislation. It also analyzes the scientific concepts of several scholars who have explored the issues of legal certainty and the functional necessity of evaluative terms. Research results: it is substantiated that evaluative elements do not contradict the principle of legality but rather express its substantive implementation; it is demonstrated that their admissibility is ensured by a system of institutional guarantees of reasoned and predictable interpretation; the concept of «managed indeterminacy» is revealed as a form of the modern balance between legal certainty and adaptability in criminal law.

Keywords: criminal law, evaluative elements, admissibility, legal certainty, principle of legality, case law, interpretation of norms, Constitutional Court, doctrine of criminal law, managed indeterminacy.

Funding: independent research.

Введение.

Вопрос о допустимости использования оценоч-

ных признаков в уголовном праве занимает центральное место в современном уголовно-правовом дискурсе. Его актуальность обусловлена тем, что оценочные категории неизбежно сочетают в

себе элементы правовой гибкости и потенциальной неопределённости, требуя поиска баланса между принципом законности и принципом справедливости.

Присутствие в законе терминов с открытым смысловым содержанием традиционно воспринимается как риск для правовой определённости, однако, абсолютная формализация уголовно-правовых норм невозможна и методологически не оправдана, потому что она лишает уголовное право способности отражать реальную социальную динамику и реагировать на новые формы общественно опасного поведения.

В этом контексте, особое значение приобретает осмысление конституционно-правовых и доктринальных оснований допустимости оценочных признаков; то есть, тех пределов, в рамках которых использование неопределённых категорий не нарушает принцип *nullum crimen sine lege*, а напротив - способствует его реализации в динамичных социальных условиях.

Таким образом, допустимость оценочных признаков следует рассматривать как проявление внутреннего равновесия между принципами законности, определённости и справедливости, а не как их противоречие.

Обсуждение.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчёркивал, что требование правовой определённости не должно пониматься формально и не может сводиться к абсолютной текстуальной точности формулировок. В решениях по делам № 14-П от 27 мая 2008 г. и № 11-П от 28 июня 2012 г. Суд прямо указал на то, что законодатель вправе применять оценочные понятия, если они позволяют достичь разумного соотношения между стабильностью и гибкостью уголовно-правового регулирования [1; 2].

Суд последовательно исходит из того, что уголовное законодательство не способно и не должно стремиться к исчерпывающему описанию всех возможных жизненных ситуаций. Попытка «закрыть» норму исчерпывающим перечнем признаков привела бы к потере адаптивности и внутреннего динамизма права. Напротив, включение оценочных формул – таких как «значительный вред», «тяжкие последствия», «существенное нарушение» – отражает социальную природу уголовного закона, который неизбежно взаимодействует с изменяющейся реальностью и морально-ценностными представлениями общества. Именно поэтому Конституционный Суд подчеркивает, что требование определённости должно рассматриваться не как запрет на использование оценочных понятий, а как требование к обеспечению их предсказуемого и мотивированного толкования в правоприменительной практике.

Показательно, что Суд связывает допустимость оценочных категорий с принципом предсказуемо-

сти - способностью лица разумно предвидеть, какие последствия влечёт то или иное поведение. Этот критерий совпадает с тем, который выработан в практике Европейского суда по правам человека. В решениях по делам *Sunday Times v. the United Kingdom* (1979), *Kokkinakis v. Greece* (1993), *Cantoni v. France* (1996) и *Pessino v. France* (2006) ЕСПЧ сформулировал концепцию «качества закона»: правовая норма может содержать неопределённые или оценочные элементы, если они интерпретируемы на основе устоявшейся судебной практики и позволяют адресату разумно предвидеть возможные правовые последствия.

Таким образом, оценочность сама по себе не нарушает принципа законности, если она институционально «управляема» и не создаёт произвольных различий в применении [3; 4; 5].

Аналогичные позиции выработаны и в конституционной юриспруденции Республики Армения. В постановлениях ПКС-1488 (2019) и ПКС-1613 (2021) Конституционный Суд Армении исходил из признания неизбежности оценочных понятий, подчеркивая, что их наличие в уголовном законе не только допустимо, но и необходимо для реализации принципа справедливости. Однако, по мнению Суда, оценочные признаки должны быть интерпретированы узко и мотивированно, а любое их расширительное применение расценивается как нарушение принципа *nullum crimen sine lege*.

Армянский конституционный контроль придаёт особое значение судебной аргументации: именно мотивировка судебных актов выступает главным механизмом, предотвращающим произвольное применение оценочных формул и обеспечивающим правовую предсказуемость [6; 7].

Доктринальная наука уголовного права в целом развивает концепцию функциональной допустимости оценочных признаков, рассматривая их не как изъян правовой техники, а как отражение внутренней динамики уголовного закона. Ещё В.Н. Кудрявцев и А.С. Пиголкин подчёркивали, что оценочные признаки служат средством выражения качественных характеристик общественной опасности, которые не поддаются количественному исчислению [8; 9].

А.Ф. Черданцев и Т.В. Кашанина, анализируя природу правовой определённости, отмечали, что оценочные признаки выполняют функцию «смягчения формализма», предотвращая превращение правовой определённости из средства обеспечения справедливости в догму, препятствующую учёту конкретных жизненных обстоятельств. В своей концепции двойственной природы формальной определённости Кашанина показывает, что оценочные категории контролируют границы допустимого формализма, не позволяя последнему превратиться в социальное зло [10, 11].

С.С. Алексеев и Е.В. Васьковский рассматривают оценочные признаки как проявление способности права соединять формальную определённость с материальной справедливостью [12; 13]. Авторы

подчеркивали, что отказ от оценочных категорий ведёт к правовому формализму, а их присутствие обеспечивает адаптивность уголовного закона, возможность индивидуализации наказания и учёта особенностей конкретной ситуации.

В дальнейшем, данная мысль получила развитие у представителей системно-структурного подхода, которые рассматривают оценочные признаки как механизм содержательной корректировки закона, восстанавливающий баланс между нормой и жизнью. Они превращают закон из статичной конструкции в динамическую систему, открывающую пространство для справедливой интерпретации.

Таким образом, оценочные категории выполняют стабилизирующую и гуманизирующую функции, обеспечивая не только гибкость, но и устойчивость уголовно-правового регулирования.

Результаты.

Анализ национальной и международной судебной практики позволяет заключить, что как российская, так и армянская конституционные юрисдикции исходят из единой правовой позиции: оценочные признаки допустимы в уголовном законодательстве, если их использование обеспечено системой институциональных гарантий, исключающих произвольность и обеспечивающих предсказуемость правоприменения. Конституционные суды обеих стран последовательно подчеркивают, что, сама по себе, неопределённость терминов не нарушает принципа законности, если она компенсируется требованиями мотивированного судебного обоснования, системного толкования норм и опоры на разъяснения высших судебных инстанций. Именно эти элементы формируют механизм, позволяющий трансформировать потенциальную неопределённость в контролируруемую и предсказуемую правовую практику.

Так, конституционные подходы отражают идею, что оценочные признаки выполняют не деструктивную, а функционально необходимую роль: они служат средством адаптации уголовного права к изменчивости социальной реальности и способствуют реализации его гуманистического потенциала. Тем самым, закон сохраняет способность учитывать морально-этические и контекстуальные различия, не утрачивая системной чёткости. В этом смысле, оценочные категории выступают институциональным компромиссом между формальной определённостью и материальной справедливостью, превращаясь в средство согласования юридического текста и жизненных обстоятельств.

Анализ доктринальных подходов позволяет сформулировать современный принцип - оценочные признаки не подрывают законность, а раскрывают её содержательную природу. Как отмечают исследователи, законность в современном понимании – это не столько формальная точность языка закона, сколько его способность

обеспечивать справедливое, рационально мотивированное и воспроизводимое применение.

Совокупность конституционных, доктринальных данных позволяет очертить модель, которую можно определить, как «управляемую неопределённость». Её сущность заключается в том, что гибкость уголовного закона не противопоставляется законности, а институционально встроена в её механизм. Правовая определённость в таком понимании – это не буквальная исчерпаемость формулировок, а способность правовой системы обеспечивать единообразие интерпретации, воспроизводимость решений и доверие к суду как органу, реализующему предсказуемое усмотрение.

Следовательно, конституционная легитимность оценочных категорий выражается не в устранении неопределённости, а в её нормативном управлении, когда право сознательно допускает пределы интерпретационной свободы, но сопровождает их гарантиями мотивированности, доказательности и институционального контроля. Такая модель соответствует современным тенденциям развития уголовного права, в котором законность перестаёт быть статичной формой и превращается в динамическое равновесие между ясностью и гибкостью.

Заключение.

Проведённое исследование показало, что оценочные признаки в уголовном праве не являются проявлением неопределённости законодательства, а, напротив, выступают органическим элементом его нормативной структуры, обеспечивающим связь между законом и социально изменчивой реальностью. Их допустимость закреплена не только на уровне доктринальных построений, но и подтверждается конституционно-правовыми подходами России и Армении, а также практикой Европейского суда по правам человека, последовательно признающего право законодателя использовать неопределённые формулировки при условии наличия гарантий предсказуемости и мотивированности.

В доктринальном аспекте, оценочные признаки выполняют стабилизирующую и гуманизирующую функции, препятствуя догматическому формализму и обеспечивая возможность материальной справедливости при сохранении правовой определённости. Их присутствие в уголовно-правовых нормах не нарушает принцип законности, а воплощает его современное, содержательное понимание, основанное на идее согласованного взаимодействия закона, суда и доктрины.

Таким образом, допустимость оценочных признаков представляет собой не исключение из принципа законности, а одну из форм его эволюции. Современное уголовное право нуждается не в устранении оценочных формул, а в совершенствовании институтов, обеспечивающих их корректное применение: стандартах мотивированности, единообразии толкования, систематическом

судебном контроле и развитии правовой доктрины. Только при этом условии оценочные кате-

гории становятся не источником неопределённости, а механизмом предсказуемости, справедливости и адаптивности уголовного закона.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 5.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 4.
3. Решение Европейского суда по правам человека по делу The Sunday Times v. the United Kingdom (Judgment of 26 April 1979, Application № 6538/74) // HUDOC. URL : <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57584> (дата обращения 23.11.2024).
4. Решение Европейского суда по правам человека по делу Kokkinakis v. Greece (Judgment of 25 May 1993, Application № 14307/88) // HUDOC. URL : <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57827> (дата обращения 23.11.2024).
5. Решение Европейского суда по правам человека по делу Cantoni v. France (Judgment of 15 November 1996, Application № 17862/91) // HUDOC. URL : <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58096> (дата обращения 23.11.2024).
6. Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 15 ноября 2019 г. № ПКС-1488. URL : <https://www.arlis.am/hy/acts/136491> (дата обращения 23.11.2024).
7. Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 12 октября 2021 г. № ПКС-1613. URL : <https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1613.pdf> (дата обращения 23.11.2024).
8. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М. : Юридическая литература, 1972. 240 с. EDN: ZGVREV
9. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М. : Юридическая литература, 1962. 190 с. EDN: RFXTZZ
10. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 189 с. EDN: NPKWOZ
11. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М. : Юрайт, 2000. 437 с.
12. Алексеев С.С. Теория права. М. : БЕК, 1994. 320 с. ISBN: 5-85639-005-9 EDN: RLSTLX
13. Васильковский Е.В. Учебник общей теории права. М. : Статут, 2003. 416 с.

References:

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 27, 2008 № 14-p «On the case of Checking the Constitutionality of Certain Provisions of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2008. № 5.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 28, 2012 № 11-p «On the case of checking the Constitutionality of the Provisions of Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2012. № 4.
3. The decision of the European Court of Human Rights in the case of The Sunday Times V. the United Kingdom (Judgment of 26 April 1979, Application № 6538/74) // HUDOC. URL : <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57584> (date of application 11/23/2024).
4. The decision of the European Court of Human Rights in the case of Kokkinakis V. Greece (Judgment of 25 May 1993, Application № 14307/88) // HUDOC. URL : <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57827> (date of application 11/23/2024).
5. The decision of the European Court of Human Rights in the case cantoni V. France (Judgment of 15 November 1996, Application № 17862/91) // HUDOC. URL : <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58096> (date of application 11/23/2024).
6. Resolution of the Constitutional Court of the Republic of Armenia dated November 15, 2019 № PKK-1488. URL : <https://www.arlis.am/hy/acts/136491> (date of application 11/23/2024).
7. Resolution of the Constitutional Court of the Republic of Armenia dated October 12, 2021 № PKK-1613. URL : <https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1613.pdf> (date of application 11/23/2024).

8. V. Kudryavtseva, N. The general theory of crime qualification. M. : Yuridicheskaya literatura, 1972. 240 p. EDN: ZGVREV
9. A. Pigolkina. Interpretation of normative acts in the USSR. M.N. : Legal literature, 1962. 190 p. EDN: RFXTZZ
10. D. Kashanina V.N. Evaluative concepts in Soviet law : dis. ... cand. jurid. sciences'. Sverdlovsk, 1974. 189 p. EDN: NPKWOZ
11. A. Cherdantsev F.N. Theory of State and Law. M. : Yurait, 2000. 437 p.
12. S. Alekseev. The theory of law. M.N. : BECK, 1994. 320 p. ISBN: 5-85639-005-9 EDN: RLSTLX
13. E. Vaskovsky V.N. Textbook of the general theory of law. M. N. : Statute, 2003. 416 p.

Информация об авторе

Бегоян Лала Арсеновна

аспирантка кафедры уголовного права,
Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина
lalabegoyan1997@gmail.com

Lala A. Begoyan

Postgraduate Student
of the Department of Criminal Law,
Kutafin Moscow State Law University
lalabegoyan1997@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-5>

УДК 343.97

Attribution

cc by

ПРЕСТУПНОСТЬ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ЕЕ ПРИЧИНЫ И ТЕНДЕНЦИИ В 2019–2024 ГГ.

Вишневецкий К.В.¹, Петровский А.В.²

¹Краснодарский университет МВД России,

²Кубанский государственный университет

Аннотация. Цель настоящей работы – познание криминальной ситуации, как социального явления в одном из экономически развитых регионов России, описание количественных и качественных показателей преступности, выявление факторов, обусловивших их изменение, толкование влияния на криминогенную обстановку изменений уголовного законодательства, практики его применения, политико-экономической обстановки. В работе используются общенаучные методы: наблюдения, анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнения, аналогии, классификации, моделирования. Для конкретизации результатов применялись специальные научные приемы, включая логико-юридический, уголовно-статистический, контент-анализ публикаций и документов. Результаты основаны на статистическом наблюдении преступности и социально-экономической обстановки в Краснодарском крае за период 2019–2024 гг., и представляют собой сводку и группировку, обобщение, расчет относительных показателей и средних величин, выявление закономерностей и причинно-следственных связей. Обобщая выводы, можно составить представление о состоянии криминологической обстановки в Краснодарском крае в 2019–2024 гг., обратить внимание на практику управления учетно-регистрационными процессами, приводящим к необъяснимым волнообразным изменениям количественных показателей, отметить, что уменьшение зарегистрированных преступлений связано с рядом социально-экономических и административных факторов, а отсутствие на государственном уровне комплексного изучения региональной преступности отрицательно влияет на научную составляющую криминологии.

Ключевые слова: преступность, преступление, качественные и количественные показатели, криминологическая обстановка, криминогенные детерминанты, динамика, удельный вес, коэффициент преступности, анализ

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CRIME IN KRASNODAR REGION: ITS CAUSES AND TRENDS IN 2019–2024

Kirill V. Vishnevetsky¹, Anton V. Petrovsky²

¹Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

²Kuban State University

Abstract. The purpose of this work is to understand the criminal situation as a social phenomenon in one of the economically developed regions of Russia, to describe the quantitative and qualitative indicators of crime, to identify the factors that determined their change, to interpret the impact of changes in criminal legislation, the practice of its application, and the political and economic situation on the crime situation. The study utilizes general scientific methods: observation, analysis and synthesis, induction and deduction, comparison, analogy, classification, and modeling. To refine the results, specialized scientific techniques were employed, including logical-legal, criminal-statistical, and content analysis of publications and documents. The results are based on statistical monitoring of crime and the socio-economic situation in Krasnodar Krai for the period 2019–2024 and include a summary and grouping, generalization, calculation of relative indicators and average values, and identification of patterns and cause-and-effect relationships. Summarizing the findings, we can form an idea of the state of the criminological situation in the Krasnodar Territory in 2019–2024, paying attention to the practice of managing accounting and registration processes, which leads to unexplained wave-like changes in quantitative indicators, noting that the decrease in registered crimes is associated with a number of socio-economic and administrative factors, and the lack of a comprehensive study of regional crime at the state level negatively affects the scientific component of criminology.

© Вишневецкий К.В., Петровский А.В.

Keywords: crime, crime, qualitative and quantitative indicators, criminological situation, criminogenic determinants, dynamics, proportion, crime rate, analysis

Funding: Independent work.

Введение.

Противодействие преступности как на региональном, так и на федеральном уровне, предполагает наличие серьезной информационно-аналитической деятельности.

В настоящее время, в федеральном законодательстве содержится прямое упоминание о необходимости проведения соответствующими субъектами мониторинга в сфере профилактики правонарушений, предусматривающего в том числе, определение состояния защищенности прав, свобод и законных интересов личности, общества, государства, оценку криминогенных факторов и эффективности деятельности соответствующих служб [1; 2].

Следовательно, важным аспектом является научно обоснованный анализ криминологической обстановки, складывающейся изначально в муниципальных образованиях, в субъектах Федерации, и в России, в целом [3, с. 3]. И видимая стабилизация преступности в стране, в последние несколько лет, согласно статистических данных, предполагает осмысление и описание качественных и количественных характеристик, оценки нового и старого в криминологической обстановке, понимания причин относительной неизменности регистрируемых преступлений.

Выбор Краснодарского края в качестве объекта изучения детерминировано рядом обстоятельств, придающих региональной преступности уникальные специфики:

- численность населения (3-е место среди субъектов Российской Федерации);
- сезонность отдельных преступлений, обусловленный туристическим периодом, активизирующимся с мая по октябрь;
- обширные сельские территории на которых проживает 43,1 % жителей;
- низкий уровень урбанизации, который ниже среднего по России;
- наличие города с населением свыше 1 млн человек;
- высокие показатели внутренней и внешней миграции.

Законодательством Краснодарского края анализ состояния преступности в рамках создания условий для укрепления правопорядка, обеспечения общественной безопасности и профилактики правонарушений предусматривается [4].

Дополнительная аргументация в пользу выбора Краснодарского края связана с необходимостью проверки гипотезы о существовании в России двух криминологических типов регионов – северного типа, с преобладающими показателями насильственной и корыстно-насильственной преступности и южного – выделяющиеся наибольшим распространением служебно-должностной, хозяйственно-корыстной, экономической преступности [5, с. 290–291].

Использование регионального подхода в криминологических исследованиях связано с необходимостью выявления основных характеристик преступности, ее причинного комплекса, особенностей личности преступника и жертвы.

Выбор и определение географии исследования основано на социально-значимых демографических, инфраструктурных, климатических, экономических показателях Краснодарского края, а также на его этнокультурных спецификах, позволяющих через призму указанных процессов рассмотреть криминологическую обстановку экономически развитого субъекта Федерации.

Методологической основой выступает общенаучный диалектический метод познания, основанный на философских учениях – взаимного перехода количественных изменений в качественные, единства и борьбы противоположностей, позволивший сформировать понимание признаков и характеристик преступности Краснодарского края как социального явления. В частности, для понимания количественных характеристик преступности применялись приемы статистического изучения, такие как сбор информации, свodka и группировка качественно-однородных данных, их анализ и обобщение. Метод индукции, позволил сделать вывод об общем явлении – преступности Краснодарского края на основе множества фактов (статистических данных, документов), полученных в результате наблюдений. Документальный анализ публикаций и отчетов должностных лиц по изучаемой тематике поспособствовал пониманию тенденций преступности, процессов и результатов деятельности региональных органов внутренних дел и прокуратуры.

Обсуждение.

Изучение статданных показывает, что преступность в Краснодарском крае в 2019–2024 гг. обладает вариабельной динамикой. Максимальный объем регистрируемых преступлений был в 2021 году: +9,2 % (к 2019 г.), а к 2024 г. произошло постепенное уменьшение (рис. 1).

Количество зарегистрированных и раскрытых преступлений
в Краснодарском крае в 2019-2024 гг.

Рисунок 1

Анализируя сведения о преступности в Краснодарском крае (рис. 1) можно констатировать общее снижение регистрируемых преступлений как в целом, так и по их видам в 2023–2024 гг., что, по большому счету, можно признать положительной тенденцией. Хотя с другой стороны, 2023–2024 гг. – это время проведения Специальной военной операции, обострившей социальные, экономические, культурно-этнические противоречия в обществе, вызвавшие рост цен и инфляцию, что, в соответствии с криминологическими теориями, напротив, предполагает увеличение криминальной активности, особенно в части совершения преступлений против личности, собственности, а в нашем случае, и против государственной власти и общественной безопасности [6, с. 25–41; 7, с. 218; 8, с. 275–301; 9, с. 98–99].

Учитывая сложности с комплектованием органов внутренних дел в 2022–2024 гг., наличием кризиса миграционного процесса (как внутреннего, так и внешнего), снижением покупательских и потребительских возможностей населения, указанный феномен нуждается в объяснении. Можно предположить, что фактор Специальной военной операции не имеет столь значимого влияния на социально-экономические и общественно-политические процессы в регионе по причине удаленности основных событий или его фрагментарности. А инфляция и рост цен на основные продукты питания (в отдельных случаях, на 18 % в год) массовую корыстную мотивацию и преступления против собственности её не генерируют в связи с наличием развитой теневой экономики в Краснодарском крае и широким распространением серых зарплатных схем [10, с. 194–205; 11].

Раскрываемость преступлений в Краснодарском крае составила в 2019 г. – 46,4 % (общероссийский – 53,5 %); в 2020 г. – 45,8 % (51,7 %); в 2021 г. – 44,7 % (52,5 %); в 2022 г. – 45,6 % (53,4 %), 2023 – 44,8 % (52,3 %), 2024 – 41,5 %

(49,2 %). Рассматривая указанные цифры можно сделать однозначный вывод о том, что этот криминологический показатель ниже среднего по России. Важно отметить, что преступления против собственности, особенно кражи и мошенничества, в целом по России хуже раскрываются. Объяснение кроется в значительном увеличении преступлений против собственности и личности, а также в огромной нагрузке на региональные правоохранительные органы. Особенно этот фактор имеет свое влияние в период туристического сезона.

Анализируя коэффициент преступности в Краснодарском крае на 100 тыс. человек, следует подчеркнуть, что в 2019 г. он составил – 1266,2 (общероссийский – 1379,1); в 2020 г. – 1295,4 (1393,0); 2021 – 1339,2 (1361,8); в 2022 г. – 1322,4 (1338,1); в 2023 г. – 1279,9 (1329,6); в 2024 г. – 1264,1 (1307,7). Отсюда следует вывод, позволяющий говорить о том, что рассматриваемый индекс в регионе ниже среднего по России, несмотря на достаточно высокие цифры регистрируемых преступлений. Вместе с тем, по коэффициенту преступности в 2024 г. Краснодарский край в Южном Федеральном округе занимает второе место, после Волгоградской области – 1361,7.

Характеризуя контингент лиц, совершивших преступления на территории Краснодарского края в 2019–2024 гг., следует отметить незначительное улучшение их выявляемости с каждым годом в среднем на 0,8 %, что с учетом, снижения регистрируемой преступности свидетельствует о стабильности оперативно-следственной и профилактической деятельности [12; 13].

Изучение возрастных характеристик демонстрирует два вектора – положительный, связанный с уменьшением доли лиц в возрасте 14–18 лет среди преступников, которая составила 2,6 % (ниже среднего по России – 2,9 % в 2024 г.). И

негативный, отмечающий возрастающую криминальную активность возрастной группы 30–49, и старше 50. Совокупная доля указанных лиц, совершающих преступления в Краснодарском крае, в среднем, составляет 68,8 %. Объяснение упоминаемых тенденций традиционные. Несовершеннолетние все больше и больше самореализуются в виртуальном мире и онлайн-играх; микрогрупповые связи у них не развиты, материальный уровень их обеспечения выше среднего, что снижает вероятность возникновения криминальных интересов и потребностей. Криминальная активность зрелой возрастной группы 30 и старше, объясняется её растущей маргинализацией. Так, в Краснодарском крае около 19,3 % преступлений совершаются лицами в состоянии алкогольного

либо наркотического опьянения, что ниже среднего по России (в 2024 – 19,8 %); это, тем не менее, свидетельствует о негативных тенденциях. Кроме того, происходит увеличение количества лиц, ранее совершавших преступления в общем объеме выявленных преступников в регионе, в 2019 г. – 50,5 %, в 2020 г. – 52,6 %, в 2021 г. – 54,1 %; в 2022 г. – 53,9 %; в 2023 г. – 53,5 %, в 2024 г. – 54,1 %.

Кроме того, Краснодарский край относится к субъектам Федерации с высоким удельным весом совершивших преступления лиц, не имеющих постоянного источника дохода (средняя величина за 2019–2024 гг. составляет – 72,0 %), что превышает средний показатель по России.

Преступления против жизни и здоровья в Краснодарском крае
в 2019–2024 гг.

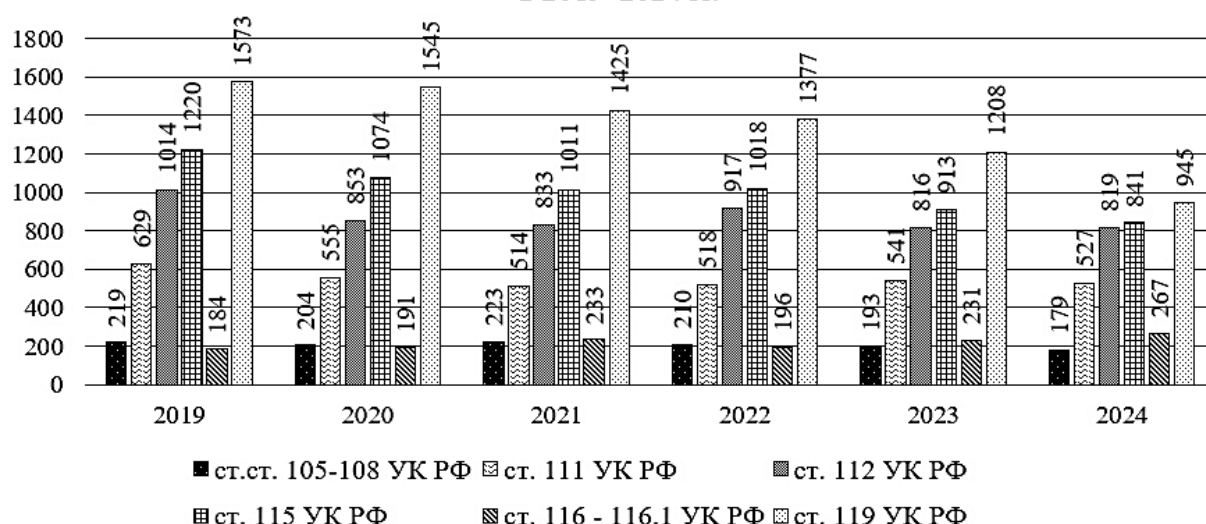

Рисунок 2

В целом преступления против жизни и здоровья (рис. 2) в Краснодарском крае имеют тенденцию к снижению, так убийства снижались в среднем на 3,8 %, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью на 3,3 %, умышленного причинения вреда здоровью средней тяжести стало меньше на 4,5 %, легкого вреда здоровью на 7,8 %, угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью на 9,4 %. Как видно из приведенных выше цифр, в Краснодарском крае на 100 тыс. населения в 2019 г., в среднем приходилось 85,8 преступлений против жизни и здоровья. Следует отметить, что этот показатель к 2024 г. значительно уменьшился и составил – 61,4. Коэффициент убийств (ст. 105–108 УК РФ) в регионе на 100 тыс. населения, в 2024 г., составил – 3,0, что значительно ниже среднего по России – 4,6.

Криминальные деяния против половой неприкосновенности и свободы остаются актуальной проблемой независимо от того, что они занимают незначительную долю в объеме преступлений против личности. И общее снижение регистрируемых

составов, предусмотренных ст. 131, 132, 134, 135 УК РФ в 2024 г. в среднем на 15,6 % требует осмысления (рис. 3). Кроме того, вызывает беспокойство их волнообразная динамика, имеющая тренд к росту в определенный год, а в следующем к снижению.

Преступления против собственности преобладают в общем объеме преступности Краснодарского края (рис. 4), только ст. 158–158.1 и ст. 159–159.6 УК РФ занимали в 2019 – 60,0 % всех регистрируемых, в 2020 – 62,1 %, в 2021 – 62,0 %, в 2022 – 62,3 %, в 2023 – 62,4 %, в 2024 – 60,8 %.

Характеризуя насильственную преступность Краснодарского края изначально стоит выделить следующие критерии:

- 1) соотношение удельного веса в регионе и в среднем по России;
- 2) структуру;
- 3) общее состояние.

Рисунок 3

Преступления против жизни и здоровья (рис. 2) не являются наиболее распространенными, их доля в общем объеме зарегистрированных преступлений с 6,7 % в 2019 г. снизилась в 2024 г. до 4,8 %. Данный показатель в целом ниже среднего по России, который в аналогичном периоде также уменьшался и в 2019 г. составлял – 8,4 %, а в 2024 – 6,4 %. Структура умышленной насильственной преступности региона, в среднем, – на 52,1 % состоит из причинений вреда здоровью различной тяжести (ст. 111, 112, 115 УК РФ), угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью 28,6 %, изнасилований и насильственных действий сексуального характера (ст. 131, 132 УК РФ) – 5,1 %, а преступления, предусмотренные ст. 105–108 УК РФ – 4,3 %. Раскрываемость насильственных преступлений достаточно высокая, например, убийств составила – 96,1 %, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью около 98 %, изнасилований – 99 %. Собственно, данный показатель свидетельствует об эффективной работе правоохранительных органов, либо о некой скрытой части рассматриваемых криминальных деяний, который могут маскироваться под без вести пропавших или скрываться под смертями от повреждений с неопределенными намерениями (ПНН) [14, с. 234–250]. В равной мере остается не понятным объем регистрируемых преступлений против здоровья. Изучение рисунка 2 показывает интересные закономерности: во-первых, количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 112 и 115 УК РФ фактически равно, что странно так как более легкий вред здоровью, логично причиняется более часто, чем средний. В подтверждение сказанному свидетельствует количество побоев (ст. 116, 116.1 УК РФ), которых регистрируется почти 8 раз меньше, чем деяний, предусмотренных ст. 112 и ст. 115 УК РФ.

Корыстно-насильственная преступность, представленная преимущественно ст. 161, 162, 163 УК РФ имеет направленность к снижению, особенно

это явственно проявилось в сокращении, в среднем за последние 5 лет, фактов грабежей, на 11,3 %, и разбоев на 17,7 %. А вот вымогательства демонстрируют стабильный рост, за пять лет в среднем на 16,1 %, что можно объяснить существованием теневого рынка заемных денег – ростовщичества. Из числа корыстно-насильственных преступлений лучше всего обстоит дело с раскрываемостью у грабежей – 86,1 % и разбоев – 96,2 %. Ситуация с вымогательствами обстоит не так хорошо, потому что, только 25,5 % данных преступлений раскрывается, свидетельствуя о росте профессионализма у преступников.

Общегуловная корыстная преступность, представленная хищениями (рис. 4), несмотря на положительную динамику, свидетельствующую об их уменьшении, остается самой распространенной в Краснодарском крае в период с 2019–2024 гг. Анализ свидетельствует, что в 2019 г. в регионе на 100 тыс. населения приходилось 837,9 против собственности, а в 2024 – 814,8, оставаясь в целом на одном уровне с аналогичным показателем по России.

Средняя раскрываемость краж в период 2019–2024 гг. составила 36,3 % (средняя по России – 38,7 %), а преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ – 14,3 % (средняя раскрываемость мошенничеств по России – 15,0 %).

Сложившееся неблагоприятное положение в части выявления лиц, совершающих хищения обусловлено тем, что каждое четвертая кража совершается с незаконным проникновением в жилище, помещение либо в хранилище, отмечается рост 4,3 % краж автотранспорта с целью разбора на запчасти. При осуществлении мошенничеств, в большинстве случаев 70 %, используются информационно-телекоммуникационные сети и психологические техники, позволяющие создавать виновным высокий уровень анонимности, а соответственно и

безнаказанности. Учитывая высокую рентабельность всех видов мошенничеств и отчасти краж (автотранспорта, из жилищ, из складов и иных хранилищ), имеющиеся проблемы населения, связанные с ростом цен и уменьшением потребительских возможностей (средняя заработная

плата позволяет жителю Краснодарского края приобрести 3,8 раза весь перечень базовых продуктов, вещей и услуг, нужных человеку для жизни) высока вероятность дальнейшего роста краж и мошенничеств в регионе.

Общее количество краж и мошенничеств зарегистрированных
в Краснодарском крае в 2019–2024 гг.

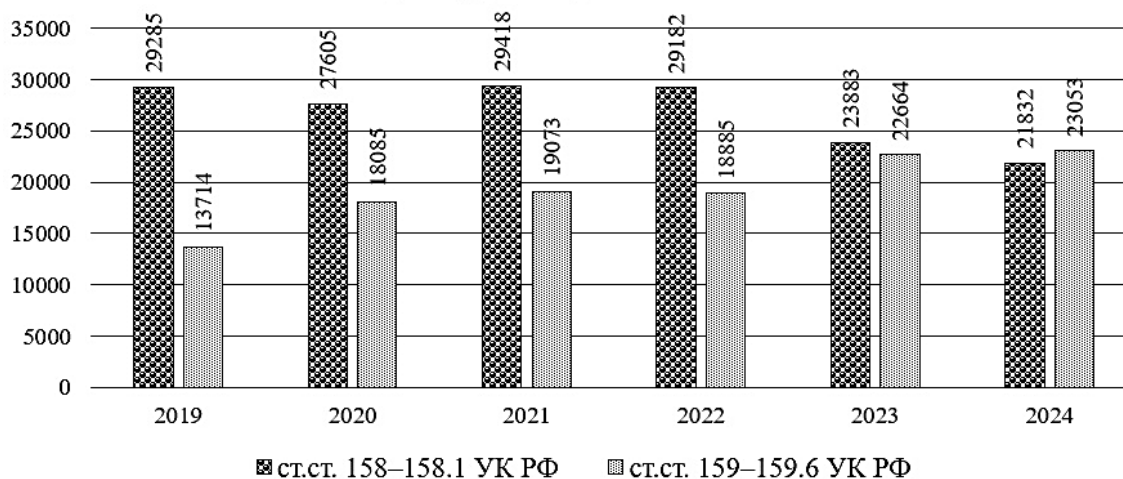

Рисунок 4

Краснодарский край не относится к субъектам Федерации с высоким уровнем наркопреступности, что можно объяснить этнокультурными особенностями. Однако преступления, связанные с неза-

конным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, в среднем занимают в общем объеме 8,8 %, имея тенденцию к их росту (рис. 5).

Количество преступлений предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ,
зарегистрированных в Краснодарском крае в 2019–2024 гг.

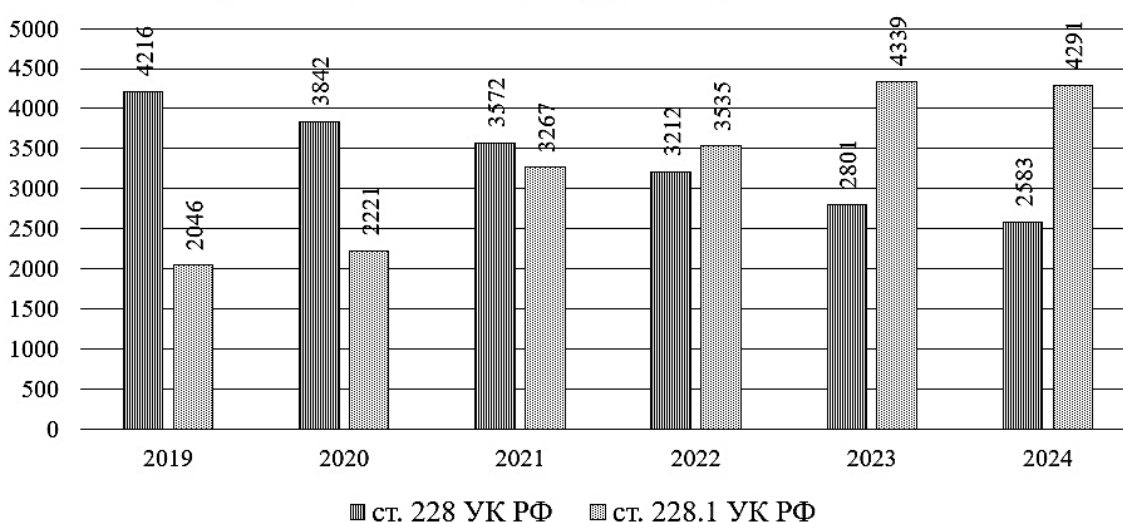

Рисунок 5

Необходимо учитывать, что незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов относится к выявляемым преступлениям, т.е. их количество зависит от спо-

собностей правоохранительных органов их обнаруживать. Хочется обратить внимание на положительный тренд – постепенное уменьшение, начиная с 2019 г. наркопреступлений связанных с простым потреблением (ст. 228 УК РФ) и ростом, выявления преступных деяний, предусмотренных

ст. 2281 УК РФ почти в два раза.

Рассматривая преступность в Краснодарском крае, нельзя не упомянуть одну из ее разновидностей – должностную. Актуальность обсуждаемой темы подтверждается как отдельными научными публикациями, так и репортажами в СМИ, свидетельствующими о росте в регионе выявляемости преступлений против государственной власти, интересов государственной и муниципальной службы [15; 16].

Изучение количественных показателей преступлений (рис. 6), преимущественно коррупционно-

должностной направленности позволяет отметить несколько особенностей:

- 1) возрастание выявляемости криминальных деяний, предусмотренных Главой 30 УК РФ;
- 2) рост фактов получения взятки (ст. 290 УК РФ), посредничества во взятке (ст. 2911 УК РФ) и мелкого взяточничества (ст. 2912 УК РФ);
- 3) снижение должностных преступлений, а именно ст. 285 и чт. 286 УК РФ.

Общее количество преступлений предусмотренных ст. 285, 286, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ зарегистрированных в Краснодарском крае в 2019–2024 гг.

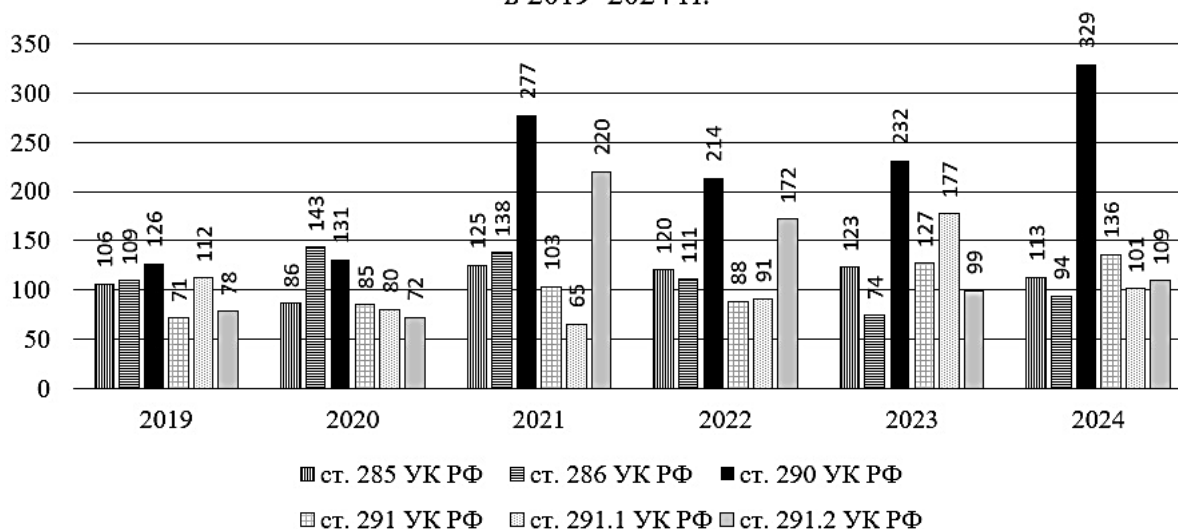

Рисунок 6

В качестве комментария, необходимо подчеркнуть, что возрастание количества установленных фактов получения взятки – это положительный момент, свидетельствующий об эффективности работы правоохранительных органов. Подтверждает сказанное, смена парадигмы, которая проявилась в уменьшении фактов мелкого взяточничества, и переориентация на более тяжкие коррупционные преступления.

Заключение.

В итоге проведенного исследования необходимо отметить, что анализ состояния преступности в Краснодарском крае есть оценка видимой ее части, которая, по мнению исследователей латентной преступности в России, составляет 1/8–1/10 доли от реальной. Статистические данные не определяют способность правоохранительной системы Кубани выявлять, пресекать и расследовать преступления на территории края. Необходимо помнить о том, что в соответствии с административно-статистической стратегией, принятой в современной России, преступление соответствует реальному уголовному делу. Все это позволяет предложить гипотезу о «переваривае-

мости преступности системой уголовного судопроизводства», соотносящей реальное количество преступлений с возможностями соответствующих субъектов в рамках установленных государством процедур.

Таким образом изменение процессуальных подходов, упрощение деятельности по регистрации и расследованию преступлений, отказ от ответственности должностных лиц за рост статистических показателей (особенно в части выявляемых преступлений) способно радикально изменить картину региональной и федеральной преступности.

Следует признать, что никаких действительных существенных подвижек в противодействии преступности как не региональному, так и на федеральном уровнях не будет достигнуто, пока не будут приняты меры по всестороннему изучению и пониманию криминальных явлений, а в частности – уровня виктимности, страха населения перед преступностью, причин и условий преступлений против личности, собственности, общественной безопасности и порядка.

Как неоднократно упоминалось, параллельное изучение факторов и ведение социолого-криминологических исследований в регионе могут осуществлять соответствующие кафедры ВУЗов.

Опора исключительно на репрессивный подход в вопросах предупреждения преступлений не принесет должного результата. Отсутствие единого нормативно-правового документа, регулирующего организацию предупреждения преступного

поведения в России, не позволяет, в рамках существующего правового поля, вести работу по выявлению и устранению криминогенных детерминантов, нейтрализовывать очевидные, но устранимые опасности, например, такие, как семейное и бытовое насилие, являющееся основной большинства преступлений против жизни и здоровья либо неоднократность совершения криминальных деяний лицами, которые ранее привлекались к уголовной ответственности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон № 182-ФЗ от 23.06.2016 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ред. 19.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Ч. I). Ст. 3851
2. Постановление Правительства РФ № 1564 от 30.12.2016 «О проведении субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 2 (Ч. II). Ст. 392.
3. Горьянов К.К. Криминологическая обстановка (методологические аспекты). М. : ВНИИ МВД СССР. 1991. 98 с.
4. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края № 1039 от 16.11.2015 «Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Обеспечение безопасности населения» (ред. 16.05.2025) // Текст опубликован на официальном сайте администрации Краснодарского края 17.11.2015. URL : <https://admkrasnodar.ru/content/1291> (дата обращения 29.09.2025).
5. Криминология : учеб. для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. М. : Издательство Норма, 2005. 912 с. ISBN 5-89123-931-0
6. Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. М. : Инфра-М., 2012. 386 с. ISBN 978-5-16-003500-0
7. Кетле А. Социальная система / А. Кетле; Пер. Л.Н. Шаховской. СПб. : Изд-е Полякова и К. 1866. 318 с. URL : https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003577415?page=2&rotate=0&theme=white (дата обращения 18.10.2025).
8. Ферри Э. Уголовная социология / Э. Ферри; Сост. В.С. Овчинский. М. : Инфра-М., 2005. 658 с. ISBN 5-16-002315-1
9. Лист Ф. Задачи уголовно политики. Преступление как социально-паталогическое явление / Ф. Лист; Сост. В.С. Овчинский. М. : Инфра-М, 2004. 110 с. ISBN 5-16-001900-6
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. // Росстат. М., 2024. 1081 с.
11. Индексы потребительских цен (тарифов) на товары и услуги по Краснодарскому краю за август 2025 года. URL : https://23.rosstat.gov.ru/prices_kk (дата обращения 09.10.2025).
12. Криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления в Краснодарском крае // Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации за 2019–2022 гг. URL : http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения 05.10.2025).
13. Отчеты начальников территориальных органов МВД России на районном уровне Краснодарского края за 2019–2024 гг. URL : <https://23.мвд.рф/action/отчеты-должностных-лиц/отчеты-начальников-территориальных-орган> (дата обращения 05.10.2025).
14. Стешич Е.С. Криминология гомицида : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 491 с. ISBN 978-5-4396-1747-0
15. Шевкуненко М.Ю. Коррупционные преступления в Краснодарском крае как угроза экономической безопасности региона / М.Ю. Шевкуненко, М.А. Мокосеева // Актуальные вопросы экономических наук: материалы II международной научно-практической конференции по экономике. Краснодар : Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2020. С. 88–92.
16. Средний размер взятки в Краснодарском крае вырос в 2025 году до 708 тысяч рублей URL : <https://www.kommersant.ru/doc/8120188?ysclid=mgyx4d8bwo415768058> (дата обращения 10.10.2025).

References:

1. Federal Law № 182-FZ dated 06/23/2016 «On the fundamentals of the crime prevention system in the Russian Federation» (as amended on 08/19/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 26 (Part I). Art. 3851.
2. Decree of the Government of the Russian Federation № 1564 dated 12/30/2016 «On the conduct by subjects of crime prevention of monitoring in the field of crime prevention in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. № 2 (Part II). Art. 392.3.
3. Goryanov K.K. Criminological situation (methodological aspects). M. : All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1991. 98 p.
4. Resolution of the Head of the Administration (Governor) of the Krasnodar Territory № 1039 dated 16.11.2015 «On Approval of the State Program of the Krasnodar Territory «Ensuring public Safety» (as amended on 16.05.2025) // The text was published on the official website of the Krasnodar Territory Administration on 17.11.2015. URL : <https://admkr.krasnodar.ru/content/1291> (date of application 09/29/2025).
5. Criminology: textbook. for universities / Under the general editorship of A.I. Dolgova. M. : Norma Publishing House, 2005. 912 p. ISBN 5-89123-931-0
6. Gogel S.K. The course of criminal policy in connection with criminal sociology. M. : Infra-M., 2012. 386 p. ISBN 978-5-16-003500-0
7. Quetelet A. The social system / A. Quetelet; Translated by L.N. Shakhovskaya. SPb. : Polyakov and K. Publishing House, 1866. 318 p. URL : https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003577415?page=2&rotate=0&theme=white (date of application 18.10.2025).
8. Ferry E. Criminal sociology / E. Ferry; Comp. V.S. Ovchinsky. M. : Infra-M. 2005. 658 p. ISBN 5-16-002315-1
9. Leaf F. Tasks of criminal policy. Crime as a socio-pathological phenomenon / F. Leaf; Comp. V.S. Ovchinsky. M. : Infra-M., 2004. 110 p. ISBN 5-16-001900-6
10. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2024: Statistical collection // Rosstat. M., 2024, 1081 p.
11. Consumer price indices (tariffs) for goods and services in the Krasnodar Territory for August 2025. URL : https://23.rosstat.gov.ru/prices_kk (date of application 09.10.2025).
12. Criminological characteristics of persons committing crimes in the Krasnodar Territory // Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation for 2019–2022. URL : http://crimestat.ru/re_gions_chart_total (date of application 05.10.2025).
13. Reports of the heads of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level of the Krasnodar territory for 2019–2024. URL : <https://23.мвд.рф/action/отчеты-должностных-лиц/отчеты-начальников-территориальных-орган> (date of application 05.10.2025).
14. Steshich E.S. Criminology of homicide : monograph. M. : Yurлитinform, 2019. 491 p. ISBN 978-5-4396-1747-0
15. Shevkunenko M.Yu. Corruption crimes in the Krasnodar Territory as a threat to the economic security of the region / M.Yu. Shevkunenko, M.A. Mokoseeva // Actual issues of economics: proceedings of the II International Scientific and practical Conference on Economics. Krasnodar : Krasnodar Central Research Institute is a branch of the Federal State Budgetary Institution «REA» of the Ministry of Energy of Russia, 2020. P. 88–92.
16. The average size of a bribe in the Krasnodar Territory increased in 2025 to 708 thousand rubles. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/8120188?ysclid=mgyx4d8bwo415768058> (date of application 10.10.2025).

Информация об авторах

Вишневецкий Кирилл Валерьевич

доктор юридических наук,
профессор,
Краснодарский университет МВД России
kvishnevsky@mail.ru

Kirill V. Vishnevetsky

Doctor of Law,
Professor,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishnevsky@mail.ru

Петровский Антон Владимирович

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
ORCID: 0000-0002-0326-0807
anton-petrovski@yandex.ru

Anton V. Petrovsky

Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
ORCID: 0000-0002-0326-0807
anton-petrovski@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-5>

УДК 343.341

Attribution

cc by

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

Газизуллин Р.И.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. В статье исследуется роль принципов добросовестности и экономической свободы как фундаментальных начал правовой легитимации социальной ответственности бизнеса. Цель работы – обосновать, что именно эти принципы становятся конституирующими элементами концепции корпоративной социальной ответственности, обеспечивая баланс между свободой предпринимательства и требованиями морально-правового поведения. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частноправовые методы (сравнительно-правовой, формально-логический, системный анализ), которые позволили выявить взаимосвязь, существующую между нравственными императивами и экономико-правовыми нормами. В результате проведенного исследования было установлено, что добросовестность участников предпринимательской деятельности является необходимым условием поддержания оптимального уровня экономической свободы, а обе эти категории, в совокупности, обеспечивают правомерность и социальную приемлемость добровольных обязательств бизнеса перед обществом. Сделан вывод о том, что эти принципы лежат в основе правовой концепции социальной ответственности и служат критерием оценки легитимности социально ориентированной деятельности предприятий.

Ключевые слова: добросовестность, экономическая свобода, социальная ответственность бизнеса, правовая легитимация, корпоративная социальная ответственность, принципы права, общественные интересы.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

INTEGRITY AND ECONOMIC FREEDOM AS FUNDAMENTAL ELEMENTS OF THE LEGAL LEGITIMIZATION OF BUSINESS SOCIAL RESPONSIBILITY

Rishat I. Gazizullin

Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The article examines the role of principles of good faith and economic freedom as fundamental principles of legal legitimization of social responsibility of business. The purpose of the work is to substantiate that it is these principles that become the constitutive elements of the concept of corporate social responsibility, ensuring a balance between freedom of entrepreneurship and the requirements of moral and legal behavior. The methodological basis of the research was made up of general scientific and private law methods (comparative law, formal logic, system analysis), which made it possible to identify the relationship between moral imperatives and economic and legal norms. As a result, it was found that the integrity of business participants is a necessary condition for maintaining an optimal level of economic freedom, and both categories together ensure the legitimacy and social acceptability of voluntary business obligations to society. It is concluded that these principles underlie the legal concept of social responsibility and serve as a criterion for assessing the legitimacy of socially oriented activities of enterprises.

Keywords: integrity, economic freedom, social responsibility of business, legal legitimization, corporate social responsibility, principles of law, public interests.

Funding: Independent work.

Введение.

Развитие концепции социальной ответственности бизнеса, которая в научной и прикладной литературе чаще обозначается как корпоративная социальная ответственность (далее – КСО), обуслов-

лено не только объективной необходимостью согласования разнонаправленных и зачастую конкурирующих экономических интересов предпринимателей с возросшими социальными ожиданиями общества, но и потребностью интеграции

этих интересов в систему морально-правовых координат, выстраиваемых в государстве, ориентированном на приоритет социального благополучия и устойчивого развития, что, в свою очередь, требует последовательного учета принципов справедливости, добросовестности и уважения к общественным ценностям, закрепленных в конституционно-правовой сфере.

В данном контексте, корпоративная социальная ответственность предстает в качестве концепции, согласно которой хозяйствующий субъект (работодатель) посредством перераспределения части полученной прибыли добровольно принимает на себя дополнительные обязательства по поддержке собственных работников и членов их семей, по охране и воспроизводству окружающей среды, по участию в развитии социальных институтов и инфраструктур, а также по обеспечению общественных благ, реализуя данные обязательства путем целевого инвестирования ресурсов в соответствующие структуры и проекты, что подробно фиксируется в современном правовом и экономическом дискурсе [8, с. 19]. Иными словами, бизнес в рамках КСО, выходя за пределы классической экономической функции, связанной исключительно с извлечением прибыли, берет на себя добровольные социальные обязанности, результатом исполнения которых становится не только повышение уровня социально-экономического развития на макро- и микроуровнях, но и укрепление доверия со стороны общества, выражающегося в росте репутационного капитала и институциональной легитимации предпринимательской деятельности.

Следует подчеркнуть, что КСО неразрывно связана с построением институтов гражданского общества и формированием социально-правового государства, в котором предпринимательская деятельность, демонстрирующая способность соблюдать баланс между частными интересами собственников капитала и публичными интересами социума, получает выраженное общественное одобрение, выступающее в роли фактора легитимации хозяйственной активности; В то же время, возникает принципиально важный исследовательский вопрос: На каких именно правовых основаниях социально ориентированная деятельность компаний в рамках корпоративной социальной ответственности может приобретать характер легитимности, то есть признаваться не только экономически оправданной, но и правомерной, нормативно закреплённой и общественно значимой?

Для ответа на этот вопрос необходимо выявить и проанализировать базовые правовые принципы, которые служат системообразующими опорами указанной легитимации.

В системе правовых координат современной Российской Федерации центральное место занимает нормативно закреплённый комплекс конституционных основ экономического строя и общих начал гражданского законодательства, который задает

предельные рамки и ценностно-смысловые ориентиры для всей предпринимательской и хозяйственной активности, формируя баланс между частными интересами субъектов рынка и публичными целями государства. В данном контексте, Конституция Российской Федерации [1], закрепив в статье 8 принцип единства экономического пространства и многообразия форм собственности, а в статье 34 – право каждого свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности, одновременно утвердила и пределы реализации этой свободы, прямо запрещая монополизацию и недобросовестную конкуренцию, что свидетельствует о том, что провозглашенная экономическая свобода изначально сопряжена с требованием правомерного и добросовестного поведения ее носителей.

В развитие конституционных положений Гражданский кодекс Российской Федерации [2] в пункте 3 статьи 1 закрепил общий принцип добросовестности участников гражданского оборота, предписав субъектам действовать честно и разумно во всех видах правоотношений, что институционализировало в частноправовом пространстве этико-правовой императив справедливости.

Следует особо подчеркнуть, что включение данного положения в 2013 году явилось не только технико-юридическим уточнением, но и доктринально значимым шагом, который, как отмечается в юридической литературе, вознес принцип добросовестности в ранг основополагающих начал частного права, ибо с этого момента «все (без исключения) гражданские правоотношения строятся на добросовестности, что возводит ее в ранг основополагающих принципов гражданского права» [14, с. 186].

В то же время, действующий правопорядок, исходящий из конституционных и гражданско-правовых начал, защищает и закрепляет в качестве одной из фундаментальных гарантий возможность свободного осуществления предпринимательской деятельности, включающей в себя право выбора организационно-правовых форм и видов экономической активности, возможность самостоятельного распоряжения принадлежащими субъекту ресурсами, а также право на извлечение прибыли в пределах, очерченных законом и обусловленных соблюдением установленных нормативных ограничений, что в целом формирует сущностное содержание категории «экономическая свобода». Однако, как справедливо отмечается в научной литературе и подтверждается практикой конституционного правосудия, данная свобода не носит абсолютного характера, поскольку её границы определяются необходимостью уважения прав, свобод и законных интересов иных участников гражданского оборота, требованиями охраны общественного порядка и стабильности правовой системы, запретом на злоупотребление субъективными правами, который выступает важнейшим юридическим инструментом предотвращения произвола и недобросовестного поведения

[9, с. 17]. Именно поэтому в условиях современного социального государства, ориентированного на принципы справедливости и устойчивого развития, провозглашение экономической свободы всегда сопровождается возложением на предпринимателей комплекса обязанностей, включающих не только формальное соблюдение предписаний законодательства, но и следование основам деловой этики, корпоративной культуры и принципам социально ответственного поведения, что в совокупности формирует тот ценностно-нормативный фундамент, на котором возможно гармоничное сочетание интересов частного капитала и публичных целей общества.

Таким образом, уже на конституционно-правовом уровне выстраивается двуединая основа легитимации корпоративной социальной ответственности, заключающаяся в том, что добровольные социальные инициативы бизнеса признаются правопорядком приемлемыми и достойными поощрения лишь в случае их реализации в рамках обеспеченной государством свободы экономической деятельности и при неизменном условии добросовестного поведения участников рынка, гарантирующего справедливое, честное и транспарентное исполнение принятых обязательств.

Исходя из этого, в настоящем исследовании эти два принципа – добросовестность и экономическая свобода, рассматриваются как взаимосвязанные и взаимодополняющие системообразующие элементы, обеспечивающие правовую легитимацию социальной ответственности бизнеса. При этом особое внимание уделяется анализу их взаимодействия и проявления в механизмах нормативного регулирования и правоприменительной практике, определяющих рамки и перспективы развития предпринимательской деятельности в социальной сфере.

Обсуждение.

Принцип добросовестности, исторически восходящий к числу фундаментальных оснований гражданского права и изначально формировавшийся в русле этико-философских представлений о справедливости, честности и морали, на протяжении длительного периода эволюционного развития доктрины и судебной практики приобрел характер универсального правового императива, воплощающего в себе необходимость согласования частных интересов участников гражданского оборота с требованиями справедливости и устойчивости правопорядка.

В современной редакции Гражданского кодекса Российской Федерации данный принцип получил прямое нормативное закрепление, однако, его действительное содержание формировалось задолго до законодательной кодификации через систематическое осмысление в научной литературе и конкретизацию в судебной практике, что позволило придать ему статус регулятивного стандарта поведения, обязательного для всех субъектов гражданских правоотношений.

Рассматриваемая категория добросовестности в гражданско-правовом контексте, охватывает широкий спектр проявлений – от честности и разумности совершаемых действий до уважительного отношения к интересам контрагентов и исключения любых форм злоупотребления правом, умышленного введения в заблуждение или эксплуатации уязвимости другой стороны, при этом сохраняя очевидную связь с изначальным этическим происхождением данного понятия (в русском языке – от выражения «добрая совесть»), но постепенно трансформируясь в юридический критерий, позволяющий отграничивать допустимое и социально приемлемое поведение от поведения недопустимого и порицаемого с точки зрения как права, так и морали.

Значение добросовестности как регулятивного принципа является многогранным, поскольку, с одной стороны, её реализация способствует формированию атмосферы доверия и предсказуемости в гражданском обороте, снижая уровень конфликтности и минимизируя транзакционные издержки, а с другой – придаёт социальное измерение свободе договора и предпринимательской инициативе, ограничивая крайний индивидуализм субъектов рамками справедливости, нравственных императивов и уважения к публичным интересам. Наличие в правовой системе подобного ориентира означает, что добровольные действия бизнеса, направленные на общественное благо – будь то благотворительные инициативы, социальные программы поддержки работников или экологические проекты, – могут рассматриваться в качестве соответствующих духу закона лишь в том случае, если они совершаются добросовестно, то есть без скрытых нарушений, без нанесения ущерба третьим лицам и в условиях прозрачности; именно поэтому нравственное, честное и отвечающее требованиям закона поведение субъектов гражданского оборота выступает необходимым условием поддержания оптимального уровня экономической свободы, которая рассматривается в качестве структурного элемента публичного порядка и основ конституционного строя Российской Федерации [11, с. 123].

Иными словами, предпринимательская деятельность, базирующаяся на принципах честности, уважения и соблюдения прав всех вовлечённых сторон, воспринимается государством не только как частный экономический выбор, но и как системная предпосылка стабильности и устойчивости национальной экономики, основанной на доверии, конкуренции и законности.

Параллельно, принцип экономической свободы, обладающий учредительной функцией в сфере правового регулирования предпринимательской деятельности, выступает одним из оснований всей системы частноправовых и публично-правовых координат, определяющих допустимые пределы и гарантируемые государством возможности осуществления экономической инициативы в

условиях правопорядка, ориентированного на баланс интересов личности, общества и государства.

Содержательно данный принцип охватывает совокупность правом признанных возможностей, включающих, в частности, свободу выбора вида и формы экономической деятельности, свободу заключения договоров на основе автономии воли сторон, свободу распоряжения принадлежащим субъекту имуществом и результатами своей деятельности, право участвовать в конкурентной борьбе, при обязательном условии соблюдения действующих правовых норм, исключающих недобросовестную конкуренцию, монополистические злоупотребления и иные формы неправомерного ограничения экономической свободы других субъектов.

Реализация указанного принципа на практике предполагает институциональное признание частной инициативы как движущей силы рыночной экономики, обеспечение разнообразия форм собственности и предоставление предпринимателям широкого спектра автономных решений в рамках ведения бизнеса, при этом, минимизируя чрезмерное и неоправданное вмешательство государства в бизнес-процессы за исключением случаев, прямо предусмотренных законом и вытекающих из задач охраны общественного порядка, правопорядка и защиты прав потребителей [12, с. 152].

Вместе с тем, как справедливо отмечается в современной юридической науке, экономическая свобода, несмотря на её нормативное закрепление и теоретическую широту, может быть реализована исключительно в рамках правового поля; то есть, при условии, что все участники гражданского оборота действуют в соответствии с требованиями добросовестности, которая служит неотъемлемым коррелятом свободы в условиях правового государства. Исходя из этого, в российской правовой системе закреплён презумптивный подход, согласно которому лица, реализующие свои экономические права, априори рассматриваются как действующие добросовестно; то есть, их поведение презюмируется как честное, открытое

и ориентированное на уважение прав и законных интересов другой стороны договора или иного гражданско-правового взаимодействия [13, с. 39].

Данное положение приобретает особую значимость в условиях правоприменения, поскольку именно презумпция добросовестности, в отсутствие доказательств обратного, обеспечивает стабильность и предсказуемость гражданского оборота, снижает транзакционные издержки и способствует формированию доверия в предпринимательской среде.

В связи с этим, необходимо подчеркнуть, что экономическая свобода и добросовестность находятся в состоянии взаимного дополнения и нормативной синергии: первая предоставляет субъектам широкое пространство для проявления инициативы, инновационной активности и реализации деловых стратегий, тогда как вторая направляет указанную свободу в нормативно допустимое и общественно приемлемое русло, ограничивая возможность злоупотребления правами и обеспечивая соответствие поведения субъектов не только букве закона, но и его духу, выраженному в ценностях справедливости, уважения и социальной ответственности.

В рамках правовой доктрины, ориентированной на выявление и структурирование основ, обеспечивающих нормативную состоятельность и правовую приемлемость добровольных социальных инициатив бизнеса, представляется научно и методологически обоснованным проведение углублённого сравнительного анализа двух правовых принципов – добросовестности как нравственно-правового регулятора и экономической свободы как юридически закреплённой формы осуществления предпринимательской автономии, поскольку именно через их взаимодействие, сопряжённое с нормами публичного и частного права, осуществляется правовая легитимация корпоративной социальной ответственности (КСО), интерпретируемой не только как добровольный, но и как социально ожидаемый и правопорядком одобряемый формат поведения хозяйствующих субъектов (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительно-правовой анализ принципов добросовестности и экономической свободы как оснований правовой легитимации корпоративной социальной ответственности

Критерий	Принцип добросовестности	Принцип экономической свободы
1	2	3
Правовая природа	Изначально нравственно-этическая категория (совесть, честность), восходящая к римскому праву (<i>bona fides</i>), трансформировалась в юридический императив поведения. В российском праве рассматривается как общее начало гражданского законодательства, обладающее надотраслевым характером и обязательной силой и имеющее значение для всех видов гражданско-правовых отношений, включая предпринимательские	Конституционно закреплённое право, отражающее базовые начала экономического строя государства; носит публично-правовой характер, но реализуется преимущественно в частноправовой сфере; системообразующее начало предпринимательской деятельности, обеспечивающее автономию субъектов и их способность проявлять инициативу при условии соблюдения ограничений публичного порядка

Окончание таблицы 1

1	2	3
Нормативное закрепление	П. 3 ст. 1 ГК РФ: «При осуществлении гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно»; развёрнутое раскрытие в ст. 10 ГК РФ [2] (запрет злоупотребления правом); закрепление в Постановлениях Пленума ВС РФ (например, от 23.06.2015 № 25 [5]), где добросовестность названа универсальным критерием поведения	Ст. 8 Конституции РФ [1]: гарантии единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансов; ст. 34 Конституции РФ: право каждого свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской деятельности; нормы антимонопольного регулирования (ФЗ «О защите конкуренции» [3]), определяющие пределы реализации свободы
Источники доктринального развития	Теории естественного права, немецкая пандектная школа, советская цивилистика; современная доктрина исходит из сочетания моральных и юридических начал; судебная практика ВС РФ придала этому принципу прикладной характер, закрепив его в качестве инструмента оценки сделок и поведения сторон	Классическая экономическая теория (А. Смит), конституционализм XIX–XX вв., международные документы (Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 6, Европейская социальная хартия); отечественная доктрина рассматривает свободу предпринимательства как элемент правового статуса личности и основу рыночного правопорядка
Этическое содержание	Честность, справедливость, уважение к контрагенту, отказ от использования слабости другой стороны; обязанность действовать «по совести», что исключает формальное использование права вопреки его социальному назначению	Автономность воли, ответственность за предпринимательский риск, уважение к конкуренции; свобода предполагает обязательный учёт интересов общества и отказ от форм её реализации, причиняющих вред правам других лиц или нарушающих баланс рынка
Функция в механизме легитимации КСО	Внутренний критерий подлинности социальных инициатив: если социальные проекты бизнеса реализуются недобросовестно (для сокрытия нарушений, уклонения от уплаты налогов и т.д.), они теряют легитимность. Добросовестность превращает добровольное обязательство в социально и юридически значимое действие	Внешний формообразующий фактор: позволяет бизнесу реализовывать КСО без законодательного принуждения, исходя из собственной инициативы; свобода предпринимательства создаёт пространство, в котором социальные обязательства приобретают правовую значимость как добровольные и самоуправляемые
Степень нормативной обязательности	Императивное требование: нарушение принципа ведёт к утрате судебной защиты (ст. 10 ГК РФ) [2], признанию сделок недействительными, возложению ответственности; добросовестность – универсальный юридический фильтр	Конституционное право ограниченного характера: свобода предпринимательства не является абсолютной; она ограничивается публичным порядком, антимонопольным контролем, налоговым регулированием, нормами экологического и трудового законодательства
Роль в судебной практике	Добросовестность – универсальный критерий при разрешении гражданско-правовых споров; используется для выявления злоупотребления правом, оценки недействительности сделок, толкования договоров, распределения бремени доказывания; активно применяется в арбитражной практике (например, Постановление Президиума ВАС РФ от 30.07.2013 № 408/13 [6])	Экономическая свобода оценивается судами при проверке законности ограничений предпринимательской деятельности (например, в делах о конституционности налоговых и антимонопольных норм); используется для оправдания частной инициативы и контроля за чрезмерным вмешательством государства (постановления КС РФ, в частности от 22.11.2018 № 44-П) [7]
Последствия несоблюдения	Недобросовестное поведение влечёт за собой отказ в защите прав, возложение дополнительных обязанностей, санкции, утрату репутационного капитала. Социальные инициативы, реализуемые недобросовестно, воспринимаются как фиктивные	Злоупотребление свободой (монополизм, недобросовестная конкуренция, ведение незаконной деятельности) приводит к ограничению предпринимательских прав, наложению штрафов, применению мер административной и уголовной ответственности, к вмешательству государства в деятельность бизнеса

Как видно из таблицы 1, добросовестность и экономическая свобода, несмотря на различия в происхождении и акцентах, тесно взаимосвязаны в обеспечении легитимности социально ответственного поведения бизнеса.

Так, нормативное закрепление добросовестности превращает этический постулат в юридически значимый критерий, нарушение которого влечёт за собой негативные правовые последствия. Это стимулирует компании придерживаться честных правил игры, особенно если они заявляют о своих социальных инициативах.

В свою очередь, провозглашение экономической свободы создаёт общие «правила игры» на рынке, допускающие инициативу бизнеса в социальной сфере, но установление правовых границ этой свободы (запрет монополистических и мошенических практик) предотвращает использо-

вание риторики корпоративной социальной ответственности для прикрытия противоправных действий.

Оба принципа требуют от предпринимателя соотносить свои коммерческие цели с более широкими ценностями: деловой этикой, правами человека, общественным благом. Легитимация корпоративной социальной ответственности происходит именно в том случае, когда социальные проекты бизнеса реализуются добровольно (в силу экономической свободы), добросовестно (в соответствии с морально-правовыми нормами) и в рамках закона, установленных законодательством [10, с. 53].

Следует особо подчеркнуть, что современное развитие института корпоративной социальной ответственности характеризуется процессом все более тесной интеграции фундаментальных принципов добросовестности и экономической свободы в практические руководства, стандарты

© Газизуллин Р.И.

и механизмы саморегулирования предпринимательской деятельности, что подтверждается как международной, так и отечественной практикой правового и организационного оформления КСО.

Так, международный подход к данному феномену нашёл выражение в стандартах ESG (Environmental, Social, Governance), включающих экологические, социальные и управленческие критерии устойчивого развития бизнеса, которые в совокупности формируют универсальную рамку для оценки долгосрочной ответственности хозяйствующих субъектов, ориентированной не только на получение прибыли, но и на достижение целей социального и экологического характера.

В российской правовой системе импульс этому направлению был придан введением в действие в 2013 году «Национального стандарта Российской Федерации. Руководство по социальной ответственности» (ГОСТ Р ИСО 26000–2012), который, будучи по своей юридической природе актом «мягкого права» и не создавая прямых юридических обязанностей для компаний, фактически стал базовым инструментом для формирования корпоративных стандартов и кодексов поведения на уровне отдельных организаций [4, с. 21], задав унифицированное понимание содержания добровольных обязательств бизнеса перед обществом и обозначив приоритеты, которые в дальнейшем нашли отражение в корпоративных стратегиях. Наличие такого стандарта являет собой пример того, как государство и международное сообщество поддерживают социально ответственное поведение бизнеса не посредством жёсткого законодательного принуждения, а через внедрение гибких инструментов нормативного регулирования, опирающихся на признание моральных и правовых принципов внутри деловой среды.

В результате, можно наблюдать процесс институционализации корпоративной социальной ответственности, когда не только крупнейшие корпорации, но и субъекты малого и среднего предпринимательства всё активнее принимают на себя публично заявляемые обязательства в сферах социальных инвестиций, защиты и развития трудовых отношений, охраны окружающей среды и экологической устойчивости, что сопровождается формированием отчетности и прозрачных процедур взаимодействия с обществом. При этом критериями успешности реализации подобных инициатив выступают не только традиционные финансово-экономические показатели, но и соответствие принципам добросовестности, выражающееся в устойчивой репутации компании как честного и этичного участника рынка, эффективность использования предоставленной правопорядком экономической свободы, заключающаяся в способности бизнеса реализовывать социальные проекты без ущерба для собственной устойчивости и конкурентоспособности [16, с. 98], что, в совокупности, формирует правовую и социальную легитимность корпоративной социальной ответственности как современного института взаимодействия государства, бизнеса и общества.

Структурно, правовая концепция социальной ответственности бизнеса может быть представлена

как многоуровневая система, в центре которой находятся базовые и фундаментальные принципы, задающие ценностно-нормативные рамки и направления развития, над которыми формируется надстройка в виде конкретизированных стандартов и норм корпоративной ответственности, а практическая реализация обеспечивается разнообразной правовой инфраструктурой и механизмами правоприменения. Такая системность позволяет отразить взаимосвязь аксиологических оснований, нормативных регуляторов и институционально-прикладных механизмов, обеспечивающих превращение корпоративной социальной ответственности из декларативной идеи в правомерный и социально признанный феномен (рис. 1).

Предложенная трёхъярусная схема демонстрирует, что правовая легитимация корпоративной социальной ответственности обладает комплексным характером и охватывает одновременно ценностно-принципиальный уровень, связанный с формированием аксиологических ориентиров и общеправовых начал, и прикладной уровень, отражающий конкретизацию и институционализацию этих ориентиров в управленческих и нормативно-правовых механизмах.

На первом уровне, включающем фундаментальные начала – экономическую свободу и добросовестность, задаётся идеологическая и нормативная рамка, в пределах которой бизнес получает возможность свободно развивать свою предпринимательскую инициативу, однако, он обязан реализовывать её в соответствии с требованиями добросовестности и в направлении, ориентированном на общественную пользу и социальную значимость, что, в совокупности, формирует условия для добровольного, но одновременно и социально обусловленного выбора хозяйствующих субъектов в пользу социально ответственного поведения.

Второй уровень наполняет указанную рамку конкретным содержанием, включающим управленческие и технические стандарты, к числу которых относятся правила прозрачности нефинансовой и устойчивой отчётности, обязательства работодателей по обеспечению безопасных и благоприятных условий труда, экологическая политика «нулевых отходов», иные инициативы корпоративного характера, которые, несмотря на свою преимущественно добровольную природу, опираются на авторитет фундаментальных принципов первого уровня и зачастую находят косвенное закрепление в нормативных правовых актах (через прямые или опосредованные ссылки в законах, подзаконных актах, стратегических документах, кодексах корпоративной этики и иных источниках мягкого права).

Наконец, третий уровень отражает стадию практического применения, где государство с использованием правовой инфраструктуры и инструментов правоприменения стимулирует и направляет социальную активность бизнеса, используя такие меры, как предоставление налоговых льгот за осуществление благотворительной деятельно-

сти, установление требований к раскрытию нефинансовой отчётности, включение социальных критериев в систему государственных закупок и контрактов, что, в совокупности, формирует институциональную среду, в которой следование принципам корпоративной социальной ответственности

становится не только желательным с точки зрения морально-правовых ориентиров, но и выгодным, а в определённых ситуациях необходимым элементом рациональной и долгосрочной предпринимательской стратегии.

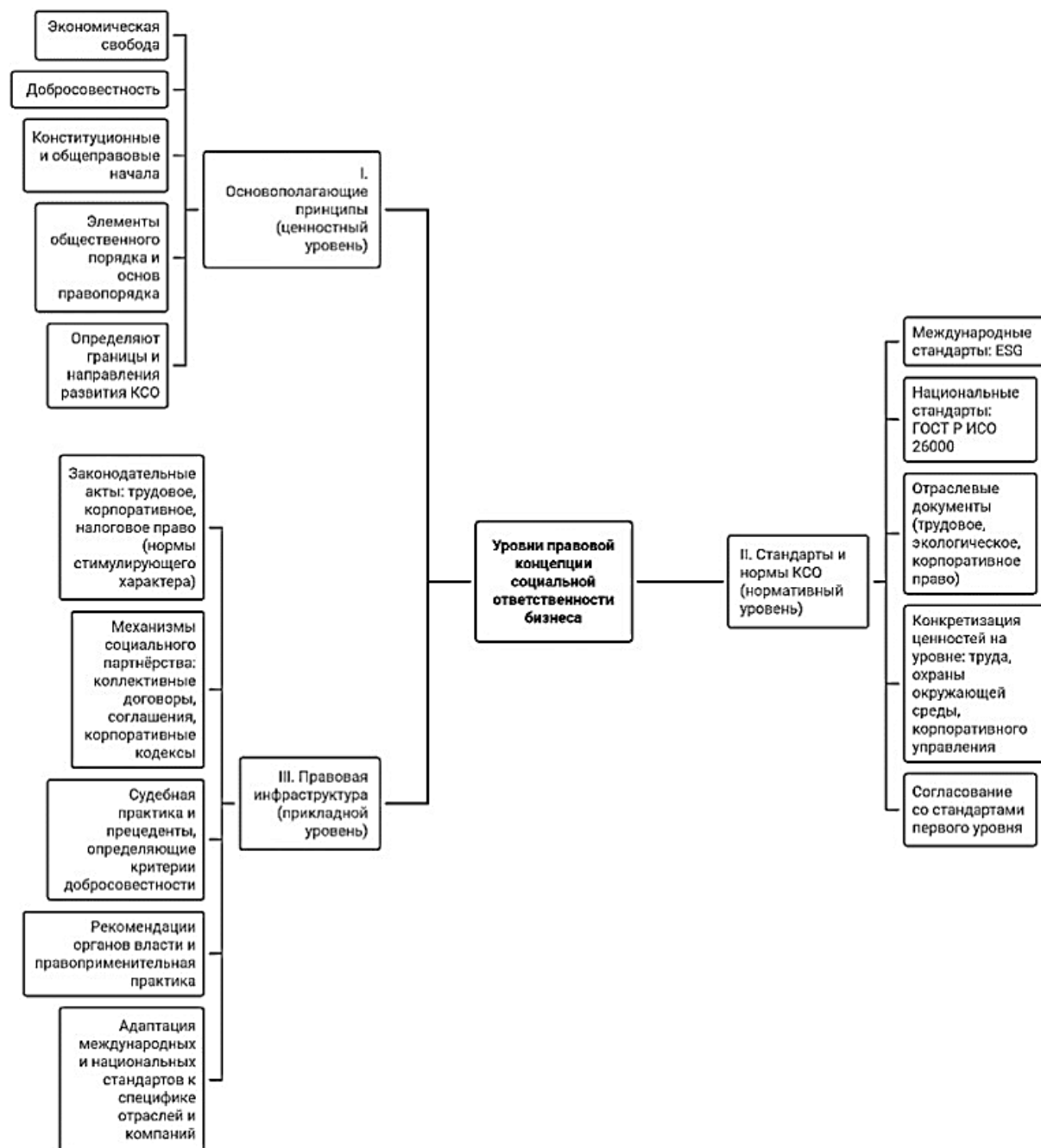

Рисунок 1 – Уровни правовой концепции социальной ответственности бизнеса.

Источник: Составлено автором.

Таким образом, принципы добросовестности и экономической свободы пронизывают всю конструкцию правового регулирования корпоративной социальной ответственности, проявляясь на каждом из уровней – от формулирования базовых аксиологических ориентиров до закрепления конкретных стимулов и механизмов реализации. И

если хозяйствующий субъект в своей деятельности придерживается указанных принципов, его социальная активность приобретает характер органической и неотъемлемой части современного предпринимательства, что обеспечивает признание её обществом как легитимной, социально ценной и заслуживающей поддержки.

Напротив, декларации о корпоративной социальной ответственности, лишённые реального содержания и не подкреплённые добросовестным и свободным выбором, например, в случаях, когда социальные проекты используются исключительно как инструмент маскировки недобросовестного поведения либо навязываются под давлением извне без внутренней мотивации бизнеса, неизбежно теряют доверие со стороны общества и государства, что может повлечь за собой не только репутационные потери, но и институциональную реакцию в форме ужесточения нормативных требований, расширения обязательных стандартов и применения дополнительных мер правового регулирования.

Результаты.

Полученные в ходе исследования данные подтвердили исходную гипотезу о двойственной, но неразрывной природе нормативной основы корпоративной социальной ответственности, где добросовестность, возведённая в ранг общего начала гражданского законодательства и функционирующая как универсальный критерий законности и справедливости частноправового поведения, сочетается с гарантированной Конституцией экономической свободой, определяющей границы автономии предпринимательской инициативы и задающей форму добровольного принятия социальных обязательств, благодаря чему складывается целостная система правовой легитимации социально ориентированных практик бизнеса, выраженная в способности компаний совмещать свободу выбора с ответственностью перед обществом, государством и контрагентами.

При таком подходе социальные проекты приобретают качество публично проверяемых и юридически оправданных действий лишь постольку, поскольку демонстрируют соответствие трём взаимосвязанным основаниям: добровольности как производной от свободы экономической деятельности, добросовестности как нормативному стандарту поведения и правомерности как соответствию императивам позитивного права. Вместе с тем, отсутствие любого из названных оснований немедленно деформирует воспринимаемую легитимность и подрывает доверительный характер взаимодействия между бизнесом и обществом.

Практико-ориентированный вывод исследования заключается в том, что для устойчивого закрепления легитимности корпоративной социальной ответственности необходима институциональная настройка механизмов оценки и верификации, в рамках которых добровольность фиксируется через исключение прямого принуждения и наличие осмысленной предпринимательской стратегии, правомерность – через соответствие совокупности применимых отраслевых норм (гражданского, трудового, экологического, антимонопольного и налогового права) и судебным ориентирам, а добросовестность – через требования прозрачности, соразмерности и недопустимости злоупотребле-

ния правом. Это предполагает развитие нефинансовой отчётности по ESG-метрикам, внедрение процедур независимого комплаенс-аудита, расширение судебной практики по квалификации псевдосоциальных инициатив и формирование методик доказательной оценки последствий корпоративных программ для работников, местных сообществ и среды, что позволяет учитывать интересы законодателя (в части тонкой настройки стимулов и ограничений), правоприменителя (в части выработки стабилизирующих презумпций и критериев добросовестности) и бизнеса (в части интеграции социальных требований в систему корпоративного управления и риск-менеджмента), где репутационный капитал и самостоятельная социальная активность рассматриваются как долгосрочные активы, снижающие регуляторную неопределённость и судебные риски.

Заключение.

Стратегическая перспектива дальнейшего развития института корпоративной социальной ответственности предполагает последовательное укрепление экосистемы «мягкого права» и применение адресных правовых стимулов, в рамках которых добровольные стандарты (включая ГОСТ Р ИСО 26000) сохраняют координирующую и методическую функцию, тогда как государственная политика, реализуемая через систему налоговых льгот за общественно полезные проекты, требования к раскрытию нефинансовой информации, включение социальных критериев в контрактную систему и формирование публичных реестров лучших практик, побуждает хозяйствующие субъекты к транспарентному и добросовестному выбору социальных приоритетов, не подменяющему конкурентный порядок и не нарушающему пределы свободы предпринимательства.

В связи с этим, дальнейшее совершенствование нормативной базы должно быть направлено, с одной стороны, на предотвращение практик «зелёного камуфляжа» и иных форм имитации социальной ответственности, а с другой – на развитие цифровых инструментов верификации и повышение роли судебного контроля в части выявления и пресечения злоупотреблений дискурсом корпоративной социальной ответственности. Именно такое сочетание мер позволит поддерживать устойчивую правовую легитимность корпоративной социальной ответственности и минимизировать риски девальвации её ценностного содержания.

В итоге, мы приходим к выводу о том, что повышение культурного стандарта добросовестности и сохранение условий для свободного и конкурентного экономического порядка являются взаимосвязанными целями, достижение которых обеспечивает не только формальное соответствие корпоративной социальной ответственности правовым критериям, но и её реальную эффективность в долгосрочной перспективе как инструмента укрепления доверия между бизнесом, обществом и государством.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.
Литература:	
1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398. 2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. 3. О защите конкуренции : Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3434. 4. ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Руководство по социальной ответственности. Введ. 01.11.2012. М. : Стандартинформ, 2012. 156 с. 5. Верховный Суд Российской Федерации. Постановление Пленума от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8. 6. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации. Постановление Президиума от 30.07.2013 № 408/13 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 11. 7. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановление от 22.11.2018 № 44-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 110 Налогового кодекса Российской Федерации...» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (Ч. I). Ст. 7684. 8. Благодир А.Л. Корпоративная социальная ответственность – новое направление в развитии социального партнерства? // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 1. С. 18–21. DOI: 10.18572/2221-3295-2024-1-18-21 EDN: JKPIZV 9. Бобков Д.В. Ограничения свободы экономической деятельности // Государственная и муниципальная власть в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития. 2022. С. 16–20. EDN: ZNMDBK 10. Газизуллин Р.И. Правовая концепция социальной ответственности бизнеса : монография. М. : Статут, 2022. 162 с. 11. Газизуллин Р.И. Экономическая свобода и добросовестность как системообразующие начала правовой концепции социальной ответственности бизнеса / Р.И. Газизуллин, Ф.И. Хамидуллина // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2(180). С. 121-131. DOI: 10.24158/tpor.2023.2.17 EDN: ESACJW 12. Мирошина Е.Ю. Понимание экономической свободы в современном обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 148–155. EDN: WRPJGZ 13. Плотникова И.Н. Генезис теоретических представлений и правовых основ экономической свободы личности // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6(127). С. 31-47. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.031-047 EDN: SOKVSL 14. Румянцев М.С. К вопросу о понятии принципа добросовестности в гражданском праве // Молодой учёный. 2022. № 41(436). С. 183–186. EDN: GPFQUP 15. Шаламова А.Н. Роль социальной ответственности в реализации идеи социального государства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4. С. 90–96. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.71.009 EDN: YVUTEU 16. Шевченко Е.А. Роль социальной ответственности бизнеса в социально-экономическом развитии территории / Е.А. Шевченко, С.И. Луговской // Kant. 2023. № 3(48). С. 96–101. DOI: 10.24923/2222-243X.2023-48.15 EDN: GGNZXU	
References:	
1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 № 6-FKZ, № 7-FKZ, dated 02/05/2014 № 2-FKZ, dated 07/21/2014 № 11-FKZ, dated 03/14/2020 № 1-FKZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398. 2. The Civil Code of the Russian Federation (part one): Federal Law № 51-FZ of 11/30/1994 (as amended on 07/31/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.	

3. On Protection of Competition: Federal Law № 135-FZ of July 26, 2006 (as amended on July 24, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31 (Part 1). Art. 3434.
4. GOST R ISO 26000-2012. A guide to social responsibility. Introduction. 11/01/2012. М. : Standartinform, 2012. 156 p.
5. The Supreme Court of the Russian Federation. Resolution of the Plenum of 23.06.2015 № 25 «On the application by Courts of certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8.
6. The Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. Resolution of the Presidium of 30.07.2013 № 408/13 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2013. № 11.
7. The Constitutional Court of the Russian Federation. Resolution № 44 dated 22.11.2018-P «In the case of checking the constitutionality of paragraph 2 of Article 110 of the Tax Code of the Russian Federation ...» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. № 49 (Part I). Art. 7684.
8. Blagodir A.L. Corporate social responsibility – a new direction in the development of social partnership? // Labor Law in Russia and abroad. 2024. № 1. P. 18–21. DOI: 10.18572/2221-3295-2024-1-18-21 EDN: JKPIZV
9. Bobkov D.V. Restrictions on freedom of economic activity // State and municipal power in the Russian Federation: current state and development prospects. 2022. P. 16–20. EDN: ZNMDBK
10. Gazizullin R.I. The legal concept of social responsibility of business : monograph. М. : Statute, 2022. 162 p.
11. Gazizullin R.I. Economic freedom and integrity as the backbone principles of the legal concept of social responsibility of business / R.I. Gazizullin, F.I. Khamidullina // Theory and practice of social development. 2023. № 2(180). P. 121–131. DOI: 10.24158/tpor.2023.2.17 EDN: ESACJW
12. Miroshina E.Y. Understanding economic freedom in modern society // Proceedings of Tula State University. Humanities. 2016. № 3. P. 148–155. EDN: WRPJGZ
13. Plotnikova I.N. The genesis of theoretical concepts and legal foundations of economic freedom of the individual // Actual problems of Russian law. 2021. № 6(127). P. 31–47. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.031-047 EDN: SOKVSL
14. Rumyantsev M.S. On the concept of the principle of good faith in civil law // Young Scientist. 2022. № 41(436). P. 183–186. EDN: GPFQUP
15. Shalamova A.N. The role of social responsibility in the realization of the idea of a welfare state // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4. P. 90–96. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.71.009 EDN: YVUTEU
16. Shevchenko E.A. The role of social responsibility of business in the socio-economic development of the territory / E.A. Shevchenko, S.I. Lugovskoy // Kant. 2023. № 3(48). P. 96–101. DOI: 10.24923/2222-243X.2023-48.15 EDN: GGNZXU

Информация об авторе

Газизуллин Ришат Ильнурович

доктор юридических наук,
кандидат экономических наук,
доцент Высшей школы бизнеса
Института управления, экономики и финансов,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Rishat.Gazizullin@kpfu.ru

Rishat I. Gazizullin

Doctor of Law,
Candidate of Economics,
Associate Professor at the Higher School of Business
of the Institute of Management, Economics and Finance,
Kazan (Volga Region) Federal University
kvishnevecky@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 31.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-8>

УДК 343.9

Attribution

cc by

СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Дзюба М.А.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Цель исследования состоит в приращении криминологического знания о структуре преступности в общеобразовательных организациях, полученного на основе результатов, проведенных автором эмпирических исследований. Методы исследования. Методологию исследования, помимо всеобщих и общенаучных методов исследования, составили опросы по специально разработанным анкетам, контент-анализ информационных материалов, размещенных в сети Интернет. Результат. Автором сформулировано понятие «преступность в общеобразовательных организациях», выделить основные модели совершаемых преступлений: «обучающиеся – обучающиеся», «обучающиеся – персонал», «персонал – обучающиеся», «персонал – персонал», «родители – обучающиеся, персонал», «иные лица – обучающиеся, персонал». Дана подробная криминологическая характеристика преступлений, соответствующих каждой из указанных моделей.

Ключевые слова: структура преступности, общеобразовательные организации, преступность, школа, обучающиеся, предупреждение преступлений, общеобразовательная среда.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CRIME STRUCTURE IN GENERAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS (BASED ON THE RESULTS OF AN EMPIRICAL STUDY)

Maxim A. Dzyuba

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The purpose of the study is to increase criminological knowledge about the structure of crime in educational institutions, obtained on the basis of the results of empirical research conducted by the author. Research methods. The research methodology, in addition to general and general scientific research methods, consisted of surveys based on specially designed questionnaires, content analysis of information materials posted on the Internet. Results. The author formulates the concept of crime in general education organizations, identifies the main models of crimes committed: «students – students», «students – staff», «staff – students», «staff – staff», «parents – students, staff», «other persons – students, staff». Detailed criminological characteristics of crimes corresponding to each of the specified models are given.

Keywords: crime structure, educational institutions, crime, school, students, crime prevention, educational environment.

Funding: Independent work.

Введение.

Общеобразовательные организации являются ведущим агентом социализации несовершеннолетних, формирования у них знаний, умений, навыков, морально-нравственных качеств личности, готовности к социально полезной деятельности. Многообразие форм социальной активности в среде общеобразовательных организаций позволяет рассматривать данное явление в качестве особой общеобразовательной социальной

среды. По данным Минпросвещения, в Российской Федерации функционируют 38485 общеобразовательных школ; в образовательные отношения, в которые вовлечены несовершеннолетние, их родители, педагоги и иной персонал общеобразовательных организаций вовлечено не менее 50 млн человек [1].

Безусловно, центральным компонентом общеобразовательной среды выступают непосредственно общеобразовательные организации. Об-

щеобразовательная среда долгое время сводилась к классным комнатам, коридорам и пришкольной территории. Однако за последние годы цифровые технологии существенно расширили эти рамки: к очной инфраструктуре прибавились платформы дистанционного обучения, чаты учителей, официальные страницы школ в социальных сетях и многочисленные неформальные группы учащихся и их родителей. Физическое и виртуальное измерения слились в единую коммуникационную сеть, доступную для участников образовательного процесса.

Общеобразовательная школа представляет собой разнотипную среду с большими возможностями коммуникации, что обуславливает формирование различных социальных противоречий и конфликтных ситуаций, многие из которых объективируются в преступном поведении их участников.

Совокупность такого рода преступных посягательств в общеобразовательной среде формирует особый тип преступности – преступность в общеобразовательных организациях. Она характеризуется многообразием форм проявления – от буллинга до краж, причинения вреда здоровью различной степени тяжести и других общественно опасных деяний.

Традиционно, для криминологической науки преступность представляет собой социально-правовое исторически изменчивое негативное массовое явление, которое складывается из совокупности совершаемых в тот или иной период времени на определенной территории преступлений, характеризующихся количественными (состоянием, динамикой) и качественными (структурой и характером преступности) показателями [2–3].

Заметим, что применительно к рассматриваемой теме, речь следует вести не только о преступлениях в собственном юридическом смысле, а об общественно-опасных деяниях в силу того, что, зачастую, их субъекты не достигают возраста наступления уголовной ответственности.

Соответственно, под преступностью в общеобразовательных организациях следует понимать совокупность общественно-опасных деяний, совершаемых в пределах физической инфраструктуры общеобразовательной организации, а также совокупность преступлений, совершенных участниками образовательных отношений за пределами общеобразовательной организации либо в информационно-телекоммуникационном пространстве, совершение которых непосредственно связано с образовательными отношениями.

Для оценки характеристик преступности в общеобразовательных организациях был проведен комплекс эмпирических исследований, основу которых составили:

- опросы по специально разработанным анкетам сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, представляющих 68 субъектов Российской Федерации

в количестве 374 человек;

- работников общеобразовательных организаций из числа учителей, представителей администрации и иного персонала в количестве 432 человек из 12 субъектов Российской Федерации;

- несовершеннолетних лиц, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, обучающихся в общеобразовательных организациях в количестве 120 человек из 22 субъектов Российской Федерации;

- контент-анализ информационных материалов, размещенных в сети Интернет, в которых отражены факты противоправной деятельности в общеобразовательных организациях за 2024–2025 годы (1028 кейсов).

Обсуждение. Результаты.

Рассмотрение основных характеристик преступности в общеобразовательных школах целесообразно через выделение моделей (типов) преступлений. Основным критерием их выделения является субъектно-объектный состав, который отражает особенности преступного и виктимного поведения.

В соответствии с данным основанием и следуя правилам формальной логики, следует выделить основные модели преступлений, совершаемых в общеобразовательных организациях: «обучающиеся – обучающиеся», «обучающиеся – персонал (учителя, администрация, технический персонал, охранники)», «персонал – обучающиеся», «персонал – персонал», «родители – обучающиеся, персонал», «иные лица – обучающиеся, персонал».

1. Модель «обучающиеся – обучающиеся». Общественно-опасные деяния совершаются учащимися в отношении других учащихся. Данная модель является наиболее распространённой формой преступного и виктимного поведения в общеобразовательных школах. Полученные эмпирические данные свидетельствуют о том, что 91 % преступлений в общеобразовательных школах относится к рассматриваемой модели. Фактически, школьная преступность – это преступность школьников, т.е. несовершеннолетних, которые выступают как в роли преступников, так и в роли жертв.

К типичным преступлениям данной модели относятся, прежде всего, корыстные, корыстно-насильственные и насильственные посягательства. Полученные эмпирические данные позволили выявить структуру общественно-опасных деяний, совершаемых в общеобразовательных организациях.

Среди насильственных преступлений наибольшее распространение имеют посягательства, связанные с причинением вреда здоровью. По степени распространенности – это умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК

РФ), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) и побои (ст. 116 УК РФ). Как отмечают специалисты, «негативные последствия физического насилия часто становятся следствием обоюдного причинения вреда здоровью учениками друг другу (одиночные и массовые драки)» [4].

Ряд насильственных преступлений для школьной среды носят более частный, во многом, эпизодический характер. Среди них: истязание (ст. 117 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), изнасилование и насильственные действия сексуального характера (ст. 131, 132 УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ). Иные насильственные преступления не характерны для школьного пространства, их совершение имеет экстраординарный характер.

К указанным общественно-опасным деяниям близко примыкают противоправные посягательства, образующие административные деликты. В первую очередь, побои, ответственность за которые предусмотрена ст. 6.1.1. КоАП РФ.

Среди корыстных и корыстно-насильственных посягательств по степени распространенности для школьной среды характерны кражи (ст. 158 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ). Значительно реже регистрируются факты мошенничества, грабежей, разбойных нападений. В целом распространенность корыстных посягательств эксперты оценивают в 3–5 фактов в течение учебного года.

Среди иных категорий преступлений, относящихся к рассматриваемой модели, распространенность которых эксперты оценивают в 1–2 преступления в течение учебного года, следует назвать: заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), хулиганство (ст. 213 УК РФ), сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228.1 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно – унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).

Таким образом, модель «учащиеся – учащиеся» охватывает весь спектр преступности несовершеннолетних и формирует ядро криминальной ситуации в школе.

2. Модель «обучающиеся – персонал» охватывает случаи, когда правонарушителями выступают ученики, а потерпевшими – работники общеобразовательной организации: учителя, администрация, технический персонал. Данный тип преступного поведения встречается значительно реже, на его долю приходится около 3 % всех преступлений.

Типичными преступлениями в данной модели являются побои (ст. 116 УК РФ) или причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), кражи лич-

ных вещей персонала (ст. 158 УК РФ), хулиганство (ст. 213 УК РФ). Не редко подобные факты преступного посягательства распространяются сами учащимися в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

К данной модели следует отнести и деяния, совершаемые обучающимися и причиняющие имущественный вред образовательной организации: умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ) и вандализм (ст. 214 УК РФ).

3. Модель «персонал – обучающиеся». Данная модель охватывает противоправные деяния, совершаемые работниками системы образования (педагогами, административным или техническим персоналом школы) в отношении обучающихся. Несмотря на нечастую распространенность (1 % от общего массива), данный тип преступлений обладает высокой общественной опасностью, вызывает высокий общественный резонанс, поскольку жертвами становятся дети, а преступниками – те, кто, в силу возложенных на них обязанностей, должны заниматься воспитанием и обеспечением безопасности учащихся. Зачастую, совершение таких преступлений обусловлено провоцирующим аморальным или противоправным поведением жертв [5].

Типичные преступления по указанной модели: побои (ст. 116 УК РФ), причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ст. 133-135 УК РФ), а также вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) и в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ).

В сферу модели «персонал – обучающиеся» можно включить также деяния, когда преподаватель или должностное лицо школы совершает преступление экономического или должностного характера, затрагивающее права и интересы учеников. В их числе: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), получение взятки (ст. 290, 291.2 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ) и халатность (ст. 293 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата денежных средств (ст. 160 УК РФ).

Отдельную группу преступлений здесь образуют неосторожные преступления, совершаемые персоналом общеобразовательных организаций, жертвами которых становятся обучающиеся. К их числу следует отнести: причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ). Как правило, совершение подобных деяний связано с нарушениями техники безопасности при проведении занятий, правил установки и эксплуатации оборудования.

4. Модель «персонал – персонал». Такая модель описывает криминальные ситуации, когда обе стороны конфликта являются работниками одной общеобразовательной организации. На данную модель приходится около 2 % преступлений. Наибольшее распространение здесь имеют экономические преступления и должностные злоупотребления, связанные с освоением бюджетных средств: мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), получение взятки (ст. 290, 2912 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ).

Иные преступления имеют меньшее распространение, поскольку криминальные инциденты между коллегами в образовательной сфере возникают чрезвычайно редко.

Вместе с тем, специалистами отмечаются отдельные эпизоды совершения побоев (ст. 116 УК РФ), причинения легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), клеветы (ст. 1281 УК РФ), краж личного имущества (ст. 158 УК РФ), понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ).

5. Модель «родители – обучающиеся, персонал». Данная модель описывает случаи, когда инициаторами противоправного поведения выступают родители (или иные законные представители) школьников, а жертвами становятся дети либо персонал общеобразовательной организации. Распространенность преступлений, относящихся к данной модели, оценивается специалистами в 1 % от общего массива. Типичные преступления по модели «родители – обучающиеся – персонал»: побои (ст. 116 УК РФ), причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), хулиганство (ст. 213 УК РФ), клевета (ст. 1281 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ).

6. Модель «иные лица – обучающиеся, персонал». Субъектами преступлений, относящихся к данной модели, становятся лица, не участвующие в образовательных отношениях либо прекратившие участие в них. К ним относятся любые по-

сторонние лица, а также бывшие ученики или работники общеобразовательной организации. Указанные лица используют уязвимости физической защищенности территории общеобразовательной организации или ее информационной безопасности. Количество преступлений данного рода не велико и составляет 2 % от общего массива. К наиболее распространенным преступлениям указанной модели следует отнести: умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) и побои (ст. 116 УК РФ), угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), кража (ст. 158 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ), хулиганство (ст. 213 УК РФ).

Заметим, что к указанные выше модели включают не полный перечень преступлений, совершаемых в общеобразовательных организациях, в них не включены общественно-опасные деяния, имеющие исключительный во многом экстраординарный характер для школьной среды. Так, в число описываемых составов преступлений не включены преступления, совершенные в следствии нападений на общеобразовательные организации, которые периодически регистрируются на территории нашей страны.

Заключение.

Представленные модели детально характеризуют структуру преступности в общеобразовательных организациях, которая отличается многообразием форм противоправного поведения и его участников. Выделенные модели позволяют систематизировать информацию о преступлениях, совершаемых в общеобразовательных организациях, наглядно демонстрируют их субъектный состав и очерчивают круг их жертв.

Указанная научная информация дополняет уже имеющиеся теоретические положения в данной области [6] и может быть положена в основу разработки конкретных предложений и рекомендаций по совершенствованию системы предупреждения преступлений в общеобразовательных организациях.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2024/25 учебного года. URL :

- https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu (дата обращения 28.09.2025).
2. Криминология : учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009.
 3. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005.
 4. Грибанов Е.В. Школьное насилие: меры профилактики и контроля (по материалам экспертного опроса) // Социологические исследования. 2016. № 7(387). С. 77–81. EDN: WHVZQX
 5. Учитель физики, бросивший ручку в ученика, отправится на исправительные работы. URL : <https://rg.ru/2025/09/09/reg-urfo/uchitel-fiziki-brosivshij-ruchku-v-uchenika-otpravitsia-na-ispravitelnye-raboty.html> (дата обращения 13.10.2025).
 6. Насилие в школе: состояние, причины, предупреждение (по материалам Воронежской области) : учебное пособие / Е.В. Грибанов [и др.]. Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2014. 88 с.

References:

1. Information on the Federal statistical observation form № ОО-1 «Information on an organization that carries out educational activities in educational programs of primary general, basic general, and secondary general education» at the beginning of the 2024/25 academic year. URL : https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu (date of application 09/28/2025).
2. Criminology : textbook / Edited by V.N. Kudryavtseva and V.E. Eminova. 4th ed., revised. M. : Norma, 2009.
3. Luneev V.V. Crime of the XX century. Global, regional and Russian trends. 2nd ed. M., 2005.
4. Griбанov E.V. School violence: prevention and control measures (based on the materials of an expert survey) // Sociological research. 2016. № 7(387). P. 77–81. EDN: WHVZQX
5. A physics teacher who throws a pen at a student will go to correctional labor. URL : <https://rg.ru/2025/09/09/reg-urfo/uchitel-fiziki-brosivshij-ruchku-v-uchenika-otpravitsia-na-ispravitelnye-raboty.html> (date of application 13.10.2025).
6. Violence at school: condition, causes, warning (based on materials from the Voronezh Region) : textbook / E.V. Griбанov [et al.]. Voronezh : Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 88 p.

Информация об авторе

Дзюба Максим Александрович

соискатель кафедры уголовного права
и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
maksim.dzuba.20142mail.ru@gmail.com

Maxim A. Dzyuba

Candidate of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
maksim.dzuba.20142mail.ru@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-9>

УДК 342.7

Attribution

cc by

МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ ЗАЩИТА ДАННЫХ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ: ИНТЕГРАЦИЯ ПРАВОВЫХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Карпенко И.Н.

Финансовый университет при Правительстве РФ

Аннотация. Данное исследование направлено на преодоление правового дисбаланса между обеспечением конфиденциальности операций с цифровыми валютами центральных банков (далее – ЦВЦБ) и соблюдением режима противодействия отмыванию денег и финансирования терроризма (далее – ПОД/ФТ). В статье представлена многокомпонентная система защиты данных ЦВЦБ, разработанная на основе сравнительного анализа международных рекомендаций и правовых подходов ведущих юрисдикций к защите данных. Она реализуется посредством регулирования режимов доступа участников экосистемы: центральных банков, контролируемых финансовых организаций, органов по борьбе с отмыванием денег, других уполномоченных органов – к данным конечных пользователей. Разработанная система интегрирует три оригинальных компонента: иерархическую модель конфиденциальности, криптографический прокол разделенного доступа и механизм динамического согласия. Для практического внедрения предложенной Системы защиты данных ЦВЦБ требуется ее нормативное закрепление посредством подзаконных актов, в том числе в форме комплексной матрицы режимов доступа.

Ключевые слова: конфиденциальность, защита данных, цифровые валюты центральных банков, ЦВЦБ, режим доступа, ПОД/ФТ, пороговые значения транзакций, криптографический протокол, динамическое согласие, матрица доступа.

Финансирование: инициативная работа.

Original article.

A MULTICOMPONENT DATA PROTECTION SYSTEM IN CENTRAL BANK FOR DIGITAL CURRENCIES: INTEGRATION OF LEGAL AND TECHNOLOGICAL APPROACHES

Irina N. Karpenko

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. This study aims to address the legal imbalance between ensuring the confidentiality of transactions involving central bank digital currencies (CBDCs) and complying with the anti-money laundering and counter-terrorist financing (AML/CFT) regime. The article presents a multi-layered data protection system for CBDCs, based on a comparative analysis of international recommendations and legal approaches from leading jurisdictions. It is implemented through the regulation of access modes for ecosystem participants: central banks, supervised financial institutions, anti-money laundering authorities, and other authorized bodies – to end-user data. The developed system integrates three original components: a hierarchical privacy model, a cryptographic split-access puncture, and a dynamic consent mechanism. To implement the proposed data protection system in practice, it is necessary to regulate it through by-laws, including in the form of a comprehensive access mode matrix.

Keywords: privacy, data protection, central bank digital currencies, CBDC, access regime, AML/CFT, transaction threshold values, cryptographic protocol, dynamic consent, access matrix.

Funding: Independent work.

Введение.

Широкое внедрение цифровых валют центральных банков обостряет проблему защиты конфиденциальности. Сама их структура генерирует

«цифровой след», включающий огромный объем персональных данных. Это создает фундаментальное противоречие между использованием этих данных неограниченным кругом субъектов

для достижения неограниченного количества целей и обеспечением конфиденциальности [1, с. 1–2].

Согласно докладу Банка международных расчетов (далее – БМР), национальным юрисдикциям необходимо совершенствовать свои правовые базы, затрагивающие ЦВЦБ, для достижения оптимального баланса между конфиденциальностью и предотвращением финансовых преступлений [2, с. 2–3]. В число связанных с этим задач входит решение ключевого вопроса национальной политики о режиме доступа к данным, включенным в ЦВЦБ [3, с. 6], чему и посвящена данная статья.

В качестве источников для исследования были использованы:

- нормативные правовые документы ряда ведущих юрисдикций;
- отчеты авторитетных международных организаций;
- научные работы, опубликованные в ведущих юридических журналах.

Среди авторов статей по конфиденциальности ЦВЦБ можно выделить Auer R., Ballaschk D., Chen P.-K., Haene P., Holden H., Jiang J., Kaur G., Paulick J., Pocher N., Rennie E., Steele S., Tsang C.-Y., Veneris A. и др.

Методология исследования включает три метода. Первый – метод классификации, примененный для создания многомерной таксономии данных и иерархической модели конфиденциальности; второй – технико-юридический метод, использованный для разработки криптографического протокола разделенного доступа; третий – сравнительно-правовой анализ, проведенный для выявления различия парадигм конфиденциальности в разных юрисдикциях.

Вклад автора состоит в предложении многокомпонентной системы защиты данных, выходящей за рамки существующих подходов к обеспечению конфиденциальности национальных цифровых валют в мировых юрисдикциях.

Результаты.

Сравнительный анализ юрисдикционных подходов.

Сравнительно-правовой анализ методов обеспечения конфиденциальности данных ЦВЦБ, показывает, что в отсутствие специального законодательства ведущие юрисдикции демонстрируют правовое регулирование, ориентированное на принципы.

Так, Европейский союз реализует подход, основанный на принципах «конфиденциальности по умолчанию» и «проектируемой конфиденциальности», то есть конфиденциальности, изначально предусмотренной в архитектуре цифрового евро

и реализуемой автоматически, без необходимости действий со стороны пользователя. Данные принципы установлены ст. 25 GDPR [4].

Подход США можно назвать основанным на принципах «процедурной конфиденциальности» и «опосредованной конфиденциальности». Система США опирается на конституционную защиту от необоснованного доступа к личной жизни. Степень конфиденциальности при этом отражает развитие судебной практики, основанной на Поправке IV к Конституции США о неприкосновенности личности [5].

Правовой подход КНР в обеспечении конфиденциальности электронного юаня, основан на принципе «контролируемой»/«управляемой» конфиденциальности [6]. Многоуровневая структура электронного кошелька реализует разную приватность для разных типов кошельков. Использование смарт-контрактов обеспечивает программируемый характер, что означает прозрачность данных для регулирующих органов и конфиденциальность для коммерческих структур [7].

Многомерная таксономия данных ЦВЦБ.

Разработанная автором на основе академических источников таксономия устанавливает пять категорий данных ЦВЦБ, каждая из которых требует отдельного правового режима в соответствии с международными стандартами конфиденциальности и особенностями правового подхода юрисдикций.

1. Идентификационные данные включают персональные данные, включая биометрические идентификаторы, а также метки устройств, необходимые для аутентификации пользователей.
2. Данные о транзакциях включают операционную информацию, в том числе суммы, временные метки и идентификаторы контрагентов.
3. Поведенческие данные представляют собой алгоритмические производные от данных транзакций, включая анализ скорости расходования средств и историю транзакций.
4. Метаданные включают системные журналы, геолокацию, технические идентификаторы (IP-адреса устройств, MAC-адреса, данные об устройстве).
5. Производные данные включают оценки риска и агрегированные статистические показатели, полученные с помощью аналитических методов, которые обеспечивают сохранение конфиденциальности.

Иерархическая модель конфиденциальности.

Многомерная таксономия данных легла в основу разработки многокомпонентной системы защиты данных ЦВЦБ, включающей три оригинальных технико-правовых механизма, предназначенных для регулирования режимов доступа участников

экосистемы к данным ЦВЦБ.

Первым компонентом созданной системы является иерархическая модель конфиденциальности, интегрирующая две подсистемы.

Первая подсистема – это структура уровней чувствительности данных, применяемая для определения важности содержащейся в них информации:

- уровень 0: Публичные данные – агрегированные статистические данные, обработанные с применением дифференцированной приватности, подходящие для исполнения обязательств центрального банка по обеспечению прозрачности;
- уровень 1: Псевдонимизированные данные, полученные заменой идентификаторов на криптографические хэши, что ведет к минимальному риску повторной идентификации. Данные используются для анализа и исследований;
- уровень 2: Зашифрованные данные, преобразованные в нашем случае с помощью пороговой схемы шифрования. Используются для защиты данных транзакций. Расшифровываются применением криптографического протокола.
- уровень 3: Данные специальной категории – персональные данные, подлежащие обработке только с явного согласия пользователя при соблюдении строгих условий, например, в соответствии со ст. 9 GDPR [4]. Для получения оперативного согласия предлагается Механизм динамического согласия.
- уровень 4: Особо защищенные данные – это данные, сбор и обработка которых запрещены, например, касающиеся государственной безопасности.

Вторая подсистема – структура уровней пороговых значений сумм транзакций, включает шкалу риска при операциях с ЦВЦБ. На ее основе определяется интенсивность контрольных мер. Диапазоны пороговых значений зависят прежде всего от особенностей правового подхода юрисдикций.

Пример уровней пороговых значений транзакций с ЦВЦБ:

- уровень 1 – микроплатежи (до 50 евро за транзакцию, до 150 евро в день): анонимность, отсутствие контроля;
- уровень 2 – розничные платежи: а) от 50 до 300; б) от 300 до 1000 евро).

Подуровни а) и б) отличаются строгостью процедур проверки «Знай своего клиента». Доступ правоохранительных органов к данным предоставляется в рамках расследования уголовного дела по судебному ордеру;

- уровень 3 – подозрительные платежи (от 1000 долларов/евро), полная прозрачность, для ЕС –

обработка в соответствии с требованиями 6-й Директивы о борьбе с отмыванием денег.

Криптографический протокол разделенного доступа.

Протокол предоставляет доступ к данным транзакций с ЦВЦБ при подозрении на ОД/ФТ и отсутствии возбужденного уголовного дела. Для расшифровки необходимо выполнение криптографических условий всеми (тремя) сторонами, получившими независимые криптографические ключи:

- ключ ЦБ используется в рамках функций по контролю за выполнением другими уполномоченными органами предписанных мер защиты данных;
- ключ надзорного органа обеспечивает соблюдение требований регуляторов в области персональных данных;
- ключ судебного органа применяется для предусмотренного в исключительных случаях санкционирования судом дешифрования персональных данных.

Механизм динамического согласия.

Третий элемент многокомпонентной системы защиты данных – технико-юридический механизм динамического согласия. Он обеспечивает улучшенное управление субъектом данных своим согласием, реализуемое через использование смарт-контрактов. Это отвечает требованиям предметного, простого в интерфейсе, действующего в режиме реального времени согласия, в случае ЕС – требованиям, закрепленным в статье 7 GDPR [4]. Кроме того, механизм реализует автоматическое информирование пользователя об изменениях в условиях обработки персональных данных, а также об автоматической приостановке действия механизма согласия в случаях, предусмотренных действующим законодательством, в том числе для осуществления мер ПОД/ФТ при совершении подозрительных операций.

Принципы предлагаемого подхода для закрепления в законодательстве.

Предлагаются следующие принципы правового регулирования, обеспечивающие реализацию многокомпонентной системы защиты данных.

Первый – это принцип иерархической минимизации доступа, реализуемый через иерархическую модель конфиденциальности. Персональные данные получают прозрачность только при наличии обоснованного подозрения на финансовые правонарушения и при превышении пороговых значений сумм транзакций.

Второй принцип – это положение о разделении властей на криптографическом уровне. Каждый уполномоченный орган получает свой независимый криптографический ключ в рамках осуществления своих полномочий. Доступ к данным стано-

вится возможным только при коллективном согласии.

Третий принцип – положение о динамическом управлении согласием в режиме реального времени, которое в техническом плане предлагается реализовать посредством смарт-контрактов. Такой принцип включает как право субъекта на немедленный отзыв своего согласия, так и его приостановку в условиях совершения субъектом высокорисковых финансовых операций.

Предлагаемые принципы повышения конфиденциальности позволят усовершенствовать нормативно-правовую базу регулирования ЦВЦБ в различных юрисдикциях при соблюдении регуляторных требований.

Комплексная матрица режимов доступа.

Разработанная многокомпонентная система защиты данных ЦВЦБ получает свое практическое воплощение в комплексной матрице режимов доступа. В таблице 1 предлагается фрагмент возможного варианта матрицы на примере ЕС.

Таблица 1

Комплексная матрица режимов доступа

Заинтересованная сторона	Тип данных	Цель использования	Уровень доступа	Срок хранения	Правовые основания	Технический механизм	Требования к аудиту
ЕЦБ/Национальные ЦБ	Агрегированные данные	Денежно-кредитная политика	Только к агрегированным данным	Постоянно	Договор о функционировании ЕС (TFEU), ст. 127	API с дифференциальной конфиденциальностью	Ежеквартальный обзор
Коммерческие банки	Персональные данные своих клиентов	Предоставление услуг	К идентифицированным данным своих клиентов	5 лет, возможно до 7 лет	Регламент о регулировании рынка криптоактивов (MiCA), ст. 68	Процедура «Знай своего клиента» (KYS)	Ежегодная проверка
Финансовая разведка	Подозрительные транзакции	Расследование	К типу данных, обозначенному в мотивированном запросе	В ходе расследования	Шестая директива ЕС по борьбе с отмыванием денег (6AMLD), ст. 21	Криптографический протокол	По каждому доступу

Обсуждение и выводы

Теоретические аспекты

Данное исследование вносит вклад в теорию финансово-правового регулирования внедрения и оборота ЦВЦБ в мировых юрисдикциях посредством трех нововведений. Во-первых, исследование адаптирует теорию контекстной целостности Хелен Ниссенбаум к ЦВЦБ. Исследование показывает, что угрозы нарушения конфиденциальности заключаются не в самом сборе данных, а в неадекватной передаче информации между участниками экосистемы ЦВЦБ, связанной с отсутствием норм режима доступа к данным. В иерархической модели конфиденциальности теоретические принципы теории Хелен Ниссенбаум трансформируются в практические принципы иерархической минимизации доступа. Авторская разработка позволяет привести информационные потоки транзакционных данных ЦВЦБ в соответствие с правовыми нормами.

Во-вторых, исследование демонстрирует возможность преодоления ключевого парадокса ЦВЦБ: противоречия между соблюдением конфиденциальности и выполнением регуляторных требований. В трехключевой криптографической системе управления полномочиями для получе-

ния доступа к идентификационным данным необходимо согласие всех участников трипартитного контроля. Это позволяет обеспечить баланс между защитой прав субъектов, данных и исполнением регуляторных требований, включая рекомендации ФАТФ.

В-третьих, исследование предлагает новую правовую структуру – механизм динамического согласия, реализуемый через смарт-контракты. Его внедрение направлено на устранение несоответствия инерционности традиционных моделей получения согласия субъекта на обработку данных операционной скорости транзакций в ЦВЦБ, предотвращая риски нарушения прав субъектов данных.

Практические выводы

Практическое значение исследования проявляется в четырех направлениях:

– для регуляторов: исследование представляет предложения по внесению изменений в типовое законодательство, повышающие конфиденциальность ЦВЦБ при соответствии требованиям ПОД/ФТ ФАТФ;

— для центральных банков: исследование позволяет преодолеть «трилемму» ЦВЦБ, одновременно решая задачи соблюдения конфиденциальности (анонимность и полупрозрачность при небольших и средних суммах транзакций), соблюдения нормативных требований (проведение стандартных процедур KYC при средних суммах и полных при подозрительных транзакциях) и обеспечения финансовой стабильности через макроанализ данных ЦВЦБ и контроль денежных потоков;

— для финансовых организаций: предлагаемые автоматизированные механизмы обеспечения соответствия регуляторным требованиям снижают операционные расходы для низкорисковых транзакций, сохраняя при этом возможности выполнения требований ПОД/ФТ;

— для граждан: комплекс криптографических решений гарантирует полную анонимность транзакций для небольших сумм транзакций; ограничение доступа к данным для средних сумм. Исключениями являются раскрытие информации по судебному ордеру в рамках уголовного дела и по коллективному согласию ЦБ и надзорного органа с санкцией суда – в случае подозрительных операций.

Будущие направления исследований

Полагаем, что три критически важных области требуют дальнейшего изучения:

Во-первых, необходимой является интеграция квантово-устойчивых криптографических протоколов, так как квантовые вычисления угрожают существующим стандартам шифрования, в том числе и в предлагаемом криптографическом протоколе разделенного доступа.

Во-вторых, проведение поведенческих исследований, изучающих реакцию пользователей на предлагаемые уровни сумм транзакций в иерархической модели конфиденциальности, позволит оптимизировать настройки пороговых значений и своевременную корректировку конфигурации.

В-третьих, необходима разработка международных автоматизированных механизмов динамического согласия при переносе данных ЦВЦБ в условиях трансграничного взаимодействия.

Заключение

Данное исследование направлено на устранение пробела в регулировании ЦВЦБ в мировых юрисдикциях – недостатка технико-правовых механизмов, эффективно обеспечивающих баланс между защитой конфиденциальности и регуляторными требованиями. В нашем исследовании для решения этой проблемы предлагается многокомпонентная система защиты данных.

Комплексная матрица режимов доступа позволяет перевести теоретические разработки в практическую плоскость, определяя точные типы данных, цели и уровни доступа, правовые основания, технический механизм и требования к аудиту для каждой категории заинтересованных лиц.

Рекомендации по внедрению многокомпонентной системы защиты данных.

Во-первых, предлагается закрепление в национальных законодательствах принципа технологической нейтральности и внедрения квантово-устойчивых протоколов сохранения конфиденциальности; в подзаконных актах – обновляемого реестра технологий и комплексной матрицы режимов доступа.

Во-вторых, рекомендуется осуществить пилотное тестирование составляющих многокомпонентной системы защиты данных в условиях «регуляторных песочниц» для проверки соответствия критериям защиты персональных данных и требованиям ПОД/ФТ.

В-третьих, провести исследование по адаптации многокомпонентной системы защиты данных ЦВЦБ к условиям трансграничного взаимодействия центральных банков в мультивалютной среде.

Предложенная многокомпонентная система защиты данных демонстрирует возможности преодоления дихотомии «конфиденциальность – доступность/прозрачность». Благодаря синергетическому эффекту от интеграции компонентов этой системы, связанной с управлением режимом доступа к данным можно добиться повышения конфиденциальности в ЦВЦБ в различных юрисдикциях.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература / References:

1. Murphy K.P. Central Bank Digital Currency Data Use and Privacy Protection / K.P. Murphy, T. Sun, Y.S. Zhou [et al.]. 2024. 51 p. Text: electronic. 10.5089/9798400286971.063 (date of application 08.10.2025). DOI: 10.5089/9798400286971.063
2. Central bank digital currencies: Legal aspects of retail CBDCs / Bank of Canada, Swiss National Bank, European Central Bank [et al.]. 2024. 29 p. Text: electronic. URL : https://www.bis.org/publ/othp88_legal.pdf (date of application 08.10.2025).
3. Central bank digital currencies: foundational principles and core features: report № 1 in a series of collaborations from a group of central banks / Bank of Canada, European Central Bank, Bank of Japan [et al.]. 2020. 21 p. Text: electronic. URL : <https://www.bis.org/publ/othp33.pdf> (date of application 08.10.2025).
4. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. P. 1–88. Text: electronic. URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679> (date of application 08.10.2025).
5. The Digital Dollar Project. Exploring a US CBDC / Ch.H. Giancarlo [et al.]; Accenture and the Digital Dollar Foundation. 2020. 50 p. Text: electronic. URL : https://digitaldollarproject.org/wp-content/uploads/2021/05/Digital-Dollar-Project-Whitepaper_vF_7_13_20.pdf (date of application 08.10.2025).
6. Progress of Research & Development of E-CNY in China / Working Group on E-CNY Research and Development of the People's Bank of China. 2021. 15 p. Text: electronic. URL : <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf> (date of application 08.10.2025).
7. Taylor M. The Digital Yuan: Purpose, Progress, and Politics // Made in China Journal. 2023. Text: electronic. URL : <https://madeinchinajournal.com/2023/11/27/the-digital-yuan-purpose-progress-and-politics> (date of application 08.10.2025).

Информация об авторе

Карпенко Ирина Николаевна

аспирантка кафедры международного
и публичного права юридического факультета,
Финансовый университет при Правительстве РФ
249356@edu.fa.ru

Irina N. Karpenko

Postgraduate Student
of the Department of International
and Public Law of the Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
249356@edu.fa.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-10>

УДК 340

Attribution

cc by

ЗАКОНОПРОЕКТ ОБ УСИЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЗЕРТИРСТВО – ОБРАТНАЯ СТОРОНА ОСОБЫХ РЕЖИМОВ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ, ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Кашкаров А.А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ положений законопроекта № 1024060-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» с точки зрения их соответствия выводам современных научных исследований в области военно-уголовного права. В ходе исследования использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-научные (исторический, социологический) методы познания, а также метод контент-анализа. В процессе подготовки публикации использовались достижения отечественной теории уголовного права. На основе изучения авторефератов диссертаций, научных статей и материалов судебной практики доказывается необходимость и целесообразность ужесточения уголовной ответственности за дезертирство и самовольное оставление части, совершаемые в период мобилизации, военного положения, в военное время или в условиях вооруженного конфликта. Научно обосновывается введение особо квалифицирующих составов для лиц, освобожденных от уголовной ответственности в порядке ст. 781 УК РФ или наказания, в порядке ст. 802 УК РФ. Работа подтверждает, что предлагаемые изменения устраняют системные пробелы в уголовном законодательстве и направлены на укрепление военной безопасности Российской Федерации. Целью настоящей статьи является научно-практическое обоснование целесообразности принятия законопроекта № 1024060-8 на основе комплексного анализа современных научных взглядов на проблему уголовно-правового противодействия уклонению от военной службы.

Ключевые слова: дезертирство, самовольное оставление части, уголовная ответственность, воинские преступления, мобилизация, военное положение, Уголовный кодекс РФ, боеспособность, военная безопасность, воинская дисциплина, законопроект № 1024060-8.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE BILL TO STRENGTHEN CRIMINAL LIABILITY FOR DESERTION IS THE FLIP SIDE OF SPECIAL REGIMES OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT DURING PERIODS OF MOBILIZATION, MARTIAL LAW, AND WARTIME

Alexey A. Kashkarov

Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the provisions of bill № 1024060-8 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation» from the point of view of their compliance with the findings of modern scientific research in the field of military criminal law. The study utilized general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and specialized scientific (historical, sociological) methods of cognition, as well as the method of content analysis. In the process of preparing the publication, the achievements of the domestic theory of criminal law were used. Based on the study of dissertation abstracts, scientific articles and judicial practice, the need and expediency of toughening criminal liability for desertion and unauthorized abandonment of a unit committed during mobilization, martial law, in wartime or in armed conflict are proved. A scientific justification is provided for the introduction of especially aggravating offenses for persons exempted from criminal liability under Article 781 of the Criminal Code of the Russian Federation or punishment under Article 802 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study confirms that the proposed amendments address systemic gaps in criminal legislation and are aimed at strengthening the military security of the Russian

© Кашкаров А.А.

Federation. The purpose of this article is to provide a scientific and practical justification for the advisability of adopting Bill № 1024060-8 based on a comprehensive analysis of modern scientific views on the issue of criminal law enforcement against military service evasion.

Keywords: desertion, unauthorized absence from a unit, criminal liability, military crimes, mobilization, martial law, Criminal Code of the Russian Federation, combat readiness, military security, military discipline, Bill № 1024060-8.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях проведения активных боевых действий перед военно-политическим руководством любого государства возникают объективные амбивалентные проблемы, которые, с одной стороны, требуют оперативного пополнения боевых соединений личным составом из числа резервов, а с другой стороны – требуется усиление воинской дисциплины в подразделениях, которые пополняются личным составом из числа резерва.

Военно-политическим руководством страны вопрос о пополнении подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ) личным составом в условиях проведения Специальной военной операции (далее – СВО) был решен путем объявления частичной мобилизации в Российской Федерации, принятием Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» и последующей его отменой, внесением изменений в Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 29.09.2025 г.) «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Федеральный закон № 53-ФЗ), в Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 23.03.2024) «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 31-ФЗ) и последующим дополнением отечественного уголовного законодательства ст. 781, 802 УК РФ и ч. 31 ст. 86 УК РФ.

Также напомним, что в на первоначальном этапе проведения СВО, для ведения боевых действий органами военного управления использовались силы и средства частных военных компаний (далее – ЧВК), руководство которых активно привлекало лиц, отбывающих уголовные наказания, в ряды ЧВК, что создавало перед руководством ЧВК определенного рода трудности, связанные с проникновением криминальных устоев и традиций в структуры ЧВК. Однако, как нам представляется, ЧВК находились вне правового поля, что давало их руководителям определенного рода правовой карт-бланш, позволявший применять различные меры для поддержания дисциплины в структурных подразделениях ЧВК, которые не применимы в условиях ВС РФ.

Обсуждение. Результаты.

Внесение изменений в ст. 34 Федерального закона № 53-ФЗ и в ст. 17 Федерального закона № 31-ФЗ, дополнение уголовного законодатель-

ства ст. 781 и 802 УК РФ предоставило возможность комплектования резервов для ВС РФ за счет лиц, находящихся последствием и осужденных. Привлечение данной категории граждан к службе в подразделениях ВС РФ и выполнению боевых задач обладает определенного рода криминальными рисками в силу наличия у них криминального опыта и антисоциальных установок, что соответственно требует особого, повышенного контроля за состоянием дисциплины и законности в подразделениях со стороны командования.

Вопросы, связанные с поддержанием дисциплины и законности в войсках уголовно-правовыми средствами, были и остаются одними из актуальных вопросов, а в сложившихся современных военно-политических условиях эти проблемы приобретают особое значение, когда обеспечение незыблемости воинской дисциплины и правового порядка становится одним из ключевых факторов обеспечения обороноспособности государства и своевременного выполнения боевых задач.

Преступления против порядка прохождения военной службы и, в первую очередь, дезертирство (ст. 338 УК РФ) и самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ) наносят прямой ущерб боевой готовности подразделений.

Историко-правовой анализ, проведенный И.И. Пановым, показывает, что на протяжении всей истории российского государства данные деяния рассматривались как одни из наиболее опасных воинских преступлений, а в периоды военных действий ответственность за них существенно ужесточалась [1, с. 14–17].

Результаты научных исследований констатируют, что уклонения от военной службы традиционно занимают значительный удельный вес в структуре воинской преступности.

По данным, приведенным И.И. Пановым, в период с 1997 по 2000 гг. из 15 454 осужденных военнослужащих 39,6 % были осуждены по ст. 337 УК РФ, а 14 % – по ст. 338 УК РФ [1, с. 4].

Анализ, проведенный В.А. Шаповаловым, выявил устойчивую тенденцию роста судимости военнослужащих по призыву за уклонения от военной службы с 1998 по 2008 гг. (более чем в 2 раза) [2, с. 3].

Приведенное свидетельствует о распространен-

ности исследуемых общественно опасных деяний.

Кроме этого, исследователи отмечают, что преступное уклонение от военной службы сопряжено с иными воинскими и общеуголовными преступлениями [1, с. 5–6; 2, с. 3], что дает основание утверждать о криминальной деформации сознания военнослужащего, и соответственно повышении общественной опасности личности.

В целом оба вышеприведенных тезиса свидетельствуют об высокой общественной опасности дезертирства и самовольного оставления воинской части, их негативное влияние на воинскую дисциплину, боеспособность войск и необходимость эффективного уголовно-правового противодействия.

Лицо, совершившее одно из преступлений против установленного порядка несения воинской службы, в отношении которого принималось решение об условном освобождении от уголовной ответственности или лицом, в отношении которого производство по уголовному делу приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения) в случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, пренебрегает доверием государства и общества, которые предоставили данному лицу право на искупление вины и последующую социальную реабилитацию.

Исследуемый законопроект вводит особовалицифрованные составы преступлений (например, ч. 22 ст. 337, ч. 4 ст. 338 УК РФ), предусматривающие суровое наказание для лиц, совершивших преступления против военной службы, если они были освобождены от уголовного наказания условно в соответствии со ст. 802 УК РФ, либо в отношении которых уголовное дело было приостановлено по ходатайству командования в порядке ст. 781 УК РФ [3, с. 3–6].

Как нам представляется, эта мера направлена на пресечение рецидивной преступности среди военнослужащих, создавая действенный правовой барьер для лиц, уже проявивших устойчивое пренебрежение к уголовно-правовым запретам, но по тактическим или кадровым соображениям оставленных в строю, либо принятых на воинскую службу. Назначение таким лицам наказания в виде лишения свободы на длительные сроки (согласно законопроекту до 20 лет за дезертирство по ч. 4 ст. 338 УК РФ) имеет ярко выраженное превентивное значение.

Важно отметить, что законопроект не ограничивается одной статьей о дезертирстве, а вносит изменения во всю группу норм о преступлениях против порядка пребывания на военной службе (ст. 337, 338, 339 УК РФ). Такой подход был рекомендован Верховным Судом Российской Федерации в его официальном отзыве о законопроекте, где указано: «Совершение в особые периоды указанных преступлений... наряду с дезертирством

также посягает на военную безопасность Российской Федерации, особенно учитывая соотношение преступлений... с преобладающим наличием последних в несколько десятков раз» [4, с. 12–13]. Это демонстрирует, что законопроект подготовлен с учетом мнения правоприменительной практики и направлен на системное решение проблемы.

Отметим, что предложенная Правительством Российской Федерации юридическая техника закрепления дополнительных признаков, характеризующих специального субъекта преступления в исследуемом законопроекте, используется впервые, однако, обозначим, что дополнительные уголовно-правовые характеристики специального субъекта преступления законодателем при конструировании уголовно-правовых запретов используются, в последнее время довольно часто, например п. а) ч. 5 ст. 131 УК РФ (изнасилование совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего), ч. 2 ст. 2641 УК РФ (управление автомобилем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного ч. 2, ч. 4 или ч. 6 ст. 264 УК РФ). Это дает основание утверждать, что законодатель таким образом объективизирует признаки общественной опасности личности в степень и характер общественной опасности преступления. В данном случае следует привести тезис, высказанный В.Н. Куфлевой о том, что законодатель инкорпорирует опасность личности в структуру опасности преступления, и тем самым – в структуру основания уголовной ответственности; по ее справедливому мнению, общественная опасность преступления – это дуализм опасности деяния и опасности личности. Деяние создает основание для ответственности, а личность преступника определяет её содержание. [5, с. 626]; она права, когда указывает на то, что идеи по интеграции данных об опасности личности в структуру опасности деяния методологически несостоятельны, приводят к смешению источников опасности и вносят путаницу в рассуждения о механизме уголовно-правового регулирования [6, с. 161].

Признавая необходимость и целесообразность принятия исследуемого законопроекта следует указать на, что государство, применяя нормы и положения, предусмотренные ст. 781 или 802 УК РФ, предоставляет лицу, совершившему преступление, возможность искупить свою вину без учета многих «классических» требований, связанных с признанием вины, примирением с потерпевшим, возмещением причиненного вреда, необходимых для освобождения от уголовной ответственности либо наказания. Такого рода лицо, априори, обладает общественной опасностью, которая связана с его предшествующей криминальной деятельностью, а реакция государства на его пред-

шествующее преступление является вынужденной и обусловлена особыми периодами, и при совершении этим лицом нового преступления вполне обоснованно можно говорить о том, что лицо, неоднократно совершившее преступления демонстрируют устойчивость своих преступных мыслей [7]; однако, при всем этом является спорным суждение А.А. Саркисян о том, что общественная опасность личности преступника не имеет самостоятельного значения для криминализации и должно лишь дополнять субъективную сторону преступления и учитываться при определении степени общественной опасности посягательства и выборе мер уголовно-правового воздействия [8, с. 58].

Как нам представляется обратную картину нам демонстрирует отечественный законодатель в исследуемом законопроекте.

Заключение.

В качестве вывода по данному материалу следует указать на то, что законопроект № 1024060-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» является научно обоснованным, своевременным и адекватным ответом на современные вызовы в сфере обеспечения воинской дисциплины и военной безопасности.

Усиление уголовной ответственности в отноше-

нии лиц, к которым государство проявило снисхождение и предоставило возможность приобрести новый социальный статус «Защитника Отечества» и которые пренебрегли им, является справедливой и оправданной мерой.

Санкции, предусмотренные исследуемым законопроектом органично дополняют действующие уголовно-правовые нормы, повышая при этом степень и характер общественной опасности квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений.

Введение особо квалифицированных составов для особых периодов и усиление ответственности для «особых» военнослужащих позволят:

- устранить существующий правовой вакуум;
- повысить превентивное и карательное воздействие уголовного закона;
- укрепить состояние воинской дисциплины и правопорядка в Вооруженных Силах РФ в условиях специальной военной операции.

Таким образом, принятие законопроекта № 1024060-8 является не только целесообразным, но и необходимым шагом для укрепления воинской дисциплины в подразделениях Вооруженных Сил РФ, что, как следствие, найдет свое отражение в повышении обороноспособности Российской Федерации и соответствует стратегическим интересам государства.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.
Литература: - Панов И.И. Уголовная ответственность за самовольное оставление части или места службы и дезертирство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2008. 27 с. EDN: NJHVKJ - Шаповалов В.А. Дезертирство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 27 с. EDN: ZNWMPP - Проект Федерального закона № 1024060-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (внесен Правительством РФ 24.09.2025). 6 с. URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024060-8#bh_histras - Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменений в статью 338 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Приложение к законопроекту № 1024060-8. 2 с. https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024060-8#bh_histras - Куфлева В.Н. Проблемы общественной опасности преступления / В. Н. Куфлева // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4 (70). С. 618–627. DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-618-627 EDN: BWXILI - Куфлева В.Н. Лицо, совершившее преступление: вопросы теории. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2024. 251 с. ISBN 978-5-8209-2485-9. EDN IAFJID. - Саркисян А.А. Общественная опасность личности преступника и уголовная ответственность // Право и государство: теория и практика. 2019. № 2(170). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-lichnosti-prestupnika-i-ugolovnaya-otvetstvennost (дата обращения 14.10.2025). EDN: YEYOZB - Саркисян А.А. Личность преступника и ее общественная опасность: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Право и политика. 2018. № 12. С. 49–61. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.12.28200 EDN:	

YTGSXB

References:

1. Panov I.I. Criminal liability for unauthorized abandonment of a unit or place of service and desertion : abstract of dis. ... of candidate. jurid. sciences'. Rostov-on/Don, 2008. 27 p.
2. Shapovalov V.A. Desertion: criminal-legal and criminological characteristics : abstract of dis. ... of candidate. jurid. sciences'. Irkutsk, 2009. 27 p.
3. Draft Federal Law № 1024060-8 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation» (submitted by the Government of the Russian Federation on September 24, 2025). 6 p. URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024060-8#bh_histras
4. Official review of the Supreme Court of the Russian Federation on the draft federal law «On Amendments to Article 338 of the Criminal Code of the Russian Federation» // Appendix to bill № 1024060-8. 2 p. URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024060-8#bh_histras
5. Kufleva V.N. Problems of social danger of crime // Bulletin of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Series Humanitarian Sciences. 2024. Vol. 18. № 4(70). P. 618–627.
6. Kufleva V.N. The person who committed the crime: theoretical issues. Krasnodar : Kuban State University, 2024. 251 p.
7. Sargsyan A.A. Social danger of the personality of a criminal and criminal liability // Law and state: theory and practice. 2019. № 2(170). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-lichnosti-prestupnika-i-ugolovnaya-otvetstvennost> (date of application 14.10.2025).
8. Sarkisyan A.A. The Personality of the Criminal and Its Social Danger: Criminal Law and Criminological Aspects // Law and Politics. 2018. № 12. P. 49–61.

Информация об авторе

Кашкаров Алексей Александрович

доктор юридических наук,
доцент,
начальник кафедры уголовного права
и оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России
kashkarov79@ya.ru

Alexey A. Kashkarov

Doctor of Law,
Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law
and Operational Investigative Activities
of the Internal Affairs Bodies,
Crimean branch of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
kashkarov79@ya.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-11>

УДК 340

Attribution

cc by

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ПОИСКА ПУТЕЙ ПОВЫШЕНИЯ ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Конорезов Н.А.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы повышения эффективности примирительных процедур в судебном процессе в контексте поиска оптимальных путей их совершенствования в российской правовой системе. Автор анализирует ключевые факторы, влияющие на эффективность таких процедур, включая правовую культуру населения, уровень правового регулирования и организационные условия. Подчеркивается, что успех применения примирительных механизмов зависит не столько от императивного регулирования, сколько от осознанного восприятия их обществом и создания условий для добровольного участия сторон. В заключении делается вывод о том, что повышение эффективности примирительных процедур является важным элементом совершенствования правосудия, требующим учета как культурных, социальных, экономических факторов, так и организационных факторов, связанных с недостатками правового регулирования, формулируются авторские предложения.

Ключевые слова: примирение, примирительные процедуры, эффективность примирительных процедур, медиация, альтернативные способы разрешения споров, судебная нагрузка, правосудие, эффективность правосудия.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE USE OF CONCILIATION PROCEDURES IN COURT PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF FINDING WAYS TO IMPROVE THEIR EFFECTIVENESS

Nikolay A. Konorezov

Kuban State University

Abstract. The article discusses the issues of improving the effectiveness of conciliation procedures in the judicial process in the context of finding optimal ways to improve them in the Russian legal system. The author analyzes the key factors influencing the effectiveness of such procedures, including the legal culture of the population, the level of legal regulation and organizational conditions. It is emphasized that the success of the use of conciliation mechanisms depends not so much on imperative regulation as on the conscious perception of them by society and the creation of conditions for the voluntary participation of the parties. In conclusion, it is concluded that improving the effectiveness of conciliation procedures is an important element of improving justice, requiring consideration of both cultural, social, economic, and organizational factors related to deficiencies in legal regulation. The author's proposals are formulated.

Keywords: reconciliation, conciliation procedures, effectiveness of conciliation procedures, mediation, alternative dispute resolution methods, judicial burden, justice, efficiency of justice.

Financing: Independent work.

Введение.

Одной из актуальных задач, стоящих как перед судебной системой, так и перед законодателем в части создания действенного механизма защиты прав и свобод граждан, является повышение эффективности примирительных процедур. Такие, в отличие от иных способов разрешения правовых споров, прежде всего, юрисдикционных, направлены именно на урегулирование спора; то

есть, на достижение взаимовыгодного результата, который будет устраивать все конфликтующие стороны. Это отличает примирительные процедуры от судебного разбирательства, которое направлено именно на разрешение спора, но, как известно, не всегда такое разрешение позволяет урегулировать конфликт [1, с. 176].

В качестве способа повышения эффективности правосудия укрепление примирительных процедур значит в Концепции единого Гражданского

© Конорезов Н.А.

процессуального кодекса РФ [2]. Кроме того, этот вопрос неоднократно ставился и судебным сообществом в контексте решения проблемы чрезмерной загруженности российских судов [3].

Несомненно, вопрос повышения эффективности примирительных процедур представляет собой комплексную и многогранную задачу, на решение которой оказывают влияние не только культурные, социальные и экономические факторы, но и организационные проблемы, связанные с правовым регулированием. Все-таки, распространение в обществе идеи правильности, целесообразности проведения примирительных процедур должно предполагать принятие комплексных мер, учитывающих все названные факторы.

Методология.

В работе использованы общенаучные и специальные юридические методы: анализ нормативно-правовых актов, судебной практики, научной литературы и материалов СМИ, сравнительно-правовой, формально-юридический методы, системно-структурный анализ.

Обсуждение.

В научной литературе нередко отмечается, что широкое распространение примирительных процедур возможно лишь при условии роста уровня правовой культуры граждан.

Е.А. Борисовой справедливо замечено, что внедрение примирительной процедуры «сверху» оказывается менее результативным по сравнению с их осознанным восприятием обществом, пониманием потребностей в ней [4, с. 25].

В этой связи, необходима целенаправленная работа в сфере проведения мероприятий по популяризации и примирения примирительных процедур, издания соответствующей печатной продукции, вовлечения средств массовой информации, проведения просветительских кампаний, направленных на повышение правовой грамотности населения [5, с. 80].

Кроме того, нам кажется, популяризация примирительных процедур должна включать как просвещение обычных граждан, так и корректировку образовательных программ в юридических вузах, проведение конференций, создание рабочих групп на уровне судебной системы и профессионального сообщества.

Справедливости ради отметим, что такие меры в последнее время стали предприниматься намного чаще и активнее. К примеру, в октябре 2024 г. в Республике Ингушетия прошло несколько обучающих семинаров для судей районных судов и мировых судей региона, посвященных проведению процедуры медиации, преимуществам этой процедуры и опыту других регионов России [6]. На уровне отдельных судов были созданы специальные комнаты медиации, где граждане могут получить бесплатную консультацию

по вопросам урегулирования спора, который находится на рассмотрении в суде [7].

Активно проводится и просветительская работа, в том числе среди молодежи, создаются образовательные проекты и открытые лектории [8]. В целом в средствах массовой информации постоянно упоминается о проведении многочисленных культурных мероприятий, призванных повысить интерес российского общества к альтернативным способам урегулирования споров.

В контексте совершенствования правовой базы примирительных процедур, особое значение имеет теоретическое осмысление пределов правового регулирования их проведения. Доминирует точка зрения, что таковые, по общему правилу, не нуждаются в детальном правовом регулировании. Такая ситуация наблюдается и в настоящее время. Практически все, что связано с определением порядка и иных условий проведения примирительных процедур, предоставлено гражданам для саморегулирования. С одной стороны, как отмечалось ранее, в этом имеется очевидное преимущество, но с другой – это оставляет систему примирительных процедур «в тени».

Процессуальное законодательство рассматривает проведение примирительной процедуры, прежде всего, как определенную совокупность процессуальных стадий (ст. 153.2 ГПК РФ [9], ст. 138.2 АПК РФ [10], ст. 137.2 КАС РФ [11]). Практическое значение такой систематизации заключается в том, что каждая из данных стадий имеет свой собственный круг процессуальных последствий, каждая из них сопровождается соответствующими действиями сторон и суда.

Что же касается порядка их проведения в смысле процедурной составляющей, то процессуальное законодательство не регламентирует этот вопрос детально. В определении суда о проведении примирительной процедуры обязательно указываются лишь наименование сторон, предмет спора и круг вопросов, подлежащих урегулированию и сроки ее проведения (ч. 2 ст. 153.2 ГПК РФ; ч. 2 ст. 138.2 АПК РФ; ч. 2 ст. 137.2 КАС РФ). Законодатель наделяет правоприменителя правом отразить в определении суда и иные вопросы, «необходимые для обеспечения надлежащего проведения примирительной процедуры», но примерный перечень таких факультативных указаний не приводится.

Сроки проведения примирительных процедур также строго законодателем не определяются. Представляется, что суд должен определять этот срок самостоятельно с учетом требований специальных нормативно-правовых актов, характера спора и сложности дела, мнений самих сторон. Проведение примирительной процедуры должно быть завершено в срок, установленный судом, однако при необходимости такой срок может быть продлен (ч. 3 ст. 153.2 ГПК РФ; ч. 3 ст. 138.2 АПК РФ; ч. 3 ст. 137.2 КАС РФ).

Проблема правовой регламентации примирительных процедур обсуждается в научном сообществе уже продолжительное время, а единства взглядов как к оценке масштаба этой проблемы, так и к направлениям ее разрешения пока не сложилось. В целом, основываясь на анализе литературных источников и средств массовой информации, здесь можно выделить два основных вектора:

1. По части законодательной регламентации примирительных процедур стабильно отстаивается позиция о смене диспозитивного «фокуса» – императивным.

2. Предлагается, с учетом сохранения диспозитивных начал, совершенствовать отраслевое законодательство.

Что касается первого выделяемого нами аспекта, то следует отметить, что некоторые исследователи выступают с предложением о пересмотре принципа добровольности, предлагая сделать примирительные процедуры обязательным этапом судебного разбирательства. Вариантов подобного развития законодательства предложено несколько, однако, прежде всего, отметим, что на сегодняшний день процессуальное законодательство среди видов примирительных процедур указывает только на переговоры, медиацию, нормативно урегулированную Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [12], и судебное примирение [13], но детально порядок их проведения не раскрывает. В целом это кажется вполне обоснованным с учетом того, что порядок урегулирования своего собственного конфликта стороны, несмотря на некоторые все же установленные законодателем аспекты, должны установить сами. Стороны спора способны в выборе ими результата примирительной процедуры. Ни законодатель, ни суд, в этом смысле, их не ограничивает. Стороны могут заключить мировое соглашение, включив туда различные условия, достигнутые в ходе взаимного компромисса. К примеру, судебной практике известен случай, когда в мировом соглашении один из участников спора обязался «возносить молитвы о здравии и благополучии истцов, их семей, благополучии во всех их делах» [14].

Вместе с тем, результат примирительных процедур в виде отказа от иска, признания иска и заключения мирового соглашения должен быть дополнительно «санкционирован» судом. Строго говоря, причины достижения таких результатов примирительных процедур суду безразличны, поскольку правового значения они не имеют, но суд обязан разъяснить сторонам процессуальные последствия отказа от иска, признания иска и заключения мирового соглашения (ч. 2 ст. 173 ГПК РФ).

Итак, в контексте о смене диспозитивного «фокуса» на императивный, отметим, что одни ав-

торы настаивают на признании проведения примирительной процедуры обязательным. Утверждается либо о введении обязательной медиации, либо об обязательном претензионном производстве по каждой категориям дел [15, с. 28].

Ю.В. Гуцовой предлагается введение обязательных досудебных примирительных процедур по отдельным категориям дел [16, с. 14].

На инициировании рассмотрения дела в суде только после проведения примирительной процедуры настаивают и М.Р. Загидуллин, А.Р. Каримуллина [5, с. 80].

В более мягком варианте предлагается модель квазиобязательной медиации через закрепление права сторон отказаться от применения медиации, предусмотренной законом либо предписанной судом [17, с. 91].

Заметим, что некоторые продвижения в этом направлении уже предпринимаются на законодательном уровне. Так, 09 сентября 2024 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, которым предусматривается проведение обязательной примирительной процедуры по делам о расторжении брака. Одной из таких мер по замыслу авторов должно стать «получение супругами социально-психологических услуг» [18]. Иными словами, на законодательном уровне предлагается признать обязательным посещение психолога перед расторжением брака. Но, справедливости ради, стоит отметить, что данный законопроект снят с рассмотрения в декабре 2024 г. Причины его отзыва субъектом законодательной инициативы не уточняются.

Однако анализ предложенных вариантов законодательного развития позволяет выделить их общий существенный недостаток. Как показывает практика жизни социума, общество относится негативно ко всему тому, что навязывается ему в императивном порядке, имманентно вызывает у него отвержение и неприятие. Все-таки, подобные законодательные инициативы, по нашему мнению, должны адекватно отражать социальный запрос и учитывать возможное негативное общественное настроение. Различные попытки так или иначе обязать граждан примиряться между собой вряд ли изменят ситуацию в лучшую сторону.

Как нам представляется, более приемлемым видится совершенствование системы позитивного регулирования и введение различных правовых мер поощрительного характера. Так, нельзя положительно не отметить, что в качестве стимула для сторон к обращению к примирительным процедурам изменения вносятся в налоговое законодательство, в связи с чем, повышается размер возврата истцу уплаченной государственной пошлины при заключении мирового соглашения, отказе от иска, признании ответчиком иска, который будет составлять до принятия решения судом первой инстанции 70 % от уплаченной суммы, на стадии рассмотрения дела в суде апелляционной

инстанции – 50 %, на стадии рассмотрения дела в судах кассационной и надзорной инстанций – 30 % [19, с. 205].

Для повышения статуса и доступности альтернативных способов разрешения споров выдвигаются и иные предложения, носящие институциональный характер. В частности, обсуждается возможность создания единой всероссийской некоммерческой организации, призванной координировать развитие системы альтернативного урегулирования конфликтов. Такая структура могла бы:

- 1) определять концепцию внедрения альтернативных способов разрешения правовых споров;
- 2) выдавать разрешения некоммерческим организациям, позволяющим их структурным подразделениям администрировать арбитраж;
- 3) обеспечивать условия для депонирования правил ведения арбитража;
- 4) предоставлять гранты некоммерческим организациям для покрытия их расходов на организацию арбитражных учреждений;
- 5) прекращать деятельность некоммерческих организаций в случае установления нарушений их структурными подразделениями [20, с. 103; 21, с. 18].

Результаты.

В итоге, можно сформулировать следующие результаты дальнейшего совершенствования эффективности примирительных процедур.

1. Повышение эффективности примирительных процедур в современном судопроизводстве выступает важным элементом совершенствования правовой системы и обеспечения доступной, справедливой и устойчивой защиты прав граждан. В отличие от традиционного судебного разбирательства, ориентированного на формальное разрешение спора, примирительные процедуры направлены на достижение взаимоприемлемого результата, способствующего реальному урегулированию конфликта и сохранению межличностных отношений.
2. Повышение эффективности примирительных процедур является непростой задачей, которой препятствуют как культурные, социальные, экономические факторы, так и факторы организационные, связанные с недостатками правового регулирования. Все-таки, распространение в обществе идеи правильности, целесообразности проведения примирительных процедур должно предполагать принятие комплексных мер, учитывающих все названные факторы.
3. Развивая диспозитивные начала регулирования примирительных процедур, представляется необходимым поощрять формирование внутренних служб медиации на уровне крупных компаний,

иных коммерческих и некоммерческих организаций [22]. Это позволит в целом «приблизить» граждан к системе альтернативного урегулирования споров.

4. Представляется целесообразным расширение категорий споров, по которым можно проводить примирительные процедуры. Такая возможность признается и активно продвигается, например, для налоговых споров [23]. Проведение медиации предлагается расширить даже для некоторых категорий уголовных дел [24].

5. Следует внедрить практику применения примирительных процедур с использованием информационных технологий. Так, необходимость проведения процедуры медиации в дистанционном формате, как известно, появилась еще при распространении коронавирусной инфекции COVID-19 [25, с. 104]. И на сегодняшний день такой механизм работает. К примеру, в судах Липецкой области была апробирована онлайн-медиация для разрешения семейных споров – участие сторон и медиатора было реализовано посредством проведения веб-конференцсвязи [26]. Полагаем, что подобная практика должна быть реализована и в других регионах Российской Федерации.

6. Целесообразным нам представляется принятие мер по развитию законодательства. В частности, необходимо утвердить единые стандарты проведения процедуры медиации и судебного примирения, уточнить правовой статус медиатора. Примирительные процедуры, являясь цивилизованным способом окончания спора, требуют создания законодательной базы и концептуально проработанной программы развития данного правового института.

7. Не менее важным является проведение различных культурных и образовательных мероприятий. Популяризация примирительных процедур должна включать как просвещение обычных граждан, так и корректировку образовательных программ в юридических вузах, проведение конференций, создание рабочих групп на уровне судебной системы и профессионального сообщества.

Заключение.

Таким образом, повышение эффективности примирительных процедур представляет собой важное направление совершенствования современной правовой системы, ориентированной на реальное урегулирование конфликтов. Анализ показывает, что успех этих процедур зависит от совокупности множества факторов – от уровня правовой культуры общества до степени правовой определенности и институциональной поддержки.

В условиях растущей нагрузки на судебную систему и потребности в более гибких, доступных и конструктивных механизмах разрешения споров, примирительные процедуры приобретают все большее значение как инструмент справедливого

и устойчивого правосудия. Однако их развитие не должно строиться на императивном навязывании, поскольку это противоречит самой сути добровольности и доверия, лежащим в основе примирительных процессов.

Более перспективным нам представляется путь поощрительного регулирования, включающий совершенствование законодательства, расширение сферы применения, внедрение цифровых технологий, создание институциональных механизмов

поддержки, а также системную просветительскую и образовательную деятельность.

Только комплексный, сбалансированный подход, учитывающий как правовые, так и социокультурные аспекты, позволит обеспечить устойчивое развитие примирительных процедур и укрепить их роль в правовой системе Российской Федерации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гунибский М.Ш. Юридическая конфликтология : учеб. пособие / М.Ш. Гунибский; Отв. ред. Л.А. Демина. М., 2024. 176 с.
2. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «Консультант-Плюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071
3. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации на пленарном заседании Совета судей РФ 05 декабря 2023 года. URL : <https://www.ssrf.ru/news/vystupleniia-interv-iu-publikatsii/52649> (дата обращения 25.07.2025).
4. Борисова Е.А. Российская процедура медиации: концепция развития // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. № 5. С. 25. EDN: OOODDV
5. Загидуллин М.Р. К вопросу о принципах примирительных процедур / М.Р. Загидуллин, А.Р. Каримуллина // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 70–83. DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-3-70-83 EDN: RDEBGY
6. В Республике Ингушетия создадут рабочую группу для развития медиации в судах. URL : <https://медиатор.рф/news/v-respublike-ingushetiya-sozhdadut-rabochuyu-gruppu-dlya-razvitiya-mediatsii-v-sudakh> (дата обращения 25.07.2025).
7. При Арбитражном суде Санкт-Петербурга открыли комнату медиации. URL : <https://медиатор.рф/news/pri-arbitrazhnom-sude-sankt-peterburga-otkryli-komnatu-mediatsii> (дата обращения 05.08.2025).
8. Медиатор РФ и Российское общество «Знание» объединяют усилия по просвещению в области медиации. URL : <https://медиатор.рф/news/mediator-rf-i-rossiyskoe-obshchestvo-znanie-obedinyayut-usiliya-porprosveshcheniyu-v-oblasti-mediatsii> (дата обращения 05.08.2025).
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
11. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
12. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038
13. Об утверждении Регламента проведения судебного примирения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 01, январь, 2020.
14. Определение Арбитражного суда Нижегородской области от 15.10.2015 по делу № А43-19656/2015 // Картотека арбитражных дел. URL : <https://kad.arbitr.ru/Card/cf103e93-dc0e-4190-8121-287e06b8c732>
15. Здрок О.Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе. Мн., 2013. 108 с. EDN: XRBKHO
16. Гущева Ю.В. Примирительные процедуры в праве (доктрина, практика, техника) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. 37 с. EDN: RBRSAV
17. Тюльканов С.Л. Продвижение медиации в России и социокультурные особенности: преодолевать или использовать // Вестник федерального института медиации. 2017. № 1. С. 75–93. EDN: ZDQGZJ
18. Проект федерального закон № 714687-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части оказания социально-психологических услуг с целью примирения супругов, расторгающих брак в судебном порядке) (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию

- 09.09.2024). URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/714687-8> (дата обращения 15.08.2025).
19. Котлярова В.В. Примирительные процедуры в России: ретроспективный взгляд и перспективы развития // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 4. С. 200–216. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-4-200-216 EDN: DSNSPI
20. Бондаренко В.Е. Место арбитража и медиации в системе разрешения гражданско-правовых споров : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 189 с.
21. Момотов В.В. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: законодательные новеллы и перспективы дальнейшего развития // Lex russica. 2024. Т. 77. № 5. С. 9–21. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.210.5.009-021 EDN: IKYUDX
22. Почему медиация, получив правовую основу, до сих пор не имеет широкого распространения и не стала предпочтительным способом разрешения коммерческих и гражданских споров в России? URL : <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/shamlikashvili/509285> (дата обращения 20.08.2025).
23. На форуме в Нижнем Новгороде обсудили медиацию как инструмент урегулирования налоговых разногласий. URL : <https://медиатор.рф/news/na-forume-v-nizhnem-novgorode-obsudili-mediatsiyu-kak-instrument-uregulirovaniya-nalogovykh-raznogl> (дата обращения 20.08.2025).
24. Как сделать медиацию более востребованной? Предложения медиаторов и власти прозвучали на круглом столе в Государственной Думе. URL : <https://медиатор.рф/news/kak-sdelat-mediatsiyu-bolee-vostrebovannou-predlozheniya-mediatorov-i-vlasti-prozvuchali-na-kruglom> (дата обращения 20.08.2025).
25. Курбатова С.М. Организационно-правовые аспекты медиации и онлайн-медиации при разрешении конфликта // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10(226). С. 104–105. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_10_104 EDN: TRZMFU
26. В судах Липецкой области развивают онлайн-медиацию. URL : <https://медиатор.рф/news/v-sudakh-lipetskoj-oblasti-razvivayut-onlayn-mediatsiyu> (дата обращения 20.08.2025).

References:

1. Gunibsky M.S. Legal conflictology : textbook / M.S. Gunibsky; Ed. by L.A. Demin. M., 2024. 176 p.
2. The concept of the unified Code of Civil Procedure of the Russian Federation // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071
3. Speech by the Chairman of the Council of Judges of the Russian Federation at the plenary session of the Council of Judges of the Russian Federation on December 05, 2023. URL : <https://www.ssr.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/52649> (date of application 07/25/2025).
4. Borisova E.A. The Russian mediation procedure: a development concept // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: The Law. 2011. № 5. P. 25. EDN: OOODDV
5. Zagidullin M.R. On the principles of conciliation procedures / M.R. Zagidullin, A.R. Karimullina // Bulletin of Civil Procedure. 2022. № 3. P. 70–83. DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-3-70-83 EDN: RDEBGY
6. A working group will be created in the Republic of Ingushetia to develop mediation in courts. URL : <https://медиатор.рф/news/v-respublike-ingushetiya-sozdatut-rabochuyu-gruppu-dlya-razvitiya-mediatsii-v-sudakh> (date of application 07/25/2025).
7. A mediation room was opened at the Arbitration Court of St. Petersburg. URL : <https://медиатор.рф/news/pri-arbitrazhnom-sude-sankt-peterburga-otkryli-komnatu-mediatsii> (date of application 08/05/2025).
8. Mediator of the Russian Federation and the Russian Society Znanie join forces to educate in the field of mediation. URL : <https://медиатор.рф/news/mediator-rf-i-rossiyskoe-obshchestvo-znanie-obedinyayut-usiliya-po-prosveshcheniyu-v-oblasti-mediats> (date of application 08/05/2025).
9. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11/14/2002 № 138-FZ (as amended on 07/31/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.
10. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 № 95-FZ (as amended on 04/01/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012.
11. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 08.03.2015 № 21-FZ (as amended on 07.07.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. № 10. Article 1391.
12. On an alternative dispute settlement procedure involving an intermediary (mediation procedure): Federal Law № 193-FZ of 27.07.2010 (as amended on 26.07.2019) // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038
13. On approval of the Rules of Judicial Reconciliation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 31.10.2019 № 41 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 1, January, 2020.
14. Ruling of the Arbitration Court of the Nizhny Novgorod region dated 10/15/2015 in case № A43-19656/2015 // File of arbitration cases. URL : <https://kad.arbitr.ru/Card/cf103e93-dc0e-4190-8121-287e06b8c732>
15. Zdrok O.N. Conciliation procedures in the civil process. Mn., 2013. 108 p. EDN: XRBKHO
16. Gushcheva Yu.V. Conciliation procedures in law (doctrine, practice, technique) : abstract of dis. ... cand. jurid. sciences'. N. Novgorod, 2013. 37 p. EDN: RBRSAV
17. Tyulkanov S.L. The promotion of mediation in Russia and socio-cultural features: to overcome or use // Bulletin of the Federal Institute of Mediation. 2017. № 1. P. 75–93. EDN: ZDQGZJ
18. Draft Federal Law № 714687-8 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (regarding the provision of social and psychological services for the Purpose of Reconciliation of Spouses who

- Terminate Marriage in Court) (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 09.09.2024). URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/714687-8> (date of application 08/15/2025).
19. Kotlyarova V.V. Conciliation procedures in Russia: a retrospective view and development prospects // Bulletin of the Civil Procedure. 2020. Vol. 10. № 4. P. 200–216. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-4-200-216 EDN: DSNSPI
20. Bondarenko V.E. The place of arbitration and mediation in the system of civil law dispute resolution : dis. ... cand. jurid. sciences'. Saratov, 2019. 189 p.
21. Momotov V.V. Conciliation procedures in the civil process: legislative innovations and prospects for further development // Lex russica. 2024. Vol. 77. № 5. P. 9–21. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.210.5.009-021 EDN: IKYUDX
22. Why is mediation, having received a legal basis, still not widespread and has not become the preferred method of resolving commercial and civil disputes in Russia? URL : <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/shamlika-shvili/509285> (date of application 08/20/2025).
23. Mediation as a tool for resolving tax disputes was discussed at the forum in Nizhny Novgorod. URL : <https://медиатор.пф/news/na-forume-v-nizhnem-novgorode-obsudili-mediatsiyu-kak-instrument-uregulirovaniya-nalogovykh-raznogl> (date of application 08/20/2025).
24. How to make mediation more in demand? The proposals of the mediators and the authorities were presented at a round table in the State Duma. URL : <https://медиатор.пф/news/kak-sdelat-mediatsiyu-bolee-vostrebovanoy-predlozheniya-mediatorov-i-vlasti-prozvuchali-na-kruglom> (date of application 08/20/2025).
25. Kurbatova S.M. Organizational and legal aspects of mediation and online mediation in conflict resolution // Law and the State: theory and practice. 2023. № 10(226). P. 104–105. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_10_104 EDN: TRZMFU
26. The courts of the Lipetsk region are developing online mediation. URL : <https://медиатор.рф/news/v-sudakh-lipetsk-oblasti-razvivayut-onlayn-mediatsiyu> (date of application 08/20/2025).

Информация об авторе

Конорезов Николай Андреевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса
и международного права
юридического факультета имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
konorezov@list.ru

Nikolay A. Konorezov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil Procedure and International Law
at the A.A. Khmyrov Law Faculty,
Kuban State University
konorezov@list.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 03.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-12>

УДК 342.9+349.4

Attribution

cc by

ЗАКОННОСТЬ РАЗМЕЩЕНИЯ АНТЕННО-МАЧТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ «ВОПРОКИ» РАЗРЕШЕННОМУ ВИДУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Лобачев Д.А.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

Аннотация. Земельный кодекс РФ содержит условие о необходимости использования земельных участков в соответствии с их целевым назначением. Нарушение данного требования влечёт за собой административную ответственность, предусмотренную статьей 8.8 КоАП РФ, а также иные правовые последствия, например, в виде запрета деятельности и эксплуатации объектов. Правомерность установки антенно-мачтовых сооружений (далее также – АМС) на земельных участках, вид разрешенного использования которых не предполагает их размещения, вызывает вопросы в теории и практике. Согласно примечанию к Классификатору видов разрешенного использования земельных участков (утв. приказом Росреестра от 10.11.2020 №

П/0412), антенно-мачтовые сооружения могут размещаться без отдельного указания об этом в содержании видов разрешенного использования земельных участков, то есть фактически на любой территории. Вместе с этим, указанный акт не определяет правового режима земельных участков и не является документом градостроительного зонирования, устанавливающим градостроительные регламенты применительно к конкретному муниципальному образованию. Кроме того, Классификатор не раскрывает признаки и назначение АМС, что порождает вопрос о допустимости применения вышеуказанного правила по отношению к антенно-мачтовым сооружениям, предназначенным для размещения средств связи, поскольку для объектов связи в Классификаторе предусмотрен самостоятельный вид разрешенного использования – «связь».

Ключевые слова: антенно-мачтовое сооружение, антенна, мачта, нецелевое использование, объекты связи, средства связи, Классификатор видов разрешенного использования земельных участков.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE LEGALITY OF THE PLACEMENT OF ANTENNA-MAST STRUCTURES «CONTRARY» TO THE PERMITTED TYPE OF LAND USE

Denis A. Lobachev

Samara National Research University

Abstract. The Land Code of the Russian Federation contains a condition on the need to use land plots in accordance with their intended purpose. Violation of this requirement entails administrative liability provided for in Article 8.8 of the Administrative Code of the Russian Federation, as well as other legal consequences, for example, in the form of a ban on the activities and operation of facilities. The legality of the installation of antenna-mast structures (hereinafter also referred to as AMS) on land plots, the type of permitted use of which does not imply their placement, raises questions in theory and practice. According to the note to the Classifier of types of permitted use of land (approved by Rosreestr Order № P/0412 dated 11/10/2020), antenna-mast structures can be placed without a separate indication of this in the content of types of permitted use of land, that is, in virtually any territory. At the same time, this act does not define the legal regime of land plots and is not an urban planning zoning document that establishes urban planning regulations for a specific municipality. In addition, the Classifier does not disclose the signs and purpose of the AMS, which raises the question of the admissibility of applying the above rule in relation to antenna-mast structures designed to accommodate communications facilities, since the Classifier provides for an independent type of permitted use – «communication».

Keywords: antenna-mast structure, antenna, mast, inappropriate use, communication facilities,

communication facilities, Classifier of types of permitted use of land plots.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях распространения мобильной телефонной связи и глобальной сети Интернет, антенно-мачтовые сооружения связи стали непременным атрибутом развития любого населенного пункта. В литературе отмечается, что в настоящее время имеется большая потребность в возведении АМС в связи с необходимостью развития беспроводных коммуникаций [1, с. 559]. Данные объекты размещаются практически в любых местах, в том числе в условиях многоэтажной и малоэтажной жилой застройки, на территории садово-дачных участков, на территории баз отдыха, что, несомненно, вызывает вопросы о допустимости и законности их установки, а также безопасности для жизни, здоровья граждан и их имущества. Указанные вопросы многоаспектны, находятся в компетенции различных органов власти, и порою не имеют однозначного ответа из-за недостаточной степени нормативной регламентации отношений, связанных с возведением и эксплуатацией данных объектов.

Настоящая статья посвящена одному из таких вопросов, а именно соблюдению целевого назначения земельного участка в случае размещения на нём АМС. Складывающаяся в настоящее время практика в основном допускает установку АМС на любых земельных участках, независимо от их вида разрешенного использования. Вместе с этим полагаем, что данный вопрос применительно к антенно-мачтовым сооружениям связи нуждается в дополнительном анализе и учёте обстоятельств, влияющих на оценку законности их размещения.

Обсуждение. Результаты

В Земельном кодексе Российской Федерации (пункт 2 статьи 7, абзац второй статьи 42) закреплён базовый принцип о том, что земли и земельные участки должны использоваться их правообладателями в соответствии с целевым назначением и принадлежностью к той или иной категории земель и разрешенным использованием. Соблюдение целевого назначения земельных участков играет важную роль в обеспечении устойчивого и сбалансированного развития территорий [2, с. 270].

Использование земельного участка не по целевому назначению в соответствии с разрешенным использованием образует состав административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 8.8 КоАП РФ. В исследованиях отмечаются различные подходы к вопросу о том, какие виды разрешенного использования (далее также – ВРИ) необходимо учитывать при оценке наличия состава правонарушения: внесенные в отношении земельного участка в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН)

или предусмотренные в регламенте территориальной зоны, в которой находится участок [см. подробнее 3]. Не имея цели вступления в дискуссию по этому вопросу, отметим лишь, что обоснованным видится в данном случае сопоставление фактического использования участка с ВРИ, указанным ЕГРН.

Согласно Классификатору видов разрешенного использования земельных участков, утвержденному Приказом Росреестра от 10.11.2020 № П/0412 (далее – Классификатор), объектам связи соответствует ВРИ, имеющий наименование «связь», в описании которого содержится указание о возможности размещения, в частности, объектов связи, радиовещания, телевидения, иной инфраструктуры связи.

Вышесказанное свидетельствует о том, что установка и эксплуатация сооружений связи на земельных участках, которые не имеют такого вида разрешенного использования как «связь», является нарушением – нецелевым использованием участка. Однако в судебной практике, в деятельности контролирующих органов исполнительной власти данный вывод применительно к антенно-мачтовым сооружениям, в основном, подвергается критике, поскольку, согласно примечанию № 2 к Классификатору, содержание любых видов разрешенного использования земельных участков допускает размещение антенно-мачтовых сооружений без отдельного указания об этом в Классификаторе, если иное не предусмотрено законом.

Таким образом, данным правовым актом закрепляется возможность возведения антенно-мачтовых сооружений на любом земельном участке независимо от содержания регламента территориальной зоны, в которой расположен участок и установленного вида разрешенного использования.

Основываясь на Классификаторе, практика преимущественно идёт по пути отказа в признании факта нецелевого использования земельного участка в результате установки антенно-мачтовых сооружений, например, на участках, предназначенных для садово-дачных целей, индивидуального жилищного строительства или иного использования, не связанного с размещением объектов связи [4].

Полагаем, что при оценке правомерности использования земельных участков для размещения антенно-мачтовых сооружений остаются без внимания ряд аспектов, требующих исследования.

В законодательстве не раскрываются признаки антенно-мачтового сооружения. Согласно ГОСТ Р 71949-2025 «Национальный стан-

дарт Российской Федерации. Конструкции опорные антенных сооружений объектов связи. Правила приемки работ и эксплуатации», утверждённому Приказом Росстандарта № 81-ст от 20.02.2025, антенно-мачтовое сооружение является обобщающим наименованием таких сооружений связи, как башня, мачта, опора двойного назначения, столб.

В силу пунктов 27, 28 статьи 2 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» объекты инженерной инфраструктуры, созданные или приспособленные для размещения средств связи, кабелей связи являются сооружением связи; технические средства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи относятся к средствам связи.

Из указанных положений следует, что антенно-мачтовое сооружение может иметь различное назначение, в частности, выступать в качестве сооружений связи, например, если АМС предназначено для установки и эксплуатации оборудования базовых станций сотовой связи. Иными словами, размещение на антенно-мачтовой опоре средств связи изменяет её качественное состояние, она приобретает фактически статус объекта связи, что соответственно меняет целевое использование земельного участка. В данном случае, при проверке соответствия объекта целевому использованию земельного участка необходимо учитывать, что на нём расположено не только АМС, но и средства связи. При этом предусмотренное в Классификаторе исключение, в части возможности размещения АМС на любом земельном участке, не содержит упоминания о том, что оно имеет силу в отношении сооружений связи или средств связи.

Данная позиция ранее находила своё подтверждение в отдельных актах судебной практики. Например, Самарский областной суд в постановлении от 09 июня 2017 г. по делу № 4а-588/2017, признавая законным решение административного органа о привлечении лица к ответственности за нецелевое использование земельного участка, указал о том, что на нём установлена базовая станция сотовой связи, а не только антенно-мачтовое сооружение, для возведения которой не требуется изменение целевого назначения земли [5].

Поскольку АМС и средства связи, размещенные на мачте, являются разными объектами правового регулирования, следовательно, оценку соответствия разрешенному использованию земельного участка необходимо давать применительно к каждому из них. Данный аспект приобретает дополнительное значение особенно в тех случаях, когда средства связи или их часть (например, специальные шкафы для аппаратуры) размещаются не на конструкции АМС, а непосредственно на поверхности земельного участка, что прямо свидетельствует о его использовании в целях размещения объектов связи.

АМС по своей природе, в основном, признаются временными (некапитальными объектами), при этом нельзя исключать, что они могут иметь признаки объекта недвижимости. На временный характер этих объектов указывают, в частности, сборность – разборность конструкции, отсутствие прочной связи с землёй, самостоятельного фундамента (его роль выполняет заглубленная часть мачты, которая может быть демонтирована), материал изготовления опоры, а также её высота. В силу пункта 4.5 части 17 статьи 51 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК), антенные опоры (мачты, башни) высотой до 50 м, предназначенные для размещения средств связи, не требуют выдачи разрешения на строительство.

Сам по себе временный характер антенно-мачтовых сооружений, в отдельных случаях, рассматривается в качестве одной из причин отсутствия оснований для вывода о нецелевом использовании земельного участка, на котором размещено АМС (например, см. определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.04.2024 № 88-10786/2024, определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.01.2025 № 88-103/2025). Вместе с этим, Земельный кодекс РФ, указывая о необходимости использования земельных участков в соответствии с разрешенным способом, не определяет его характера и не уточняет, какие именно действия могут не учитываться при квалификации факта нецелевого использования участка. Более того, при описании способов разрешенного использования в Классификаторе содержатся многочисленные примеры, не связанные с капитальными объектами, например, размещение автомобильных моек, кемпингов, элементов озеленения, некапитальных сооружений и др. В связи с этим, временный характер антенно-мачтовых сооружений, а также средств связи не может исключать признания использования участка вопреки установленной цели. Более того, данный вывод подтверждается судебной практикой применения административной ответственности по статье 8.8 КоАП РФ, согласно которой состав правонарушения образуют, например, размещение на земельном участке твердых бытовых отходов, навесов для размещения автостоянок и других объектов движимого имущества [6].

Следующий момент рассматриваемой проблемы сопряжен с ответом на вопрос о возможности применения вышеуказанного примечания № 2 Классификатора в тех ситуациях, когда в правилах землепользования и застройки муниципального образования отсутствуют аналогичные положения.

Согласно пункту 2 статьи 7 Земельного кодекса РФ, виды разрешенного использования земельных участков определяются в соответствии с Классификатором. Цель правового регулирования Классификатора состоит в том, чтобы создать унифицированный перечень видов разрешенного использования земельных участков и детализировать их содержание, которыми будут

наполняться соответствующие градостроительные регламенты правил землепользования и застройки различных муниципальных образований.

В решении Верховного Суда РФ от 14 июля 2022 г. № АКПИ22-335[7], которым была дана оценка законности примечания № 2 Классификатора, указано на то, что этот документ представляет собой описание видов разрешенного использования земельных участков, он не определяет соотношение между категориями земель и видами разрешенного использования земельных участков, а предусмотренные им виды разрешенного использования не определяют правовой режим земельного участка и возможность осуществления каких-либо видов деятельности без учета иных требований законодательства, в том числе правил землепользования и застройки, технических регламентов, санитарных норм и правил.

В соответствии ГрК РФ, нормативным документом, устанавливающим территориальные зоны и соответствующие им возможные виды разрешенного использования земельных участков, являются правила землепользования и застройки муниципального образования (части 2 и 6 статьи 30 ГрК). Следовательно, положение Классификатора, содержащее исключение применительно к размещению антенно-мачтовых сооружений, может быть учтено только при условии его имплементации в конкретные правила землепользования и застройки. Другими словами, именно градостроительный регламент правил землепользования и застройки должен предусматривать размещение АМС на земельных участках с любым видом разрешенного использования. При отсутствии данных положений в документе градостроительного зонирования, непосредственное применение положений Классификатора представляется спорным, поскольку он имеет иной предмет правового регулирования и не определяет разрешенные способы использования применительно к определенному земельному участку.

К полномочиям Росреестра не отнесено право устанавливать в пределах границ соответствующих территориальных зон виды разрешенного использования земельных участков. Принятие правил землепользования и застройки отнесено в силу статьи 1 ГрК РФ к компетенции органов местного самоуправления, органов государственной власти субъектов РФ.

Рассматривая данный вопрос, необходимо также учитывать, что характер целевого использования земельного участка влияет на размер земельного налога. В соответствии со статьей 15 Налогового кодекса РФ (далее – НК), земельный налог отнесен к числу местных налогов. По общему правилу, предусмотренному пунктом 2 статьи 53 НК,

ставки по местным налогам устанавливаются нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований. Налоговое законодательство допускает установление дифференцированных налоговых ставок в зависимости от категорий земель и (или) разрешенного использования земельного участка (часть 2 статьи 394 НК). При этом НК ограничена ставка в отношении земельных участков, занятых жилищным фондом, в размере 0,3 процента от кадастровой стоимости. Для других участков данная ставка может составлять 1,5 процента. Кроме того, вид разрешенного использования земельного участка, выбранный правообладателем и указанный в ЕГРН, непосредственно влияет на размер кадастровой стоимости данного участка, используемой в качестве базы для расчета налогов [8].

Примечание № 2 к Классификатору исключает из действия указанных положений НК ситуации, связанные с АМС, допуская, по сути, сохранение налоговой базы и ставки земельного налога, например, при размещении АМС на земельном участке, предназначенном для индивидуального жилищного строительства, поскольку не требует изменения вида разрешенного использования данного участка. Особую актуальность это обстоятельство приобретает в ситуации, когда антенно-мачтовое сооружение связи используется её владельцем для осуществления предпринимательской деятельности - оказания услуг связи третьим лицам, то есть для извлечения прибыли. Не оценивая обоснованность данного подхода в Классификаторе с точки зрения налоговых последствий, отметим, что вышеуказанные положения НК выступают дополнительным подтверждением тому, что в отсутствии иных норм, предусмотренных законом, вопрос о допустимости размещения АМС, независимо от видов разрешенного использования земельных участков, должен находиться в плоскости правового регулирования правил землепользования и застройки, то есть в компетенции органов местного самоуправления, как решение, влияющее на размер земельного налога.

Заключение.

Рассмотренная в работе проблема во многом продиктована недостаточным уровнем правовой регламентации отношений, возникающих в сфере размещения АМС. Её решение видится в комплексном подходе, учитывающим частные и публичные интересы. Полагаем, что в настоящее время существует необходимость введения на уровне закона единых требований к условиям и порядку установки антенно-мачтовых сооружений, предназначенных для размещения средств связи.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Новиков М.Ю. Антенно-мачтовые сооружения сотовой связи: типы опор и основные принципы проектирования металлоконструкций / М.Ю. Новиков, К.Ю. Ананин, Н.Л. Тарануха // Молодежный вестник ИрГТУ. 2024. Т. 14. № 4. С. 559. EDN: EGTCED
2. Тухватуллина А.Р. Нецелевое использование земельного участка / А.Р. Тухватуллина, И.И. Макаров // Молодая наука-2024: Сборник материалов конференции. Ярославль, 2024. С. 270. EDN: PCSPLS
3. См. подробнее: Савкунова А.Э. Привлечение к административной ответственности за нецелевое использование земельного участка при невнесении в Единый государственный реестр недвижимости сведений о фактическом разрешенном использовании // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2021. № 1. С. 92–100. URL : <https://online.consultant.ru>. EDN: RDJWAM
4. Постановление Верховного Суда РФ от 02.06.2025 по делу № 86-АД25-2-К2, Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.10.2023 по делу № 88-21629/2023. URL : <https://online.consultant.ru>
5. Постановления Самарского областного суда: от 09 июня 2017 г. по делу № 4а-588/2017. URL : <https://oblsud-sam.sudrf.ru>
6. Обзор судебной практики по делам, связанным с обращением с ТКО, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023 (п. 50); Постановление Верховного Суда РФ от 03.08.2018 № 18-АД18-29. URL : <https://online.consultant.ru>
7. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10.11.2022 № АПЛ22-421. URL : <https://arbitr.garant.ru>
8. Савиных В.А., Краснова Т.С. «Безответственное» изменение вида использования земельного участка. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 01.10.2020 № 310-ЭС20-8733 и Постановлению КС РФ от 16.10.2020 № 42-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 7. С. 5–20. URL : <https://online.consultant.ru>. DOI: 10.37239/2500-2643-2021-16-7-5-20 EDN: WBIGTD

References:

1. Novikov M.Yu. Antenna-mast structures of cellular communication: types of supports and basic principles of designing metal structures / M.Yu. Novikov, K.Yu. Ananin, N.L. Taranukha // Youth Bulletin of IrSTU. 2024. Vol. 14. № 4. P. 559. EDN: EGTCED
2. Tukhvatullina A.R. Inappropriate use of land / A.R. Tukhvatullina, I.I. Makarov // Young science-2024: Collection of conference materials. Yaroslavl. 2024. P. 270. EDN: PCSPLS
3. See for more details: Savkunova A.E. Bringing to administrative responsibility for the misuse of a land plot if information about the actual permitted use is not entered into the Unified State Register of Real Estate // Information and Analytical journal «Arbitration Disputes». 2021. № 1. P. 92–100. URL : <https://online.consultant.ru>. EDN: RDJWAM
4. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/02/2025 in case № 86-AD25-2-K2; Ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 10/9/2023 in case № 88-21629/2023: <https://online.consultant.ru>
5. Resolutions of the Samara Regional Court: dated June 09, 2017 in case № 4a-588/2017. URL : <https://oblsud-sam.sudrf.ru>
6. Review of judicial practice in cases related to MSW management, approved by By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 12/13/2023 (paragraph 50); Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/03/2018 № 18-AD18-29. URL : <https://online.consultant.ru>
7. The appellate ruling of the Appellate Board of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/10/2022 № APL22-421. URL : <https://arbitr.garant.ru>
8. Savinykh V.A. «Irresponsible» change in the type of land use. Commentary to the Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.10.2020 № 310-ES20-8733 and Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 16.10.2020 № 42-P / V.A. Savinykh, T.S. Krasnova // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. № 7. P. 5–20. URL : <https://online.consultant.ru>. DOI: 10.37239/2500-2643-2021-16-7-5-20 EDN: WBIGTD

Информация об авторе

Лобачев Денис Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева
lobachevda@ssau.ru

Denis A. Lobachev

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Samara National Research University
named after Academician S.P. Korolev
lobachevda@ssau.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-13>

УДК 341.1/8

Attribution

cc by

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КУРС ЗАПАДА В СОВРЕМЕННОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Медведев В.И., Стрелецкий Я.И., Шахторин А.А.

*Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков
имени Героя Советского Союза А.К. Серова*

Аннотация. Актуальность проблемы исследования обусловлена опасной для современного социума тенденцией функционирования феномена правового нигилизма, который особенно рельефно проявляется в ряде западных стран. На основе определения понятия правового нигилизма последовательно анализируются его проявления в следующих аспектах: политическом, юридическом и экономическом. Содержание первого представлено концепциями *Pacs Americano*, «военно-стратегического доминирования НАТО» и «прокси-войны», с одной стороны, и фактами правового нигилизма во внутренней политике ведущих стран Запада, с другой. Юридический аспект содержания правового нигилизма представлен на теоретическом уровне концепциями «ситуативного права» и «интуитивного права», а на практическом – реализацией естественного и позитивного права на примерах ряда стран Запада, а также стремящейся в ЕС и НАТО Украины. Экономический аспект правового нигилизма рассматривается в контексте санкций, наложенных Западом на Россию, подрывом наших «Северных потоков», в давлении на «непослушных» Венгрию и Словакию. В заключении публикации резюмируются положения, отражающие оценку западного правового нигилизма по его субъекту и объекту, по его методологии, по его функционированию в современном обществе с выходом на правовое содержание нашей Специальной военной операции (СВО) на Украине, с одной стороны, и оценку фактов терроризма Вооруженных сил Украины (ВСУ), с другой.

Ключевые слова: правовой нигилизм, концепции правового нигилизма, политика, естественное право, позитивное право, справедливость, экономика, Специальная военная операция.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LEGAL NIHILISM – THE WEST'S STRATEGIC COURSE IN THE MODERN GEOPOLITICAL SPACE

Valery I. Medvedev, Yakov I. Streletsky, Alexander A. Shakhtorin

Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named After Hero of the Soviet Union A.K. Serov

Abstract. The relevance of this research problem stems from the dangerous trend of legal nihilism for modern society, which is particularly evident in a number of Western countries. Based on the definition of legal nihilism, its manifestations are analyzed consistently in the following aspects: political, legal, and economic. The former is represented by the concepts of *Pacs Americano*, «NATO's military-strategic dominance», and «proxy war», on the one hand, and by instances of legal nihilism in the domestic policies of leading Western countries, on the other. The legal aspect of legal nihilism is represented theoretically by the concepts of «situational law» and «intuitive law», and practically by the implementation of natural and positive law, as exemplified by several Western countries, as well as Ukraine, which aspires to join the EU and NATO. The economic aspect of legal nihilism is examined in the context of the West's sanctions against Russia, the disruption of our Nord Stream pipeline, and the pressure on «disobedient» Hungary and Slovakia. The publication concludes with a summary of the assessment of Western legal nihilism in terms of its subject and object, its methodology, and its functioning in modern society, addressing the legal content of our Special Military Operation (SMO) in Ukraine, on the one hand, and an assessment of terrorism committed by the Ukrainian Armed Forces (UAF), on the other.

Keywords: legal nihilism, concepts of legal nihilism, politics, natural law, positive law, justice, economics, Special Military Operation.

Funding: Independent work.

Введение

Определимся, как учил Сократ, в понятии. «Нигилизм» – (от лат. *nihil* – ничто) – философско-правовая категория, отражающая явление, отрицающее общепринятые «высшие ценности – отмена прав, справедливости, истины» [1].

Английский государственный деятель и философ Томас Гоббс (1588–1679) в своем трактате «Левиафан» разделил мировую историю на два этапа – дикость, варварство и гражданское общество. Сущностным признаком последнего является право (свобода на основе разума – И. Кант). Именно праву человечество обязано не только социальным прогрессом, но и фактом своего существования как *homo sapiens*.

Его общество, объективно развиваясь по исторической спирали, с одной стороны, и в результате субъективных предпосылок как следствие функционирования определённых социальных структур и политических лидеров, с другой, в наше время оказалось на опасной грани – на грани отрицания права.

Отсюда цель данной публикации состоит в том, чтобы проанализировать основные проявления правового нигилизма в ряде регионов современного социума и представить его последствия в некоторых социальных сферах, а также пригласить читателя к размышлению по этой актуальной проблеме.

Обсуждение. Результаты.

Стратегия правового нигилизма осуществляется Западом давно, системно и последовательно, а её содержание проявляется в следующих основных аспектах: политическом, юридическом и экономическом.

Политический аспект представим по двум направлениям: международной и внутренней политике, в первую очередь, ведущих государств «коллективного Запада».

Международная политика реализуется содержанием следующих основных концепций.

Во-первых, «Pacs Americano», которая являет миру идею о том, что Новый мир с центром в Вашингтоне – это не только «крепость на горе», для американцев, но и образец всем странам, народам и цивилизациям как следует жить в однополярном мире под руководством США.

Следует отметить, что после окончания Второй мировой войны международное право через структуры ООН в целом соблюдались. К тому же, Советский Союз, заслуги которого в победе над Третьим рейхом и его союзниками в то время сомнению не подвергалось, играл значительную сдерживающую роль как противовес глобальным устремлениям, в первую очередь, Вашингтона. Однако после распада СССР Запад, определив

себя победителем в «холодной войне», демонстративно снял с себя маску миротворца, соблюдающего международное право. Так, нарушая Устав ООН, США и их союзники по НАТО развязали серию агрессивных войн на Балканах, на Ближнем Востоке, в Африке...

Но мир объективно меняется, причем, не в пользу Запада. Свидетельство этому – «неожиданное» образование новых центров притяжения в лице стран Глобального Юга и Латинской Америки, появление ряда самостоятельных международных организаций как, например, БРИКС и ШОС. Саммит последнего в начале сентября 2025 г., как и торжества к 80-летию победного итога Второй мировой войны в Пекине, а также Восточный экономический форум во Владивостоке продемонстрировали явный процесс формирования центра силы не западной социальной ориентации во главе с Китаем, Индией и Россией, что было расценено в ЕС в лице его главного дипломата Кае Каллас «прямым вызовом международной системе, построенной на правилах» [2]. Правда, остаётся только выяснить «деталь» о том, что за «правила», и кто их установил. Но об этом – ниже в нашей публикации.

Такой же внеправовой является, во-вторых, концепция «военно-стратегического доминирования НАТО», а точнее – США. Именно она составляет основу курса международной политики Белого дома и изложена в ежегодно обновляемой Стратегии национальной безопасности этой страны. В ней декларируется миролюбие, но с позиции военной силы, официально направленной на КНР, а также на её «партнёра» – Россию. Однако, по рекомендациям «яйцеголовых» Пентагона, необходимо а priori «разобраться» с Москвой, а затем с Пекином.

С этой целью. США в нарушении ранее согласованных взаимных обязательств, в одностороннем порядке в июне 2020г. вышли из Договора по ПРО, в мае 2011 г. – из Договора по обычным вооружённым силам в Европе, а в августе 2019 г. – из Договора о ликвидации РСМД и ряде других соглашений, ограничивающих режим нераспространения ядерного оружия, например, по Совместному плану действий по иранской ядерной программе в мае 2018 г.

Однако США ещё раньше намеренно и целенаправленно нарушали согласованные документы между нашими странами. Показательный пример – Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2), заключенный в июне 1979 г. в Вене, закреплённый подписями Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и президента США Дж. Картера. Наша страна, соблюдая этот Договор, сняла с боевого дежурства 18 ракет Р-13, прекратила процесс ввода в строй мобильного комплекса «Темп-2 С». США тоже ответили, но наоборот. Пентагон развернул ракетный комплекс «Томагавк» в Европе и в ВМФ. Более того, на европейские военно-морские базы перебросили бомбардировщики с ядерным оружием, начали строительство ракетноносцев типа «Огайо», что запрещалось этим Договором.

В наше время Белый дом действует в этом направлении осторожнее, но не менее опасно. Так, уже в ходе нашей Специальной военной операции (СВО) на Украине Пентагон, нарушая Конвенцию ООН от 26 марта 1975 г. о запрещении производства и применения биологического оружия, развернул на территории «незалежной» более 30-ти биологических лабораторий, исследующие системы биологического оружия, обладающие особой избирательностью по отношению к определённым этносам – славянам. По определению отечественных экспертов, «в ходе проведения СВО получены неопровержимые доказательства вовлечения Украины в военно-биологические исследования, испытания на людях биологического оружия» [3]. Показательно, что киевскому режиму на территорию этих лабораторий «вход запрещён».

Не вписывается в международное правовое пространство, в-третьих, и концепция «прокси-войны». Её суть заключается в том, что Запад, «оставаясь в стороне», то есть официально не принимая участие в военных действиях, боевиками ВСУ пытается ослабить не только Россию, но и Украину с тем, чтобы диктовать им свои условия на правах вершителя их настоящего и будущего. Как отмечает известный отечественный исследователь Валерий Коровин, «сейчас претензии США на роль мирового судьи и жандарма определяются попытками низвести Россию на уровень Украины, представив их как двух «варварских» субъектов международных отношений, конфликт между которыми разруливает мнимо верховный американский шериф» [4]. Более того, во втором сроке своего президентства Д. Трамп решил ослабить прокси- войной даже своих европейских союзников по НАТО, переложив на них львиную часть расходов этой войны.

Однако всё это – всего лишь тактические приёмы нового хозяина Белого дома, а его стратегическая цель осталась традиционной для американского истеблишмента – ослабив Россию, победить её. Но не на поле боя, как раньше витийствовал бывший главдипломат ЕС Ж. Боррель, а методами иного порядка – когнитивной войной. Она, оказывается, и безопасной для её субъектов, и дешёвой, и эффективной, что доказано фактом разрушения СССР без самоубийственной ракетно-ядерной войны. Когнитивная война против нашей страны охватывает комплекс мер военного и невоенного содержания с акцентом на последнее: цепь «цветных революций» по геополитическому периметру России, активное использование арсенала «нашей» пятой колонны – тайных, но опасных врагов Государства Российского.

Стратегия правового нигилизма активно практикуется и во внутренней политике ряда стран, в первую очередь США, на геополитическом пространстве их европейских союзников, а также в странах-сателлитах, руководство которых всячески угождает «старшему брату». Полагаем, что содержание этой стратегии возможно рацио-

нально представить в следующих основных положениях.

Во-первых, в постепенном, молчаливом, замаскированном отходе от классических либеральных принципов свободы слова, гуманизма, демократии и др. а в наше время – в открытом их игнорировании и отрицании. Примеров этому, что называется, море, но здесь приведём только следующие, но «говорящие».

Возьмём судьбу Джулиана Ассанжа – «невольника свободы слова». Стоило ему придать гласности преступления американской военщины в Афганистане, Ираке, Сирии, факты пыток в тюрьме Гуантанамо, данные о тайных прослушках спецслужбами США переговоров своих европейских союзников и других компроматов, как он был определён преступником и арестован. Другой пример – политический террор: покушение на кандидата в президенты Д. Трампа и убийство его соратника – журналиста Ч. Кирка в сентябре 2025 г. Комментировать не станем, всё и так ясно-понятно.

Во-вторых, необъявленная, но фактически развёрнутая война против Русского Мира, которая активно ведётся на постсоветском пространстве, особенно на Украине, в Прибалтийских республиках и даже в ранее лояльной к России Молдове. В «незалежной» после госпереворота в феврале «2014 г. началась охота на «агентов Кремля»: заживо сожжены необандеровцами в одесском Доме профсоюзов 48 активистов патриотического движения «Куликово поле», в Киеве убит писатель Олесь Бузина, там же бесследно исчез после ареста 09 марта 2022 г. известный русский историк Александр Каревин, как и журналист Георгий Гангадзе. На Украине вся русская культура – от языка и литературы до кино и СМИ – запрещены. И это при всём при том, что там до сих пор общаются на русском более половины населения, а в городах – около 70 % жителей. Но на «демократическом» Западе ничего этого «не видят».

В-третьих, там реанимируется фашизм и, как следствие, реваншизм, притом, в его логове – в Германии. Там, особенно с началом нашей СВО, (что всего лишь предлог) на политическую сцену появился дремавший «радушный реваншизм». Его суть в следующем: «Гитлер и немецкое прошлое – это абсолютное зло, с которым мы не имеем ничего общего, поэтому мы не немцы, а европейцы, мы – за всё хорошее... Но поэтому мы должны быть в авангарде противостояния с новым абсолютным злом – с автократиями, флагман которых – Россия. Поэтому взгляд на историю победы СССР должен быть изменён, а чувство вины перенесено с нас на русских» [5]. В русле этого нарратива, канцлер Ф. Мерц пытается провалить через парламент ФРГ разрешение на поставку киевскому режиму ракет «Таурус», радиус поражения которых охватывает центральные районы нашей страны.

Юридический аспект правового нигилизма За-

пада проанализируем в его двух дискурсах – теоретическом и практическом.

Теоретический уровень отражён в концепции «ситуативного права» немецкого социолога Кала Шмидта. Он выделяет право «классическое» и «исключительных обстоятельств». Первое, дескать, отработало своё историческое время, а второе вступило в правовое пространство в конце прошлого века в силу геополитических трансформаций однополярного мира. В нём функционирует «ситуативное право» – по сложившимся обстоятельствам, когда требуется «срочное решение проблемы». Его легитимность определяет лидер этого мира – Вашингтон.

Другой вариант современной западной теории права представлен концепцией «интуитивного права» американского психолога Ф.А. Хайека. По его определению, «человек – это животное, следующее правилам. Он способен интуитивно отличать случаи их соблюдения от случаев их нарушения» [6]. Выходит, что не существует объективной основы теории права. Вместо неё – интуиция, субъективные оценки. Как обоснованно резюмируют отечественные аналитики, «современная цивилизационная культура Запада с её культом субъектности, эмпатии, травматического опыта и личной правды окончательно отдалась эмоциональному восприятию реальности. Быть чувствительным – важнее, чем быть правым» [7]. К сожалению, порочная методология иррационализма поразила не только сферу философии права современного Запада, но и охватила практику его правового пространства.

Практический дискурс юридического аспекта правового нигилизма современного Запада реализуется его акторами, во-первых, в естественном праве. Оно, в его научном и во многом традиционном смысле, состоит в обеспечении гражданам данных природой или Богом прав человека на свободу, в том числе и религиозную, на сохранение своей этнической и культурной идентичности. Ничего подобного современный Запад на практике не реализует. И не потому, что не может, а потому, что не может хотеть. Ему не даёт такой возможности «глубинное государство», которое некуда не делось, а только ушло в подполье на время правления 47-го президента США.

Развязывая ещё в 2014 г. прокси-войну против Русского Мира на Украине, западные кукловоды киевского режима закрывали глаза на военные преступления, творимые ВСУ в Донбассе. А они могли позволить себе эти беззакония только при активной дипломатической и политической поддержке ведущих стран Запада. А они «не видели» как в ДНР и ЛНР под ударами ВСУ гибли мирные жители – более 15 тыс. – большинство из которых – дети, женщины, старики. Они «не замечали» как закрывались там русскоязычные СМИ, запрещались признанная во всём мире русская художественная литература и русский язык. Затем весь этот этнический террор был распространён на

всю Украину.

Особо показательно, что даже возмутило Д. Трампа, учинённый погром необандеровцами на Украине Русской православной церкви (РПЦ). Дело в том, что власти «незалежной» в своей русофобии покусались даже на сакральное – пытаются расколоть православие на Украине на две противоположные его ветви: традиционную Московского патриархата и самопровозглашённую Украинскую православную церковь (УПЦ) под управлением самоназначенца Филарета. На практике это вылилось в варварские захваты храмов РПЦ, в массовом аресте её священнослужителей, даже в грабеже церковной утвари. Но рейдеров, например, в Черновцах, «защищала полиция, поливая верующих слезоточивым газом» [8].

Правовой нигилизм Запада в его практической плоскости осуществляется, во-вторых, в позитивном праве. Оно, по своей сущности, это правовые нормы, отражённые в определённой системе законодательства конкретного социума в данное историческое время. Значит позитивное право может быть, как «положительным», так и «отрицательным», то есть содержать естественное (природное) право человека или нет.

Итак, если первая сторона позитивного права — это «верховенство международного права нации на самоопределение, суверенное равенство, невмешательство во внутренние дела, уважение независимости и национальных интересов каждого государства» [9], то второе – игнорирует, нарушает эти принципы естественного права.

Приведём только по одному примеру нарушения позитивного права на разных уровнях глобального правового пространства. На международном: 29.11.1947 г. Генассамблея ООН приняла Декларацию об образовании двух независимых государств: Израиля и Палестины. Первое в этом статусе состоялось, а о втором «забыли». К тому же, Израиль уже второй год осуществляет в Газе настоящий геноцид палестинского народа, а представитель США в ООН блокирует принятие решения об осуждении Израиля.

Пример на уровне континентальном. В мае 2025 г. немецкий журнал Der Spiegel сослался на архивные материалы о договорённости (Бонн, 06.03.1991 г.) делегаций США и СССР, с одной стороны, ГДР, ФРГ, Франции и Англии, с другой, «не двигать НАТО на Восток ни на дюйм». Но руководство НАТОвских государств проигнорировало свои же обещания, осуществив пять волн расширения этого блока в результате чего большинство европейских стран стали его участниками. Грузия и Украина встроились туда в очередь, реально угрожая национальной безопасности России. Фактическое участие последней в НАТО стало определяющей причиной начала нашей СВО.

На региональном уровне:

– 25.04.2024 г. Верховная Рада (парламент

© Медведев В.И., Стрелецкий Я.И., Шахторин А.А.

Украины) приняла закон «О защите функционирования украинского языка как государственного», в соответствии с которым весь государственный аппарат, СМИ, TV, обучение и воспитание в стране осуществляется на «мове». Это – этноцид, то есть социальная практика постепенного, но системного и надёжного процесса ликвидации русского этноса как такового;

– геноцид, учинённый необандеровцами в Курской области, где, по словам очевидца, «четверо боевиков ВСУ во время оккупации убили 22 человека – мужчин, женщин, стариков. Восемь женщин они изнасиловали. Всех практически убивали выстрелами в голову» [10]. Заметим, что западные «демократические» и «самые справедливые в мире» правительства и СМИ ничего об этих преступлениях не говорили и не сообщали, как и о введённой в ВСУ системе наград, которая учредила орден «Стальной крест», «Стальной крест с дубовыми листьями», то есть дублирует наградную ранжировку Третьего рейха.

Экономический аспект правового нигилизма Запада отразим в следующих конкретных фактах.

Во-первых, в серии незаконных санкций против нашей страны, которые, по определению президента Б. Обамы, разорвут экономику России «в клочья». Этому курсу следовал и Дж. Байден. Его администрация 11.12.2024 г. продала через Конгресс законопроект, запрещающий операции с нефтяными компаниями РФ. Президент Д. Трамп действует осторожнее – дуалистически. С одной стороны, он не снимает ранее наложенные на нашу страну санкции, даже грозит их ужесточением, а с другой, перекладывает их введение на своих европейских союзников.

Конечно, эти санкции создают определённые трудности отечественной экономике, но они не могут остановить её рост. По итогам Петербургского международного экономического форума в июне 2025 г. Россия – третья экономика мира и первая в Европе. Рост её ВВП в 2024 г. составил 4,3 %, притом, что мировой – 3,3 %. Более того, «наша экономика не просто уверенно развивается, а становится более качественной, сложной и многогранной» [11].

Во-вторых, в экономическом терроризме – подрыве наших газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2». Виновных в этом варварском акте искали на Западе долго и, наконец, нашли. Оказывается, это ВСУ, а руководил этой операцией, дескать, В. Залужный, которого этим нарративом пытаются убрать из числа кандидатов на пост президента Украины. В действительности, как полагают авторитетные эксперты, эту акцию смогли осуществить только спецслужбы Англии и США. К тому же, Дж. Байден, ещё в должности президента несколько раз публично грозился не допустить запуска этих газопроводов. Этой акцией США не только навредили России, но и ЕС, заставив его покупать дорогой американский СПГ, что привело к значительному падению

там производства, особенно в Германии, где оно упало почти на 30 %.

В-третьих, в неправовом давлении на «непослушных» в ЕС, например, на Венгрию и Словакию, которые отстаивают свои национальные интересы. По данным Министерства обороны РФ, в период с февраля 2022 г. по декабрь 2024 г. Украина удержала от ЕС более 100 млрд евро. И это в условиях острого дефицита бюджетов стран Запада: США – более 2 трлн дол. (6,5 % ВВП), Англия – 2,9 трлн фунтов стерлингов (96 % ВВП), Франция – 3,3 трлн евро (114 % ВВП). В последней в 2025 г. снизились выплаты пострадавшим на производстве, урезаны пенсии по старости, массово закрыты родильные дома, ряд учреждений сферы просвещения [12].

Тем не менее, финансовая и военно-техническая накачка киевского режима продолжается вопреки объективным прогнозам даже западных экспертов, даже вопреки фактам явного преимущества Вооружённых Сил РФ на фронте и не менее явного дефицита в личном составе ВСУ, который пытаются восполнить методом насильственной мобилизации.

Заключение.

Итак, субъектом правового нигилизма в современном мире выступает «глубинное государство». Его тайные и явные институты и акторы охватили страны, континенты и цивилизации. Объектом правового нигилизма является всё геополитическое пространство, но, в первую очередь, международные структуры, ставшие «социумами желания» западных политических элит – Россия и постсоветскиестраны.

Методологией правового нигилизма в наше время стала философия метафизики и иррационализма: однополярный мир, русофобия и деградация правящей вертикали, особенно ряда европейских стран, стремящейся к победе над Россией «на поле боя».

Эта деградация проявляется и в отходе от классической диалектики сфер социального бытия: телега, то есть политика, оказалась впереди лошади – экономики. Такой антинаучный подход разрывает структуру международной торговли, ставит крест на принципах ВТО. Более того, он обостряет международные отношения, нередко ставя их на грань военных конфликтов и протестных политических акций на самом Западе, особенно во Франции, Германии и даже на традиционно спокойном Туманном Альбионе.

Россия на фронтах СВО защищает не только Русский Мир, не только свою национальную безопасность, но и отстаивает вековые общечеловеческие правовые ценности, без которых нет государства, нет страны, нет цивилизации и, стало быть, народа. Победа будет за нами, а значит, и за правом.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ницше Н. По ту сторону добра и зла // Полн. собр. соч., М., 1912. Т. 9. С. 53.
2. Цепляев Виталий. С истерической точки зрения // Аргументы и факты. 2025. № 37. С. 3.
3. Рудаков Д. П. Обоснование причин и оценка американо-украинской биологической программы на территории Украины // Военная мысль. 2025. № 6. С. 50.
4. Коровин Валерий. После «Украины». Издательство АСТ : Издательский дом «Ленинград», 2024. С. 250.
5. Волков Виталий. Европейские стратегии // Завтра. 2025. № 34. С. 3.
6. Hayek F.von. Law legislation and liberty. М. : Navigator, 2006. P. 248.
7. Проханова Марина. Бегство от ответственности // Завтра. 2025. № 29. С. 8.
8. Калинин Руслан. Попрание алтарей // Завтра. 2025. № 29. С. 3.
9. Путин В.В. Речь на заседании Совета глав государств-членов ШОС, 01.09.2025 г. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77891> (дата обращения 19.10.2025).
10. Барова Екатерина. В Курске дело // Аргументы и факты. 2025. № 31. С. 6.
11. Путин В.В. Речь на Петербургском экономическом форуме, 18.06.2025 г. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77222> (дата обращения 14.10.2025 г.).
12. Петровичин А. Салат из брюссельской капусты // Армейский сборник. 2025. № 5.

References:

1. Nietzsche N. Beyond Good and Evil // Complete Collected Works. М., 1912. Vol. 9. P. 53.
2. Tseplyaev Vitaly. From a Hysterical Point of View // Arguments and Facts. 2025. № 37. P. 3.
3. Rudakov D.P. Justification of the Causes and Assessment of the American-Ukrainian Biological Program on the Territory of Ukraine // Military Thought. 2025. № 6. P. 50.
4. Korovin Valery. After «Ukraine». AST Publishing House : Leningrad Publishing House, 2024. P. 250.
5. Volkov Vitaly. European Strategies // Tomorrow. 2025. № 34. P. 3.
6. Hayek F.von. Law legislation and liberty. М. : Navigator, 2006. P. 248.
7. Prokhanova Marina. Escape from responsibility // Zavtra. 2025. № 29. P. 8.
8. Kalinchuk Ruslan. Trampling the altars // Zavtra. 2025. № 29. P. 3.
9. Putin V.V. Speech at the meeting of the Council of Heads of State of the SCO Member States, 01.09.2025. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77891> (date of application 19.10.2025).
10. Barova Ekaterina. The case in Kursk // Arguments and Facts. 2025. № 31. P. 6.
11. Putin V.V. Speech at the St. Petersburg Economic Forum, 18.06.2025. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77222> (date of application 14.10.2025).
12. Petrochinin A. Brussels Sprouts Salad // Army Collection. 2025. № 5.

Информация об авторах

Медведев Валерий Иванович

Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
имени Героя Советского Союза А.К. Серова
ORCID: 0009-0003-4939-969X
shahtorin_a_a@mail.ru

Стрелецкий Яков Ильич

Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
имени Героя Советского Союза А.К. Серова
ORCID: 0009-0003-1019-2907
shahtorin_a_a@mail.ru

Шахторин Александр Александрович

Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
имени Героя Советского Союза А.К. Серова
ORCID: 0009-0005-8013-9145
shahtorin_a_a@mail.ru

Valery I. Medvedev

Krasnodar Higher Military
Aviation School of Pilots
named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov
ORCID: 0009-0003-4939-969X
shahtorin_a_a@mail.ru

Yakov I. Streletsky

Krasnodar Higher Military
Aviation School of Pilots
named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov
ORCID: 0009-0003-1019-2907
shahtorin_a_a@mail.ru

Alexander A. Shakhtorin

Krasnodar Higher Military
Aviation School of Pilots
named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov
ORCID: 0009-0005-8013-9145
shahtorin_a_a@mail.ru

© Медведев В.И., Стрелецкий Я.И., Шахторин А.А.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-14>

УДК 347.736

Attribution

cc by

ДЕЕСПОСОБНОСТЬ ГРАЖДАНИНА ПРИ ВВЕДЕНИИ В ЕГО ОТНОШЕНИИ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА

Найдич И.Ю.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса о дееспособности гражданина, признанного банкротом. Целью работы является определение характера правового положения должника в процедурах банкротства и установление возможности квалифицировать его как ограниченно дееспособного. Автор использует анализ действующего законодательства, судебной практики и доктринальных подходов, рассматриваются аргументы сторонников и противников концепции ограничения дееспособности должника. Результаты исследования показывают, что, несмотря на установленные законом ограничения по распоряжению конкурсной массой и иным действиям, должник сохраняет интеллектуальный и волевой критерий дееспособности, самостоятельное участие в процессуальных и ряде материальных правоотношений. Делается вывод о невозможности признания банкрота ограниченно дееспособным в гражданско-правовом смысле. В работе подчеркивается теоретическое и практическое значение проблемы, в том числе для правильного понимания механизма реализации прав должника при его несостоятельности и роли финансового управляющего в этом процессе.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство) гражданина, дееспособность, ограничение дееспособности, должник, финансовый управляющий, реструктуризация долгов, реализация имущества, субъективные права.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LEGAL CAPACITY OF INDIVIDUAL DURING BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Igor Yu. Naidich

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the legal capacity of an individual declared bankrupt. The purpose of the research is to determine the nature of the debtor's legal status in bankruptcy proceedings and to establish whether it can be qualified as limited legal capacity. The author applies an analysis of current legislation, judicial practice, and doctrinal approaches, considering the arguments of both proponents and opponents of the concept of limiting a debtor's legal capacity. The results show that, despite the statutory restrictions on the disposal of the bankruptcy estate and other actions, the debtor retains the intellectual and volitional criteria of legal capacity, as well as independent participation in procedural and certain substantive legal relations. It is concluded that a bankrupt individual cannot be recognized as having limited legal capacity in the civil law sense. The study emphasizes the theoretical and practical significance of the issue, including for the proper understanding of the mechanism of exercising the debtor's rights in insolvency and the role of the bankruptcy trustee in this process.

Keywords: Insolvency (bankruptcy) of an individual, legal capacity, limitation of legal capacity, debtor, bankruptcy trustee, debt restructuring, asset realization, subjective rights.

Funding: Independent work.

Введение.

Последствием введения в отношении гражданина процедур банкротства является ограничение его субъективных прав (п. 5 ст. 213.11, ст. 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Распространённой является позиция, согласно которой эти последствия свидетельствуют об ограничении дееспособности гражданина.

В частности, эта идея была выражена в работах В.Ф. Попондопуло [18, с. 65], В.А. Запорощенко [4, с. 9–13], С.Б. Полич [17, с. 37–39].

© Найдич И.Ю.

О фактическом ограничении дееспособности несостоятельного должника указывалось в недавнем диссертационном исследовании В.И. Михайловой [7, с. 44].

В русской дореволюционной литературе введение процедур банкротства рассматривалось в качестве основания для ограничения дееспособности гражданина К. Д. Кавелиным [5, с. 10].

Существует и противоположная точка зрения, в соответствии с которой введение процедур банкротства не влияет на объем дееспособности лица.

Эту точку зрения можно встретить в работах Т.П. Шишмаревой [25, с. 44], К.Б. Кораева [6, с. 65–69].

Ранее этот взгляд был выражен в трудах Г.Ф. Шершеневича [24, с. 231], Е.А. Нефедьева [9, с. 80].

Целью настоящего исследования является определение характера правового положения должника в процедурах банкротства и установление возможности квалифицировать его как ограниченно дееспособного. Разрешение этого вопроса имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Теоретическое значение состоит в возможности на этом основании характеризовать механизм реализации прав должника, роль финансового управляющего в этом процессе.

Практическое значение данного вопроса позволяет определить возможность применения к конкурсным правоотношениям по аналогии норм об ограничении дееспособности, содержащихся в Гражданском Кодексе Российской Федерации.

Обсуждение.

Гражданский кодекс Российской Федерации разграничивает юридические процедуры признания гражданина несостоятельным (ст. 25 ГК РФ) и ограничения дееспособности гражданина (ст. 30 ГК РФ).

В некоторых случаях, кодексом предусматриваются аналогичные последствия этих процедур, в частности для случаев прекращения договоров комиссии, агентского договора, договора доверительного управления имуществом, договора простого товарищества (абз. 4,5 ст. 1002 ГК РФ, абз. 3, 4 ст. 1010 ГК РФ, абз. 4 п. 1 ст. 1024 ГК РФ, абз. 2–3 п. 1 ст. 1050 ГК РФ). Однако указание ограничения дееспособности и банкротства в качестве самостоятельных оснований для прекращения договоров также подчеркивает отличие этих процедур друг от друга. То есть, положения действующего законодательства не позволяют утверждать об ограничении дееспособности несостоятельного должника. Речь идет о двух различных процедурах, предусматривающих различные по своему содержанию последствия.

При этом Законом о банкротстве установлены

правовые последствия введения процедур банкротства, в результате которых должник не имеет возможности самостоятельно приобретать и осуществлять некоторые субъективные права. Например, в случае введения процедуры реструктуризации долгов, должник не вправе без согласия, финансового управляющего совершать сделки по приобретению и отчуждению имущества стоимостью более чем пятьдесят тысяч рублей. В случае введения процедуры реализации имущества финансовый управляющий распоряжается средствами гражданина на банковских счетах и осуществляет права участника юридического лица.

Из двух посылок «В соответствии с п. 1 ст. 21 ГК РФ дееспособность определяется как «способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их» а также «гражданин теряет возможность своими действиями (без согласия, финансового управляющего) осуществлять определенные права, например право распоряжения своим имуществом» в доктрине делается вывод, согласно которому объем дееспособности гражданина фактически ограничивается.

В судебной практике по вопросу о об объеме дееспособности банкрота также отсутствует определенность. В отдельных судебных решениях подчеркивается, что введение процедур банкротства в отношении гражданина не влияет на объем его право- или дееспособности. В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 31.01.2023 № Ф05-18197/2020 по делу № А40-261097/2019 указано: «Признание гражданина банкротом ограничивает лишь виды деятельности, которые может осуществлять гражданин, но не лишает его правоспособности или дееспособности, равно как и возможности самостоятельно участвовать в рассмотрении дела в суде, в том числе и через представителей» [20]. В Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.12.2022 № Ф04-6689/ 2022 по делу № А27-14984/2021 содержится следующая правовая позиция: «В свою очередь, должник при возбуждении в отношении гражданина дела о банкротстве, равно как и при введении процедур реструктуризации долгов либо реализации имущества, не теряет право либо дееспособности (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2021 № 36-П), следовательно, несостоятельный гражданин, не имеющий специальных знаний, не лишен права заключения от своего имени договора на оказание ему юридических услуг, связанных с защитой прав и законных интересов в процедуре банкротства» [19].

Однако существуют судебные акты с противоположными выводами. Рассматривая вопрос о возможности предоставления финансовому управляющему копий документов, на основании которых совершались регистрационные действия с транспортными средствами должника, судебная

коллегия по экономическим спорам Верховного суда РФ указала на следующее: «Дополнительным аргументом может служить и то, что при банкротстве физического лица его гражданская дееспособность в определенном смысле ограничивается, в частности, он не вправе распоряжаться имуществом, подлежащим включению в конкурсную массу (в реструктуризации – без согласия управляющего либо утвержденного плана, в реализации – в принципе; статьи 213.9, 213.11, 213.25 Закона о банкротстве). В таких условиях финансовый управляющий фактически становится законным представителем физического лица, а потому управляющему могут быть предоставлены документы и сведения в объеме, по крайней мере, не меньшем, чем тот, который вправе запросить гражданин лично» [12]. В п. 6 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) рассмотрена возможность перехода из процедуры реализации имущества гражданина в процедуру реструктуризации его долгов. Отказывая в удовлетворении соответствующего заявления, суд апелляционной инстанции указал, что «гражданин уже признан банкротом, то есть для него наступил комплекс последствий, связанных с ограничением дееспособности, на что указано в статьях 213.25 и 213.30 Закона о банкротстве. Законом о банкротстве для физических лиц не предусмотрена возможность перехода из ликвидационной процедуры в реабилитационную процедуру» [10]. Указанное толкование опровергнуто в правовой позиции из Обзора судебной практики, однако без опровержения посылки об отсутствии дееспособности несостоятельного банкрота.

Из представленных правовых позиций следует, что сторонниками теории ограничения дееспособности несостоятельного гражданина указывается на схожий характер вводимых запретов при ограничении дееспособности и несостоятельности.

Противники теории ограничения дееспособности гражданина указывают на возможность самостоятельного заключения должником отдельных договоров, не связанных с распоряжением имуществом, а также на сохранение полной процессуальной дееспособности.

Рассматривая эти две противоположные позиции, стоит сделать несколько существенных уточнений, которые будут необходимы для последующих выводов.

Во-первых, для процедуры реструктуризации долгов и реализации имущества предусмотрены различные модели ограничения прав должника. В случае введения в отношении гражданина процедуры реструктуризации долгов, целый ряд сделок он может совершать лишь с письменного согласия финансового управляющего (п. 5 ст. 213.11 Закона о банкротстве). В случае введения процедуры реализации имущества все права в отношении имущества, составляющего конкурсную

массу, в том числе на распоряжение им, осуществляются только финансовым управляющим от имени гражданина и не могут осуществляться гражданином лично (п. 5 ст. 213.25 Закона о банкротстве). То есть, правовое положение гражданина, в отношении которого введена процедура реализации имущества более напоминает правовое положение абсолютно недееспособного лица, чем ограниченно дееспособного.

Во-вторых, ничтожными, согласно абз. 3 п. 5 ст. 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», могут являться лишь сделки гражданина в отношении имущества, составляющего конкурсную массу. Тем имуществом, которое в конкурсную массу не входит, должник вправе распоряжаться свободно, что также подтверждается и судебной практикой [14].

В отличие от ограниченно дееспособных граждан, которые могут без согласия попечителя совершать лишь мелкие бытовые сделки, исключенным из конкурсной массы имуществом может, в силу ст. 446 ГПК РФ, являться и более ценное имущество, как, например, единственное жилье, транспортное средство, животные и т.п. В некоторых случаях, иммунитет от взыскания распространяется на денежные средства, полученные от их продажи [8]. То есть, возможность самостоятельного совершения сделок ставится в зависимость не только от состояния лица, но и от предмета сделки. В случае же, если предмет сделки в конкурсную массу не входит, то возможность должника самостоятельно совершать сделки не ограничивается.

В связи с этим замечанием, можно также отметить, что в отличие от процедуры ограничения дееспособности, последствием которой является ограничение самостоятельной возможности совершать любые сделки, кроме прямо установленных в законе (модель «запрещено всё, кроме установленного в законе»), в случае введения процедур банкротства ограничиваются права на совершение лишь определенных в законе сделок (модель «разрешено всё, кроме установленного в законе»).

В-третьих, подобные ограничения возможности совершения ряда сделок предусмотрены не только в отношении граждан, в отношении которых введены процедуры банкротства. Арест имущества (то есть, ограничение его распоряжением) может быть наложен судебным приставом в целях исполнения исполнительного документа. В последующем, судебный пристав-исполнитель реализует имущество, однако, право собственности на имущество и денежные средства от его продажи судебному приставу-исполнителю не переходит.

Денежные средства, вырученные от реализации имущества должника и оставшиеся после возмещения расходов по исполнению, возвращаются должнику (ч. 7 ст. 107 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). То есть, судеб-

ный пристав-исполнитель при продаже имущества действует от имени должника.

Ограничения деятельности по участию в управлении организацией, занятии предпринимательской деятельностью, приобретении ценных бумаг предусмотрено для государственных служащих (ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). Имеющиеся у государственного служащего ценные бумаги, в определенных случаях, он обязан передать в доверительное управление и не может осуществлять права управления по ним самостоятельно (ст. 12.3 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»).

То есть, последовательное применение теории ограничения дееспособности несостоятельного должника должно приводить также к выводу об ином объеме дееспособности государственного служащего или любого другого должника, в отношении которого применены меры принудительного исполнения.

В-четвертых, универсальный характер категории дееспособности предопределяет самые различные по своему содержанию последствия её ограничения, в том числе неимущественные. Ограниченное в дееспособности лицо не может являться свидетелем или рукоприкладчиком при составлении завещания (п. 2 ст. 1124 ГК РФ), судьей (ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»), нотариусом (ст. 2 Основ законодательства РФ о нотариате), адвокатом (ст. 9 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), членом избирательной комиссии (ст. 29 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), организатором публичного мероприятия (ст. 5 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»), донором крови (ст. 12 ФЗ «О донорстве крови и её компонентов») и т.д.

Если верно утверждение, что несостоятельный должник ограничивается в дееспособности, то необходимо сделать вывод о распространении всех вышеперечисленных ограничений на несостоятельного должника. В противном случае, утверждая об ограничении дееспособности банкрота, мы имеем в виду некоторую другую дееспособность, отличную от той, которая используется в гражданском законодательстве.

В связи с этим, стоит отметить, что в советской цивилистической литературе весьма известной считалась точка зрения М.М. Агаркова о дееспособности, как понятии динамическом. М.М. Агарков писал следующее: «Неправильно представлять себе правоспособность статически и думать, что в любой момент лицо может оказаться субъектом любого гражданского правоотношения. Обладание полной гражданской правоспособностью ... обозначает возможность иметь любые основанные на законе права и обязанности. Но это не означает, например, что каждый может в данный

момент сделаться собственником определенной вещи. Для этого надо, чтобы тот, кто является собственником в данный момент, предложил продать ему вещь или, наоборот, чтобы собственнику было сделано предложение, и он ответил бы согласием.

Таким образом, правоспособность должна быть понята динамически. Гражданская правоспособность для каждого данного лица в каждый определенный момент времени означает возможность иметь конкретные права и обязанности в зависимости от его взаимоотношений с другими лицами» [1, с. 71–72].

Такое понимание правоспособности позволило бы разрешить выявленные выше противоречия. У одного и того же лица может быть правоспособность в отношении одного субъективного права и отсутствовать правоспособность в отношении другого субъективного права. Следовательно, дееспособность может также пониматься динамически. Лицо может обладать дееспособностью в реализации одного конкретного субъективного права (например, правом распоряжения имуществом, не составляющим конкурсную массу) и, в то же время, не обладать дееспособностью в отношении другого субъективного права (правом распоряжения конкурсной массой).

Однако в действующих нормативных правовых актах Российской Федерации категории правоспособности и дееспособности понимаются статически как общая основа для возникновения и осуществления субъективных прав. Как писал С.Н. Братусь, оспаривая теорию динамической правоспособности М.М. Агаркова: «Правоспособность – та общая основа, без которой невозможны конкретные правомочия. Отдельные же проявления конкретного субъективного права (например, права собственности) входят в его содержание, их реализация является предпосылкой для возникновения другого субъективного права. Однако это обстоятельство не может служить основанием для отделения охарактеризованных выше проявлений конкретного субъективного права (например, права распоряжения вещью как проявления права собственности) от самого субъективного права (т.е. права собственности на вещь)» [2, с. 13].

Такой взгляд на категорию правоспособности обосновывает провозглашенный в советском законодательстве и перешедший в современную правовую систему принцип обладания правоспособностью всеми гражданами.

Что касается дееспособности как категории производной от правоспособности, то она также рассматривается как общая основа для самостоятельного приобретения и осуществления всех субъективных гражданских прав. В отличие от субъективных гражданских прав, которых может быть множество у одного лица, дееспособность может быть лишь одна. Иное понимание дееспособности приводит к смешению этого понятия с понятием «субъективное право».

Таким образом, анализ действующего законодательства показывает, что простое отождествление ограничения возможности осуществления определенных прав с ограничением дееспособности приводит к выводу об ограничении дееспособности любого другого должника в исполнительном производстве или государственном служащего. Это влечет за собой многочисленные последствия, в том числе в области неимущественных отношений (невозможности занятия должностей нотариуса, судьи, члена избирательной комиссии), что делает весьма затруднительным положение широкого круга лиц. Указанные противоречия свидетельствуют о необходимости поиска в доктрине тех свойств категории дееспособности, которые придают ей большое значение далеко за пределами гражданского права.

Важное значение при характеристике дееспособности имеют её критерии; то есть, те основания, наличие которых связывается законодателем с её установлением в отношении лица.

Я.Р. Веберс рассматривал наличие у граждан необходимых умственных способностей, способности понимать значение своих действий и руководить ими в качестве психологической предпосылки дееспособности гражданина [3, с. 124].

В современных диссертационных исследованиях выделяются и исследуются во взаимосвязи возрастной, интеллектуальной, волевой, медицинский критерии дееспособности. В частности, О.Б. Орлова отмечает: «В отличие от правоспособности, дееспособность зависит от определенных индивидуальных качеств человека – возраста и состояния душевного здоровья, ибо эти факторы характеризуют определенный уровень интеллекта, воли, жизненного опыта. Для самостоятельного участия в гражданских правоотношениях (например, для заключения договоров) человек должен понимать значение своих действий, осознавать их (интеллектуальный критерий), руководить ими (волевой критерий), нести самостоятельную ответственность (быть деликтоспособным) либо не участвовать в гражданских правоотношениях и признаваться недееспособным вследствие психического расстройства (медицинский критерий)» [15, с. 4].

А.В. Остапенко приходит к выводу, согласно которому «волевой критерий, наряду с возрастным, должен являться основным при характеристике дееспособности физических лиц, в отличие от медицинского критерия, который характеризует не дееспособность как таковую, а состояния, служащие предпосылкой для ее умаления» [16, с. 9].

Отсутствие волевого или интеллектуального критерия действующее законодательство рассматривает в качестве необходимой предпосылки для лишения дееспособности (ст. 30 ГК РФ, п. 18, 19 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [21]). Иными словами, недостаточно для ограничения

дееспособности лица установления факта постановки своей семьи в тяжелое материальное положение; необходимо, чтобы это было обусловлено подавляющим волю лица влечением или психическим заболеванием.

Наличие интеллектуального и волевого критерия дееспособности обуславливает наличие множества неимущественных последствий при ограничении дееспособности гражданина. Предполагается, что ограниченный в дееспособности гражданин не способен в полной степени осознавать и руководить своими действиями, а, следовательно, занятие им ответственных должностей вроде нотариуса, судьи, члена избирательной комиссии и т.п. может повлечь негативные общественные последствия.

Подавляющие волю зависимости вроде лудомании или алкоголизма могут являться причиной банкротства гражданина, но в значительном количестве случаев банкротство является следствием иных причин: потери работы, роста цен, убыточной предпринимательской деятельности и т.п. Должник в большинстве случаев сохраняет возможность осознавать свои действия и руководить ими.

Таким образом, при банкротстве гражданина сохраняются волевой и интеллектуальный критерии, отсутствие которых является необходимой предпосылкой для лишения дееспособности граждан. Следовательно, должник не нуждается в установлении попечителя, который оказывает подопечным содействие в осуществлении ими своих прав и исполнении обязанностей.

Назначаемый судом финансовый управляющий действует не только в интересах должника, но также его кредиторов и общества (п. 4 ст. 20.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

О более сложном правовом положении должника по сравнению с ограниченно дееспособным гражданином свидетельствует также анализ отдельных правоотношений, возникающих в связи с введением процедур банкротства. В связи с юридическим фактом несостоятельности (банкротства) организации или гражданина возникает множество различных правоотношений с участием должника. Эти правоотношения могут являться материальными и процессуальными. Среди материальных правоотношений можно выделить имущественные, неимущественные, организационные правоотношения [23]. Элементом содержания любого правоотношения является наличие у его участников субъективных прав и обязанностей.

Анализ правоотношений с участием гражданина при его банкротстве позволяет установить, что во многих из них должник является самостоятельным участником, отдельным от фигуры финансового управляющего. А в некоторых правоотношениях его права или обязанности противопоставляются правам и обязанностям финансового управляющего.

Примером таких имущественных правоотношений являются правоотношения, связанные с обеспечением должника необходимым уровнем достойного существования в форме выплаты прожиточного минимума. В указанных правоотношениях у финансового управляющего есть обязанность по передаче должнику из поступающей на его заблокированный банковский счет заработной платы денежных средств в размере прожиточного минимума, а у должника есть субъективное право требовать такой передачи [22]. В случае нарушения субъективного права должника, у него возникает имущественное требование к конкурсной массе, которой управляет финансовый управляющий.

Однако при самостоятельном получении должником заработной платы в обход банковского счета, которым управляет финансовый управляющий, обязанность по передаче денежных средств в конкурсную массу возникает у должника, за вычетом суммы прожиточного минимума. В этом случае уже финансовый управляющий имеет право направить должнику требование о передаче денежных средств [11].

Таких правоотношений, в которых должник является самостоятельным субъектом, действующим без посредничества, финансового управляющего, возникает множество. Они могут являться имущественными (исполнение должником обязанности по передаче имущества финансовому управляющему, право требовать сохранности переданного имущества), неимущественными (обязанность финансового управляющего отвечать на поступающие от должника обращения и соответствующее ему право обращения [13]), организационными (право должника участвовать в собрании кредиторов). Во всех этих случаях должник реализует свои субъективные права самостоятельно. В случае нарушения субъективных прав, он вправе обратиться в суд за защитой своего нарушенного права и для этого обладает полной гражданской процессуальной дееспособностью.

Должник также самостоятельно участвует в правоотношениях, противоположной стороной которых являются конкурсные кредиторы. К примеру, должник вправе разработать и предложить собранию кредиторов план реструктуризации долгов (п. 1 ст. 213.12 Закона о банкротстве). В некоторых случаях, он вправе требовать утверждения такого плана судом без согласия кредиторов (п. 4 ст. 213.17 Закона о банкротстве). В этих правоотношениях должник в связи с заинтересованностью в улучшении своего финансового положения, самостоятельно реализует свои субъективные права.

Предоставление должнику специальных субъективных прав в процедурах банкротства, которые он вправе осуществлять самостоятельно, обусловлено наличием у него законных интересов в восстановлении собственной платежеспособности на любом этапе процедур несостоятельности,

сохранения достойного уровня существования. Возвращаясь к случаю, рассмотренному в п. 6 Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025 [10], суждения об ограниченной дееспособности должника могут привести к выводу о невозможности для гражданина, признанного банкротом, требовать перехода к процедуре реструктуризации долгов, что существенным образом затрагивает его интерес в восстановлении собственной платежеспособности.

Результаты.

В действующем законодательстве дееспособность понимается статически как общая способность к самостоятельному приобретению прав и обязанностей, их осуществлению и исполнению, предпосылкой возникновения которой является наличие у лица возможности в полной степени осознавать и руководить своими действиями. Если исходить из заложенного в законодательстве понимания дееспособности, то гражданин при введении в отношении него процедур банкротства не может считаться недееспособным или ограниченно дееспособным.

Одновременно с ограничением возможности осуществления отдельных субъективных прав, должник наделяется множеством других специальных субъективных прав в процедурах банкротства, которые он осуществляет самостоятельно своей волей. Выводы об ограничении дееспособности должника не могут быть применимы в отношении таких прав.

Заключение.

Проведённое исследование показало, что признание гражданина банкротом не влечёт его признания ограниченно дееспособным в гражданско-правовом смысле. Несмотря на установленные законом ограничения, касающиеся распоряжения конкурсной массой и отдельных сделок, должник сохраняет интеллектуальный и волевой критерии дееспособности, а также самостоятельное участие в ряде материальных и процессуальных правоотношений. Полученные результаты имеют значительное теоретическое значение, позволяя уточнить содержание категории дееспособности и её соотношение с процедурами несостоятельности, а также практическое значение – для правильного понимания роли финансового управляющего в механизме реализации прав должника.

Дальнейшие исследования в данной области целесообразно направить на более глубокое изучение особенностей участия должника в отдельных видах конкурсных правоотношений, а также на анализ зарубежного опыта правового регулирования дееспособности в условиях банкротства. Это позволит выработать более сбалансированные подходы к законодательному регулированию, обеспечивающему как интересы кредиторов, так и сохранение правового статуса должника.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.
Литература:	
1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. 192 с. 2. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. 368 с. EDN: RFXYAZ 3. Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига : Зинатне, 1976. 231 с. 4. Запорощенко В.А. К вопросу о дееспособности гражданина-должника в рамках дела о банкротстве // Российский судья. 2019. № 9. С. 9–13. EDN: XDLFMX 5. Кавелин К.Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству : опыт систематического обозрения. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. XXXI, 410, XV. 6. Кораев К.Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства) : монография. М. : Проспект, 2024. 320 с. ISBN: 978-5-392-40396-7 EDN: PMLYIS 7. Михайлова В.И. Обеспечительный механизм реализации прав и законных интересов должника в процессе несостоятельности (банкротства) : дис. ... на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Михайлова Валерия Игоревна, 2024. 261 с. EDN: HNOCRX 8. Найдич И.Ю. Иммунитет денежных средств, полученных от реализации исключенного из конкурсной массы имущества // Современное право. 2025. № 7. С. 67–71. DOI: 10.25799/NI.2025.88.30.014 EDN: NXKUAQ 9. Нефедьев Е.А. Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс: Из лекций заслуж. орд. проф. Моск. ун-та Е.А. Нефедьева. 2-е изд. М. : О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1909. - 110 с. 10. «Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». 11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2022 № 308-ЭС21-23129 по делу № А53-36504/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.10.2025). 12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2023 № 308-ЭС23-15786 по делу № А63-14622/2022. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.10.2025). 13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.12.2024 № 305-ЭС22-16959(4) по делу № А40-225516/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.10.2025). 14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2025 № 305-ЭС24-18797 по делу № А41-78725/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.10.2025). 15. Орлова О.Б. Дееспособность физических лиц в российском гражданском праве: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. ... на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Орлова Ольга Борисовна. Москва, 2009. 201 с. EDN: QENMAP 16. Остапенко А.В. Дееспособность граждан как гражданско-правовая категория : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. ... на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Остапенко Алексей Викторович. Волгоград, 2011. 187 с. EDN: QFHQBJ 17. Полич С.Б. Ограничение дееспособности гражданина-банкрота // Проблемы права. 2020. № 4(78). С. 37–39. DOI: 10.14529/pro-prava200405 EDN: MZWWFN 18. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование : научно-практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект. 2024. 432 с. ISBN: 978-5-392-41988-3 EDN: VTUJUF 19. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.12.2022 № Ф04-6689/2022 по делу № А27-14984/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.10.2025). 20. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.01.2023 № Ф05-18197/2020 по делу № А40-261097/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2025). 21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета,	

- № 140, 30.06.2015.
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Российская газета, № 1, 09.01.2019.
23. Солодилов, А.В. Правоотношения по современному российскому конкурсному праву (некоторые теоретические аспекты) (часть 1) / А.В. Солодилов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2021. № 2. С. 90–111. DOI: 10.46279/ASMO.2021.60.65.001 EDN: LKWLLF
24. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права : в 4 т. Т. 4: Торговый процесс. Конкурсный процесс. М. : Издательство Юрайт, 2024. 453 с.
25. Шишмарева Т.П. Осуществление прав учредителей (участников) юридического лица в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 3. С. 42–47. EDN: NDUGFH

References:

1. Agarkov M.M. Obligation under Soviet civil law. M. : Law Publishing House of the NKU of the USSR, 1940. 192 p.
2. Bratus S.N. Subjects of civil law. M. : State Publishing House of Law. lit., 1950. 368 p. EDN: RFXYAZ
3. Webers Ya.R. The legal personality of citizens in Soviet civil and family law. Riga : Zinatne, 1976. 231 p.
4. Zamoroshchenko V.A. On the issue of the legal capacity of a debtor citizen in the framework of a bankruptcy case // Russian judge. 2019. № 9. P. 9–13. EDN: XDLFMX
5. Kavelin K.D. Rights and obligations on property and obligations in application to Russian legislation: the experience of a systematic review. SPb. : M. M. Stasyulevich Printing House, 1879. XXXI, 410, XV.
6. Koraev K.B. Insolvency: A new institution of legal regulation of financial recovery and insolvency (bankruptcy) : monograph. M. : Prospekt, 2024. 320 p. ISBN: 978-5-392-40396-7 EDN: PMLYIS
7. Mikhailova V.I. The security mechanism for the realization of the rights and legitimate interests of the debtor in the process of insolvency (bankruptcy) : dissertation for the degree of Candidate of Law / Mikhailova Valeria Igorevna, 2024. 261 p. EDN: HNOCRX
8. Naidich I.Y. Immunity of funds received from the sale of property excluded from the bankruptcy estate // Modern law. 2025. № 7. P. 67–71. DOI: 10.25799/NI.2025.88.30.014 EDN: NXKUAQ
9. Nefediev, E. A. Commercial legal proceedings. The competitive process: From the lectures of the Distinguished Ord. Prof. Moscow time. University of E.A. Nefedieva. 2nd ed. M. : On mutual Assistance of Law Students Moscow. University, 1909, 110 p.
10. «Review of judicial practice in cases of bankruptcy of citizens» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 06/18/2025) // Access from the SPS «ConsultantPlus».
11. Ruling of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.03.2022 № 308-ES21-23129 in case № A53-36504/2021 // Access from the SPS «ConsultantPlus» (date of application 01.10.2025).
12. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 26, 2023 № 308-ES23-15786 in case № A63-14622/2022 // Access from the SPC ConsultantPlus (date of application 10/01/2025).
13. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 11, 2024 № 305-ES22-16959(4) in case № A40-225516/2021 // Access from the SPS Consultant-Plus (date of application 01.10.2025).
14. Ruling of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11.03.2025 № 305-ES24-18797 in case № A41-78725/2023 // Access from the SPS ConsultantPlus (date of application 01.10.2025).
15. Orlova O.B. Legal capacity of individuals in Russian civil law : specialty 12.00.03 «Civil law; business law; family law; private international law» : dis. ... for the degree of Candidate of Law / Orlova Olga Borisovna. M., 2009. 201 p. EDN: QEHPAP
16. Ostapenko A.V. Legal capacity of citizens as a civil law category : specialty 12.00.03 «Civil law; business law; family law; private international law» : dis. ... for the degree of Candidate of Law / Ostapenko Alexey Viktorovich. Volgograd, 2011. 187 p. EDN: QFHQB
17. Polich S.B. Limitation of the legal capacity of a bankrupt citizen // Problems of law. 2020. № 4(78). P. 37–39. DOI: 10.14529/pro-prava200405 EDN: MZWWFN
18. Popondopulo V.F. Bankruptcy. Legal regulation : a scientific and practical guide. 2nd ed., revised and add. M. : Prospekt. 2024. 432 p. ISBN: 978-5-392-41988-3 EDN: VTUJF
19. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 12.12.2022 № F04-6689/2022 in case № A27-14984/2021 // Access from the SPC «ConsultantPlus» (date of application 01.10.2025).
20. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 31.01.2023 № F05-18197/2020 in case № A40-261097/2019 // Access from the SPS «ConsultantPlus» (date of application 01.10.2025).
21. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 № 25 «On the application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta, № 140, 30.06.2015.
22. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/25/2018 № 48 «On some

- issues related to the specifics of formation and distribution bankruptcy estate in bankruptcy cases of citizens» // Rossiyskaya Gazeta, № 1, 09.01.2019.
23. Solodilov A.V. Legal relations in modern Russian competition law (some theoretical aspects) (Part 1) // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2021. № 2. P. 90–111. DOI: 10.46279/ASMO.2021.60.65.001 EDN: LKWLLF
24. Shershenevich G.F. Course of commercial law. In 4 volumes. Vol. 4. The trading process. The competitive process. M. : Yurait Publishing House, 2024. 453 p.
25. Shishmareva T.P. Exercising the rights of founders (participants) of a legal entity in insolvency (bankruptcy) procedures // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2011. № 3. P. 42–47. EDN: NDUGFH

Информация об авторе

Найдич Игорь Юрьевич

аспирант кафедры правового регулирования
экономической деятельности
юридического факультета,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
ORCID: 0009-0005-4807-3393
249361@edu.fa.ru

Igor Yu. Naidich

Postgraduate Student
at the Department of Legal Regulation
of Economic Activity, Faculty of Law,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
ORCID: 0009-0005-4807-3393
249361@edu.fa.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-33>

УДК 343.357

Attribution

cc by

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЛУЖЕБНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В СФЕРЕ ГОЗ

Насибулин А.Д.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Аннотация. Статья посвящена анализу уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение служебных преступлений в сфере государственного оборонного заказа. В статье исследуются вопросы, касающиеся регламентации ответственности за служебные преступления в сфере государственного оборонного заказа сквозь призму недостатков присущих составам, предусмотренным ст. 201.1, 201.2, 201.3, 285.4, 285.5 и 285.6 УК РФ. Анализируются подходы законодателя к дифференциации уголовной ответственности за совершение служебных преступлений в сфере государственного оборонного заказа. Предлагаются возможные изменения в действующую редакцию глав 23 и 30 УК РФ, которые по мнению автора, будут способствовать улучшению эффективности действия норм о служебных преступлениях в сфере ГОЗ. Выносится на обсуждение вопрос об обоснованности осуществления дальнейшей дифференциации ответственности за совершение служебных преступлений в сфере государственного оборонного заказа.

Ключевые слова: уголовное право, Уголовный кодекс Российской Федерации, дифференциация уголовной ответственности, должностные преступления, преступления против интересов службы, государственный оборонный заказ.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ON THE DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY FOR OFFICIAL CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF STATE DEFENSE

Andrey D. Nasibulin

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov

Abstract. The article is devoted to the analysis of criminal law norms providing for criminal liability for committing service crimes in the field of state defense order. The article examines the issues related to the regulation of liability for service crimes in the field of state defense order through the prism of the shortcomings inherent in the elements provided for in Articles 201.1, 201.2, 201.3, 285.4, 285.5, and 285.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes the legislator's approach to the differentiation of criminal liability for committing official crimes in the field of state defense order. The author proposes possible amendments to the current version of Chapters 23 and 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, which, in the author's opinion, will contribute to improving the effectiveness of the norms on official crimes in the field of state defense order. The article raises the question of the validity of further differentiation of liability for committing official crimes in the field of state defense order.

Keywords: criminal law, Criminal Code of the Russian Federation, differentiation of criminal liability, official crimes, crimes against the interests of service, state defense order.

Funding: Independent work.

Введение.

В современных политических условиях, когда лидеры стран коллективного Запада ежедневно соревнуются друг с другом в количестве публичных враждебных высказываний в адрес нашего госу-

дарства, а новостные сводки с линии фронта Специальной военной операции ВС РФ уже давно стали нормальным явлением хозяйственной жизни общества, защита установленного законом порядка деятельности аппаратов частной и публичной служб по выполнению государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ) по праву можно

признать одной из основных задач государства. Посягательства на указанные общественные отношения затрагивают частные и публичные интересы не только в данной сфере, но и в сфере деятельности государства и общества по обеспечению обороны и безопасности РФ, а в некоторых случаях еще и в сфере отношений собственности в рамках ГОЗ, финансовой дисциплины в рамках ГОЗ.

Вместе с тем, действие новых составов преступлений, предусмотренных ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ, призванных усилить уголовно-правовую защиту присущих им объектов, к сожалению, как показывает практика, на текущий момент сводится лишь к превентивному действию закона. При этом отметим, что практику применения других служебных составов в сфере ГОЗ, предусмотренных ст. 201.1, 285.4, тоже нельзя назвать богатой.

Основная причина обозначенной нами проблемы кроется в трудностях, испытываемых правоохранительными органами при применении, как новых служебных норм в сфере ГОЗ (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ), так и служебных норм в сфере ГОЗ появившихся ранее (ст. 201.1, 285.4).

В свою очередь, источником (первопричиной) указанных трудностей прежде всего являются недостатки законодательной техники присущие выше-названным составам, о которых ранее неоднократно высказывались такие авторы, как А.В. Иванчин, Н.А. Лопашенко, П.С. Яни, И.О. Ткачев, Н.А. Егорова, А.Г. Егоров, В.А. Коновалов, И.А. Любый.

Среди недостатков законодательной техники отмеченными учеными обращалось внимание на:

- «рассогласованность законодательства в сфере ГОЗ с призванными обеспечивать их правовую охрану положениями УК РФ» [13, с. 45; 5, с. 46–47], а также «положениями КоАП РФ» [8, с. 251];
- «сомнительную корректность определения основного объекта посягательства и сложность установления содержания признаков, закрепленных в диспозициях» [1, с. 12–16];
- «пробельность законодательства в сфере ГОЗ» [3, с. 446–447];
- «искусственно созданную конкуренцию уголовно-правовых норм» [6, с. 127].

Вместе с тем, отметим, что недостатки, указанные выше-названными авторами, авторитет которых не вызывает ни капли сомнения, на наш взгляд, могут усугубляться, помимо прочего, еще и просчетами законодателя в дифференциации уголовной ответственности, допущенными при конструировании норм, предусматривающих ответственность за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ.

С учетом изложенного, в рамках данной статьи мы поставили перед собой задачу рассмотреть вопросы, касающиеся регламентации ответственности за преступления, предусмотренные ст. 201.1, 201.2, 201.3, 285.4, 285.5 и 285.6 УК РФ, а также наметить возможные пути к улучшению эффективности действия норм о служебных преступлениях в сфере ГОЗ.

Обсуждение.

Переходя к непосредственной теме нашего исследования, следует отметить, что, несмотря на распространенность в УК РФ инструментов (норм, институтов), присущих механизму дифференциации уголовной ответственности, в уголовном законодательстве до сих пор отсутствует легальное определение данного термина. Вместе с тем, вопросы и проблемы дифференциации уголовной ответственности, в силу своей значимости и существенного влияния на правоприменительную деятельность, являются предметом многочисленных научных исследований в области уголовного права.

Более того, значительная часть юристов-исследователей, к числу которых относимся и мы, рассматривают «дифференциацию уголовной ответственности в качестве одного из методов уголовно-правовой политики» [10, с. 14–15].

Данный вывод находит свое подтверждение и в постановлении Конституционного Суда РФ от 24.05.2021 № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко». Так, согласно абз. 7 п. 2 выше-названного постановления, при криминализации деяний необходимо учитывать типовую оценку их общественной опасности. В случае, если отдельные признаки преступления указывают на существенное изменение характера и степени общественной опасности по сравнению с типовой оценкой, требуется проведение дифференциации уголовной ответственности в соответствии с принципом справедливости. Однако такая дифференциация должна осуществляться правоприменителем при условии обязательного соблюдения принципов равенства и правовой определенности.

Действительно, как степень, так и характер общественной опасности преступных деяний не являются постоянно установленной константой, в связи с чем, «пересмотр диспозиций и санкций уголовно-правовых норм, а также изменение подхода к дифференциации уголовной ответственности являются вполне закономерными событиями и при должной научной обоснованности приносят лишь пользу» [4, с. 272].

В рамках Особенной части УК РФ, как правило, выделяют такие основные способы дифференциации ответственности, как:

- введение законодателем в рамках одной статьи квалифицированных составов, предусматривающих более строгое наказание;

— введение законодателем в рамках отдельных (самостоятельных) статей, привилегированных составов преступлений, устанавливающих менее строгое наказание;

— введение законодателем специальных составов преступлений, за совершение которых, как правило, предусмотрено более строгое наказание; и, наконец, введение законодателем смежных составов преступлений, за совершение которых предусмотрены различные по строгости наказания в зависимости от дифференцирующего признака.

С учетом изложенного отметим, что составы, предусмотренные ст. 201 и 285 УК РФ, обеспечивают охрану установленного законом порядка деятельности аппаратов частной и публичной служб вне зависимости от какой-либо конкретной сферы. В свою очередь, ст. 201.1 и 285.4 обеспечивают охрану установленного законом порядка деятельности аппаратов частной и публичной служб исключительно в сфере ГОЗ, при этом санкции ст. 201.1 и 285.4 УК РФ по сравнению с ст. 201 и 285 УК РФ значительно выше. Учитывая, что наказание представляет собой основную форму реализации уголовной ответственности, а ее дифференциация прежде всего осуществляется посредством установления различных санкций за совершение деяний, различающихся по уровню общественной опасности, то указанное различие в санкциях свидетельствует о том, что в злоупотреблениях по службе при выполнении ГОЗ законодатель усматривает существенное увеличение характера и степени общественной опасности по сравнению с злоупотреблениями по службе в любой другой сфере.

Таким образом, очевидно, что целью включения законодателем ст. 201.1 и 285.4 УК РФ с дополнительным признаком объективной стороны (совершение при выполнении ГОЗ) являлась дифференциация ответственности за совершение злоупотреблений по службе в сфере ГОЗ, в связи с увеличением важности указанных общественных отношений, и, как следствие, возникновением необходимости усиления их уголовно-правовой охраны. При этом, в соответствии с примененным законодателем способом дифференциации ответственности, очевидно, что ст. 201 и 285 УК РФ занимают место общих составов по злоупотреблению служебными полномочиями, а ст. 201.1 и 285.4 позиционируются не иначе, как специальные составы по злоупотреблению служебными полномочиями при выполнении ГОЗ.

Вывод о наличии между ст. 201, 285 УК РФ и ст. 201.1 и 285.4 УК РФ отношений общих и специальных норм помимо идентичных составов с учетом дополнительного признака: совершения злоупотреблений при выполнении ГОЗ, усиливающего общественную опасность деяния, а также соответственного различия санкций, подтверждает и то, что ст. 201.1 и 285.4 не криминализуют какие-либо новые деяния. Ведь, использование

соответствующим субъектом своих полномочий вопреки служебным интересам, да еще и с корыстным мотивом, если оно повлекло причинение существенного вреда либо существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства при выполнении ГОЗ признавалось преступным и до включения ст. 201.1 и 285.4 УК РФ и квалифицировалось ранее по ст. 201, 285 УК РФ.

Таким образом включение в УК РФ ст. 201.1 и 285.4 УК РФ не являлось признанием новых деяний в качестве преступных, а являлось дифференциацией ответственности за их совершение с «перспективой пенализации» [9, с. 96].

Однако, как показывает практика применения вышеуказанных норм, попытку дифференциации ответственности, предпринятую законодателем в уже далеком 2017 году с целью ужесточить ответственность за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ, назвать успешной можно лишь с рядом оговорок.

Во-первых, практика применения за период, прошедший с включения ст. 201.1 и 285.4 УК РФ в декабре 2017 года, согласно данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, показала, что, по сравнению с практикой применения общих составов доля применения специальных составов, ничтожно мала.

Во-вторых, правоприменение ст. 201.1 и 285.4 УК РФ осложнено рядом недостатков законодательной техники, отмеченными нами ранее во введении.

С учетом цели нашего исследования, останавливаться подробно на всех недостатках законодательной техники ст. 201.1 и 285.4 УК РФ, мы не планируем. Отметим лишь, что дифференциация ответственности, осуществленная законодателем посредством включения ст. 201.1 и 285.4 УК РФ, тоже не осталась без вопросов. Например, до сих пор не ясно почему законодатель ограничился выделением в отдельную статью только злоупотреблений при выполнении ГОЗ и «пренебрег введением аналогичных изменений для превышения служебных полномочий и халатности» [7, с. 458]? И это при том, что, несмотря на значительное ужесточение санкций за совершение злоупотреблений по службе в сфере ГОЗ, действия лиц, проявивших халатность или превысивших свои должностные полномочия в данной сфере, квалифицируются по ст. 286 и 293 УК РФ. На наш взгляд, еще при конструировании специальных норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение злоупотреблений в сфере ГОЗ законодателю, следовало предусмотреть распространение их действия и на иные виды служебных преступлений. Необходимость такого распространения обуславливалась целью недопущения перепада уровня общественной опасности, выраженного в необоснованном различии санкций за совершение других видов служебных преступлений в сфере ГОЗ (при одинако-

вой типовой оценке) вследствие пробелов, допущенных при дифференциации ответственности.

Возникший перепад в ответственности, очевидно, нарушил принцип справедливости и принцип равенства. Однако в сентябре 2022 года, под гнетом усиливающегося давления стран коллективного Запада, а также с целью безусловного выполнения задач Специальной военной операции ВС РФ, законодателем была предпринята вторая попытка дифференциации ответственности за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ, посредством включения новых составов, предусмотренных ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ. На сей раз, главы 23 и 30 УК РФ были дополнены четырьмя новыми составами, направленными на обеспечение охраны установленного законом порядка деятельности аппаратов частной и публичной служб на этапах заключения и исполнения государственных контрактов (контрактов) по ГОЗ. При этом новые нормы, как и ст. 201.1 и 285.4, согласно задумке авторов, обеспечили охрану установленного законом порядка деятельности аппаратов частной и публичной служб исключительно в сфере ГОЗ, но не на всех этапах его исполнения, а лишь на некоторых.

На фоне изложенного довольно странным выглядит то, что санкции ст. 201.2, 201.3, 285.5 и 285.6 УК РФ не последовали примеру своих предшественников и по сравнению со ст. 201.1 и ст. 285.4 УК РФ не выросли, а остались идентичными. Обратим внимание на то, что иные составы ст. 201 и 285 УК РФ (со значками прим) законодатель, все же, отличает по размеру общественной опасности, например деяния, предусмотренные ст. 285.1 и 285.2, в соответствии с примененным законодателем способом дифференциации ответственности, следует рассматривать в качестве привилегированных составов преступлений, устанавливающих менее строгое наказание за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов по сравнению с общими составами по злоупотреблению служебными полномочиями.

На первый взгляд, сходство в санкциях ст. 201.1 и ст. 285.4 УК РФ и ст. 201.2, ст. 201.3, ст. 285.5 и ст. 285.6 УК РФ свидетельствует о том, что в нарушении, допущенных при заключении либо исполнении государственных контрактов (контрактов) по ГОЗ, законодатель усматривает одинаковый характер и степень общественной опасности по сравнению с злоупотреблениями по службе при выполнении ГОЗ в целом. Однако последовательность расположения статей со значками прим косвенно указывает нам на то, что деяния, предусмотренные новыми нормами, также являются специальными по отношению к общим составам злоупотребления полномочиями (ст. 201 и 285 УК РФ) и, в свою очередь, к составам злоупотребления полномочиями при выполнении ГОЗ (201.1 и 285.4 УК РФ). Более того, следует согласиться с мнением И.О. Ткачева, который отметил, что «ст. 201.1 и ч. 2 ст. 201.2, ст. 285.4 и ч. 2 ст. 285.5 УК РФ находятся в

отношении конкуренции общей и специальной норм как по признаку деяния, так и по признаку последствий» [12, с. 90].

Тогда, для чего потребовалось включение новых составов? Ответ на поставленный вопрос, на наш взгляд, кроется в том, что злоупотребления полномочиями, предусмотренные ст. 201.1 и 285.4, имеют такие дополнительные признаки, как цель и мотив (элементы субъективной стороны), выражающиеся в извлечении выгод и преимуществ для себя или других лиц либо в корыстной или иной личной заинтересованности. При этом, применяя буквальное толкование, указанные признаки в составах, предусмотренных ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ отсутствуют, но зато они имеют свои собственные дифференцирующие признаки. Например, признак повторности деяния (элемент объективной стороны), присущий ч. 1 ст. 201.2, ст. 201.3, ч. 1 ст. 285.5, ст. 285.6.

Таким образом, различие дифференцирующих признаков, присущих новым служебным нормам в сфере ГОЗ, привело к тому, что законодатель установил в них одинаковую ответственность относительно норм, ранее включенных в УК РФ.

Иными словами, проводя дифференциацию ответственности за служебные преступления в сфере ГОЗ, законодатель пришел к одинаковой оценке характера и степени общественной опасности ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ по сравнению с типовой оценкой ст. 201.1 и 285.4. Если допустить, что данный вывод законодателя, с точки зрения дифференциации ответственности, возможно признать справедливым по отношению к санкциям составов, которые все же являются смежными (ст. 201.1, ч. 1 ст. 201.2, ст. 201.3 и ст. 285.4, ч. 1 ст. 285.5, ст. 285.6 УК РФ), то составы, находящиеся в отношении общих и специальных норм и имеющие при этом одинаковые санкции (ст. 201.1 и ч. 2 ст. 201.2, ст. 285.4 и ч. 2 ст. 285.5 УК РФ), очевидно, нарушают принципы справедливости, равенства и правовой определенности.

Из этого следует, что ч. 2 ст. 201.2 и ч. 2 ст. 285.5 УК РФ включать в УК РФ, при условии оставления ч. 2 ст. 201.1 и ч. 2 ст. 285.4 УК РФ в прежней редакции, не было совершенно никакого смысла. Хотя, чему удивляться, если даже «главы 23 и 30 УК РФ, выделенные изначально с целью дифференциации ответственности за должностные преступления и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, на сегодняшний день во многом уравнины между собой и несут в себе сопоставимый характер и степень общественной опасности» [2, с. 4].

Результаты.

Причина возникшей пертурбации, вероятнее всего, кроется в попытке исправить промахи, допущенные законодателем во время первой попытки дифференциации ответственности при конструировании составов, предусмотренных

ст. 201.1 и 285.4, которые породили несправедливый перевес между ответственностью за совершение злоупотреблений по службе при выполнении ГОЗ и превышениями служебных полномочий при выполнении ГОЗ, халатностью при выполнении ГОЗ. Однако законодателем, на наш взгляд, был выбран не самый оптимальный из вариантов для установления уголовной ответственности за подобные деяния. Вместо установления ответственности за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ в рамках единой нормы, в соответствующих главах УК РФ без привязки к форме и виду деяния, как это было сделано со ст. 287 УК РФ, законодателем были построены «надстройки» к ранее введенным специальным нормам, имеющим ряд отмеченных нами недостатков юридической техники, что, в свою очередь, привело лишь к усложнению квалификации и, как следствие, к снижению эффективности уголовно-правовой охраны отношений в сфере служебных преступлений при исполнении ГОЗ.

Возможным решением указанной проблемы, по нашему мнению, является фундаментальный пересмотр дифференциации ответственности за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ посредством конструирования новой самостоятельной нормы в каждой из глав УК РФ о служебных преступлениях (главы 23 и 30 УК РФ), состоящей из двух частей.

В первой части соответствующих норм следовало бы расположить состав, описанный в ч. 1 ст. 201.1, 285.4, исключив из него указание на вид служебного преступления. При этом квалифицированный состав из ч. 2 ст. 201.1, 285.4 можно было бы переместить во вторую часть новых норм без каких-либо изменений. В качестве привилегированной нормы со значком прим следовало бы расположить состав с административной преюдицией, описывающий деяния, выраженные в нарушениях, допущенных при заключении либо исполнении государственных контрактов (контрактов) по ГОЗ.

Иными словами, указанная привилегированная норма должна предусматривать переработанные ч. 1 ст. 201.2, 201.3 УК РФ (в главе 23) и ч. 1 ст. 285.5, 285.6 УК РФ (в главе 30) в объединенные составы соответствующих глав. При этом уровень общественной опасности таких составов должен быть снижен до соответствия категории преступления средней тяжести, с целью согласованности (соразмерного увеличения по признаку повторности) такого уровня с уровнем общественного вреда правонарушений, предусмотренных ч. 2, 3, 5, 6 и 7 ст. 7.30.3 КоАП РФ.

Отдельного внимания заслуживают идеи о дальнейшем развитии и продолжении дифференциации ответственности за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ посредством «включения в ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ квалифицированных составов за повторное совершение соответствующих деяний лицом, имеющим судимость» [11, с. 53–54]. Данный тезис действи-

тельно находит свое подтверждение и в постановлении Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой». Так, согласно абз. 1 п. 6 вышеназванного постановления, ст. 116.1 УК РФ, как норма с административной преюдицией, в редакции, действующей на момент вынесения постановления, не обеспечивала соразмерную уголовно-правовую защиту и ставила лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию.

Однако на наш взгляд, продолжать дифференциацию ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 201.1, 201.2, 201.3, 285.4, 285.5 и 285.6 УК РФ, и вводить в ст. 201.2, 201.3, 285.5 и 285.6 УК РФ квалифицированные составы за нарушение условий государственных контрактов (контрактов) по ГОЗ либо отказ от их заключения лицом, имеющим судимость за служебное преступление, совершенное в сфере ГОЗ, нецелесообразно. Безусловно, данная идея имеет право на существование, обоснована и мотивирована поддерживающими ее авторами.

Однако, на наш взгляд, прежде всего стоит исходить из необходимости такой дифференциации ответственности в ключе распространенности подобных деяний и в целом возможности их совершения. К примеру, насколько возможно, чтобы генеральный директор (либо иной сотрудник, соответствующий критериям примечаний к ст. 201 и 285 УК РФ) предприятия оборонно-промышленного комплекса имел судимость и продолжал оставаться на своей должности с учетом санкций рассматриваемых нами статей, предусматривающих, в том числе лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью? Более того, подавляющее большинство предприятий оборонно-промышленного комплекса работают со сведениями, относящимися к государственной тайне. Сотрудники, особенно те, которые занимают руководящие должности для того, чтобы приступить к работе, обязаны оформить допуск к государственной тайне в порядке, определенном Законом РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне». При этом лицу, имеющему судимость, возможность получить такой допуск весьма призрачна.

Таким образом, по нашему мнению, такая ситуация, если не невозможна совсем, то уж точно не многократно, особенно с учетом того, что даже нормы с административной преюдицией за период, прошедший с их включения в УК РФ в сентябре 2022 года, согласно данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, не были применены ни разу.

Заключение.

В итоге нашего исследования подчеркнём, что все изменения, касающиеся сферы ГОЗ и вносимые в главы 23 и 30 УК РФ, являются точечными, разрозненными, не согласованными между собой. Попытки законодателя дифференцировать уголовную ответственность при конструировании норм, предусматривающих ответственность за совершение служебных преступлений в сфере ГОЗ характеризуются отсутствием системности в законотворческой деятельности, что сказывается на качестве как отдельных уголовно-правовых

норм, так и на уголовно-правовой охране служебной деятельности в сфере ГОЗ в целом.

В целях улучшения эффективности охраны служебной деятельности в сфере ГОЗ необходимо фундаментально пересмотреть дифференциацию ответственности в отношении ст. 201.1, 201.2, 201.3, 285.4, 285.5 и 285.6 УК РФ, а в дальнейшем – формировать и последовательно реализовывать единую уголовно-правовую политику.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

- Егорова Н.А. Новые составы преступлений против интересов службы, связанные с государственным оборонным заказом (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 Уголовного Кодекса Российской Федерации) / Н.А. Егорова, А.Г. Егоров // Волгоградская академия МВД России. 2023. № 2(65). С. 9–19. DOI: 10.25724/VAMVD.A110 EDN: WEZRJT
- Иванчин А.В. Служебные преступления : учеб. пособие / А.В. Иванчин, М.Н. Каплин. Ярославль, 2018. 120 с.
- Иванчин А.В. Проблемы толкования новых норм о преступлениях, совершаемых в сфере государственного оборонного заказа / Иванчин, А.Д. Насибулин // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина. Краснодар, 2024. 724 с. EDN: JKVQZC
- Карабанова Е.Н. Проблемы системной пенализации (на примере дифференциации уголовной ответственности за преступления с многообъектным составом) // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 271–282. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).271-282 EDN: ZZPMGD
- Коновалов В.А. Новеллы уголовной ответственности за нарушение условий контрактных обязательств в сфере государственного оборонного заказа // Законность. 2023. № 1. С. 45–47. EDN: EPFNUV
- Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex russica. 2023. Т. 76. № 4. С. 115–135. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.115-135 EDN: BJPGBV
- Любый И.А. Ответственность за злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа: компаративный аспект // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 4. С. 456–460. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-4-456-460 EDN: YRJDET
- Попов Н.С. Новые составы преступлений в сфере государственного оборонного заказа: проблемы уголовно-правовой характеристики и практического применения // Закон и право. 2025. № 4. С. 248–251. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-4-248-251 EDN: SFNGAD
- Расторопов С.В. Общетеоретические и прикладные аспекты пенализации на современном этапе / С.В. Расторопов, Н.А. Горшков // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 4(69). С. 94–97. EDN: SPILOR
- Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 596 с. EDN: ZPOSCP
- Сенцов А.С. Проблемы дифференциации ответственности за преступления с административной преюдицией (на примере нормы, предусмотренной статьей 201.3 Уголовного кодекса Российской Федерации) / А.С. Сенцов, В.А. Волколупова, В.Г. Волколупов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4(67). С. 50–55. DOI: 10.25724/VAMVD.A191 EDN: HDTRVP
- Ткачев И.О. Проблемы квалификации преступлений в сфере государственного оборонного заказа // КриминалистЪ. 2025. № 2(51). С. 87–93. EDN: ZHUGEU
- Яни П.С. Проблемы квалификации преступлений в сфере гособоронзаказа // Законность. 2023. № 9. С. 44–49. EDN: QDSZVP

References:

- Egorova N.A. New types of crimes against the interests of the service related to the state defense order (Articles

- 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 of the Criminal Code of the Russian Federation) / N.A. Egorova, A.G. Egorov // Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2(65). P. 9–19. DOI: 10.25724/VAMVD.A110 EDN: WEZRJT
2. Ivanchin A.V. Official crimes : textbook / A.V. Ivanchin, M.N. Kaplin. Yaroslavl, 2018. 120 p.
 3. Ivanchin A.V. Problems of interpretation of new norms on crimes committed in the sphere of the state defense order / A.V. Ivanchin, A.D. Nasibulin // Institutional foundations of the criminal law of the Russian Federation: on the 70th anniversary of Professor V.P. Konyakhin. Krasnodar, 2024. 724 p. EDN: JKVQZC
 4. Karabanova E.N. Problems of systemic penalization (on the example of differentiation of criminal responsibility for crimes with a multi-object composition) // All-Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13. № 2. P. 271–282. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).271-282 EDN: ZZPMGD
 5. Kononov V.A. Novelties of criminal liability for violation of contractual obligations in the field of the state defense order // Legality. 2023. № 1. P. 45–47. EDN: EPFNUV
 6. Lopashenko N.A. The main results of the reform of criminal legislation in 2022: an analytical review // Lex russica. 2023. Vol. 76. № 4. P. 115–135. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.115-135 EDN: BJPGBV
 7. Lyuby I.A. Responsibility for abuse of authority in the implementation of the state defense order: a comparative aspect // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2018. Vol. 15. № 4. P. 456–460. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-4-456-460 EDN: YRJDET
 8. Popov N.S. New types of crimes in the sphere of the state defense order: problems of criminal law characteristics and practical application // Law and Law. 2025. № 4. P. 248–251. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-4-248-251 EDN: SFNGAD
 9. Rastoropov S.V. General theoretical and applied aspects of penalization at the present stage / S.V. Rastoropov, N.A. Gorshkov // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2023. № 4(69). P. 94–97. EDN: SPILOR
 10. Rogova E.V. The doctrine of differentiation of criminal responsibility : abstract of the dis. ... Dr. Jurid. nauk. M., 2014. 596 p. EDN: ZPOSCP
 11. Sentsov A.S. Problems of differentiation of responsibility for crimes with administrative prejudice (on the example of the norm provided for in Article 201.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) / A.S. Sentsov, V.A. Volkolupova, V.G. Volkolupov // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4(67). P. 50–55. DOI: 10.25724/VAMVD.A191 EDN: HDTRVP
 12. Tkachev I.O. Problems of crime qualification in the field of state defense order // Criminalist. 2025. № 2(51). P. 87–93. EDN: ZHUGEU
 13. Yani P.S. Problems of qualification of crimes in the sphere of state defense order // Legality. 2023. № 9. P. 44–49. EDN: QDSZVP

Информация об авторе

Насибулин Андрей Дамирович

аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
ассистент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова
ORCID: 0009-0000-5044-5903
nasibulin99@yandex.ru

Andrey D. Nasibulin

Postgraduate Student of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Assistant of the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Yaroslavl State University
named after P.G. Demidov
ORCID: 0009-0000-5044-5903
nasibulin99@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-15>

УДК 342.7

Attribution

cc by

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ ЭКСТРАОРДИНАРНОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА

Наумова Н.В., Беляев Д.С.

*Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем, связанных с реализацией конституционных гарантий активного и пассивного избирательных прав российских граждан при введении на определенной территории экстраординарного (специального) административно-правового режима (САПР). Исходя из анализа российского законодательства и работ специалистов в сфере конституционного и административного права, авторы выявляют систему проблем, связанных с реализацией избирательных прав в экстраординарных условиях. Основываясь на опыте временного ограничения избирательных прав, авторами рассматриваются возможности применения современных избирательных технологий с целью обеспечения безопасности электората на территории действия временных САПР. В частности, в работе указывается на перспективы применения дистанционного электронного голосования в условиях невозможности обеспечить безопасность избирательных участков, а также для временно покинувших свои регионы граждан.

Ключевые слова: гарантии прав человека и гражданина, избирательные права, режим чрезвычайного положения, режим военного положения, режим контртеррористической операции, чрезвычайная ситуация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROBLEMS OF IMPLEMENTING BASIC-VOTING RIGHTS IN THE CONTEXT OF AN EXTRAORDINARY ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIME

Natalya V. Naumova, Danil S. Belyaev

*Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of problems related to the implementation of constitutional guarantees of active and passive electoral rights of Russian citizens in the event of the introduction of an extraordinary (special) administrative and legal regime in a certain territory. Based on the analysis of Russian legislation and the works of specialists in the field of constitutional and administrative law, the authors identify a system of problems related to the implementation of electoral rights in emergency conditions. Based on the experience of temporary restrictions on electoral rights, the authors consider the possibilities of using modern electoral technologies to ensure the safety of the electorate in the territory of temporary emergency regimes. In particular, the paper highlights the potential for using remote electronic voting in cases where it is impossible to ensure the safety of polling stations, as well as for citizens who have temporarily left their regions.

Keywords: guarantees of human and civil rights, electoral rights, state of emergency, state of war, and counter-terrorism operations, emergency.

Funding: Independent work.

Введение.

Избирательные права в конституционном законодательстве Российской Федерации понимаются как инструмент обеспечения основополагающих принципов демократии, народовластия и правового государства. Выборы позволяют гражданам

участвовать в управлении государством как непосредственно (избираться в органы государственной власти), так и через своих избранных представителей – депутатов местных и региональных парламентов, депутатов Государственной Думы, Президента, глав регионов (как назначаемых в

результаты прямых выборов, так и, косвенно, избираемых представительным органом власти субъекта) и т.д.

Основные избирательные права приводятся в статье 32 Конституции Российской Федерации: активное (право избирать) и пассивное (право быть избранным) [1]. Без этих двух прав невозможна организация какого-либо демократического процесса.

Фактические же рамки категории «избирательные права» намного шире. Они включают права и свободы, связанные с участием в деятельности по подготовке и проведению выборов (выдвижение и регистрация кандидатов, предвыборная агитация, общественное наблюдение, работа избирательных комиссий), а также иные конституционные гарантии, тесно связанные с институтом выборов (свобода мысли и слова (п. 1. ст. 29 Конституции), свобода массовой информации и запрет цензуры (п. 5. ст. 29), свобода общественных объединений (п. 1 ст. 30), право на мирные собрания, митинги, демонстрации (ст. 31) и пр.) [6, с. 193–194].

В настоящей статье мы акцентируем внимание на пассивном и активном правах, тогда как остальные избирательные права представляют интерес с точки зрения анализа конкретных механизмов ограничения государством свободы выборов в экстраординарных условиях.

Сама суть ограничения прав и свобод человека в интересах социума проистекает из развития концепции «естественного права» в XVII и XVIII веках и закрепления на международном уровне идеи правовых государств в XX веке.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. допускает ограничение прав и свобод в установленных законом случаях с целью соблюдения общественного порядка, общего благосостояния, морали и соблюдения прав и свобод других людей. Согласно с данным принципом, сегодня существует большинство национальных правовых систем мира. В п. 3 ст. 55 российской Конституции в качестве оснований для ограничения прав и свобод указаны следующие цели: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1]. Обратим внимание на то, что ограничение прав и свобод допускается только соответствующим федеральным законом и никак иначе. На практике механизмы ограничения прав и свобод можно разделить на специальные (например, в отношении признанных недееспособными или находящихся в местах лишения свободы по приговору суда) и всеобщие, носящие неизбирательный характер и реализуемые в рамках, рассматриваемых нами экстраординарных административно-правовых режимов [3, с. 191].

Таким образом, государство имеет законную возможность применять инструменты всеобщего неизбирательного ограничения прав и свобод, как

на конкретной территории, так и по всей стране, в тех случаях, когда объективные обстоятельства создают весомую угрозу для общества или государственных институтов. Это порождает две основные проблемы: необходимость обеспечивать права и свободы в условиях существующих угроз, а также возможное нарушение принципов народовластия под прикрытием объективно существующей опасности.

Мы рассмотрим имеющиеся в российском законодательстве и избирательной практике механизмы преодоления данных проблем в экстраординарных ситуациях.

Обсуждение.

Единая трактовка экстраординарных режимов в законе отсутствует, но существует вполне определенная система нормативных правовых актов, регулирующих объективно схожие общественные и управленческие отношения. Основываясь на научной литературе, экстраординарные (также специальные, особые, сокращенно – САПР) административно-правовые режимы в общем смысле можно охарактеризовать как совокупность императивных норм, регулирующих определенную группу общественных отношений в сфере государственного управления [7, с. 73–74], вступающих в силу при невозможности обеспечить безопасность, правопорядок и функционирование системы управления стандартными средствами административно-правового регулирования.

Как отмечает профессор МосУ МВД России, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации С.М. Зырянов, экстраординарные режимы являются проявлением «спящего» законодательства, которое вступает в действие лишь при возникновении предусмотренных законом ситуаций, выходящих за пределы нормального состояния [5, с. 75–77]. Меры САПР включают предоставление органам власти и местного самоуправления особых полномочий, введение дополнительных запретов или обязанностей, ограничение части конституционных прав и свобод физических и юридических лиц [11, с. 204–205].

Следует отметить, что САПР могут носить не только временный, но и постоянный характер. К постоянным экстраординарным режимам относятся пограничный режим, режим секретности, режим особых экономических зон, ЗАТО и др.

Существуют научные трактовки, более точно отражающие многоуровневость САПР. Так, основываясь на позиции профессора С.М. Зырянова, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации В.Н. Бутылина и других правоведов, экстраординарные режимы можно рассматривать как частное проявление специальных (особых) режимов [5, с. 80]. Исходя из данного подхода, для экстраординарных режимов, вводимых при

возникновении и до устранения чрезвычайных ситуаций или их последствий, всегда будет характерна «временность». Для выявления неопределенностей, связанных с временным неизбирательным ограничением основных избирательных прав и свобод, следует проанализировать, как федеральное законодательство работает в условиях природных и техногенных чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС), чрезвычайного положения, боевых действий и угрозы терроризма.

Результаты.

Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» устанавливает 2 вида экстраординарных режимов: режим повышенной готовности (вводимый с целью предотвращения или минимизации угрозы возникновения ЧС) и режим чрезвычайной ситуации (для ликвидации последствий ЧС). При введении данных режимов на определенной территории назначенное или планируемое голосование может быть отложено решением вышестоящей избирательной комиссии (избирком субъекта, ЦИК) [2].

На практике, кратковременный режим повышенной готовности может вводиться и непосредственно для обеспечения безопасности выборов. Существует также обширный опыт проведения голосования в условиях ЧС, таких как наводнения, обильные осадки, тайфуны. Примечательно, что вводимые в таких ситуациях меры безопасности, например, досрочное голосование, иногда приводят к превышению средних значений явки избирателей [4, с. 154].

Вводимый указом Президента Российской Федерации режим чрезвычайного положения, предусматривает запрет на проведение выборов и референдумов, а также продление полномочий выборных органов публичной власти на весь период действия ЧП (Ст. 14 ФКЗ «О чрезвычайном положении»). Данный вид САПР вводится при наиболее критических обстоятельствах, представляющих прямую угрозу безопасности граждан и конституционному строю Российской Федерации.

Военное положение регулируется соответствующим Федеральным конституционным законом и вводится в случае агрессии (либо угрозы агрессии) против государства. До 2023 г. проведение выборов в условиях военного положения было запрещено по аналогии с режимом ЧП. В текущей редакции статьи 10.1 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» проведение выборов или референдума устанавливается в результате рассмотрения Центризбиркомом предложения высшего должностного лица субъекта федерации с введенным военным положением. Решение о возможности назначения или проведения назначенных выборов (проведения референдума) является результатом консультации ЦИК, главы субъек-

екта, Минобороны и ФСБ. Основанием для отклонения предложения главы субъекта является консультативная оценка угрозы жизни и здоровью граждан, которую может представлять подготовка или проведение демократического процесса [2]. Инициатива проведения референдума (как и его назначение) по-прежнему не допускается при военном положении и в течение 3 месяцев после его отмены.

На данный момент времени военное положение введено в 4 регионах Российской Федерации: ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях. Данные регионы имеют опыт проведения референдума 23–27 сентября 2022 г. (в Херсонской и Запорожской областях – еще в период управления военно-гражданскими администрациями), выборов в региональные органы законодательной власти, выборов в федеральные органы власти (в т.ч. Президентских, с крайне высокой явкой). В частности, в период проведения первых региональных выборов августа-сентября 2023 г., с целью обеспечения безопасности граждан был предпринят комплекс мер, включающий:

1. Разделение процесса на 2 этапа: досрочное голосование и основной период.
2. Использование мобильных групп избирательных комиссий в прифронтовых районах.
3. Голосование на придомовых территориях.
4. Экстерриториальные избирательные комиссии в других субъектах страны для граждан, временно покинувших свои регионы. [13].

Данные меры позволили обеспечить в новых регионах проведение выборов при высокой явке (от 65 до 76 %) и минимизировать угрозу жизни и здоровью граждан. С другой стороны, использование мобильных групп и массовое голосование за пределами территориальных избирательных участков затрудняет организацию независимого общественного наблюдения. Также на 2025 г. в регионах с введенным военным положением все еще не применяется дистанционное электронное голосование (далее – ДЭГ). В период референдума 2022 г. невозможность организации ДЭГ была связана с трудностями регистрации граждан и специфическим статусом новых регионов, являвшихся до подписания договора о принятии в состав России суверенными государствами.

Сегодня существуют объективные технические ограничения, но апробация ДЭГ имеет смысл, по крайней мере, для граждан временно находящихся за пределами регионов официальной регистрации.

Правовой статус режима контртеррористической операции (далее – КТО) включает 14 пунктов ограничительных мер (согласно ст. 11 Федерального закона «О противодействии терроризму»). Законом не предусмотрено прямое ограничение избирательных прав, но такие меры, как времен-

ное отселение граждан с небезопасных территорий или локальное ограничение свободы передвижения, могут создавать препятствия избирателям. В подобных условиях становятся актуальными обозначенные выше меры по обеспечению безопасного голосования на отдельных территориях: мобильные группы избиркомов, экстерриториальные избирательные участки, дистанционное голосование.

Также с момента опубликования Указа Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 можно говорить о более определенной иерархии экстраординарных режимов, состоящей из 4 уровней реагирования. При максимальном уровне реагирования органы власти и местного самоуправления опираются на закон «О военном положении» и формируют систему территориальной обороны на основе ФЗ «Об обороне». Средний уровень предполагает введение ряда ограничительных мер для граничащих с зоной проведения СВО регионов (Крым, Белгородская область, Курская область и т.д.). Это, например, введение особого режима работы объектов коммуникации, возможность временного отселения местных жителей в безопасные районы, ограничение свободы передвижения. Данные меры косвенно затрагивают и гарантии избирательных прав, в частности, для отселенных граждан. Уровень повышенной и уровень базовой готовности действуют по всей остальной территории страны, вводя дополнительные меры безопасности на основе законодательства о чрезвычайных ситуациях [10]. Как можно заметить, вертикаль уровней коррелирует и со степенью ограничения конституционных прав и свобод: от косвенных препятствий до возможности переноса выборов при военном положении. Наличие внутренних и внешних угроз в последние годы заметно стимулирует развитие конституционного и административного законодательства в данном направлении.

Таким образом, проведение выборов и референдумов может быть отложено при введении режима повышенной готовности, чрезвычайной ситуации и военного положения. При этом существуют ограничения, не позволяющие местным властям злоупотреблять полномочиями на ограничение демократических процедур. На муниципальном уровне требуется решение избирательной комиссии субъекта, на региональном и федеральном уровнях – Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Для субъектов с военным положением необходимо консолидированное решение ЦИК России и органов исполнительной власти силового блока [2]. Можем, однако, отметить слабую вовлеченность в данный механизм органов судебной власти и правоохранительных органов (в том числе в части контроля региональных нормативных правовых актов [12, с. 106]).

Несмотря на возможность введения ограничений, Россия имеет широкую практику организации выборов в условиях САПР. Но это не отменяет естественные угрозы и препятствия, создаваемые

экстраординарными ситуациями.

К.М. Худoley справедливо замечает, что существовавший ранее запрет на проведение выборов в условиях военного положения связан, в том числе, с невозможностью гарантировать свободу и справедливость избирательного процесса [12, с. 104].

Действительно, меры военного положения (принудительное и контролируемое перемещение граждан, ограничение свободы передвижения, военная цензура и др.) создают препятствия для организации конкурентных выборов и общественного контроля нарушений. Но сегодня проведение выборов в условиях военного положения является компромиссом, необходимым для последовательного формирования легитимных органов власти в новых регионах.

Следует также с осторожностью ссылаться на практику запрета выборов в военное время во многих других государствах. Нам широко известна историческая практика использования военного положения для подавления внутренней оппозиции: в некоторых штатах США в период протестов против расовой сегрегации, в Польше в 1981, во Французской Новой Каледонии в 2024, в других странах и на территории их «заморских владений». Немотивированное ограничение основных избирательных прав неизбежно влечет утрату властью легитимности [8, с. 293–296]. Поэтому мы считаем необходимым дальнейшее совершенствование механизмов безопасного голосования для жителей территорий с введенным экстраординарным режимом и доступного голосования для перемещенных лиц.

Заключение.

У современной России есть богатый опыт организации выборов в экстраординарных условиях. Актуальная практика, особенно в новых субъектах, демонстрирует возможность проведения выборов и референдумов даже в условиях военного положения благодаря применению комплекса мер безопасности. Но разделение выборов на 2 продолжительных этапа и повсеместное голосование за пределами избирательных участков затрудняет общественный контроль и, как следствие, обеспечение прозрачности избирательного процесса.

Соблюдение конституционных избирательных прав в условиях САПР требует развития современных технологий цифровой демократии и общественного контроля, таких как дистанционное голосование, видеоконтроль избирательных участков, ГАС «Выборы».

Обеспечение избирательных прав в экстраординарных условиях требует гибкого и компромиссного подхода. Ограничения должны рассматриваться с точки зрения принципа их соразмерности объективным угрозам и рискам. Гарантией того, что экстраординарные меры не будут проявлением неконституционного ограничения прав и

свобод, является конкретное их правовое закрепление [9, с. 115–118].

Федеральное законодательство допускает достаточно широкие полномочия ЦИК России на опре-

деление сроков ограничений. Для гарантии системы сдержек и противовесов предлагаем рассмотреть возможность развития механизма обязательных консультаций ЦИК с компетентными органами различных ветвей государственной власти.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 1993. № 197 (25 декабря). С. 3–6.
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
3. Астафьева Е.В. Виды ограничений конституционных прав и свобод // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2006. № 4(12). С. 191–192. EDN: MTAUPD
4. Барганджия Д.Э. Выборы в условиях чрезвычайной ситуации: кейсы Хабаровского края и Амурской области // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. № 9(131). С. 153–158. EDN: SMUFMH
5. Зырянов С.М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. 2016. № 4(232). С. 72–81. DOI: 10.12737/18690 EDN: VTQVDT
6. Ильиных А.В. Понятие, специфика и место избирательных прав в системе основных конституционных прав и свобод // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12(240). С. 193–196. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_12_193 EDN: QMRXIT
7. Карпов О.В. Особенности функционирования специальных административно-правовых режимов в Российской Федерации и зарубежных странах / О.В. Карпов, А.А. Вьюгина, Ю.А. Никулина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 3-2. С. 73–78. DOI: 10.37882/2223-2974.2022.03-2.10 EDN: KRClAK
8. Ковалев Д.О. Ограничения избирательных прав граждан: опыт России и зарубежных стран // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 3. С. 291–299. DOI: 10.24412/1608-8794-2022-3-291-299 EDN: YXYUOY
9. Подмарев А.А. Конституционное регулирование ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайных режимов в национальных правовых системах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 3. С. 112–120. EDN: SNFJGX
10. О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756: Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7382.
11. Кутасова И.В. Специальные административно-правовые режимы. Понятие, классификация // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 204–207. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_9_204 EDN: OZZIKL
12. Худoley К.М. Законодательные новеллы о проведении выборов и референдумов в условиях введенного режима военного положения // Пермский юридический альманах. 2024. № 7. С. 100–108. EDN: FNFPIQ
13. Первые в России. Как проголосовали новые регионы // РИА Новости. URL : <https://ria.ru/20230911/vybory-1895578843.html> (дата обращения 01.10.2025).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation [adopted by popular vote on 12/12/1993: subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 № 6-FKZ, dated 12/30/2008 № 7-FKZ, dated 02/05/2014 № 2-FKZ, dated 07/21/2014 № 11-FKZ, dated 03/14/2020 № 1-FKZ] // Rossiyskaya gazeta. 1993. No. 197 (December 25). P. 3–6.

2. On basic guarantees of electoral rights and the right of citizens of the Russian Federation to participate in a referendum: Federal Law № 67-FZ of 12.06.2002 (as amended on 05/23/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 24. Art. 2253.
3. Astafieva E.V. Types of restrictions on constitutional rights and freedoms // Proceedings of the Orenburg State Agrarian University. 2006. № 4(12). P. 191–192. EDN: MTAUPD
4. Barganjiya D.E. Elections in an emergency situation: cases of the Khabarovsk Territory and the Amur region // Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Economics. Management. Right. 2014. № 9 (131). P. 153–158. EDN: SMUFMH
5. Zyryanov S.M. Extraordinary (special) administrative and legal regimes: the concept and justification of the need for introduction // Journal of Russian Law. 2016. № 4(232). P. 72–81. DOI: 10.12737/18690 EDN: VTQVDT
6. Illykh A.V. The concept, specifics and place of electoral rights in the system of fundamental constitutional rights and freedoms // Law and the state: theory and practice. 2024. № 12(240). P. 193–196. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_12_193 EDN: QMRXIT
7. Karpov O.V. Features of the functioning of special administrative and legal regimes in the Russian Federation and foreign countries / O.V. Karpov, A.A. Vyugina, Yu.A. Nikulina // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2022. № 3-2. P. 73–78. DOI: 10.37882/2223-2974.2022.03-2.10 EDN: KRCIAK
8. Kovalev D.O. Restrictions on citizens' electoral rights: the experience of Russia and foreign countries // Legal policy and legal life. 2022. № 3. P. 291–299. DOI: 10.24412/1608-8794-2022-3-291-299 EDN: YXYUOY
9. Podmarev A.A. Constitutional regulation of restrictions on human and civil rights and freedoms in conditions of emergency regimes in national legal systems // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2014. № 3. P. 112–120. EDN: SNFJGX
10. On measures implemented in the subjects of the Russian Federation in connection with Decree of the President of the Russian Federation dated October 19, 2022 № 756: Decree of the President of the Russian Federation dated October 19, 2022 № 757 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 43. Art. 7382.
11. Kutasova I.V. Special administrative and legal regimes. Concept, classification // Law and the State: theory and practice. 2024. № 9(237). P. 204–207. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_9_204 EDN: OZZIKL
12. Khudolei K.M. Legislative innovations on holding elections and referendums under martial law // Perm Law Almanac. 2024. № 7. P. 100–108. EDN: FNFPIQ
13. The first in Russia. How the new regions voted // RIA Novosti. URL : <https://ria.ru/20230911/vybory-1895578843.html> (date of application 01.10.2025).

Информация об авторе

Наумова Наталья Валерьевна

кандидат педагогических наук,
доцент,
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
юридического факультета,
Владимирский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
natalya.naumova.69@list.ru

Natalya V. Naumova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Constitutional
and Municipal Law at the Faculty of Law,
Vladimir branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
natalya.naumova.69@list.ru

Беляев Данил Сергеевич

студент факультета управления,
Владимирский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
dbelyaev33@gmail.com

Danil S. Belyaev

Student of the Faculty of Management,
Vladimir branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
dbelyaev33@gmail.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-17>

УДК 614.255.14:614.88

Attribution

cc by

О ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ И ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Осадчий Н.И.¹, Марухно В.М.², Собянин А.В.³

^{1, 2}Кубанский государственный медицинский университет,

³Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т.Трубилина

Аннотация. Оказывать помощь с угрозой для собственной жизни? Именно над этим вопросом приходится задумываться современным работникам медицины и здравоохранения. Актуальность исследования обусловлена ростом случаев насилия и противоправных действий в отношении медицинских работников и других лиц, участвующих в оказании медицинской помощи, при отсутствии достаточной законодательной защиты. Цель исследования заключается в анализе правовых механизмов защиты указанных лиц и выявлении пробелов в российском законодательстве для предложения решений. В работе использованы сравнительно-правовой, формально-юридический методы, а также анализ зарубежного опыта и судебной практики. Результаты показали отсутствие легального определения лиц, содействующих оказанию медицинской помощи, и недостаточную правовую защиту от угроз, оскорблений и препятствования профессиональной деятельности. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства с учётом зарубежных подходов и позиций судебных инстанций Российской Федерации.

Ключевые слова: медицинские работники, оказание медицинской помощи, лица, содействующие медицинской помощи, правовая защита, здравоохранение, насилие, угрозы, препятствование деятельности. международный опыт, судебная практика.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ON THE LEGAL PROTECTION OF MEDICAL WORKERS AND PERSONS ASSISTING IN THE PROVISION OF MEDICAL CARE

Nikolai I. Osadchii¹, Vasilisa M. Marukhno², Andrei V. Sobianin³

^{1, 2}Kuban State Medical University,

³Kuban State Agrarian University named After I.T. Trubilin

Abstract. To provide assistance while facing a threat to one's own life – this is the question that modern healthcare professionals increasingly have to confront. The relevance of this study stems from the growing number of cases of violence and unlawful actions against medical workers and other persons involved in the provision of medical care, amid insufficient legislative protection. The purpose of the research is to analyze the legal mechanisms for protecting such individuals and to identify gaps in Russian legislation in order to propose solutions. The study employs comparative legal, formal legal methods, as well as an analysis of foreign experience and judicial practice. The results reveal the absence of a legal definition of persons assisting in the provision of medical care and insufficient legal protection against threats, insults, and obstruction of professional activities. The paper formulates proposals for improving legislation, taking into account foreign approaches and the positions of judicial authorities of the Russian Federation.

Keywords: health workers, provision of medical care, persons assisting care, legal protection, legislation, violence, threats, obstruction of activity, international experience, judicial practice.

Funding: Independent work.

Введение.

Современная система здравоохранения сталкивается с растущим числом случаев нападений и агрессии в отношении медицинских работников и

препятствий оказаний медицинской помощи. Однако фактическая практика показывает, что противоправные действия направлены не только на врачей и медицинских сестер, но и на лиц, содей-

ствующих оказанию медицинской помощи (администраторы медицинских организаций, волонтеры, водители скорой помощи, сотрудники охраны и др.), обеспечивающих организационное, логистическое или вспомогательное сопровождение медицинского процесса. В условиях роста агрессивного поведения пациентов и их родственников, а также внешнего давления на медицинские организации, такие лица становятся уязвимой категорией, что повышает риски для безопасности всех работников здравоохранения и снижения качества предоставляемой помощи.

Законодательство Российской Федерации прямо не выделяет категорию лиц, содействующих оказанию медицинской помощи, и не содержит термин «лица, препятствующие оказанию медицинской помощи». Это создает пробелы в правовой защите и усложняет квалификацию противоправных действий в отношении этих лиц. В частности, на практике возникает сложность в установлении ответственности за действия, препятствующие деятельности медицинских организаций и создающие угрозу жизни и здоровью работников и пациентов.

В то же время, судебная практика и данные органов власти подтверждают рост числа правонарушений в отношении медицинских работников. С конца 2022 года Минздрав РФ ведет систематический мониторинг инцидентов насилия – создана специальная рабочая группа и классификатор. Так, за 2023 год зафиксировано более 1700 случаев нападений на медицинских работников в России, а за первое полугодие 2023 года – 820 случаев применения насилия [1]. Государственная Дума РФ 30 июля 2024 подтвердила число 1700+, при этом почти каждое второе дело заканчивается штрафом около 5000 руб. или устными замечаниями, уголовные обвинения – редкость [1]. Статистика по случаям насилия и нападений на лиц, не являющихся медицинскими работниками, но участвующих в оказании медицинской помощи, не ведется и ее введение не обсуждается.

Таким образом, исследование правовой защиты медицинских работников и лиц, содействующих оказанию медицинской помощи, представляется актуальным, поскольку оно позволяет выявить пробелы в законодательстве, оценить эффективность существующих норм, а также предложить рекомендации по совершенствованию механизмов защиты, обеспечивающих безопасность медицинского персонала и других участников, а также непрерывность и качество оказания медицинской помощи населению.

Цель исследования – анализ правовой защиты медицинских работников и лиц, содействующих оказанию медицинской помощи, от противоправных действий других лиц, выявление пробелов в законодательстве и правоприменительной практике с целью выработки рекомендаций по совершенствованию нормативной базы и повышению эффективности защиты участников медицинской деятельности.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования использованы нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие медицинскую деятельность, включая Конституцию РФ, Федеральный закон № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ». Кроме того, изучены судебная практика и данные Минздрава РФ по случаям насилия, угроз и препятствий в отношении медицинских работников и лиц, содействующих оказанию медицинской помощи. В качестве дополнительных источников использованы научные публикации, посвященные вопросам правовой защиты медицинских работников и квалификации противоправных действий в медицинской сфере. В работе применялись формально-юридический метод с анализом нормативных правовых актов для выявления правовых норм и пробелов в законодательстве, анализ судебной практики, сравнительно-правовой метод для сопоставления отечественного и зарубежного опыта, системный анализ для выявления проблем и закономерностей, а также обобщение и синтез для формулировки выводов и предложений по совершенствованию правовой защиты участников медицинской деятельности, системный и деятельностный подходы, юридическое моделирование.

Обсуждение. Результаты.

Конституция Российской Федерации закрепляет важнейший постулат: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2) [2]. При этом Основной закон не только закрепляет приоритет личности над государственными институтами, но и задает вектор всей правовой системы: любое регулирование должно служить сохранению жизни, здоровья и достоинства личности. Реализация этого конституционного положения происходит через многообразие социально-профессиональных ролей.

Среди всех профессиональных сфер именно здравоохранение непосредственно направлено на охрану жизни и здоровья человека.

Конституция РФ возлагает на государство обязанность обеспечить каждому право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41) [2].

Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» развивает эту норму, закрепляя принцип приоритета интересов пациента и социальную защищенность граждан в случае утраты здоровья [3].

Однако правовой режим отношений в медицине имеет особую природу. Оказание медицинской помощи напрямую связано с доверием: пациент открывает врачу конфиденциальную информацию и полагается на его квалификацию, а врач действует в условиях повышенной ответственности [4]. Наряду с этим, имеется риск конфликтных ситуаций, поскольку стресс, боль и неотложность могут превращать пациента или его окружение в источник агрессии [5]. И, наконец, перед нами предстает реальность неравномерной правовой защиты: законодательство детально описывает

права пациентов, но механизмы защиты самих медицинских работников и иных лиц, содействующих оказанию медицинской помощи, от насилия, угроз и давления остаются фрагментарными [6].

Отсюда вытекают проблемы регулирования: дисбаланс прав и обязанностей пациентов и медицинских работников, в частности врачей, отсутствие специальных гарантий для медиков и других работников здравоохранения при оказании помощи на дому и на приеме. Все эти факторы напрямую затрагивают способность государства выполнять конституционную обязанность по охране здоровья.

Таким образом, осмысление конституционного принципа «человек – высшая ценность» в контексте медицины приводит нас к необходимости совершенствовать законодательство, чтобы обеспечить должный уровень безопасности и правовой защищенности медицинских работников и иных участников оказания медицинской помощи и тем самым укрепить гарантию жизни и здоровья каждого гражданина.

Одним из ключевых проблемных аспектов правовой защиты медицинских работников и лиц, содействующих оказанию медицинской помощи, является отсутствие в российском законодательстве легального разграничения этих категорий лиц. Законодательные акты, регулирующие деятельность в медицине, содержат понятие «медицинский работник», однако, оно ограничивается лицами, непосредственно выполняющими медицинские действия, и не охватывает широкий круг участников, обеспечивающих организационное, логистическое или вспомогательное содействие процессу оказания медицинской помощи.

Федеральный закон № 323-ФЗ определяет права и обязанности медицинских работников, а также устанавливает основные принципы организации медицинской помощи. В частности, закон выделяет следующие категории участников медицинской деятельности: медицинские работники, пациенты, медицинские организации, страховые организации и органы контроля [3]. При этом категория лиц, содействующих оказанию медицинской помощи (администраторы, волонтеры, сотрудники охраны и водители скорой помощи), в ФЗ № 323 отсутствует.

Федеральным законом от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» закрепляется понятие «социальное сопровождение» как содействия гражданам в предоставлении медицинской и иной помощи, не относящейся к социальным услугам [7]. При этом к лицам, оказывающим такое содействие, относятся только организации, что не позволяет охватить других лиц, содействующих оказанию медицинской помощи.

Анализ судебной практики свидетельствует о тен-

денции к увеличению количества случаев нападения, угроз и оскорблений, грубого поведения в отношении медицинских работников и других участников оказания медицинской помощи, а также о необходимости введения определений расширенного круга участников медицинской деятельности для целей правоприменения и защиты их прав, что позволило бы более четко квалифицировать противоправные действия и разрабатывать эффективные меры профилактики и ответственности [8, 9].

В современной юридической науке указанные вопросы исследуются в разных аспектах. Ученые отмечают, что существующая правовая база в основном охватывает только непосредственных исполнителей медицинских действий с явным дисбалансом прав и обязанностей и не учитывает расширенный круг лиц, содействующих оказанию медицинской помощи, несмотря на то, что они сталкиваются с рисками угроз, насилия и препятствий [4; 5; 6; 11].

Обратимся к зарубежному опыту.

Так, в законодательстве Республики Беларусь наблюдается попытка закрепления правового статуса участников оказания медицинской помощи. В частности, в статье 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» 2435-XII от 18.06.1993 г. дается следующее определение: «работники здравоохранения – лица, занимающие в установленном законодательством Республики Беларусь порядке должности медицинских (фармацевтических) работников, а также иные лица, работающие в области здравоохранения» [10; 11]. В тексте определения усматривается неопределенный круг лиц, что может потребовать дополнительного обсуждения в рамках научной дискуссии. Однако выделение лиц, занимающихся профессиональной деятельностью в здравоохранении наравне с медицинскими работниками, на наш взгляд, формирует общий вектор закрепления и реализации правового статуса лиц, содействующих оказанию медицинской помощи.

В США термин «health care provider» охватывает широкий круг лиц, включая врачей, медицинских сестер, а также других специалистов (психологи, оптометристы), которые предоставляют медицинские услуги в соответствии с законодательством [12]. Однако в федеральном законодательстве отсутствует отдельное прямое признание лиц, содействующих оказанию медицинской помощи. Законодательство штатов, например, штата Флорида, определяет «медицинского помощника» как профессионала, оказывающего помощь во всех аспектах медицинской практики под непосредственным наблюдением врача [13]. Тем не менее, эти определения не включают широкий круг вспомогательного персонала, например, водителей скорой помощи или сотрудников охраны, о чем был внесен соответствующий проект закона [14].

Законом Индии об эпидемических заболеваниях

2020 года любое насилие в отношении медицинского персонала признается преступлением. При этом действие норм распространяется на государственных и клинических поставщиков медицинских услуг, к которым отнесены врачи, медсестры, paramediki и работники общественного здравоохранения [15].

Таким образом, состояние проблемы в современном мире подтверждает актуальность исследования и необходимость разработки рекомендаций по совершенствованию правовой защиты всех участников медицинской деятельности, включая лиц, содействующих оказанию медицинской помощи.

На основании проведенного анализа можно заключить, что современная правовая система Российской Федерации не содержит нормативного закрепления категории лиц, содействующих оказанию медицинской помощи, что создает ряд существенных правовых и практических проблем.

Во-первых, отсутствие юридического определения данных лиц приводит к неопределенности в их правовом статусе. В законах и подзаконных актах не упоминается вспомогательный персонал, обеспечивающий организационное, транспортное и техническое сопровождение медицинской деятельности. В результате, отсутствует четкое разграничение между медицинскими работниками, иными работниками здравоохранения и лицами, содействующими оказанию помощи.

Во-вторых, могут возникнуть сложности квалификации противоправных деяний, совершаемых в отношении этих лиц. Отсутствие нормативной связи между их деятельностью и оказанием медицинской помощи фактически исключает возможность разработки и применения специальных составов правонарушений. Кроме того, нормативно не закреплены гарантии безопасности и компенсации вреда, причиненного при исполнении обязанностей по содействию оказанию медицинской помощи.

Таким образом, существует комплекс правовых пробелов, требующих системного решения. Отсутствие должной фиксации правового статуса медицинских работников и лиц, содействующих оказанию медицинской помощи, в частности, возможности выступать потерпевшими, препятствует формированию эффективной системы их защиты, а также создает трудности в правоприменительной и судебной практике.

Причины того, почему проблема на сегодняшний день остается нерешенной, могут быть в следующем.

Во-первых, наблюдается дисбаланс прав и обязанностей. Российская модель здравоохранения строится на приоритете прав пациента; любые ограничения вызывают опасения «возвращения к патернализму».

Также имеется неудачный опыт законодательных

попыток. С 2016 г. вносились проекты о приравнивании врачей скорой к «представителям власти» и расширении обязанностей пациентов, но каждый раз отклонялись из-за сомнений в конституционности и рисков избыточной криминализации, возможности произвола [16; 17].

Без единого реестра тяжело обосновать масштабы угрозы; только с 2024 г. Генпрокуратура начала вести отдельный учёт, который касается только медицинских работников и не охватывает иных лиц, содействующих оказанию медицинской помощи.

Кроме того, финансовая сторона проблемы тоже имеет значение, ведь реальные меры безопасности (двойные бригады, тревожные кнопки, экипировка) требуют средств, а государственное задание не компенсирует эти затраты.

Также в литературе имеется предложение о дополнении статьи 98 Федерального закона № 323-ФЗ перечнем оснований полного освобождения медицинских организаций от гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный жизни и (или) здоровью граждан (пациентов) при оказании им медицинской помощи (медицинских услуг) [12].

Указанные решения не были реализованы, а также не учитывали возможности закрепления статуса и защиты лиц, способствующих оказанию медицинской помощи, что оставляет проблему правовой неопределенности.

Анализ существующих решений, позволяет определить ключевые пробелы, требующие проработки. Так, имеет место отсутствие защиты «на месте вызова», «в полевых условиях». Отсутствуют единые стандарты оснащения бригад скорой помощи и медиков в учреждениях средствами самозащиты (добавление норм в ГОСТы или приказы Минздрава не обсуждается). И, наконец, требует внимания необходимость превенции через медиацию: ни один из проектов не включает механизмов досудебного урегулирования «врач-пациент», «пациент-paramedik» конфликтов (к примеру, обязательная медиация при незначительных инцидентах).

Таким образом, основной вектор восполнения ключевых пробелов заключается в повышении защищенности через расширение обязанностей пациентов и легальном закреплении категории лиц, содействующих оказанию медицинской помощи. Выводится принцип балансирования интересов, согласно которому защитные нормы должны работать без ущемления конституционного права на медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ) и быть соразмерны опасности. Для усиления ответственности предлагается применение комбинации уголовных, административных и процессуальных мер, однако последнее не относится к предмету настоящей работы и открывает перспективу дальнейших исследований.

В блоке безопасности представляется возможным обязать медицинские организации устанавливать тревожные кнопки, видеорегистраторы и принимать другие технические меры. Кроме того, выявляется необходимость уточнить обязанности пациента: добавить норму об обязанности не препятствовать законной деятельности медработника и иных лиц, содействующих оказанию помощи. А чтобы защита распространялась и на указанных лиц, необходимо зафиксировать круг этих лиц законодательно.

Для более точного воздействия на рассматриваемые общественные отношения и их моделирования в законе, на наш взгляд, необходимо определение круга лица, препятствующих оказанию медицинской помощи.

С учетом зарубежного опыта, мы приступаем к юридическому моделированию по определению круга участников оказания медицинской помощи.

Для целей данного исследования целесообразно ввести следующую классификацию, отражающую различную степень участия в медицинской деятельности, а также нацеленность на разные виды результата:

- лица, участвующие в оказании медицинской помощи;
- лица, содействующие оказанию медицинской помощи;
- лица, препятствующие оказанию медицинской помощи.

Под категорией «лица, участвующие в оказании медицинской помощи» предлагается понимать широкий круг субъектов, чья деятельность направлена на обеспечение процесса оказания медицинской помощи в целом. Это не только медицинские и фармацевтические работники, но и управленческие, организационные и технические специалисты, задействованные в системе здравоохранения.

Участие в оказании помощи включает не только непосредственное медицинское вмешательство, но и организацию, координацию, обеспечение и контроль этого процесса.

Таким образом, в круг таких лиц могут входить главные врачи, заведующие отделениями, администраторы, специалисты по медицинской логистике, технические инженеры медицинского оборудования, а также лица, обеспечивающие взаимодействие между различными звеньями системы здравоохранения. Это, как правило, лица с медицинским или смежным образованием.

Исходя из вышеизложенного, отметим, в данный круг лиц входит и понятие «медицинские работники», закрепленное ФЗ № 323, т.е. лица, оказывающие медицинскую помощь.

К группе «лица, содействующие оказанию медицинской помощи» относятся субъекты, деятельность которых носит вспомогательный характер, обеспечивая функционирование инфраструктуры медицинской помощи, но не предполагая профессионального участия в диагностическом и лечебном процессе. Это – водители скорой помощи, охранники, санитары без медицинского образования, волонтеры, технический персонал, дезинфекторы, операторы связи, курьеры биологических материалов и иные лица, чьи действия создают условия для беспрепятственного оказания медицинской помощи. Их труд часто сопряжен с повышенными рисками (в частности, агрессией со стороны пациентов).

Наиболее спорной категорией, на наш взгляд, могут стать лица, препятствующие оказанию медицинской помощи. К ним предлагается относить лиц, действия или бездействие которых создают угрозу жизни и здоровью пациентов, нарушают порядок оказания медицинской помощи, либо создают помехи и препятствия исполнению обязанностей участниками и содействующими лицами. Речь идет о гражданах, в том числе о самих пациентах и их родственниках, совершающих акты насилия, угроз, оскорблений, повреждения имущества, блокировку проезда скорой помощи и другие действия.

Продолжая моделирование, мы считаем, что сделать перечни открытыми будет наиболее рациональным. При закреплении в законе исчерпывающих перечней, с одной стороны, создается риск правовой неопределенности в реальной практике, однако, с другой стороны, законодатель сможет предоставить правоприменителю возможность разрешать споры и восстанавливать нарушенные права, относя к той или иной из указанных категорий субъектов реальных отношений, руководствуясь всеми обстоятельствами конкретного дела. Мы предлагаем закрепить эти определения с открытыми перечнями в статье 2 Федерального закона № 323-ФЗ.

Таким образом, предлагаемая система понятий отражает реальную структуру социально-профессиональных взаимодействий в здравоохранении. Она позволяет комплексно рассматривать процесс оказания медицинской помощи как многоуровневую деятельность, где каждый элемент от врача до водителя скорой помощи требует адекватной правовой защиты, как и важнейшие отношения в сфере медицины и здравоохранения в целом.

Определившись с кругом участников правоотношений по поводу оказания медицинской помощи, мы предлагаем решения других обозначенных выше проблем. Так, для устранения дисбаланса прав и обязанностей пациентов, медицинских работников и других лиц, участвующих в оказании медицинской помощи, предлагается дополнить статью 27 Федерального закона № 323-ФЗ обязанностями пациента предоставлять достоверную информацию о состоянии своего здоровья и

обстоятельствах, имеющих значение для оказания медицинской помощи; уважительно относиться к медицинским работникам и лицам, содействующим оказанию медицинской помощи, не препятствовать их законной профессиональной деятельности; не совершать действий, создающих угрозу жизни и здоровью медицинского работника при исполнении им своих должностных обязанностей и других лиц, содействующих оказанию медицинской помощи. Перечень обязанностей может быть уточнен и расширен в законодательстве субъектов РФ с учетом специфики отдельных регионов.

Одним из эффективных способов уменьшения рисков угроз и насилия в отношении указанных категорий лиц и решения организационного аспекта проблемы представляется **внедрение технических систем безопасности**, таких как тревожные кнопки, системы видеонаблюдения, мобильные приложения для оповещения и другие средства дистанционного уведомления. Особое значение при этом могла бы иметь возможность **финансирования таких систем через средства обязательного медицинского страхования (ОМС)**, что может обеспечить их доступность для государственных и муниципальных медицинских организаций, а также для сотрудников, выполняющих функции содействия в оказании помощи.

Практическая значимость внедрения таких систем заключается в **снижении вероятности физического насилия и психологического давления** на работников, **ускорении реагирования служб охраны и правоохранительных органов** при угрозах и нападениях, **систематизации информации о случаях насилия, повышении мотивации персонала** и качества предоставления медицинской помощи.

Обсуждение результатов приводит нас к необходимости обозначить перспективу дальнейших исследований, в том числе для решения организационного аспекта проблем.

По результатам нашего исследования выявлена необходимость получения **достоверных количественных и качественных данных** о фактах насилия, угроз, оскорблений и препятствиях профессиональной деятельности медицинских работников и лиц, содействующих оказанию медицинской помощи. Например, через организацию **сбора статистики, анкетирование и опросы в медицинских организациях** возможен анализ обращений сотрудников, а также определение частоты и характера угроз, случаев насилия и препятствий, выявление уязвимых категорий работников.

Сравнительный региональный анализ может способствовать выявлению различий в уровне насилия и угроз в крупных городах, сельской местности, различных федеральных округах, что позволит оценить влияние организационных и социальных факторов.

Для формирования ответственности лиц, препят-

ствующих оказанию медицинской помощи, на основе предлагаемой нами модели в будущем можно будет решить вопрос о возможности привлечения их к юридической ответственности путем внесения изменений в административное и уголовное законодательство. Это открывает перспективу юридического моделирования конкретных составов правонарушений.

Заключение.

Результаты проведенного анализа показали, что современное российское законодательство, регулирующее вопросы здравоохранения, не содержит легального определения круга лиц, содействующих оказанию медицинской помощи. Федеральный закон № 323-ФЗ ограничивается указанием участников системы здравоохранения и лиц, оказывающих медицинскую помощь, не включая в этот перечень тех, чья деятельность является вспомогательной, но объективно необходимой для функционирования системы здравоохранения. Отмечается, что именно эти лица – водители санитарного транспорта, дезинфекторы, техники, сотрудники сервисных и охранных служб, а также волонтеры и административный персонал – создают условия для непрерывного и безопасного оказания медицинской помощи. Однако отсутствие закрепления правового статуса таких лиц затрудняет их правовую защиту, особенно в ситуациях угроз физического или психологического воздействия со стороны пациентов и третьих лиц.

С учетом зарубежного опыта, нам представляется целесообразным расширение нормативного поля через введение в законодательство понятий «лица, участвующие в оказании медицинской помощи», «лица, содействующие оказанию медицинской помощи», «лица, препятствующие оказанию медицинской помощи», а также выработка механизмов их правовой защиты с повышением общего уровня безопасности и устойчивости системы здравоохранения.

Также расширение круга обязанностей пациентов в дальнейшем позволит реализовать механизм привлечения лиц, которые препятствуют законной деятельности медицинских работников и содействующих лиц, к юридической ответственности, в том числе за счет устранения пробелов в квалификации правонарушений, совершаемых против данных лиц.

Во исполнение законов через постановление Правительства РФ и Приказ Минздрава РФ предлагается предписать медицинским организациям устанавливать тревожные кнопки, видеорегистраторы, проводить тренинги по деэскалации, предусмотреть финансирование через ОМС-тариф.

Для приведения правоприменительной практики по правонарушениям к единству в дальнейшем можно закрепить в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ рекомендации для судов по от-

несению участников дела к той или иной из предложенных категорий.

Таким образом, формирование четкого юридического определения и развития правового статуса медицинских работников, лиц, содействующих

оказанию медицинской помощи, и лиц, препятствующих оказанию медицинской помощи, а также расширение и уточнение обязанностей пациентов, являются необходимым условием совершенствования правового регулирования охраны здоровья в Российской Федерации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Лечат с угрозой для жизни: За полгода в РФ зафиксировано 820 нападения на врачей // Российская газета. 2023. № 248(9193).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993): в ред. от 6.10.2022 // Российская газета. 25.12.1993. № 237 (первоначальный текст).
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ: в ред. от 28.12.2024 // Российская газета. 23.11.2011. № 263.
4. Пржедецкая Н.В. Вопросы оценки удовлетворенности населения качеством медицинских услуг // Вестник РГЭУ РИНХ. 2024. № 1. С. 85–92. DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.1.85.011 EDN: LOYTKA
5. Семченко Л. Н. Правовые и психологические аспекты взаимосвязанных конфликтов врач – пациент // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 3 (27). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-psiologicheskie-aspekty-vzaimosvyazannyh-konfliktov-vrach-patsient> (дата обращения 31.10.2025).
6. Кравченко Н.В. Актуальные проблемы защиты прав медицинских работников / Н.В. Кравченко, М.И. Крюкова // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 88–97. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-2-88-97 EDN: LWXSNB
7. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»: федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ: в ред. от 26.12.2024 // Российская газета. 29.12.2013. № 295.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина...на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации...: определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2025 г. № 588-О/2025. URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27022025-n-588-o>.
9. По делу № 5-264/2025-164: постановление Мировой судьи судебного участка №164 Приморского судебного района г. Санкт-Петербурга от 19 марта 2025 г. URL : sudact.ru/magistrate/doc/m30Pjuq0JEmx
10. О здравоохранении: закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 года № 2435-XII // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. № 24. Ст. 335.
11. Басов А.Г. Правовая защита работников здравоохранения (врачей) в Российской Федерации / А.Г. Басов; Тюменская региональная общественная организация выпускников Тюменского государственного университета [и др.]; Научный ред. Н.М. Добрынин // Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень : Вектор Бук, 2018. Вып. 14. С. 138–142.
12. Coverage under the Family and Medical Leave Act. 29 C.F.R. § 825.125. Definition of Health Care Provider: Public Law № 103-3. 5.02.1993 // Statutes at Large. Vol. 107. P. 6 (1993): as amended on 27.03.2020. URL : <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/29/825.125>.
13. Florida Statutes §458.3485. Medical assistant // Florida Statutes, 2025 edition. URL : https://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&Search_String=&URL=0400-0499%2F0458%2FSections%2F0458.3485.html&utm_source=chatgpt.com
14. H.R. 2663 – Workplace Violence Prevention for Health Care and Social Service Workers Act. 118th Congress, 2023–2024. URL : <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/2663/text/ih>
15. The Epidemic Diseases (Amendment) Act: Act № 34 of 2020 // Gazette of India, Extraordinary. Part II. Section 1: as amended on 22.04.2020 – 29.09.2020. URL : <https://prsindia.org>
16. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: проект федерального закона № 1173861 7. 2023. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1173861-7>
17. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: проект федерального закона № 1173846 7. 18.05.2021. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1173846-7>

© Осадчий Н.И., Марухно В.М., Собянин А.В.

References:

1. Being treated with a threat to life: 820 attacks on doctors have been recorded in the Russian Federation for six months // Rossiyskaya gazeta. 2023. № 248(9193).
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993): as amended. dated 6.10.2022 // Rossiyskaya Gazeta. 12/25/1993. № 237 (original text).
3. On the Fundamentals of Public Health Protection in the Russian Federation: Federal Law № 323-FZ of November 21, 2011: as amended. dated 12/28/2024 // Rossiyskaya Gazeta – 11/23/2011. № 263.
4. Przhedetskaya N.V. Issues of assessing public satisfaction with the quality of medical services // Bulletin of the Russian State Economic University of Economics. 2024. № 1. P. 85–92. DOI: 10.54220/v.rgggu.1991-0533.2024.1.85.011 AUTHOR: LOITKA
5. Semchenko L.N. Legal and psychological aspects of interrelated doctor-patient conflicts // Bulletin of the Chel-yabinsk State University. Education and healthcare. 2024. № 3(27). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-psihologicheskie-aspekty-vzaimosvyazannyh-konfliktov-vrach-patsient> (date of application 31.10.2025).
6. Kravchenko N.V. Actual problems of protecting the rights of medical workers / N.V. Kravchenko, M.I. Kryukova // Bulletin of the Russian Law Academy. 2024. № 2. P. 88–97. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-2-88-97 EDITED number: LWXSNB
7. «On the Basics of Social Services for Citizens in the Russian Federation»: Federal Law № 442-FZ dated December 28, 2013: as amended. Dated 12/26/2024 // Rossiyskaya Gazeta. 29.12.2013. № 295.
8. On the refusal to accept for consideration the complaint of a citizen ... for violation of his constitutional rights by part one of Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation ...: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 27, 2025 № 588-O/2025. URL : <https://legalacts.ru/sud/opredele-nie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27022025-n-588-o>
9. In case № 5-264/2025-164: resolution of the Justice of the Peace of the judicial district № 164 of the Primorsky Judicial District of St. Petersburg dated March 19, 2025. URL : <https://sudact.ru/magistrate/doc/m30Pjuq0jEmx>
10. About health: Sunset of the Republic of Belarus dated June 18, 1993 № 2435-XII // Proceedings of the Supreme Council of the Republic of Belarus. 1993. № 24. Art. 335.
11. Basov A.G. Legal protection of healthcare workers (doctors) in the Russian Federation / A.G. Basov; Tyumen Regional Public Organization of graduates of Tyumen State University [et al.]; Scientific editor N.M. Dobrynin // Proceedings of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference. Tyumen : Vector Books, 2018. Vol. 14. P. 138–142.
12. Insurance coverage in accordance with the Law on Family Leave and Medical Care. 29 C.F.R. § 825.125. Definition of a healthcare provider: Public Law No. 103-3 of 02/5/1993 // Statutes at Large. Vol. 107. P. 6 (1993): as amended on 03/27/2020. URL : <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/29/825.125>
13. The Law of the State of Florida, §458.3485. Medical assistant // Laws of the State of Florida, revision 2025. URL : https://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&Search_String=&URL=0400-0499%2F0458%2FSections%2F0458.3485.html&utm_source=chatgpt.com
14. H.R. 2663 – Law on the Prevention of Workplace Violence among Health and Human Services Workers. 118th Congress, 2023–2024. URL : <https://www.congress.gov/bills/118th-congress/house-bill/2663/text/ih>
15. Epidemic Diseases (Amendment) Law: Law No. 34 of 2020 // Herald of India, Extraordinary. Part II. Section 1: as amended on 04/22/2020 – 09/29/2020. URL : <https://prsindia.org>
16. On amendments to the Federal Law «On the Fundamentals of Public Health protection in the Russian Federation»: draft Federal Law № 1173861.7. 2023. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1173861-7>
17. On amendments to the Federal Code of the Russian Federation: draft Federal Law № 11738467. – 05/18/2021. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1173846-7>

Информация об авторах

Осадчий Николай Иванович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Кубанский государственный
медицинский университет
Министерства здравоохранения
Российской Федерации, г. Краснодар
filosofiya@ksma.ru

Марухно Василиса Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой философии,
Кубанский государственный
медицинский университет
Министерства здравоохранения
Российской Федерации, г. Краснодар
maruhnovm@ksma.ru

Nikolai I. Osadchii

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Kuban State Medical University of the Ministry
of Healthcare of the Russian Federation, Krasnodar
filosofiya@ksma.ru

Vasilisa M. Marukhno

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy,
Kuban State Medical University of the Ministry
of Healthcare of the Russian Federation, Krasnodar
maruhnovm@ksma.ru

Собянин Андрей Викторович

студент юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар
andrey.sobuanin@gmail.com

Andrei V. Sobianin

Student of the Faculty of Law,
Kuban State Agrarian University
named After I.T. Trubilin
andrey.sobuanin@gmail.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-19>

УДК 340

Attribution

cc by

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

Симонова Е.Ю.

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация. Обзор уголовно-правовой литературы, посвященной проблеме административной преюдиции, показывает, что основное внимание специалистов сосредоточено на теоретическом аспекте, связанном с вопросами о сущности и допустимости административной преюдиции в уголовном праве, ее характеристике и месте в структуре состава преступления, и законодательном аспекте, связанном с вопросами криминализации, конструирования и улучшения составов преступлений с административной преюдицией. Между тем, правоприменительному аспекту административной преюдиции в уголовном праве уделяется значительно меньшее внимание и то преимущественно в рамках квалификации отдельных видов преступлений. В этой связи в целях обеспечения законности и единообразия правоприменительной политики автором рассмотрены некоторые общие вопросы и сформулированы правила квалификации преступлений с административной преюдицией.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, применение уголовного закона, судебная практика, вопросы уголовно-правовой квалификации, квалификационные ошибки, административная преюдиция.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT CRIMINAL LAW POLICY IN RELATION TO CRIMES WITH ADMINISTRATIVE PREJUDICE

Ekaterina Yu. Simonova

Lebedev Russian State University of Justice

Abstract. A review of the criminal law literature devoted to the problem of administrative prejudice shows that the main attention of specialists is focused on the theoretical aspect related to the issues of the essence and permissibility of administrative prejudice in criminal law, its characteristics and place in the structure of the corpus delicti, and the legislative aspect related to the issues of criminalization, construction and improvement of corpus delicti with administrative by prejudice. Meanwhile, much less attention is paid to the law enforcement aspect of administrative prejudice in criminal law, and that is mainly within the framework of the qualification of certain types of crimes. In this regard, in order to ensure the legality and uniformity of law enforcement policy, the author considers some general issues and formulates rules for the qualification of crimes with administrative prejudice.

Keywords: criminal law policy, application of criminal law, judicial practice, issues of criminal law qualification, qualification errors, administrative prejudice.

Funding: Independent work.

Введение.

Как верно отмечает З.А. Незнамова: «... преступления с административной преюдицией стали фактом не только в законодательстве, но и в правоприменительной практике, что требует их теоретического и практического осмысления» [1].

Применение уголовно-правовых норм с административной преюдицией ставит целый ряд научно-практических вопросов материального и

процессуального характера, решение которых вызывают затруднение у правоприменительных органов.

К настоящему времени в судебной практике сложился обширный опыт квалификации преступлений, имеющих административную преюдицию, анализ и обобщение которого позволяет выявить важные вопросы и изложить правила, которые касаются оценки различных аспектов таких преступлений.

Круг этих общих вопросов квалификации составов преступлений с административной преюдицией очерчивается, если посмотреть на них сквозь призму основных институтов Общей части уголовного права, а также универсальных признаков, характерных для всех такого рода составов.

Понимание составов преступлений с административной преюдицией как противоправных деяний отличных от предшествующих им административных правонарушений не только по субъективным, но и объективным признакам, дает возможность применения к ним институтов общей части уголовного права, в том числе, стадий и соучастия в преступлении, не имеющих аналогов в административно-деликтном законодательстве.

Кроме того, важно отметить, что научное понимание административной преюдиции как исключительно признака специального субъекта или специфики как объективных, так и субъективных признаков состава преступления, предопределяет постановку и решение практических вопросов их квалификации.

На наш взгляд, только комплексное представление о субъективных и объективных признаках административной преюдиции позволяет дать правильную квалификацию преступлений и решение иных практических вопросов применения уголовно-правовых норм с административной преюдицией.

Разумеется, что ограниченный масштаб научной статье обязывает нас акцентировать внимание лишь на некоторых актуальных и сложных вопросах квалификации преступлений с административной преюдицией.

Обсуждение. Результаты.

Вопросы квалификации преступлений с административной преюдицией по признакам объективной стороны. Основы понимания объективной стороны преступлений с административной преюдицией были определены Конституционным судом Российской Федерации¹, который отметил, что с одной стороны, деяние в преступлениях с административной преюдицией фактически идентично деянию как признаку административного правонарушения, с другой стороны, преступление должно обладать более высокой степенью общественной опасности по сравнению

с аналогичным административным правонарушением.

Исходя из такого понимания объективной стороны преступлений с административной преюдицией, а также учитывая, что большинство из них относятся к категории небольшой или средней тяжести следует, что суды должны не только установить формальное соответствие деяния признакам определенного состава преступления, включая наличие административной наказанности лица его совершившего, но и фактически оценивать достаточную для квалификации его как преступления степень общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ), тем самым, решать вопрос о малозначительности [2].

Аналогичное предписание, предусматривающее возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения, содержится и в ст. 2.9 КоАП РФ, и разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (п. 21)².

При этом, как справедливо замечает Ю.Е. Пудовочкин, «решая вопрос о малозначительности поступка, в связи с которым лицо, ранее наказанное в административном порядке, привлечено к уголовной ответственности, следует принимать во внимание всю совокупность данных, характеризующих его поведение, в том числе и данные о первом проступке» [3].

На такой формально-материальный подход ориентирует правоприменителя Верховный Суд РФ³. Соответствующее разъяснение дается в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2022 г. № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

В этой связи, верной нам представляется практика, когда суды, с учетом фактических обстоятельств дела, обсуждают вопрос о малозначительности преступлений с административной преюдицией (по ст. 151.1, 157, 158.1, 212.1 264.1, ч. 2 ст. 314.1 УК РФ)⁴, при этом в судебной практике встречаются примеры положительного его

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // БВС РФ. 2005. № 6.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 9.

⁴ См., к примеру: Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 05 февраля 2020 г.

№ 1-150/2019; Советский районный суд (Саратовская область). Приговор от 20 мая 2020 года № 1-30/2020; Абазинский районный суд (Республика Хакасия). Приговор от 20 июля 2020 года № 1-77/2020; Нижегородский областной суд (Нижегородская область). Апелляционное постановление от 15 мая 2020 года № 22-2374/2020; Ярославский областной суд (Ярославская область) Апелляционное постановление от 23 сентября 2020 года № 1-115/2020; Якутский городской суд (Республика Саха (Якутия)). Приговор от 14 июля 2020 года № 1-420/2020; Ульяновский областной суд (Ульяновская область). Апелляционное постановление от 25 марта 2020 года № 22-550/2020.

решения применительно к преступлениям с административной преюдицией¹.

Как справедливо отмечает Ю.Е. Пудовочкин: «Минимизация ошибок в части признания деяния малозначительным требует тщательного исследования вопроса о тех фактических обстоятельствах дела, исходя из которых можно сделать соответствующий вывод. Очевидно, что такие обстоятельства будут существенно различаться в зависимости от вида преступления, набора криминообразующих признаков, конструкции состава. ... Дать исчерпывающий или в большей степени детализированный перечень обстоятельств не представляется возможным. Малозначительность – это вопрос факта. Главное – принципиально признать саму возможность оценки деяния, содержащего состав преступления с административной преюдицией, как малозначительного» [4].

Основным обстоятельством в решении вопроса о малозначительности деяния является «неформальная» оценка тяжести вреда объекту уголовно-правовой охраны, который причиняется ему независимо от формального или материального состава преступления с административной преюдицией².

Между тем, в литературе встречаются и противоположные позиции, отрицающие возможность признания деяния, формально содержащего признаки состава преступления с административной преюдицией, в качестве малозначительного поскольку, во-первых, административная преюдиция (наказанность) представляет собой признак специального субъекта, а оценка малозначительности относится к объективной стороне и применима к объективным признакам преступления [5]; а во-вторых, в принципе, деяния, которые входят в такие составы, не представляют существенной (значительной) общественной опасности [6].

Так, В.В. Хилjuta говорит о несопоставимости критериев соотношения административной преюдицией, которая в настоящее время признается исключительно признаком специального субъекта преступления (т.е. общественной опасности личности), с малозначительностью деяния, которая ассоциируется только с объективными признаками преступления и оценкой общественной опасности самого действия (бездействия) [7].

На наш взгляд, верной является позиция о воз-

можности признания малозначительности в случае совершения деяния, формально содержащего признаки состава с административной преюдицией.

В тех составах преступлений, в которых, наряду с административной преюдицией, предусмотрены альтернативные криминообразующие признаки (например, ст. 284.1, 330.3 УК РФ), для квалификации по ним деяния не требуется, чтобы лицо находилось в состоянии административной наказанности.

Если административная преюдиция является криминообразующим признаком основного состава преступления, то для привлечения к уголовной ответственности лица за его квалифицированные разновидности необходимо установление всех признаков простого состава, включая административную наказанность.

Вопросы квалификации составов с административной преюдицией как преступлений со специальным субъектом. В настоящее время позиция Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ заключается в том, что преступления с административной преюдицией представляют собой составы со специальным субъектом.

Практикообразующим в таком подходе является одно из решений Верховного Суда РФ³. В соответствии с этим, в судебной практике сложилось устойчивое представление о преступлениях с административной преюдицией как о составах, характеризующихся специальным субъектом, в качестве которого выступает «лицо, подвергнутое административному наказанию»⁴.

Между тем, существующее терминологическое различие в описании субъекта в составах преступлений с административной преюдицией в УК РФ, в ряде статей (ст. 212.1, 217.3, 280.1, 280.3, 282, 284.2, 314.1, 330.1, 330.3) которого он именуется как «лицо, привлеченное к административной ответственности», в отличие от большинства статей, в которых субъект назван как «лицо, подвергнутое административному наказанию», вносит некоторую правовую неопределенность.

Такое терминологическое различие вызывает среди ученых вопрос о том, в чем конкретно выражается преюдициальное условие или каким специальным признаком характеризуется субъект преступления как «лицо, привлеченное к административной ответственности».

¹ Оренбургский областной суд (Оренбургская область). Апелляционное постановление от 28 мая 2019 года № 22-1428/2019; Апелляционное постановление Орловского областного суда от 14 января 2020 года № 22-39/2020.

² Октябрьский районный суд г. Архангельска (Архангельская область). Приговор от 27 сентября 2019 года № 1-292/2019).

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09 января 2019 года № 63-УДП18-3.

⁴ См.: Определение Конституционного суда РФ от 20 декабря 2018 года № 3398-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баранникова Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения».

Так, М.Б. Кострова, считает необходимым заменить выражение «лицо, привлеченное к административной ответственности» на «лицо, которому назначено административное наказание»[8].

Ясность в этот вопрос вносит правовая позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в постановлении от 10 февраля 2017 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» (п. 5.1 и 5.2). В соответствии с ней, субъектом всех преступлений с административной преюдицией, независимо от используемых законодателем формулировок, выступает лицо, имеющее административную наказанность, которую оно приобретает со дня вступления постановления о назначении административного наказания в законную силу.

Разъясняя данный признак, Пленум Верховного Суда РФ в ряде постановлений¹ обратил внимание судов на ряд юридически значимых обстоятельств, которые судам необходимо проверять при производстве по уголовному делу о преступлениях с административной преюдицией.

Поэтому верно, что суды кладут в основание уголовной ответственности и указывают в приговорах по уголовным делам о преступлениях с административной преюдицией сам факт вступления в законную силу постановление о назначении административного наказания за соответствующее административное правонарушение, т.е. признают преюдициальным условием – как таковой статус административной наказанности лица².

Если постановление о назначении административного наказания ещё не вступило в законную силу или если срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, уже истёк, то привлечение к уголовной ответственности за неоднократное совершение административного правонарушения невозможно (*Волгоградский областной суд. Обобщение судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ (нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым админи-*

стративному наказанию), за 2018 год, первое полугодие 2019 года. URL : http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=982).

Как указал Конституционный Суд РФ, состояние административной наказанности и состояние судимости имеют смежную правовую природу³, следовательно, это самостоятельные юридические факты-состояния, имеющие различные правовые последствия, которые могут выступать в различных сочетаниях, что следует учитывать при квалификации преступлений с административной преюдицией.

Если лицо находится в состоянии административной наказанности, но не является судимым за преступление с административной преюдицией. Перед правоприменителем встает вопрос о наличии совокупности преступлений в ситуации, когда лицо, находясь в состоянии административной наказанности, совершает ряд аналогичных деяний, ни за одно из которых оно не было осуждено. В таком случае, каждое правонарушение, совершенное в срок, в течение которого лицо, считается подвергнутым административному наказанию, при наличии к тому оснований, следует квалифицировать в качестве самостоятельного преступления. Такое правило подтверждается текущей судебной практики, в частности, по ст. 157, 158.1, 264.1 УК РФ⁴.

Если лицо одновременно находится в состоянии административной наказанности и состоянии судимости за преступление с административной преюдицией. Поскольку состояние административной наказанности и состояние судимости имеют смежную правовую природу и свидетельствуют о большей общественной опасности вновь совершенного противоправного деяния, то руководствуясь сложившимися в судебной практике правилами квалификации⁵ при наличии у субъекта обоих состояний, действия виновного подлежат квалификации лишь по той части соответствующих статей УК РФ, по которым предусмотрено более строгое наказание, при этом в процессуальных документах, в том числе описательной части приговора, должны быть приведены все признаки деяния, включая административную наказанность.

Такой подход в настоящее время зафиксирован в

¹ См.: п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 года № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; п. 10.5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»; п. 17.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

² Приговор Верхнекетского районного суда Томской области № 1-53/2019 от 28 июня 2019 г.

³ См. п. 5 постановления Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой».

⁴ Староминский районный суд (Краснодарский край). Приговор от 11 ноября 2020 года № 1-126/2020; Староскольский городской суд (Белгородская область). Приговор от 24 сентября 2020 года № 1-295/2020; Первоуральский городской суд (Свердловская область). Приговор от 27 октября 2020 года № 1-446/2020; Шадринский районный суд (Курганская область). Приговор от 28 октября 2020 года № 1-376/2020.

⁵ См.: п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

п. 10.6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», где разъясняется: «Если установлено, что на момент совершения деяния, предусмотренного статьей 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ, виновное лицо не только имело судимость за соответствующее преступление, но и являлось также подвергнутым административному наказанию, то описанию и правовой оценке в судебном решении подлежат оба указанных признака преступления с последующей квалификацией деяния только в соответствии с нормой о более тяжком преступлении».

По смыслу конструкции составов преступлений с административной преюдицией, особенностью их субъективной стороны является то, что лицо, зная о факте привлечения его к административной ответственности за предшествующий проступок и осознавая состояние своей административной наказанности, действуя умышленно совершает аналогичное деяние повторно (неоднократно). Поскольку состояние административной наказанности является признаком специального субъекта преступления с административной преюдицией, то в числе других признаков состава оно должно охватываться умыслом лица его совершающего, если лицо не знало о предшествующем факте привлечения его к административной ответственности, то совершенное им аналогичное деяние не может квалифицироваться как преступление. Примером может служить следующее дело (*Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции за первое полугодие 2020 года (утвержден президиумом Девятого кассационного суда общей юрисдикции 21 августа 2020 года)*). URL : https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=7).

Заключение.

В целях обеспечения законности и единообразия правоприменительной политики сформулированы некоторые общие правила квалификации преступлений с административной преюдицией:

— исходя из специфики объективной стороны

преступлений с административной преюдицией, складывающейся из неоднократного совершения аналогичного деяния, а также учитывая, что большинство из них относятся к категории небольшой или средней тяжести, следует, что суды должны не только формально установить соответствие деяния признакам определенного состава преступления, включая наличие административной наказанности лица его совершившего, но и неформально оценивать достаточную для квалификации его как преступления степень общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ), тем самым, решить вопрос о малозначительности, при этом основным обстоятельством в решении вопроса о малозначительности деяния является тяжесть вреда объекту уголовно-правовой охраны, который причиняется ему независимо от формального или материального состава преступления с административной преюдицией;

— административная наказанность является юридическим фактом — состоянием, имеющим длящийся характер, поэтому каждое вновь совершенное лицом, находящимся в этом состоянии, аналогичное деяние должно квалифицироваться как преступление по правилам совокупности;

— состояние административной наказанности и состояние судимости имеют смежную правовую природу, поэтому если установлено, что на момент совершения состава преступления с административной преюдицией, виновное лицо не только имело судимость за соответствующее преступление, но и являлось также подвергнутым административному наказанию, то описанию в процессуальных документах и правовой оценке в судебном решении подлежат оба указанных признака преступления с последующей квалификацией деяния только в соответствии с нормой о более тяжком преступлении;

— составы преступлений с административной преюдицией характеризуются только умышленной формой вины, которая среди прочего предполагает, что если лицо не знало о привлечении его к административной ответственности за предшествующее правонарушение, то оно не может нести уголовную ответственность за неоднократное его совершение.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Незнамова З.А. Преступления с административной преюдицией в Уголовном Кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 6. 21 с. EDN: VINOPD

2. Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления. М., 2019. 70 с. ISBN: 978-5-93916-763-5 EDN: КТРААУ
3. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права : монография / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. М., 2017. 257 с.
4. Пудовочкин Ю.Е. Проблемы квалификации преступлений с административной преюдицией (судебная практика). М., 2022. С. 80–88. ISBN: 978-5-4396-2301-3 EDN: ХQPKSQ
5. Нечаев А.Д. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы (де)криминализации деяний и их малозначительности / А.Д. Нечаев, И.Ю. Янина // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. 41 с. EDN: YKXGQT
6. Мамхьягов З.З. Административная преюдиция в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2022. 109 с. EDN: ZUMSBY
7. Хилjuta В.В. Административная преюдиция в уголовном праве (теоретико-прикладное исследование). М., 2024. 117 с. ISBN: 978-5-605-14174-7 EDN: SBAAJW
8. Кострова М.Б. Языковое выражение административной преюдиции в уголовном законе: прошлое, настоящее, будущее // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. 157 с. EDN: PXWNFL

References:

1. Neznamova Z.A. Crimes with administrative prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation: conflicts of intersectoral regulation // Russian law: education, practice, science. 2015. № 6. 21 p. EDN: VINOPD
2. Pudovochkin Yu.E. Assessment by the court of the public danger of a crime. M., 2019. 70 p. ISBN: 978-5-93916-763-5 EDN: КТРААУ
3. Interaction of criminal and administrative-tort law : monograph / Edited by Yu.E. Pudovochkin, N.I. Pikurov. M., 2017. 257 p.
4. Pudovochkin Yu.E. Problems of qualification of crimes with administrative prejudice (judicial practice). M., 2022. P. 80–88. ISBN: 978-5-4396-2301-3 EDN: ХQPKSQ
5. Nechaev A.D. Administrative prejudice in criminal law: problems of (de)criminalization of acts and their insignificance / A.D. Nechaev, I.Yu. Yanina // Gaps in Russian legislation. 2017. № 6. 41 p. EDN: YKXGQT
6. Mamkhyagov Z.Z. Administrative prejudice in criminal law : dis. ... cand. jurid. sciences'. Stavropol, 2022. 109 p. EDN: ZUMSBY
7. Khilyuta V.V. Administrative prejudice in criminal law (theoretical and applied research). M., 2024. 117 p. ISBN: 978-5-605-14174-7 EDN: SBAAJW
8. Kostrova M.B. Linguistic expression of administrative prejudice in criminal law: past, present, future // Library of criminalist. 2013. № 2. 157 p. EDN: PXWNFL

Информация об авторе

Симонова Екатерина Юрьевна

Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева
Simkat94@bk.ru

Ekaterina Yu. Simonova

Lebedev Russian State University of Justice
Simkat94@bk.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-23>

УДК 343.985

Attribution

cc by

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКЕ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Фролов В.В.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация. Актуальность. В статье проводится исследование проблем проведения следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных происшествий. Анализируя особенности организации и тактики его производства, автор выявляет комплекс обстоятельств, препятствующих качественному проведению следственного эксперимента, либо вообще делающих его проведение невозможным. В работе предлагаются средства минимизации влияния этих обстоятельств на ход и результат следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных происшествий, а также система научно-практических рекомендаций организационного и тактического характера по их применению. Таким образом, данное исследование вносит определенный вклад в совершенствование организации и тактики производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных происшествий.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, информационные технологии, следственный эксперимент, организация расследования, тактика, дистанционно управляемое транспортное средство, автомобильный тренажер.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ORGANIZATION AND TACTICS OF INVESTIGATIVE EXPERIMENTS IN THE INVESTIGATION OF ROAD ACCIDENTS

Vyacheslav V. Frolov

Kuban State Agrarian University named After I.T. Trubilin

Abstract. Relevance. This research paper examines the challenges of conducting investigative experiments in road accident investigations. By analyzing the organization and tactics of these experiments, the author identifies a range of circumstances that hinder the quality of investigative experiments, or even make them impossible. The paper proposes methods for minimizing the impact of these circumstances on the course and outcome of investigative experiments in road accident investigations, as well as a system of scientific and practical recommendations of an organizational and tactical nature for their application. Thus, this study makes a significant contribution to improving the organization and tactics of investigative experiments in road accident investigations.

Keywords: road traffic accident, information technology, investigative experiment, investigation organization, tactics, remotely controlled vehicle, driving simulator.

Funding: Independent work.

Введение.

При расследовании преступлений, посягающих на безопасность дорожного движения, проведение следственного эксперимента является необходимым условием установления ключевых обстоятельств происшествия. Следственная практика по делам о дорожно-транспортных происшествиях (ДТП), а также позиция криминалистов, свидетельствуют о следующем: без уточнения и проверки ряда данных, в том числе касающихся,

например, максимально возможной видимости с места водителя, следователь лишен возможности обоснованно инициировать автотехническую экспертизу, поскольку указанные сведения имеют существенное значение для ее проведения [1, с. 2–5, 2, с. 157–158].

При решении вопроса о проведении следственного эксперимента следователь обязан учитывать два ключевых аспекта.

Во-первых, соблюдение тактического условия – эксперимент должен осуществляться в условиях, максимально приближенных к обстановке, в которой имело место расследуемое событие.

Во-вторых, необходимо строгое соблюдение общего принципа следственных действий – недопустимость создания угрозы жизни и здоровью участников.

Учитывая специфику данного процессуального действия, выражающуюся в воспроизведении действий, обстановки или иных обстоятельств преступления, законодатель прямо закрепил в ч. 1 ст. 181 УПК РФ: «Производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц».

С учетом того, что при расследовании ДТП в рамках следственного эксперимента, как правило, воспроизводится движение транспортного средства до, вовремя или после происшествия, следователь обязан обеспечить должный уровень безопасности всех участников.

При этом категорически исключается:

- опытная проверка, связанная, в частности, с экстренным торможением автомобиля на высокой скорости с целью определения возможности предотвращения наезда [3, с. 761];
- обстоятельствами, связанными с возможностью маневрирования ТС при его заносе на скользком и мокром дорожном покрытии; обстоятельствами, связанными с возможностью маневрирования ТС для предотвращения столкновения с другим ТС, находящимся в движении [4, с. 132];
- обстоятельствами, связанными с опрокидыванием ТС;
- обстоятельствами, связанными с возможностью причинения материального ущерба и уничтожению имущества [5, с. 81, 6, с. 174].

В рамках расследования уголовного дела о ДТП, в котором водитель автобуса К., выезжая с второстепенной дороги, столкнулся с мотоциклом под управлением М., двигавшимся по главной с опережением потока, следователь СО ОМВД России по Кстовскому району М.О. Абубякорова организовала следственный эксперимент. Его целью было уточнение траектории и скорости движения мотоцикла перед моментом удара.

К участию привлекли владельца мотоцикла, гражданина Б., а также свидетельницу аварии Л., управлявшую аналогичным автомобилем. По условиям эксперимента Л. должна была двигаться со скоростью около 50 км/ч, в то время как Б. выполнял обгон с правой стороны, разгоняясь до примерно 70 км/ч. Предусматривалось проведение нескольких попыток с поэтапным увеличением скорости, чтобы максимально приблизиться

к реальной обстановке и определить предполагаемую скорость М. в момент ДТП.

После первого этапа Л. заявила, что, по ее мнению, мотоцикл на момент столкновения двигался быстрее, чем это было показано в эксперименте. На втором этапе, по указанию следователя, Б. увеличил скорость, однако, не справился с управлением, в результате чего мотоцикл перевернулся. Б. получил тяжелую черепно-мозговую травму, ударившись головой о бордюр островка безопасности, и скончался на месте [7].

При проведении данного следственного эксперимента следователь пренебрег как требованиями по обеспечению безопасности его участников, фактически потребовав их нарушить ПДД (запрещается движение транспортных средств по обочинам и др. [8]), так и тактическим положением о максимальной сходности условий производства следственного эксперимента с условиями проверяемого события (во время проведения следственного эксперимента шел дождь, дорожное полотно в месте его проведения было мокрым, а исследуемое ДТП произошло в ясную погоду).

При принятии решения о проведении следственного эксперимента, связанного с ДТП, следователь обязан тщательно оценивать возможные риски для участников. Ошибки на этапе подготовки или проведения могут повлечь ущерб здоровью, жизни людей или нанести вред имуществу. На практике сотрудники следствия нередко отказываются от экспериментов, направленных на проверку влияния технического состояния автомобиля на управляемость или определение тормозного пути в условиях, близких к реальным, особенно при неблагоприятной погоде, из-за высокой степени опасности. Схожие риски возникают и при попытке воспроизвести действия водителя в условиях, приближенных к обстоятельствам происшествия, так как это может спровоцировать новое ДТП.

Обсуждение. Результаты.

Отказ следователя от проведения следственного эксперимента из-за возможных негативных последствий может затруднить установление фактических обстоятельств ДТП. Поэтому на этапе подготовки крайне важно применять системный подход к оценке рисков. Следователь должен тщательно анализировать цели эксперимента, специфику происшествия и на основе этого определять его формат, содержание и условия проведения. При этом особое внимание необходимо уделить потенциальной угрозе для участников и риску порчи имущества. Подготовка эксперимента должна опираться на план-схему места ДТП, материалы фото- и видеосъемки, а также на осмотр места происшествия для точного восстановления обстановки.

Одним из перспективных инструментов является использование компьютерного моделирования, которое позволяет обрабатывать большие объ-

емы данных, прогнозировать ход событий и оценивать возможные риски. Такие программы эффективны как при планировании эксперимента, так и при анализе вероятных последствий его проведения. Для моделирования используются данные предварительного расследования: число и тип ТС, предполагаемая скорость, характер повреждений и травм, расположение участников, параметры дороги (покрытие, уклоны, кривизна), погодные и световые условия, особенности местности и прочее.

Моделирование позволяет визуализировать предполагаемое развитие событий в условиях, максимально приближенных к фактическим, а также варьировать неуставленные параметры в заданных диапазонах. Диапазон допустимых изменений определяется следователем с учетом всех возможных вариантов хода событий [9]; изменение параметров возможно и в автоматическом режиме самой программой, при обращении ее к общей базе данных, содержащей установленные зависимости между элементами криминалистической характеристики ДТП и другую криминалистически значимую информацию.

Таким образом, с одной стороны повышается качество подготовки к проведению следственного эксперимента, а с другой – минимизирует совершение следователем просчета при определении возможности наступления негативных последствий.

Отказ от проведения следственного эксперимента из-за возможных негативных последствий может существенно затруднить установление обстоятельств ДТП. Поэтому на этапе подготовки необходим системный подход к оценке рисков. Следователю следует проанализировать детали происшествия и, исходя из цели эксперимента, определить его формат, содержание и условия, с акцентом на потенциальную опасность для участников и возможность материального ущерба. Подготовка должна базироваться на план-схеме места ДТП, фото- и видеоматериалах осмотра, а также на выездной проверке для уточнения дорожной обстановки.

Одним из действенных инструментов является компьютерное моделирование, позволяющее обрабатывать значительные объемы данных, прогнозировать развитие событий и оценивать возможные риски. Оно эффективно как при планировании эксперимента, так и при анализе вероятности негативных последствий. Для моделирования используют материалы расследования: параметры транспортных средств, предполагаемую скорость, характер и степень повреждений, расположение участников, дорожные характеристики, погодные, световые и ландшафтные условия.

При среднем уровне риска вероятность неблагоприятных последствий возрастает, особенно если в ходе эксперимента допускаются незначительные отклонения от ПДД. В таких случаях, с

целью обеспечения безопасности участников, допустима замена отдельных объектов, использовавшихся при совершении ДТП, на макеты, манекены или муляжи. Подобная замена также применяется при утрате оригинальных предметов, при условии, что их характеристики максимально соответствуют свойствам реальных объектов [10, с. 622, 11]. При производстве следственного эксперимента замена ТС, участвующего в ДТП также имеет место (основная причина: ТС получило в ДТП повреждения и его эксплуатация невозможна – 62 % от общего количества следственных экспериментов). ТС, которым заменяется поврежденное ТС, должно быть аналогично ему (модель, марка и даже цвет [12, с. 104]).

Представляется, что в перспективе перечень следственных действий, допустимых к проведению с применением дистанционных технологий, будет расширяться. Так с 2021 г. производство допроса, очной ставки и опознания возможно в дистанционном режиме путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ). Это обусловлено как стремительным развитием цифровых решений, так и объективной необходимостью повышения эффективности уголовного судопроизводства.

Целесообразно рассмотреть возможность внедрения дистанционных технологий при производстве следственных действий поисково-познавательного характера, таких как осмотр места происшествия, обыск и иные действия, при которых может быть реализована удаленная фиксация информации с применением современных технических средств [13; 14].

Т.В. Горбенко указывает на необходимость применения дистанционных технологий при проведении следственных действий, при которых возникают трудности непосредственной поисково-познавательной деятельности, обусловленные обстоятельствами угрозы жизни и здоровью, большой протяженностью территории осмотра, наличием препятствий передвижения по территории осмотра и др. [15, с. 5].

Таким образом, при следственном эксперименте с умеренным уровнем риска целесообразно применять дистанционные технологии, в частности, транспортные средства с удаленным управлением. Речь идет не об автономных системах с ИИ, а о машинах, управляемых операторами через специальный радиоканал. Контроль осуществляется из командного пункта с использованием видеокамер, установленных на транспортных средствах. Все необходимые технические средства для реализации такого подхода уже доступны и прошли успешные испытания [16; 17].

Промышленное внедрение дистанционно управляемых транспортных средств требует решения следующих основных задач:

а) обеспечение устойчивой и непрерывной связи

между пунктом управления и беспилотным транспортным средством, особенно на значительных дистанциях;

б) гарантия защиты канала связи от внешних воздействий, исключающая возможность перехвата управления третьими лицами.

С нашей точки зрения, данные задачи являются решаемыми в рамках деятельности по расследованию преступлений. Для эффективного использования таких технологий необходимо формировать парки беспилотных транспортных средств на межрегиональном уровне в системе МВД России. Это связано с существенными финансовыми затратами на создание и поддержание этих комплексов, а также с относительной редкостью следственных ситуаций, требующих проведения экспериментов с применением беспилотных ТС.

Для обеспечения мобильности и оперативности предполагается использование передвижных пунктов управления, способных быстро развертываться в местах проведения следственных экспериментов беспилотными ТС [18], что позволит, обеспечить производство следственных экспериментов с их использованием в правоохранительных органах нескольких субъектах РФ. Кроме того, применение мобильного пункта управления ТС решает обе обозначенные задачи, т.к. наличие устойчивой непрерывной связи между пунктом управления и беспилотным ТС будет обеспечено небольшим расстоянием между ними (от нескольких десятков метров до нескольких километров), а защита передаваемой информации от внешнего воздействия ее шифрованием.

Таким образом, нами выявлены основные организационные и тактические трудности, возникающие при подготовке и проведении следственного эксперимента в ходе расследования ДТП. Определены категории следственных экспериментов, проведение которых невозможно из-за объективной невозможности гарантировать безопасность участников. К таким относятся эксперименты, связанные с экстренным торможением транспортного средства на высокой скорости для оценки технической возможности предотвращения наезда, а также с маневрированием на скользком или мокром покрытии, направленным на предотвращение столкновения с движущимся транспортом и иные аналогичные действия.

Кроме того, выделены виды экспериментов, которые следователи избегают проводить ввиду высокой вероятности негативных последствий для здоровья и жизни участников, в частности, эксперименты, направленные на проверку профессиональных навыков и умений водителя.

Заключение.

В завершение данного исследования, нами предлагается решение обозначенной проблемы посредством применения современных информационных технологий на этапах подготовки и проведения следственного эксперимента.

Использование компьютерного моделирования предстоящих опытных действий позволяет составить детальный план эксперимента и максимально точно оценить уровень потенциальной опасности (угрозу жизни и здоровью участников, материальный ущерб и повреждение имущества).

При среднем уровне риска целесообразно применять дистанционные технологии – управление транспортными средствами осуществляется специалистом-оператором в удаленном режиме через выделенный радиоканал.

Внедрение таких технологий в практику расследования ДТП требует включения в состав участников эксперимента специалистов, отвечающих за эксплуатацию и техническое сопровождение оборудования, а также наличия соответствующего технического обеспечения.

Рекомендуется формировать парки беспилотных транспортных средств на межрегиональном уровне в системе МВД России с параллельной подготовкой кадров для технико-криминалистических подразделений. Участие специалистов-операторов в процессуальном статусе является обязательным. Взаимодействие следователя и операторов должно начинаться на этапе планирования эксперимента, поскольку необходимо учитывать специфику технических средств и профессиональные знания операторов. При этом специалисты-операторы нуждаются в информации, полученной следователем в ходе расследования, для надлежащей подготовки техники к проведению эксперимента.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Корма В.Д. О проблеме производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных происшествий, совершенных в неблагоприятных метеорологических условиях // Российский следователь. 2013. № 8. С. 2–4. EDN: QAEJSH
2. Моховая Т.А. Методика расследования преступлений против безопасности дорожного движения в Российской Федерации: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар : КубГАУ, 2017. С. 157–158.
3. Расследование преступных нарушений правил дорожного движения / Т.С. Волчецкая [и др.]; Отв. ред. Н.П. Яблоков // Криминалистика : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2005.
4. Алексеев А.А. Методика расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в условиях неочевидности : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
5. Агафонов В.В. Криминалистика. Вопросы и ответы : учеб. пособие / В.В. Агафонов, А.Г. Филиппов. М., 2000.
6. Яблоков Н.П. Криминалистика в вопросах и ответах : учеб. пособие. М., 2020.
7. Приговор Кстовского городского суда Нижегородской области от 17.06.2021 г. URL : <https://судебныерешения.рф/60613861?ysclid=mg7u3zbcxs370575538> (дата обращения 01.10.2025).
8. П. 9.9 и п 10.1 Постановления Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709 (дата обращения 01.10.2025).
9. Проблемы следственной тактики : учеб. пособие / В.Д. Зеленский [и др.]. Краснодар : КубГАУ, 2021.
10. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]. М., 2023.
11. Кольчурин А.Г. Особенности проведения следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Юрист-Правовед. 2019. № 4(91). С. 119–122. EDN: YJMZTI
12. Расследование нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : учеб. пособие / Л.Ю. Аксенова [и др.]; Под ред. Я.М. Мазунин. Омск : Омская академия МВД России, 2017.
13. Горбенко Т.В. Следственные действия поисково-познавательного характера в системе следственных действий: криминалистический аспект / Т.В. Горбенко; Под ред. М.М. Горшкова, А.Б. Соколова, А.Р. Сысенко // Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий: Сб. науч. тр. Омск, 2022. Т. 1. С. 28–30. EDN: VTFSJZ
14. Горбенко Т.В. Дистанционный осмотр обширных территорий местности: технико-криминалистические особенности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10(76). № 1. С. 273–283. EDN: HKMIFV
15. Горбенко Т.В. Дистанционное проведение следственных действий, связанных с обследованием местности : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2024.
16. Дистанционно управляемые автомобили. URL : <https://icl-services.com/company/news/distsionsno-uvpravljaemye-avtomobili> (дата обращения 01.10.2025).
17. Цифровизация автотранспорта: как в России будут внедрять беспилотные машины, телематику и навигацию. URL : https://www.cnews.ru/articles/2021-02-26_tsifrovizatsiya_avtotransporta_kak (дата обращения 01.10.2025).
18. В РФ созданы и активно эксплуатируются мобильные (передвижные) пункты управления БПЛА на базе автомобилей Садко Next, Ford Transit и др. для длительной и автономной работы сотрудников МЧС. URL : <https://aeromotus.ru/product/mobilnyj-punkt-upravleniya-bpla/?ysclid=m3wqdaki28903948829>; <https://ktt52.ru/uav-control-center-based-on-sadko-next> (дата обращения 01.10.2025).

References:

1. Korma V.D. On the problem of conducting an investigative experiment in the investigation of road accidents committed in adverse meteorological conditions // A Russian investigator. 2013. № 8. P. 2–4. EDN: QAEJSH
2. Mokhovaya T.A. Methods of investigation of crimes against road safety in the Russian Federation: issues of theory and practice : dis. ... cand. jurid. sciences'. Krasnodar : KubGAU, 2017. P. 157–158.
3. Investigation of criminal violations of traffic rules / T.S. Volchetskaya, V.Ya. Koldin, V.V. Krylov [et al.]; Ed. by N.P. Yablokov // Criminalistics : textbook. 3rd ed., revised. M. : Yurist, 2005.
4. Alekseev A.A. Methods of investigation of traffic crimes committed in conditions of obscurity : dis. ... cand. jurid. sciences'. Saratov, 2001.
5. Agafonov V.V. Criminalistics. Questions and answers : studies. Manual / V.V. Agafonov, A.G. Filippov. M., 2000.
6. Yablokov N.P. Criminalistics in questions and answers : textbook. manual. M., 2020.
7. The verdict of the Kstovsky City Court of the Nizhny Novgorod region dated 17.06.2021. URL : <https://судебныерешения.RussianFederation/60613861?ysclid=mg7u3zbcxs370575538> (date of application 01.10.2025).
8. Clauses 9.9 and 10.1 of the Decree of the Government of the Russian Federation dated 23.10.1993 No. 1090 «On Traffic Rules» (together with the «Basic provisions on the admission of vehicles to operation and duties of officials to ensure road safety»). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709 (date of application 01.10.2025).
9. Problems of investigative tactics : textbook / V.D. Zelensky [et al.]. Krasnodar : KubGAU, 2021.
10. Criminalistics : textbook / T.V. Averyanova [et al.]. M., 2023.
11. Kolchurin A.G. Features of conducting an investigative experiment in the investigation of traffic crimes // Jurist-Pravoved. 2019. № 4(91). P. 119–122. EDN: YJMZTI

12. Investigation of violations of traffic rules and operation of vehicles : textbook / L.Y. Aksenova [et al.]; edited by Ya.M. Mazunin. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017.
13. Gorbenko T.V. Investigative actions of a search and cognitive nature in the system of investigative actions: a criminalistic aspect / T.V. Gorbenko; Edited by M.M. Gorshkov, A.B. Sokolov, A.R. Sysenko // Actual problems of legal regulation, organization and tactics of investigative actions: Collection of scientific papers. Omsk, 2022. Vol. 1. P. 28–30. EDN: VTFSJZ
14. Gorbenko T.V. Remote inspection of vast territories of the area: technical and criminalistic features // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2024. Vol. 10(76). № 1. P. 273–283. EDN: HKMIFV
15. Gorbenko T.V. Remote investigative actions related to the survey of the area : abstract of the dis. ... cand. jurid. sciences'. Krasnodar, 2024.
16. Remote-controlled cars. URL : <https://icl-services.com/company/news/distantionno-upravlyaemye-avtomobili> (date of application 01.10.2025).
17. Digitalization of motor transport: how unmanned vehicles, telematics and navigation will be introduced in Russia. URL : https://www.cnews.ru/articles/2021-02-26_tsifrovizatsiya_avtotransporta_kak (date of application 01.10.2025).
18. In the Russian Federation, mobile (mobile) UAV control points based on Sadko Next, Ford Transit, etc. vehicles have been created and are actively being operated for long-term and autonomous operation of EMERCOM employees. URL : <https://aeromotus.ru/product/mobilnyj-punkt-upravleniya-bpla/?ysclid=m3wqdaki28903948829>; <https://ktt52.ru/uav-control-center-based-on-sadko-next> (date of application 01.10.2025).

Информация об авторе

Фролов Вячеслав Владимирович

старший преподаватель
кафедры криминалистики,
Кубанский государственный
аграрный университет имени И.Т. Трубилина
slava.frolov.84@mail.ru

Vyacheslav V. Frolov

Senior Lecturer
of the Department of Criminalistics,
Kuban State Agrarian University
named After I.T. Trubilin
slava.frolov.84@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 11.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-30>

УДК 341:347+339.924

Attribution

cc by

ИНТЕГРАЦИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВУЮ НАУКУ

Шадже М.Г., Хаконова И.Б.

Адыгейский государственный университет

Аннотация. В статье трансформация гражданского права под влиянием целей устойчивого развития рассматривается как одна из ключевых тенденций в современной правовой науке и практике. Аргументируется тезис о том, что гражданское право все в большей степени ориентируется на цели устойчивого развития, что выражается в ограничении классических принципов в пользу публичных интересов, внедрении новых ценностей в структуру гражданско-правовых отношений, создании новых правовых институтов и договорных конструкций, отвечающих целям устойчивого развития. По мнению авторов, это объективный и необходимый процесс адаптации гражданского права к глобальным вызовам современности. Анализируется влияние гражданско-правовых механизмов на достижение целей устойчивого развития, приводятся конкретные примеры интеграции ценностей устойчивого развития в гражданское право. Особенности трансформации гражданского права под влиянием ценностей устойчивого развития определены на примере модификации принципов гражданского права, вещного права, корпоративного права и обязательственного права. Делается вывод о том, что гражданское право используется как инструмент для прямого формирования частноправовых отношений, которые ведут не только к экономическому росту, но и к достижению целей сохранения планеты, социальной справедливости и долгосрочной экологической стабильности.

Ключевые слова: гражданское право, устойчивое развитие, концепция устойчивого развития, цели устойчивого развития, экономическая устойчивость, экологическая устойчивость, социальная устойчивость.

Финансирование: инициативная работа.

INTEGRATION OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS INTO CIVIL LAW

Marina G. Shadzhe, Irina B. Khakonova

Adygea State University

Abstract. This article examines the transformation of civil law under the influence of sustainable development values as a key trend in contemporary legal scholarship and practice. It argues that civil law is increasingly oriented toward sustainable development values, which is reflected in the restriction of classical principles in favor of public interests, the introduction of new values into the structure of civil law relations, and the creation of new legal institutions and contractual structures that meet sustainable development goals. The authors believe this is an objective and necessary process of adapting civil law to the global challenges of our time. The influence of civil law mechanisms on achieving sustainable development goals is analyzed, and specific examples of integrating sustainable development values into civil law are provided. The article identifies the specific features of the transformation of civil law under the influence of sustainable development values using the modification of the principles of civil law, property law, corporate law, and the law of obligations as examples. It is concluded that civil law is used as a tool for the direct formation of such private law relations that lead not only to economic growth, but also to the achievement of the goals of preserving the planet, social justice and long-term environmental stability.

Keywords: civil law, sustainable development, concept of sustainable development, sustainable development goals, economic sustainability, environmental sustainability, social sustainability.

Funding: Independent work.

Введение.

В современных условиях концепция устойчивого развития, будучи изначально междисциплинарной, становится все более значимым предметом регулирования и изучения в гражданско-правовой

науке. Это – объективный процесс трансформации классического частного права под влиянием новых общественных вызовов.

Устойчивое развитие с позиции гражданского

права – принцип, который трансформирует традиционные институты гражданского права, приближая их к вызовам XXI века. Гражданское право, основанное на классических принципах автономии воли, равенства сторон и диспозитивности, исторически было ориентировано на индивидуальные интересы и экономическую эффективность. Устойчивое развитие, с его триединой целью (экономика, экология, социальная сфера), вносит в эту систему коррективы, добавляя публичный интерес и долгосрочную перспективу.

Устойчивое развитие – это такой путь развития, при котором потребности нынешнего поколения удовлетворяются без ущерба для возможности будущих поколений обеспечить свои собственные нужды. Данная модель, как известно, базируется на экономической (экономический рост и эффективность), экологической (охрана окружающей среды) и социальной устойчивости (социальная справедливость и равенство). Следует согласиться с М.В. Мажориной в том, что «в современном мире устойчивое развитие приобрело статус наиболее важного и влиятельного правового и во многом политического принципа во всех сферах деятельности» [1, с. 118].

Предметом регулирования гражданского права являются имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, которые основаны на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, традиционно было сосредоточено на экономической составляющей. Однако сегодня оно интегрирует в себя экологические и социальные императивы.

Обсуждение.

Одним из трендов современной юридической науки и практики стала интеграция Целей устойчивого развития (далее – ЦУР) в гражданское право, что является объективной необходимостью, трансформирующей классические частно-правовые отношения. ЦУР – это набор из 17 целей, принятых государствами-членами ООН в 2015 году для достижения к 2030 году, которые охватывают широкий спектр вопросов: от ликвидации нищеты и голода до обеспечения гендерного равенства, перехода к устойчивой энергетике и борьбы с изменением климата [2]. ЦУР носят межотраслевой характер, их достижение невозможно только усилиями публичной власти, для этого необходимо вовлечение частного сектора – компаний, инвесторов, потребителей, гражданского общества в целом. А основным регулятором отношений между этими частными субъектами является гражданское право.

Гражданское право, которое традиционно рассматривалось как область частных интересов и взаимоотношений между отдельными лицами и компаниями, трансформируется и становится важным инструментом для достижения глобальных ЦУР [3]. Классическое гражданское право исходило из принципа невмешательства государства в частные дела. Однако современные вы-

зовы (изменение климата, неравенство, истощение ресурсов) требуют более активной роли права в направлении экономической деятельности в русло устойчивого развития. ЦУР носят не только политический или гуманитарный характер, их достижение требует перестройки самой экономической системы, которая регулируется, в первую очередь, гражданским правом – через договоры, корпоративное управление, право собственности и ответственность. Происходит «экологизация» и «социализация» гражданского права, в него внедряются элементы, учитывающие не только интересы сторон сделки, но и интересы общества в целом. Гражданско-правовые договоры все чаще включают условия, обязывающие стороны соблюдать экологические, социальные и управленческие стандарты. При этом «экономический аспект подразумевает оптимальное использование ограниченных ресурсов в экономике. Социальный аспект предполагает ориентацию на человека и направлен на сохранение стабильности социальных и культурных систем. Экологический аспект направлен на обеспечение целостности биологических и физических природных систем» [4, с. 22].

Если представить ЦУР как общую стратегию, то гражданское право выступает в роли механизма, который трансформирует стратегические установки в практику конкретных правоотношений. Перейдем к детальному рассмотрению интеграции ЦУР в эту отрасль права.

ЦУР 7: Недорогостоящая и чистая энергия; ЦУР 13: Борьба с изменением климата.

Гражданское право создает правовую основу для долгосрочных контрактов между производителями «зеленой» энергии и ее потребителями, что делает инвестиции в возобновляемые источники энергии привлекательными. Кредитные договоры и договоры выпуска облигаций все чаще включают «зеленые» условия, привязанные к показателям устойчивости компании, невыполнение которых ведет к изменению стоимости кредита или другим санкциям.

ЦУР 8: Достойная работа и экономический рост.

Гражданское право создает правовую основу для предпринимательства и создания благосостояния. В корпоративное право (как под отрасль гражданского) внедряются принципы ESG. Советы директоров предприятий обязаны учитывать не только интересы акционеров, но и работников и местных сообществ. Появляются новые организационно-правовые формы, которые через уставы компаний закрепляют социальные или экологические цели как основные, ограничивая возможность вывода прибыли. Это прямое подчинение бизнес-структур целям устойчивого развития.

ЦУР 9: Инновации и инфраструктура. Гражданское право адаптируется к новым технологиям, которые могут повышать прозрачность цепочек поставок (например, отслеживание проис-

хождения «конфликтных минералов») и эффективность использования ресурсов. Система патентов и лицензий может стимулировать разработку «зеленых» технологий через ускоренную процедуру регистрации или особые условия лицензирования. Кроме того, патентное право, авторское право, товарные знаки создают правовые стимулы для инноваций и творчества, гарантируя создателям возможность получить выгоду от своих изобретений и произведений.

ЦУР 12: Ответственное потребление и производство. Гражданско-правовые нормы обязывают производителей утилизировать упаковку или товары, вышедшие из употребления. Это меняет саму бизнес-модель, стимулируя создание ремонтнопригодных и перерабатываемых товаров. При заключении договоров стороны включают поставки или подряда условия об использовании экологически чистых материалов, снижении углеродного следа и т.д. Как известно, нарушение таких условий ведет к гражданско-правовой ответственности.

ЦУР 14, 15: Сохранение экосистем. Здесь на первый план выходят специальные гражданско-правовые институты, модифицированные с учетом экологических требований:

- введение в договоры условий об утилизации продукции, использовании экологичной упаковки, минимизации отходов;
- принцип «загрязнитель платит» реализуется через обязанность полного возмещения вреда, причиненного окружающей среде, что является для компаний экономическим стимулом инвестировать в «зеленые» технологии;
- развитие законодательства о «зеленых» облигациях, ESG-финансировании, где гражданско-правовые договоры являются основой для привлечения инвестиций в экологические проекты.

ЦУР 16: Мир, правосудие и эффективные институты. Гражданское право по своей сути является инструментом справедливости. Принципы добросовестности, разумности и справедливости — это основные начала гражданского законодательства, которые пронизывают все правоотношения и позволяют суду восстанавливать справедливость даже при пробелах в законодательстве. Кроме того, компании несут все большую гражданско-правовую ответственность за действия своих поставщиков, например, за использование детского или принудительного труда, что заставляет их активно выстраивать этические и прозрачные цепочки. Инструменты гражданского процесса позволяют группам граждан или организациям эффективно судиться с компаниями за причинение вреда окружающей среде или здоровью, что укрепляет правосудие и доступ к нему.

Вместе с тем, «в более широком контексте развития гражданского и инвестиционного законодательства и правоприменительной практики сле-

дует исходить из того, что они могут быть применены в качестве инструмента осуществления социальной и климатической повестки, достижения ЦУР, национальных целей развития, национальных проектов России, соответствующих стратегий и государственных программ регионального уровня» [5, с. 101].

Результаты.

Юристы, анализируя вопросы правоприменения концепции устойчивого развития, солидарны в том, что «в сегодняшних реалиях концепция устойчивого развития многоаспектна и представляет собой как научное явление, так и практическую область, требующую реальных мер воздействия на окружающий мир в его материальном и нематериальном проявлении, а ее эффективная реализация требует своего правового обеспечения посредством внедрения специализированных политико-правовых механизмов» [6, с. 68].

Как обозначено выше, современное гражданское право активно внедряет ЦУР в частноправовые отношения, оно конструирует модели поведения, поощряя социально и экологически ответственные действия. Это сложный, многогранный процесс, затрагивающий все институты гражданского права — от правосубъектности до договорных обязательств и ответственности.

Через защиту права собственности, договоры, ответственность за вред и институт интеллектуальной собственности оно создает справедливые стандарты, которые:

- во-первых, стимулируют экономический рост и борьбу с бедностью;
- во-вторых, направляют инвестиции в социальные и «зеленые» проекты;
- в-третьих, ставит бизнес перед необходимостью нести ответственность за экологический и социальный ущерб;
- в-четвертых, защищают права слабых участников отношений, обеспечивая социальную справедливость.

Определим особенности трансформации гражданского права под влиянием целей устойчивого развития на примере модификации принципов гражданского права, вещного права, корпоративного права и обязательственного права.

Принципы гражданского права. Происходит обновление системы принципиальных основ гражданского права. Так, принцип добросовестности наполняется экологическим и социальным содержанием. Добросовестность действий участников гражданского оборота теперь может оцениваться с точки зрения их воздействия на окружающую среду и общество. Принцип недопустимости злоупотребления правом становится ключевым инструментом. Собственник, который, например, загрязняет землю или воду на своем участке, может

быть обвинен в злоупотреблении правом, так как его действия наносят ущерб общественным интересам.

Вещное право (право собственности). Классическая триада правомочий собственника (владение, пользование, распоряжение) теперь ограничивается экологическими и социальными рамками:

— **экологические обязанности собственника:** владелец промышленного предприятия не может пользоваться им так, чтобы причинять вред окружающей среде. Это закреплено в нормах об экологической экспертизе, предельно допустимых выбросах и т.д.;

— **социальная функция собственности:** эта концепция предполагает, что использование собственности должно учитывать интересы общества. Например, права арендаторов жилья или интересы местного сообщества при использовании земельного участка;

— **оборот «зеленых» активов:** появление и развитие рынка прав на выбросы парниковых газов, «зеленых» облигаций и других финансовых инструментов, которые становятся объектами гражданских прав.

Корпоративное право. В данной отрасли права интеграция ценностей устойчивого развития наиболее заметна:

— **корпоративная социальная ответственность и ESG:** из добровольной инициативы соблюдение принципов ESG (Environmental, Social, Governance) становится стандартом де-факто, а в некоторых юрисдикциях — и де-юре (например, директивная отчетность);

— **изменение цели корпорации:** дискуссия о переходе от модели максимизации прибыли акционеров к модели учета интересов всех заинтересованных сторон (работников, потребителей, местных сообществ);

— **появление новых форм юридических лиц:** общественно-полезные корпорации, устав которых прямо предписывает преследовать не только коммерческие, но и общественно-полезные цели.

Обязательственное право — наиболее гибкая и быстро меняющаяся часть гражданского права под влиянием устойчивого развития:

— **зеленые договоры:** в договоры включаются специальные «зеленые» пункты;

— **экологические стандарты выполнения:** обязанность использовать определенные технологии, материалы с низким углеродным следом, утилизировать отходы;

— **ответственность поставщиков цепочки поставок:** крупные компании требуют от своих по-

ставщиков соблюдения экологических и социальных стандартов (например, отказ от детского труда, защита биоразнообразия);

— **договоры энергосервиса:** оплата исполнителя зависит от достигнутой экономии энергоресурсов;

— **расширение оснований ответственности:** вероятность признания экологического вреда как основания для гражданско-правовой ответственности даже при отсутствии прямого нарушения договора (деликтная ответственность).

Возвращаясь к сказанному, еще раз обратим внимание на то, что интеграция целей устойчивого развития ведет к экологизации и социализации гражданского права, которое превращается в инструмент достижения общественных целей. Этот процесс не отменяет базовые принципы частного права, но накладывает на них новые ограничения и обязанности, отражая коллективную ответственность за будущее планеты [7].

Д.А. Королькова отмечает, что «концепция устойчивого развития и принципы ESG являются составляющей частью предмета изучения науки гражданского права, поскольку их реализация непосредственно связана с деятельностью субъектов гражданского права. Гражданское право имеет прямое отношение к реализации концепции устойчивого развития и ESG-принципов, так как оно регулирует отношения между субъектами гражданского оборота, то есть между гражданами, организациями и государством» [3, с. 54].

Из вышесказанного следует, что интеграция ценностей устойчивого развития в гражданское право представляет собой сложный процесс трансформации, который меняет систему частного права. Если раньше гражданское право было сфокусировано на автономии воли и защите частной **собственности**, то теперь оно все больше учитывает социальную ответственность, экологические императивы и долгосрочные общественные интересы. Гражданское право становится активным конструктором экономики, экологии и социальной сферы, ориентированных на ценности устойчивого развития. Оно все чаще используется как инструмент для прямого формирования таких частноправовых отношений, которые ведут не только к экономическому росту, но и к достижению целей сохранения планеты, социальной справедливости и долгосрочной экологической стабильности.

Заключение.

Оценивая ход реализации ЦУР в России, А.Г. Сахаров подчеркивает, что «несмотря на изменение внешних условий и необходимость их учета в приоритетах и стратегических целях социально-экономической политики, задачи сохранения долгосрочной траектории устойчивого развития не утратили актуальности» [8, с. 9].

Из прерогативы международного публичного и экологического права концепция устойчивого развития превратилась в фактор, стимулирующий эволюцию гражданского права, чьи основополагающие принципы были сфокусированы на частных интересах и экономической целесообразности. Более того, концепция устойчивого развития, с ее тремя императивами – экономическими, экологическими и социальными – вносит в эти принципы существенные коррективы. С позиции гражданского права, устойчивое развитие – это процесс экологизации и социализации всей системы частноправовых отношений. Оно перестраивает классические институты, вводя в них элементы долгосрочной ответственности, учета внешних эффектов и подчинения частных интересов целям сохранения планеты и благополучия общества для нынешних и будущих поколений. Следовательно, современное, гибкое и ориентированное на ЦУР гражданское право представляется

необходимым условием для реализации Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года, поскольку оно становится ключевым инструментом достижения этих целей.

Гражданско-правовая наука сегодня активно занимается переосмыслением классических цивилистических доктрин (собственность, договор, юридическое лицо) через призму устойчивости, созданием новых правовых инструментов («зеленые» облигации, ESG-договоры), поиском баланса между частными интересами и публичными экологическими целями. Она изучает и предлагает пути трансформации традиционных институтов для реализации принципов устойчивого развития. Исходя из этого, следует заключить, что концепция устойчивого развития становится новой парадигмой для гражданско-правовой науки, заставляющей ее искать ответы на сложные вызовы современности, оставаясь при этом в рамках логики и системы частного права.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Мажорина М.В. Право устойчивого развития: сущность, предмет и методология // Lex russica. 2022. № 5. С. 117–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.117-126 EDN: QLLHRX
2. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 70/1 от 25 сентября 2015 года. URL : <https://base.garant.ru/407358666/?ysclid=m7gj6g6ekg297582954> (дата обращения 30.10.2025).
3. Королькова Д.А. Место и роль концепции устойчивого развития и ESG-принципов в гражданско-правовой науке // Военно-правовые инструменты обеспечения экономической мобилизации предприятий оборонной промышленности: сборник трудов конференции. М. : Университетская наука, 2023. С. 51–54. EDN: ZTRPAI
4. Митяков С.Н. Новые цели устойчивого развития России // Развитие и безопасность. 2023. № 1. С. 21–35. DOI: 10.46960/2713-2633_2023_1_21 EDN: YAZHLN
5. Маслова С.В. Трансформация модели правового регулирования государственно-частного партнерства в свете концепции устойчивого развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 78–10. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.3.78.103 EDN: RMPSPM
6. Гаврилин А.Е. Актуальные вопросы правоприменения концепции устойчивого развития: конституционно-правовой анализ // Российское право онлайн. 2025. № 1. С. 66–71. DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.066-071 EDN: GMHJPR
7. Середа А.В. Особенности закрепления принципов устойчивого развития в российском праве // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 4. С. 95–102. DOI: 10.33693/2541-8025-2024-20-4-95-102 EDN: WVURXS
8. Сахаров А.Г. Реализация ЦУР в России: вызовы и достижения // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 2. С. 7–20. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-02-01 EDN: YXVWDF

References:

1. Mazhorina M.V. The law of sustainable development: essence, subject and methodology // Lex russica. 2022. № 5. P. 117–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.117-126 EDN: QLLHRX
2. Transforming our world: The 2030 Agenda for Sustainable Development: UN General Assembly Resolution № 70/1 of September 25, 2015. URL : <https://base.garant.ru/407358666/?ysclid=m7gj6g6ekg297582954> (date of application 10/30/2025).

3. Korolkova D.A. The place and role of the concept of sustainable development and ESG principles in civil law science // Military legal instruments for ensuring economic mobilization of defense industry enterprises: proceedings of the conference. М. : Universitetskaya Nauka, 2023. P. 51–54. EDN: ZTRPAI
4. Mityakov S.N. New goals of sustainable development of Russia // Development and security. 2023. № 1. P. 21–35. DOI: 10.46960/2713-2633_2023_1_21 EDN: YAZHLN
5. Maslova S.V. Transformation of the model of legal regulation of public-private partnership in the light of the concept of sustainable development // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2023. Vol. 16. № 3. P. 78–10. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.3.78.103 EDN: RMMPSM
6. Gavrilin A.E. Actual issues of law enforcement of the concept of sustainable development: constitutional and legal analysis // Russian Law online. 2025. № 1. P. 66–71. DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.066-071 EDN: GMHJPR
7. Sereda A.V. Features of the consolidation of the principles of sustainable development in Russian law // Problems of economics and legal practice. 2024. Vol. 20. № 4. P. 95–102. DOI: 10.33693/2541-8025-2024-20-4-95-102 EDN: WVURXS
8. Sakharov A.G. Implementation of the SDGs in Russia: challenges and achievements // Bulletin of International Organizations. 2025. Vol. 20. № 2. P. 7–20. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-02-01 EDN: YXVWDF

Информация об авторах

Шадже Марина Гидовна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры гражданского права
и гражданского процесса
Института права,
Адыгейский государственный университет
marina.sh050@mail.ru

Marina G. Shadzhe

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Civil Law and Civil Procedure
of the Institute of Law,
Adyghe State University
marina.sh050@mail.ru

Хаконова Ирина Байзетовна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры гражданского права
и гражданского процесса
Института права,
Адыгейский государственный университет
khakonova77@mail.ru

Irina B. Khakonova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Civil Law and Civil Procedure
of the Institute of Law,
Adyghe State University
khakonova77@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.11.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-26>

УДК 343.918.2

Attribution

cc by

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СКРЫВАЮЩЕГО ПОДЖОГОМ РАНЕЕ СОВЕРШЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Эндерс А.И.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Анализ поджога как одного из способов сокрытия ранее совершенного преступления, равно как и формирование криминалистической модели этого способа, несомненно предполагает обращение к проблеме определения типичных, повторяющихся черт личности преступника в их совокупности. Решение этой проблемы является базовой основой для выявления и формирования системного понимания целеполагания и мотивов поведения преступника для совершения скрывающего поджога. Важность и актуальность решения этой проблемы определяется также тем, что систематизация научно обоснованных представлений о типичной личности преступника-поджигателя позволит уполномоченным лицам, ведущим подобные дела существенно сократить время на установление личности преступника и его задержание, а также на возможно более полное и точное установление доказательной базы. Установление причинно-следственных связей между типичными чертами личности преступника и выбором им способов совершения поджога позволит также прогнозировать и поиск характерных следов, оставляемых поджигателем при осуществлении им того или иного вида совершения поджога.

Ключевые слова: скрывающий поджог, личность преступника, криминалистика, сокрытие преступления, модель личности преступника, картина преступления, следовая картина, типология преступника-поджигателя.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PERSONALITY TRAITS OF A CRIMINAL WHO HIDES A PREVIOUSLY COMMITTED CRIME BY ARSON

Anastasia I. Enders

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The analysis of arson as one of the ways to conceal a previously committed crime, as well as the formation of a forensic model of this method, undoubtedly involves addressing the problem of determining the typical, recurring personality traits of the criminal in their entirety. Solving this problem is the basic basis for identifying and forming a systematic understanding of the criminal's goal-setting and motives for committing a concealing arson. The importance and relevance of solving this problem is also determined by the fact that the systematization of scientifically based ideas about the typical identity of an arsonist criminal will allow authorized persons conducting such cases to significantly reduce the time to identify the criminal and detain him, as well as to establish the evidence base as fully and accurately as possible. The establishment of cause-and-effect relationships between the typical personality traits of the perpetrator and his choice of methods of arson will also make it possible to predict and search for characteristic traces left by the arsonist when he commits a particular type of arson.

Keywords: concealing arson, identity of the criminal, criminalistics, concealment of the crime, model of the criminal's personality, crime picture, trace picture, typology of the criminal arsonist.

Funding: Independent work.

Введение.

Анализ уголовных дел, связанных с расследованием противоправных деяний, совершенных с целью сокрытия ранее совершенных преступлений

путем поджогов, свидетельствует о значительном количестве их повторяемости как по способам совершения преступных действий, так и методов их подготовки и исполнения.

© Эндерс А.И.

Изучение результатов следственной и экспертно-криминалистической практики позволяет утверждать о том, что серьезные отличия в выборе способов и методов осуществления поджогов, в конструкции самодельных зажигательных устройств, в схемах подготовки и осуществления преступлений, связанных с поджогами, не наблюдается. Из этого можно сделать предположение о складывании в некотором смысле индивидуального почерка осуществления сокрывающего поджога [1, с. 26–30].

Обсуждение. Результаты.

Проведенные автором в различное время анализ архивных уголовных дел, изучение правовой статистики и следственно-судебной практики позволили получить серьезный эмпирический материал для выявления наиболее типичных характеристик личностной модели преступника, совершающего поджог с целью сокрытия ранее совершенного преступления.

Прежде всего, интерес у нас вызвала проблема определения количественного состава преступников, совершающих сокрывающий поджог.

Вид, разновидность, группа сокрываемых поджогом преступлений	Кража	Мошенничество	Разбой	Присвоение (растрата)	Убийство	Угон	Преступления в сфере Экон.
Один человек	70 %	21 %	50 %	88 %	82 %	100 %	67 %
От двух до трех	30 %	79 %	44 %	13 %	18 %	—	33 %
Четыре и более	—	—	6 %	—	—	—	—

В процессе анализа уголовных дел было определено различное количество причастных к совершению преступных действий в зависимости от вида преступления, результаты которого маскировались путем поджога. Сокрывающий поджог, осуществляемый «одиночкой», был предпринят в 100 % сокрытий факта угона автотранспортных средств, в 88 % случаев хищения, присвоения и растраты материальных средств, в 82 % сокрытий совершенного ранее убийства, в 70 % сокрываемых путем поджога ранее совершенных краж, в 67 % преступлений в сфере экономической деятельности и в 50 % сокрываемых разбоев и разбойных нападений.

Был выявлен и групповой состав при совершении поджогов с целью сокрытия ранее совершенных преступлений. Так, группы в составе двух-трех человек в 79 % случаев совершали поджог для сокрытия результатов мошеннической деятельности в экономической сфере. По другим составам преступлений в этой же экономической сфере такого рода поджог группой два-три человека осуществлялся в 33 % выявляемых преступлений.

Такой же количественный состав участников преступных действий (44 %) характерен и для случаев совершения поджога с целью сокрытия ранее совершенных разбойных нападений на индивидуальные жилища граждан и административные здания. 30 % ранее совершенных краж также пытались скрыть с помощью поджогов группы в составе двух-трех человек. Отметим также, что только для сокрытия разбойных нападений группа поджигателей увеличивалась до четырех и более участников (6 %).

Анализ полученного эмпирического материала позволил предположить наличие зависимости количества, участвующих в сокрывающем поджоге от характера и масштаба сокрываемого преступления и от способов совершения самого поджога, конструкции избираемого для этого самодельного зажигательного устройства. Прослеживается также значительное превалирование такого группового способа совершения поджога с целью сокрытия ранее совершенного преступления, квалифицированного как разбойное нападение или преступление в экономической сфере, так как именно при совершении таких сокрывающих поджогов необходимо распределение ролей, тщательная подготовка, получение информации о расположении мест хранения экономической документации, подлежащей уничтожению и т.п.

Это коррелирует и с мнением, например, А. Волынского, отмечающего так же, что группа для сокрытия преступления вынуждена привлекать организатора, посредников и (или) нескольких исполнителей (знающих, где и в каком помещении лежит подлежащая уничтожению огнем экономическая документация, электронные носители информации), пособников, опытных в маскировке (инсценировке) поджога [2, с. 27–36].

В ходе проводимого нами эмпирического исследования с целью определения типичных черт преступника, совершающего поджог для сокрытия ранее совершенного преступления, мы посчитали необходимым обозначить и его половую принадлежность.

Вид, разновидность, группа скрываемых поджогом преступлений	Кража	Мошенничество	Разбой	Присвоение (растрата)	Убийство	Угон	Преступления в сфере Экон.
Мужской	98 %	100 %	93 %	88 %	95 %	100 %	100 %
Женский	2 %	—	7 %	13 %	5 %	—	—

Результаты исследования свидетельствуют о значительном преимуществе лиц мужского пола среди преступников, совершающих сокрывающие поджоги. По тем видам скрываемых преступлений, которые были нами выделены для анализа, максимальное количество женщин, совершающих поджоги для сокрытия растрат или присвоения чужого имущества составило 13 процентов, по остальным же видам и того меньше: 7 % для сокрытия фактов разбойных нападений, 5 % – убийств, а также 2 % для сокрытия ранее совершенных краж.

Проведенный анализ и полученные результаты подтверждаются и проведенным исследованием М.Ю. Богуцкой, которая вполне обосновано и доказательно выдвинула суждение о том, что для

совершения сокрывающего поджога необходимо обладание физической силой для создания и поддержания очага горения, опытом моделирования технологических процессов при получении огня и его горении (распространении), знаниями о физической природе различных горючих веществ, умение обращаться с инициаторами горения, получения нефтепродуктов из транспортных средств, закрытых хранилищ [3, с. 50].

Интерес и значение для достижения целей нашего исследования составил и анализ возрастного состава преступников, совершивших поджоги для сокрытия следов ранее совершенного преступления.

Вид, разновидность, группа скрываемых поджогом преступлений	Кража	Мошенничество	Разбой	Присвоение (растрата)	Убийство	Угон	Преступления в сфере Экон.
до 18 лет	5 %	—	6 %	—	4 %	—	—
от 18 до 25 лет	53 %	—	41 %	49 %	25 %	50 %	—
от 26 до 35 лет	30 %	75 %	18 %	13 %	41 %	50 %	100 %
от 36 до 45 лет	10 %	25 %	29 %	25 %	16 %	—	—
старше 45 лет	2 %	—	6 %	13 %	14 %	—	—

Выяснилась прямая зависимость возраста лиц, совершивших поджоги от квалификационного состава скрываемого преступления.

Как видно из данных в приводимой таблице, для преступников возрастом до 18 лет характерно совершение поджога с целью сокрытия следов ранее совершенных разбойных нападений (6 процентов), краж – (5 процентов), убийств – (4 процента). Для лиц возрастного диапазона от 18 до 25 лет наиболее часто встречающиеся виды скрываемых преступлений следующие: кражи – (53 процента); угон автомобиля (50 процентов); присвоение чужого имущества – (49 процентов); разбойные нападения – (41 процент). Разбойные нападения часто сопровождаются причинением смерти с применением насилия и далее ее сокрытием путем поджога. Такое преступное поведение характерно, по мнению опрошенных нами следователей, именно для этой возрастной группы.

Для возрастной группы от 26 до 35 лет характерны следующие данные: сокрытие следов мошенничества – (75 процентов); угон – (59 процентов); убийство – (41 процент). Мошенничество как

«приоритетный» вид скрываемого этой возрастной группой (в 75 % случаев), а также группой в возрасте от 36 до 45 лет (в 25 % случаев) преступления объясняется, по мнению опрошенных нами представителей следственных подразделений (особенно в сфере автострахования), тем, что, действуя в составе этой группы, они имеют возможность в него включать и сотрудника страховой организации, с помощью которого уничтожается или повреждается застрахованное имущество для получения страховой выплаты, а далее совершают поджог с целью введения в заблуждение страховой организации.

Для преступников старшей возрастной группы (более 45 лет) характерно участие в совершении поджогов с целью сокрытия преступлений, связанных с махинациями с застрахованной недвижимостью. Это объясняется тем, что представители этой возрастной группы при составлении договоров о страховании имущества, при общении с представителями служб безопасности страховых организаций вызывают больше доверия, чем более молодые люди.

Что касается возрастной характеристики участников преступлений, который квалифицируются как убийство, то стремление совершить поджог с целью сокрытия следов таких преступлений характерно для всех возрастных групп. Правда, здесь необходимо сделать одно уточнение. Для двух старших возрастных групп обследуемых (от 36 до 45 лет и старше) процент совершаемых поджогов с целью сокрытия следов убийства существенно ниже (16 процентов для первой группы и 14 – для второй). Это объясняется наличием серьезного жизненного опыта (а порой и криминального тоже), который формирует ясные представления о малой «эффективности» и «качественности»

использования такого метода сокрытия следов преступления.

Это наше предположение вполне согласуется и с данными, полученными, например таким советским исследователем, как В.А. Кувшинов [4, с. 79–81].

Необходимым и даже обязательным для полной представленности характеристик типичной личности преступника-поджигателя нам представляется и анализ образовательного уровня лиц, совершивших поджог с целью сокрытия ранее совершенного преступления.

Вид, разновидность, группа скрываемых поджогом преступлений	Кража	Мошенничество	Разбой	Присвоение (растрата)	Убийство	Угон	Преступления в сфере Экон.
Общее среднее	69 %	–	66 %	14 %	60 %	50 %	20 %
Среднее специальное	21 %	25 %	20 %	86 %	29 %	50 %	40 %
Высшее	6 %	75 %	7 %	–	4 %	–	40 %
Незаконченное среднее	4 %	–	7 %	–	7 %	–	–

Полученные в результате проведенного исследования эмпирические данные, позволяют утверждать о наличии определенной зависимости избираемых преступниками методов совершения поджога с целью сокрытия другого преступления от уровня их образования. Преступники, совершающие поджоги с целью сокрытия преступлений мошеннической направленности, как правило имеют высшее образование. Таковых выявлено 75 % от общей численности дел по этим квалифицируемым признакам. Достаточно высоким является и процент преступников, совершающих поджоги с целью сокрытия ранее совершенных преступлений экономической направленности (40 %).

разбойные нападения) также имеют среднее специальное образование.

Лица с общим средним образованием отмечены в совершении поджогов, скрывающих ранее совершенные кражи (69 %), убийства (60 %), разбойные нападения (66 %).

Изучение дел, связанных с расследованием скрывающих поджогов, позволило выяснить тот факт, что преступники-поджигатели, как правило, не обладают специализированными познаниями пожарно-технической направленности и поэтому для организации и осуществления возгорания избирают, зачастую, самые тривиальные способы поджогов, как правило обнаруживаемыми на месте преступления подсобными средствами (спички, зажигалки, ветошь, бумага, мусор и т.п.).

Для преступников-поджигателей, совершающих поджог с целью сокрытия ранее совершенного угона транспортных средств, характерно в половине случаев (50 %) наличие среднего специального образования, преимущественно технической направленности. Около 60 % лиц, совершающих скрывающий поджог с целью сокрытия преступлений против собственности (кражи, грабежи,

Определенный исследовательский интерес представляет и анализ рода деятельности преступников, совершающих поджоги с целью сокрытия следов ранее совершенного преступления.

Вид, разновидность, группа скрываемых поджогом преступлений	Кража	Мошенничество	Разбой	Присвоение (растрата)	Убийство	Угон	Преступления в сфере Экон.
Рабочий	22 %	25 %	14 %	–	16 %	100 %	17 %
Индивидуальный предприниматель	2 %	50 %	–	13 %	1 %	–	49 %
Руководитель коммерческой организации	–	–	–	13 %	1 %	–	17 %
Служащий	4 %	25 %	–	49 %	1 %	–	–
Пенсионер	–	–	7 %	–	3 %	–	–
Учащийся	7 %	–	–	–	6 %	–	–
Не работающий	65 %	–	79 %	25 %	72 %	–	17 %

Весомая доля совершаемых поджогов с целью сокрытия ранее совершенных краж (65 %), раз-

бойных нападений (79 %), убийств (72 %) принадлежит лицам, не имеющим никакого вида деятельности, не работающим.

Скрывающие следы ранее совершенных преступлений мошеннической направленности путем поджога в 50 % случаев являются индивидуальными предпринимателями. Они же примерно в той же пропорции совершают поджоги для сокрытия следов преступлений в сфере экономической деятельности. Следы таких же преступлений как растраты или незаконное присвоение чужого имущества в почти половине случаев путем поджогов

скрывают служащие. Сокрытие следов совершенных ранее угонов транспортных средств путем поджогов совершают рабочие (в 100 % случаев).

Для более полного представления особенностей личности преступника, совершающего поджог с целью сокрытия следов ранее совершенного преступления важным, представляется и определение степени рецидива совершаемых преступлений.

Вид, разновидность, группа скрываемых поджогом преступлений	Кража	Мошенничество	Разбой	Присвоение (растрата)	Убийство	Угон	Преступления в сфере Экон.
Ранее судим за аналогичные	11 %	—	12 %	—	4 %	—	—
Ранее не судим	23 %	100 %	41 %	62 %	36 %	33 %	—
Ранее судим за иные преступления	66 %	—	47 %	38 %	60 %	67 %	100 %

В ходе исследования выяснилось, что процент рецидива для такого способа сокрытия следов ранее совершенного преступления не так уж и велик (сокрытие краж – 11 %, разбойных нападений – 12 %, убийств – 4 %). Но вот процент ранее привлекавшихся к уголовной ответственности за другие преступления среди совершавших скрывающие поджоги достаточно велик. Так все лица, совершившие поджоги с целью сокрытия преступлений в сфере экономической деятельности ранее имели судимость за другие преступления. В 67 % случаев сокрытия следов угонов, в 60 % случаев сокрытия убийств, в 66 % случаев сокрытия следов краж путем поджогов преступления совершали лица, ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности за другие преступления. Ранее приобретенный криминальный опыт и привычка асоциального поведения у таких людей способствует беспрепятственному поиску исполнителей для совершения скрывающего поджога.

Анализ архивных уголовных дел, судебно-следственной практики позволяет представить с определенной долей условности типичный портрет личности преступника-поджигателя, совершающего поджог с целью сокрытия следов ранее совершенного преступления. Прежде всего, мы можем предполагать, что это, как правило, действующий в одиночку мужчина среднего возраста, скорее всего ранее привлекаемый к уголовной ответственности за совершение других преступлений, среднего уровня образованности, не имеющий специализированных знаний и навыков пожаро-технической направленности, не работающий.

Представленный типичный портрет вполне может оказать помощь следственной оперативной группе в сокращении сроков разработки плана следственных мероприятий по скорейшему поиску подозреваемых в совершении преступления и составлении типовой информационной модели преступления.

Заключение.

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гостев А. Эксперт исследует поджог // Полиция России. 2020. № 6. С. 26–30.
2. Волынский А.Ф. О способах противодействия расследованию экономических преступлений // Известия ТулГУ. 2013. № 4-2. С. 27–36. EDN: RXOSQV
3. Богуцкая М.Ю. Методика расследования умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 50 с. EDN: NNFEYF

© Эндерс А.И.

4. Демидов Н.Н. Изучение личности преступника в процессе расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 23 с. EDN: MDMTFY
5. Кувшинов В.А. О криминальном сжигании трупов // Судебная медицина и реаниматология. Материалы расширенной конференции судебных медиков Татарии (научные труды). Казань, 1969. Т. 26. С. 79–81.
6. Лушечкина М.А. О направлениях, задачах и понятии криминалистического изучения личности // Вестник МГУ. Сер. Право. 1999. № 3. С. 42–47.
7. Приговор Краснодарского краевого суда от 12 октября 2012 года по делу № 2-66/12. В архиве Краснодарского краевого суда.
8. Постановление апелляционной инстанции Иркутского областного суда по уголовному делу № 1-661/2017 от 17 ноября 2017 в архиве данного суда.
9. Уголовное дело № 1-418/2019 и Приговор, в архиве городского суда г. Геленджика Краснодарского края.
10. Постановление по делу №1-22/2018 от 15.02.2018 в архиве Котовского районного суда Волгоградской области.
11. Приговор № 1-116/2018 от 23 июля 2018 г. по делу № 1-116/2018. В архиве Железнодорожного городского суда Курской области.
12. Приговор по уголовному делу №1-176/2018 в архиве Северского районного суда Краснодарского края.
13. Приговор от 02 октября 2012 г. по делу № 2-41/2012, и дело № 2-41/2012 в архиве Краснодарского краевого суда.
14. Приговор № 2-39/2011 от 29 июня 2011 г. по делу № 2-39/2011. Архив Омского областного суда.
15. Судебное дело № 1-176/2018 от 30 мая 2018 г. // В архиве Крымского районного суда Краснодарского края.
16. Судебное дело № 2-35/2013 от 25 апреля 2013 г. В архиве Октябрьского районного суда г. Иркутска.
17. Уголовное дело № 922836, 2009 г. // Архив СО Приморского округа У МВД России по г. Новороссийску Краснодарского края.

References:

1. Gostev A. Expert investigates arson // Russian Police. 2020. № 6. P. 26–30.
2. Volynsky A.F. On ways to counteract the investigation of economic crimes // Izvestiya TISU. 2013. № 4-2. P. 27–36. EDN: RXOSQV
3. Bogutskaya M.Y. Methods of investigation of intentional destruction or damage of other people's property committed by arson : dis. ... of cand. jurid. sciences'. SPb., 2005. 50 p. EDN: NNFEYF
4. Demidov N.N. The study of the criminal's personality during the investigation : abstract. dis. ... cand. jurid. Sciences'. Volgograd, 2003. 23 p. EDN: MDMTFY
5. Kuvshinov V.A. About the criminal burning of corpses // Forensic medicine and intensive care medicine. Materials of the extended conference of forensic doctors of Tatarstan (scientific papers). Kazan, 1969. Vol. 26. P. 79–81.
6. Lushechkina M.A. On the directions, tasks and the concept of criminalistic personality study // Bulletin of the Moscow State University. Ser. Right. 1999. № 3. P. 42–47.
7. The verdict of the Krasnodar Regional Court of October 12, 2012 in case № 2-66/12. In the archive of the Krasnodar Regional Court.
8. The decision of the Court of Appeal of the Irkutsk Regional Court in the criminal case № 1-661/2017 dated November 17, 2017 in the archive of this court.
9. Criminal case № 1-418/2019 and the Verdict, in the archive of the Gelendzhik City Court of the Krasnodar Territory.
10. Resolution on case № 1-22/2018 dated 02/15/2018 in the archive of the Kotovsky District Court of the Volgograd region.
11. Verdict № 1-116/2018 dated July 23, 2018 in case № 1-116/2018. In the archive of the Zheleznogorsk City Court of the Kursk region.
12. The verdict in criminal case № 1-176/2018 in the archive of the Seversky District Court of the Krasnodar Territory.
13. The verdict of October 02, 2012 in case № 2-41/2012, and case № 2-41/2012 in the archive of the Krasnodar Regional Court.
14. Verdict № 2-39/2011 of June 29, 2011 in case № 2-39/2011. Archive of the Omsk Regional Court.
15. Court case № 1-176/2018 dated May 30, 2018 // In the archive of the Crimean District Court of the Krasnodar Territory.
16. Court case № 2-35/2013 dated April 25, 2013 In the archive of the Oktyabrsky district Court of Irkutsk.
17. Criminal case № 922836, 2009 // Archive of the Primorsky District of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Novorossiysk, Krasnodar Territory.

Информация об авторе

Эндерс Анастасия Игоревна

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры,
Краснодарский университет МВД России
ORCID: 0009-0002-6268-9395
post_krd@mvd.ru

Anastasia I. Enders

Candidate of Legal Sciences,
Lecturer of the Department,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ORCID: 0009-0002-6268-9395
post_krd@mvd.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-1>

УДК 658.012.011.56

Attribution

cc by

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ БИЗНЕСА НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ ESG: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Абдуллаев Р.Н.

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Аннотация. Целью исследования является выявление направлений оптимизации процессов управления устойчивым развитием бизнеса в России на основе принципов ESG, позволяющих преодолеть существующие барьеры и перевести устойчивость из декларативного уровня в управляемые бизнес-процессы. Материалами исследования выступили международные стандарты устойчивого развития, российские нормативно-правовые акты, корпоративная нефинансовая отчётность и внутренние регламенты промышленных компаний. Применялись контент-анализ, отраслевой бенчмаркинг, моделирование бизнес-процессов (BPMN/SIPOC), операционализация ESG-метрик в цифровых контурах (ETL/RPA, XBRL), а также количественные методы – АНР и панельные регрессии. Установлено, что свыше 55 % российских компаний учитывают ESG-критерии в стратегическом планировании, однако ключевыми барьерами остаются фрагментарность данных, несопоставимость метрик, высокая CAPEX-нагрузка и недостаточная верификация цепочек поставок. Примеры российских предприятий показывают, что внедрение ESG в операционные процессы снижает энергопотребление, улучшает показатели безопасности труда и укрепляет репутационные позиции. Оптимизация управления устойчивым развитием требует перехода к процессной модели ESG. Такой подход снижает транзакционные издержки, укрепляет доверие стейкхолдеров, повышает доступность финансирования и переводит цели устойчивого развития в измеримые управленческие результаты.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG, процессное управление, цифровизация, промышленность России, развитие бизнеса, бизнес-процессы, моделирование.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

OPTIMIZATION OF SUSTAINABLE BUSINESS DEVELOPMENT MANAGEMENT PROCESSES BASED ON ESG PRINCIPLES: RUSSIAN SPECIFICS AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS

Rasul N. Abdullaev

Moscow University of Finance and Industry «Synergy»

Abstract. The purpose of the study is to identify ways to optimize the processes of managing sustainable business development in Russia based on the principles of ESG, which allow overcoming existing barriers and transferring sustainability from a declarative level to managed business processes. The research materials included international standards for sustainable development, Russian regulations, corporate non-financial reporting, and internal regulations of industrial companies. Content analysis, industry benchmarking, business process modeling (BPMN/SIPOC), operationalization of ESG metrics in digital circuits (ETL/RPA, XBRL), as well as quantitative methods such as AHP and panel regressions were used. It has been established that over 55 % of Russian companies take ESG criteria into account in strategic planning, however, fragmented data, disparity of metrics, high CAPEX load and insufficient verification of supply chains remain key barriers. Examples of Russian enterprises show that the introduction of ESG into operational processes reduces energy consumption, improves occupational safety and strengthens reputational positions. Optimization of sustainable development management requires a transition to the ESG process model. This approach reduces transaction costs, strengthens stakeholder confidence, increases the availability of financing, and translates sustainable development goals into measurable management results.

© Абдуллаев Р.Н.

Keywords: sustainable development, ESG, process management, digitalization, Russian industry, business development, business processes, modeling.

Funding: Independent work.

Введение.

Современный бизнес развивается в условиях высокой турбулентности, когда социальные, экологические и экономические факторы одновременно влияют на внутренние процессы компаний. В таких условиях принципы социальной и экологической ответственности превращаются из «доброй практики» в инструмент управления рисками и возможностями: по данным 2023–2024 годов, свыше 55 % российских компаний уже учитывают ESG-метрики в стратегическом планировании, а около 30 % связывают их с доступом к финансированию и репутацией [1–3]. Переход от декларативной CSR (корпоративной социальной ответственности) к операционному ESG (экологические, социальные и управленческие аспекты) требует встраивания устойчивости в архитектуру процессов и данных.

Однако компании сталкиваются с барьерами: фрагментированные данные, несопоставимые метрики и «зелёный камуфляж», когда отчётности не подкрепляется реальными изменениями. В России эти проблемы усиливаются низкой цифровизацией отчётности (около 20 % эмитентов используют машиночитаемые форматы) и ограниченными инвестициями в «зелёные» проекты (менее 0,5 % ВВП в 2023 г., что значительно ниже европейских показателей). Одновременно регуляторные сдвиги делают ESG-раскрытия обязательными, а банки и заказчики увязывают стоимость капитала с качеством ESG-управления. Это повышает требования к доказательности: к прослеживаемым данным по экологии и охране труда, управлению социальными рисками и измеримым результатам проектов ресурсной эффективности [4].

Для российских промышленных предприятий, работающих в многоотраслевой и регионально неоднородной среде, вопрос не только в том, «что раскрывать», а в том, как организовать процессы, чтобы социальная и экологическая ответственность приносила управляемый эффект [5]. Цифровая трансформация даёт инструменты именно для этого: единые словари показателей, сквозные KPI, контуры данных (ETL/RPA), машиночитаемая отчётность (например, XBRL), дашборды для контроля и аудита. Научно-методические рекомендации становятся «мостом» между регуляторными ожиданиями и операционными реальностями: они задают стандарты, роли и процедуры, по которым устойчивость переводится в повседневные решения – от закупок и производства до логистики, охраны труда и экологии. При этом последовательный переход «от принципов к процессам» предполагает стратификацию требований ESG для отраслей, картирование критичных бизнес-процессов, выбор релевантных метрик и

формирование цифрового контура их сбора и валидации. Такой подход снижает транзакционные издержки, повышает сопоставимость результатов и укрепляет доверие стейкхолдеров, а главное – позволяет измерять реальный эффект (экологический, социальный и операционный), а не только охват отчётности.

Цель исследования – выявить ключевые направления оптимизации процессов управления устойчивым развитием бизнеса в России на основе принципов ESG, с акцентом на устранение существующих проблем и формирование практических рекомендаций, обеспечивающих переход от декларативного подхода к интеграции ESG в управляемые бизнес-процессы.

Материалы и методы.

Материалами исследования выступили международные стандарты в области устойчивого развития (IFRS/ISSB, GRI, SASB, ESRS, ISO 26000, GHG Protocol), российские нормативные акты, а также корпоративная нефинансовая отчётность и внутренние регламенты промышленных компаний.

Методологическая основа работы сочетала систематический контент-анализ и отраслевой бенчмаркинг, что позволило выявить разрывы и лучшие практики в применении ESG-показателей. Процессная диагностика типовых бизнес-цепочек (закупки, производство, логистика, экология, охрана труда) проводилась с использованием моделирования BPMN/SIPOC и цифровых инструментов ETL/RPA и XBRL. Количественный этап включал многокритериальную приоритизацию (АНР) и панельный регрессионный анализ для оценки влияния зрелости ESG-контуров на ключевые результаты деятельности.

Обсуждение. Результаты.

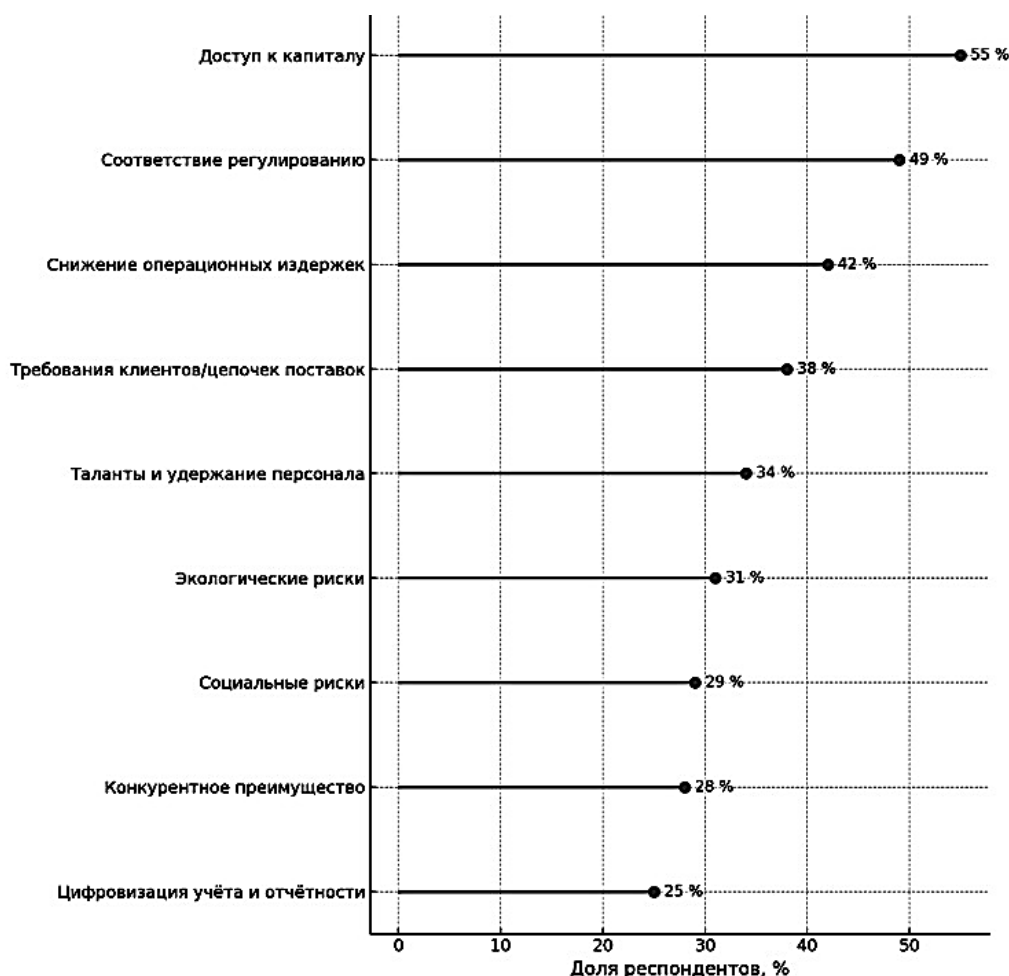
Согласно опросам российского рынка 2023–2024 годов, более половины институциональных инвесторов и крупных эмитентов уже учитывают ESG-критерии при принятии решений, тогда как существенная доля участников рассматривает их как важный фактор отбора и оценки проектов. При этом значимая часть руководителей связывает внедрение ESG с долгосрочными эффектами (снижение рисков, стоимость капитала, репутация), а каждый третий – с запуском новой продуктовой и сервисной линейки на стыке устойчивого развития и цифровых решений. В совокупности, это указывает на ускоренную институционализацию ESG в России и ожидаемый рост вложений в энергоэффективность, промышленную экологию, охрану труда и развитие человеческого капитала в ближайшие годы [6].

Следовательно, акцент смещается от формальной отчётности к оптимизации процессов управления устойчивым развитием бизнеса на основе принципов ESG:

- к стандартизации показателей и регламентов;
- к распределению ролей и ответственности;
- к интеграции метрик в архитектуру ключевых процессов (закупки, производство, логистика, ОТиТБ, экология) и их цифровизации для обеспечения прослеживаемости и сопоставимости данных (ETL/RPA-контуры, дашборды, при применимости – XBRL).

Тем самым формируется воспроизводимый контур планирования, мониторинга и улучшения (KPI, контрольные точки, процедуры верификации), который напрямую увязывает экологические и социальные обязательства с операционными и инвестиционными решениями компаний.

На рисунке представлены ключевые факторы, стимулирующие включение ESG в процесс принятия управленческих решений в российских условиях, а также показаны узловые точки процессной оптимизации, через которые принципы ESG транслируются в измеримые управленческие эффекты.

Узловые точки процессной оптимизации: KPI, контрольные точки, процедуры верификации; данные — экспертная оценка, иллюстративный пример.

Рисунок 1 – Детерминанты интеграции принципов ESG в процессы принятия управленческих решений

В качестве показательного для инвесторов примера в российских условиях можно рассмотреть обобщённый кейс крупной промышленной группы, которая ещё до 2020-х годов перевела принципы ESG из уровня деклараций на уровень оптимизации процессного управления: цели устойчивого развития были встроены в регламенты, KPI и цифровые контуры сбора данных по основным бизнес-процессам (закупки, производство, логистика, охрана труда и экология).

В рамках программы энергоэффективности, предприятие развернуло систему менеджмента по ISO 50001 и цифровой мониторинг энергопотребления (ETL-конвейеры, дашборды), что обеспечило снижение удельного потребления электроэнергии на 22 % за четыре года и дало эффект на ОПЕХ; параллельно объём инвестиций в проекты ВИЭ и ресурсосбережения превысил 35 млрд руб., а совокупные выбросы Scope 1+2 были сокращены на ≈ 28 % [7]. Социальный контур был

усилен через стандартизацию процедур безопасности труда и вовлечённости (карты процессов, контрольные точки, аудит поведения), что привело к снижению частоты регистрируемых инцидентов (TRIR) на 25 % и росту удовлетворённости персонала; в блоке управления доля независимых директоров и активность комитетов по устойчивому развитию выросли, а вес ESG-KPI в бонусировании менеджмента достиг 15–20 %, что повысило дисциплину исполнения [8].

Согласование ESG-целей с долгосрочной стратегией, и их «прошивка» в операционные процессы обеспечили экономию издержек 4–6 %, улучшение условий финансирования (снижение стоимости заимствований на 40–60 б.п. в отдельных кредитных линиях) и укрепление нематериальных активов (репутация, доверие заказчиков), то есть придали устойчивости измеримый управленческий характер [9].

Методически для измерения прогресса применяются разные подходы к формированию индикаторов следования принципам ESG: внешние рейтинги и индексы (MSCI ESG, Refinitiv ESG, Bloomberg ESG Disclosure, Sustainalytics) дополняются отраслевыми метриками и внутренними процессными KPI (энергоёмкость, интенсивность выбросов, травматизм, текучесть, охват обучения, зрелость комплаенса).

В таблице 1 представлено сопоставление указанных рейтингов с доменами E/S/G и показателями процессной оптимизации (KPI, контрольные точки, процедуры верификации), что позволяет увязать внешнюю оценку с управляемыми внутрифирменными механизмами и обеспечить сопоставимость результатов во времени и между площадками [10].

Таблица 1

Сопоставление внешних ESG-рейтингов с процессными индикаторами оптимизации [10]

Агрегатор / рейтинг	Покрытие ESG	Основные метрики / фокус	Источник данных / методика	Привязка к процессной оптимизации
1	2	3	4	5
MSCI ESG Ratings	E / S / G (отраслево-специфичные веса)	Материальные темы по отрасли (~35 ключевых вопросов), события и 'controversies'	Публичные раскрытия, регистры и СМИ; верификация аналитиками	KPI: интенсивность выбросов, доля ВИЭ, TRIR; контрольные точки: аудит поставщиков, инспекции HSE; верификация: независимый аудит, данные счётчиков/ERP
Refinitiv ESG Score	E / S / G (сравнительная оценка раскрытий)	Порядка 450 показателей раскрытия по компаниям из 186+ стран	Годовые и устойчивые отчёты, сайты компаний; стандартизированная кодировка полей	KPI: полнота и актуальность раскрытий; контрольные точки: чек-лист разделов отчёта; верификация: XBRL-валидаторы, юридический комплаенс
Bloomberg ESG Disclosure Score	E / S / G (полнота раскрытия по таксономии Bloomberg)	Степень заполнения ключевых полей по E/S/G; сопоставимость для инвесторов	Годовые отчёты, sustainability reports, регуляторные файлинги	KPI: % заполнения полей и своевременность; контрольные точки: регламент публикации; верификация: сверка с базами Bloomberg/внутренними реестрами
Sustainalytics ESG Risk Rating	E / S / G (оценка неконтролируемого ESG-риска)	Материальные риски и степень их управляемости; отраслевые 'material issues'	Раскрытия компаний + альтернативные источники; экспертная валидация	KPI: риск-профиль и доля закрытых 'material issues'; контрольные точки: реестр рисков, планы CAPEX; верификация: аудит исполнения и инспекции
Агрегатор / рейтинг	Покрытие ESG	Основные метрики / фокус	Источник данных / методика	Привязка к процессной оптимизации
MSCI ESG Ratings	E / S / G (отраслево-специфичные веса)	Материальные темы по отрасли (~35 ключевых вопросов), события и 'controversies'	Публичные раскрытия, регистры и СМИ; верификация аналитиками	KPI: интенсивность выбросов, доля ВИЭ, TRIR; контрольные точки: аудит поставщиков, инспекции HSE; верификация: независимый аудит, данные счётчиков/ERP
Refinitiv ESG Score	E / S / G (сравнительная оценка раскрытий)	Порядка 450 показателей раскрытия по компаниям из 186+ стран	Годовые и устойчивые отчёты, сайты компаний; стандартизированная кодировка полей	KPI: полнота и актуальность раскрытий; контрольные точки: чек-лист разделов отчёта; верификация: XBRL-валидаторы, юридический комплаенс

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
Bloomberg ESG Disclosure Score	E / S / G (полнота раскрытия по таксономии Bloomberg)	Степень заполнения ключевых полей по E/S/G; сопоставимость для инвесторов	Годовые отчёты, sustainability reports, регуляторные файлинги	KPI: % заполнения полей и своевременность; контрольные точки: регламент публикации; верификация: сверка с базами Bloomberg/внутренними реестрами
Sustainalytics ESG Risk Rating	E / S / G (оценка неконтролируемого ESG-риска)	Материальные риски и степень их управляемости; отраслевые 'material issues'	Раскрытия компаний + альтернативные источники; экспертная валидация	KPI: риск-профиль и доля закрытых 'material issues'; контрольные точки: реестр рисков, планы CAPEX; верификация: аудит исполнения и инспекции

Примечание: Процессные индикаторы включают KPI, контрольные точки и процедуры верификации; таблица носит иллюстративный характер и может дополняться метриками отраслевых стандартов (ISSB/GRI/ESRS).

Таким образом, сопоставление в таблице 1 показывает: внешние ESG-рейтинги приобретают управленческий смысл лишь тогда, когда метрики «привязаны» к конкретным процессам (KPI, контрольные точки, верификация) и встроены в цифровой контур данных; далее, обратимся к российской специфике применения этого подхода.

В российском бизнес-контексте универсальные ESG-стратегии без операционной «прошивки» быстро дают сбой: в материалоемких отраслях (металлургия, нефтехимия, машиностроение) декарбонизация и ресурсосбережение заметно улучшают риск-скорректированную прибыль, тогда как в сервисных сегментах эффект умерен; при этом высокие CAPEX, ограниченный доступ к «зеленому» финансированию, фрагментарность данных, и регуляторная неопределённость усиливают разрыв между целями и результатом.

Практический вывод для российских компаний – начинать с оптимизации процессов управления устойчивым развитием на принципах ESG:

– картировать цепочку ценности, закреплять метрики за конкретными процедурами (закупки, производство, логистика, ОТиТБ, экология), связывать их с P&L и рисками, а сбор и верификацию

переводить на цифровые контуры (ETL/RPA, дашборды;

– при необходимости – XBRL), чтобы инвестиции конвертировались в измеримый операционный эффект.

Для экспортоориентированных групп критичной становится «глубина» цепочек поставок и локальное содержание проектов: формальное соответствие HQ стандартам не снимает рисков Score 3, требований заказчиков и ожиданий местных сообществ. Поэтому ESG нужно «вшивать» в контуры закупок и управления проектами: KPI по локализации, матрицы ответственности, стандарты отчётности и проверки, регулярная верификация поставщиков 1–3 уровней и гармонизация показателей между юрисдикциями – иначе соответствие превращается в «чек-бокс» без снижения регуляторных и репутационных рисков.

В таблица 2 показано, как внешние ESG-рейтинги сопоставляются с процессными индикаторами (KPI, контрольные точки, процедуры верификации) и переводятся в управляемые решения именно для российских промышленных компаний.

Таблица 2

Модель оптимизации процессов управления устойчивым развитием бизнеса на принципах ESG
(Составлено автором)

Этап	Цель этапа	Ключевые действия (процессная оптимизация)	Метрики / KPI (E / S / G)	Цифровые инструменты и данные	Ответственность и контроль
1	2	3	4	5	6
1. Оценка рисков и возможностей ESG	Идентифицировать материальные темы и влияние на P&L/риск-профиль	Картирование цепочки ценности; LCA; стресс-тесты; реестр ESG-рисков; матрица «воздействие × реализуемость»	E: CO ₂ e Scope 1–3, энергоёмкость; S: TRIR, текучесть; G: независимые директора, частота аудитов	DWH/ETL; ERP/EMS/HRM интеграции; BI-дашборды; подготовка XBRL	Совет по устойчивому развитию; риск-офис; владельцы показателей
2. Интеграция ESG в ключевые процессы	Встроить факторы E/S/G в закупки, производство, логистику и НИОКР	ESG-критерии в LCA и закупках; due diligence поставщиков; ESG-кlausury в договорах; стандарты HSE; циклическая экономика	E: удельный расход энергии/воды, доля переработки; S: охват аудитов; G: доля контрактов с ESG-требованиями	SRM/PLM; реестр поставщиков с ESG-анкетами; IoT-счётчики; автоматический сбор первичных данных	Закупки, производство, логистика; комитет поставщиков; внутренний аудит

Окончание таблицы 2

— ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ —

1	2	3	4	5	6
3. Измерение и отчётность	Обеспечить прозрачность, сопоставимость и полноту ESG данных	Гармонизация с ISSB/GRI/ESRS; единый словарь данных; календарь закрытия; интеграция нефинансовой и финансовой отчётности	Своевременность и полнота раскрытий; доля автоматизированных показателей; % верифицированных источников	BI дашборды; каталог данных; XBRL пакеты; правила качества данных	Финансы/ESG офис; ИТ архитектура; владельцы данных
4. Финансовая интеграция ESG	Связать ESG инициативы с бюджетом, CapEx/OpEx и стоимостью капитала	ESG бюджетирование; инвестиционные кейсы с NPV/IRR и CO ₂ e эффектом; KPI в бонусировании руководства; выпуск ESG связанных инструментов	G: доля ESG проектов с утв. бизнес-кейсом; E: руб./тонна CO ₂ e; S: доля «зелёной» выручки	FP&A модули; калькуляторы углеродной цены; реестр ESG проектов; трекинг эффекта	Финансовый блок; казначейство; комитет по вознаграждению
5. Управление цепочками поставок (Score 3)	Снизить ESG риски и укрепить локализацию/устойчивость поставок	Сегментация поставщиков по риску; обязательные ESG анкеты; аудит 1–3 уровней; планы CAPA; локализация критических позиций	E: доля охваченных поставщиков (Score 3) и снижение CO ₂ e; S: доля локальных поставок; G: % поставщиков с закрытыми CAPA	SRM платформа; кабинеты поставщиков; обмен машиночитаемыми метриками; трейсинг партии	Закупки; снабжение; комплаенс/внутренний аудит
6. Автоматизация и кибербезопасность ESG данных	Повысить надёжность, воспроизводимость и защищённость контура данных	RPA для сбора первичных показателей; правила качества данных (DQ); управление доступом; журнал изменений; тесты воспроизводимости	G: % автоматизированных показателей; S: среднее время исправления ошибок данных; E: доля источников с телеметрией	ETL/RPA; DQ движок; SIEM/IRM; репозитории версий; API интеграции	ИТ безопасность; владельцы данных; внутренний аудит

Представленные в таблице рекомендации адресуют ключевые узкие места внедрения ESG и показывают, какие управленческие, контрольные и ресурсные усилия требуются на каждом шаге для перевода устойчивости из деклараций в управляемые процессы.

При этом нагрузка и потребность во внутренних ресурсах дифференцируются по этапам:

- оценки материальности — компетенции и данные;
- интеграции в закупки/производство/логистику — межфункциональная координация и перестройка регламентов и ИТ-контуров;
- измерение и отчётность — стандартизация показателей и внешняя верификация.

Следование предложенным решениям по устранению проблем (разрозненность данных, несопоставимость метрик, «чек-буксовость» процедур, слабая проверка поставщиков) снижает транзакционные издержки и профиль ESG-рисков, повышает прозрачность и сопоставимость результатов, усиливает дисциплину исполнения через KPI и контрольные точки. В результате, повышается операционная эффективность и устойчивость бизнеса: ускоряется принятие решений, укрепляется доверие стейкхолдеров и доступ к финансированию, а цели устойчивого развития закрепляются в измеримых траекториях, интегрированных

в P&L, риск-контур и инвестиционные планы.

Заключение.

ESG в России активно институционализируется и уже влияет на стратегию бизнеса, однако, сохраняются проблемы: формальная отчётность, разрозненные данные, высокая CAPEX-нагрузка и риски в цепочках поставок.

В связи с этим, в статье предложены рекомендации:

- переход к процессной модели ESG;
- стандартизация метрик и регламентов;
- цифровизация контура данных (ETL/RPA/XBRL);
- интеграция показателей в закупки, производство и логистику;
- внешняя верификация отчётности.

Таким образом, ESG из декларативного уровня переводится в управляемые бизнес-процессы, что снижает риски, укрепляет доверие и повышает прозрачность. В конечном счёте, компании получают экономию затрат, доступ к более выгодному финансированию и закрепляют цели устойчивого развития в измеримых показателях.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Козлова А.И. ESG-стандарты для управления устойчивым развитием компании / А.И. Козлова, Ю.В. Ляндау // Инновации и инвестиции. 2023. № 4. С. 62–65. EDN: KOFNIV
2. Лион П.Ю. ESG-рейтинги – гигиена бизнеса будущего // Социодиггер. 2021. Т. 2. № 7. С. 27–30. EDN: VHVGEK
3. Новиков Д.А. Социально ориентированное управление бизнес-структурами на основе критериев ESG / Д.А. Новиков, Т.Е. Хорольская, С.М. Воронова // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 44(6). С. 457–462. EDN: CBULBE
4. Фёдоров К.И. Практика ESG-трансформации бизнеса: итоги, измерение, векторы развития / К.И. Фёдоров, С.В. Фёдорова // Экономический вектор. 2022. № 2(29). С. 126–138. DOI: 10.36807/2411-7269-2022-2-29-126-138 EDN: BKMKEG
5. Berg F. Aggregate Confusion: The Divergence of ESG Ratings / F. Berg, J.F. Kölbel, R. Rigobon // Review of Finance. 2022. Vol. 26. Iss. 6. P. 1315–1344. DOI: 10.1093/rof/rfac033 EDN: BRYCLT
6. Boffo R. ESG Investing: Environmental Pillar Scoring and Reporting / R. Boffo, C. Marshall, R. Patalano // OECD Paris, 2020.
7. Головкин С.С. Ключевые риски цифровой трансформации бизнеса / С.С. Головкин, И.А. Калинина // Инновации и инвестиции. 2023. № 3. С. 139–143. EDN: TYGRDX
8. Гумеров М.Ф. Управление цифровой трансформацией бизнеса современных компаний: проблемы и инструменты выработки решений // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2023. № 1. С. 109–118. DOI: 10.33983/2075-1826-2023-1-109-118 EDN: DQHBFG
9. Дейч Т.Л. Развитие африканской цифровой экономики и участие в нем Китая / Т.Л. Дейч, Н.Н. Цветкова, К.С. Кравцов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 4. С. 6–22. DOI: 10.31249/kgt/2022.04.01. DOI: 10.31249/kgt/2022.04.01 EDN: UYCBQS
10. Зенкина Е.В. Стратегии и методы цифровой трансформации бизнеса и их использование в процессах управления компаниями // Вопросы региональной экономики. 2023. № 2. С. 42–50. EDN: VQVNQG

References:

1. Kozlova A.I. ESG standards for managing the sustainable development of a company / A.I. Kozlova, Yu.V. Lyandau // Innovations and investments. 2023. № 4. P. 62–65. EDN: KOFNIV
2. Lion P.Y. ESG ratings – hygiene of the business of the future // Sociodigger. 2021. Vol. 2. № 7. P. 27–30. EDN: VHVGEK
3. Novikov D.A. Socially oriented management of business structures based on ESG criteria / D.A. Novikov, T.E. Khorolskaya, S.M. Voronova // Natural sciences and humanities research. 2022. № 44(6). P. 457–462. EDN: CBULBE
4. Fedorov K.I. The practice of ESG business transformation: results, measurement, development vectors / K.I. Fedorov, S.V. Fedorova // Economic Vector. 2022. № 2(29). P. 126–138. DOI: 10.36807/2411-7269-2022-2-29-126-138 EDN: BKMKEG
5. Berg F. Aggregate Confusion: The Divergence of ESG Ratings / F. Berg, J.F. Kölbel, R. Rigobon // Review of Finance. 2022. Vol. 26. Iss. 6. P. 1315–1344. DOI: 10.1093/rof/rfac033 EDN: BRYCLT
6. Boffo R. ESG Investing: Environmental Pillar Scoring and Reporting / R. Boffo, C. Marshall, R. Patalano // OECD Paris, 2020.
7. Golovkov S.S. Key risks of digital business transformation / S.S. Golovkov, I.A. Kalinina // Innovations and investments. 2023. № 3. P. 139–143. EDN: TYGRDX
8. Gumerov M.F. Managing the digital transformation of business in modern companies: problems and tools for developing solutions // Management and business administration. 2023. № 1. P. 109–118. DOI: 10.33983/2075-1826-2023-1-109-118 EDN: DQHBFG
9. Deutsch T.L. The development of the African digital economy and China's participation in it / T.L. Deutsch, N.N. Tsvetkova, K.S. Kravtsov // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2022. Vol. 15. № 4. P. 6–22. DOI: 10.31249/kgt/2022.04.01. DOI: 10.31249/kgt/2022.04.01 EDN: UYCBQS
10. Zenkina E.V. Strategies and methods of digital business transformation and their use in company management processes // Issues of regional economics. 2023. № 2. P. 42–50. EDN: VQVNQG

Информация об авторе

Абдуллаев Расул Назимович

аспирант,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
aspirant02@bk.ru

Rasul N. Abdullaev

Postgraduate Student,
Moscow Financial
and Industrial University «Synergy»
aspirant02@bk.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-34>

УДК 658.8:004.8:338.24

Attribution

cc by

«НЕТРАФОРЕТНЫЙ ИИ-МАРКЕТИНГ» КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО МАРКЕТИНГА

Вершинин В.П.

Московский психолого-социальный университет

Аннотация. В данной статье, представлен структурный анализ развития цифрового маркетинга на основе искусственного интеллекта, представлена научная дискуссия о целесообразности использования искусственного интеллекта (ИИ) в различных сферах хозяйствования. Разработана новая маркетинговая технология – «нетрафаретный ИИ-маркетинг». Целью исследования является анализ тенденций развития цифрового маркетинга и дается научное обоснование сущностному наполнению термина «нетрафаретный ИИ-маркетинг». Методология исследования основана на дескриптивном (описательном), компаративном и контент-анализе с вторичной обработкой данных. Результаты исследования отражают стадии развития маркетинга и цифрового маркетинга, в частности, а также раскрывается сущностное наполнение понятия «нетрафаретный ИИ-маркетинг» и его компонентная база. Сделаны выводы о целесообразности применения ИИ инструментов («нетрафаретный ИИ-маркетинг») для повышения эффективности маркетинговых стратегий и оптимизации бизнес-процессов для разных сегментов рынка.

Ключевые слова: маркетинг, цифровизация, цифровой маркетинг, искусственный интеллект, нетрафаретный ИИ-маркетинг.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

«STENCIL AI MARKETING» AS A STAGE IN THE DEVELOPMENT OF DIGITAL MARKETING

Valentin P. Vershinin

Moscow University of Psychology and Education

Abstract. In this article, a structural analysis of the development of digital marketing based on artificial intelligence is presented, and a scientific discussion on the expediency of using artificial intelligence (AI) in various economic sectors is presented. A new marketing technology, «Stencil AI marketing», has been developed. The purpose of the study is to analyze trends in the development of digital marketing and provide a scientific justification for the essential content of the term «Stencil AI marketing». The research methodology is based on descriptive, comparative, and content analysis with secondary data processing. The results of the study reflect the stages of development of marketing and digital marketing, in particular, and also reveal the essential content of the concept of «Stencil AI marketing» and its component base.

Keywords: marketing, digitalization, digital marketing, artificial intelligence, Stencil AI marketing.

Funding: Independent work.

Введение. Специализированные экономические издания активно обсуждают и обосновывают применение искусственного интеллекта (ИИ) в различных отраслях экономики. Однако, глобальное бизнес-сообщество еще не сформировало единые стандарты для оценки эффективности использования ИИ в маркетинге в разных сферах деятельности. Данный недостаток подчеркивает необходимость дальнейших научных изысканий, направленных на расширение возможностей стандартных подходов в маркетинге с помощью – «нетрафаретного ИИ-маркетинга» для различных

сегментов рынка. Таким образом, углубленное исследование этой области остается актуальной задачей.

Обсуждение и результаты

Контекстный анализ приведённых в списке литературы представленных источников [1–8] указывает на то, что цифровизация и маркетинг имеют несколько взаимосвязанных стадий развития, что представлено на рисунке 1.

Рисунок 1 – Стадии развития маркетинга*.

* Составлено автором.

Как видим из рисунка 1 цифровая стадия развития маркетинга много компонентная, так первый компонент – включает в себя различные этапы развития, представленные на рисунке 2, включающие в себя соответствующие виды маркетинга

по периодам, а второй компонент – это цифровой маркетинг на основе искусственного интеллекта (ИИ), представляющий из себя ИИ-маркетинг.

Рисунок 2 – Этапы развития цифрового маркетинга*.

* Составлено автором.

Цифровой маркетинг (Маркетинга 4.0), который считается возник в эпоху четвертой промышленной революции Клауса Шваба «Индустрия 4.0» [2], в рамках которого, как следствие появился маркетинг на основе искусственного интеллекта (ИИ-маркетинг). ИИ-маркетинг вызывает широкий дискуссионный интерес к проблеме применения его в различных сферах деятельности государства, бизнеса и общества в целом. Поэтому, как отечественные, так и иностранные ученые сходятся во мнении [4, 6, 7], что «в системах поддержки принятия рыночных решений надо опираться на паттерны (или регулярности и закономерности, выявляемые в обществе, которые помогают в научном исследовании и прогнозировании) *человеко-машинного сотрудничества*» [8]. И более того, экономическая перспективность «использования цифровых технологий и инструментов в маркетинговых стратегиях компаний» [8], в совокупности с омниканальными подходами

в работе с клиентами, дает надежду на значительные возможности цифрового маркетинга в целом.

В результате проведенного контент-анализа профильных экономических источников [1–8] удалось сформулировать авторское научное обоснование сущностного наполнения термина «нетрафаретный ИИ-маркетинг», которое включает в себя ранее не описанное в профильных первоисточниках одномоментное 3-х этапное использование уникальной маркетинговой платформы, включающей:

- а) *кастомизацию* (автоматическую настройку с помощью искусственного интеллекта под технические и эстетические притязания пользователя);
- б) *лидогенерацию*, когда процесс управления

клиентской базой, т.е. всей массой *лидов* (потенциальных клиентов, которые оставили свои контактные данные и проявили интерес к продукту компании) не только хранится у маркетолога в одном файле, но и стимулируется им, за счёт *лид-магнитов*, например, электронных книг, скидок в обмен на контакты, что в итоге является залогом увеличения продаж;

в) *клиентскую Co-creation*, т.е. совместное создание ИИ, маркетологом и конкретным лидом

ценности продукта для конкретного потребителя, когда путём активного диалога в интернет-пространстве тремя сторонами выбираются определённые характеристики продукта (это может быть, например – цвет, вес, габариты и другие).

Компоненты авторского *научного обоснования* сущностного наполнения термина «нетрафаретный ИИ-маркетинг» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Компоненты сущностного наполнения термина «нетрафаретный ИИ-маркетинг»

Основные элементы авторской схемы нетрафаретного ИИ-маркетинга	Сущностное содержание
1. Кастомизация	<i>Означает:</i> (от англ. <i>to customize</i>) автоматическую настройку с помощью ИИ под технические и эстетические притязания конкретного пользователя. <i>Рыночный приоритет:</i> персонализация продукта, видоизменённого триумвиратом (ИИ- маркетолог-клиент) даёт фирме архиконкурентоспособность
2. Лидогенерация	<i>Рыночная перспективность</i> лидогенерации определяется не только авторскими формами работы «нетрафаретного ИИ-маркетинга» в секторе B2C для лидов- индивидуалов, представленная раздел «Материалы и методы исследования», но и привлечением потенциальных клиентов (лидов) в B2B-секторе (<i>business-to-business</i>), где 3-х <i>сторонней</i> целевой аудиторией является авторская платформа ИИ + два юридических лица (продавец и фирма- возможный оптовый приобретатель товара)
3. Омниканальность	<i>Комплексный интерфейс</i> обращений конкретного лида по разным системам коммуникаций, когда потенциальный покупатель выходит на связь, например, по стационарному телефону, а маркетолог (с помощью ИИ) имеет возможность синхронизировать массу каналов с запросами лида и ответами производителя в едином информационном «окне»
4. Клиентская Co-creation	<i>Обозначает</i> (от англ.) совместный созидательный процесс, когда в авторских технологиях «нетрафаретного ИИ-маркетинга» консолидируются аналитики, владельцы продукта, менеджеры, маркетологи и лиды, не только ведущие взаимный диалог с целью подбора и улучшения искомого товара, но и создающие с названными специалистами и потенциальными покупателями профильные <i>онлайн-площадки</i> , выполняя задачи снижения нагрузки на службы поддержки, создания целевой аудитории (с помощью ИИ) для совершенствования продукта и выстраивания долгосрочных потребительских отношений на конкретном сегменте рынка

При анализе данных из таблицы 1, особого внимания заслуживают четыре ключевых элемента авторской концепции «трафаретного ИИ-маркетинга». Эти элементы не только раскрывают суть данного экономического понятия, ранее не встречавшегося в специализированной литературе, но и конкретизируют преимущества на рынке, в частности, в сфере продажи бытовых электрогенераторов.

Главной составляющей авторской модели «трафаретного ИИ-маркетинга» является кастомизация, заключающаяся в автоматической адаптации продукта с помощью ИИ к техническим и эстетическим требованиям конкретного пользователя. Этот методологический подход обеспечивает компании высокую конкурентоспособность, основанную на индивидуализации товара, создаваемой совместными усилиями ИИ, маркетолога и клиента.

Вторым важным компонентом предложенной схемы является лидогенерация, применяемая не только в B2C-секторе для индивидуальных клиентов, как подробно описано в разделе «Материалы и методы исследования», но и в B2B-сегменте,

где целевой аудиторией выступает платформа ИИ в связке с двумя юридическими лицами (продавцом и потенциальным оптовым покупателем).

Этот аспект дополняется омниканальностью, пока еще недостаточно распространенной среди отечественных маркетологов. В рамках авторской схемы нешаблонного ИИ-маркетинга омниканальность выступает в качестве независимого интерфейса для взаимодействия с потенциальным клиентом через различные каналы связи. Когда покупатель обращается, например, по телефону, маркетолог (с помощью ИИ) может синхронизировать множество каналов с запросами клиента и ответами производителя в едином информационном пространстве.

Вышеупомянутые элементы авторской разработки «нетрафаретный ИИ-маркетинг» формируют терминологическую основу для известного маркетингового инструментария, известного как «совместное творчество с клиентом» (*Co-creation*), как следующего компонента. В авторской трактовке это означает совместный созидательный процесс, в котором объединяются усилия аналитиков, владельцев продукта, менеджеров, маркетологов и потенциальных клиентов.

Они не только ведут диалог для выбора и улучшения товара, но и создают специализированные онлайн-платформы, которые снижают нагрузку на службы поддержки, формируют целевую аудиторию (с помощью ИИ) для совершенствования продукта и выстраивают долгосрочные отношения с потребителями на конкретном рынке.

Заключение

Современное развитие цифровых технологий и их использование во сферах жизни, определило целесообразность изучения их с научной точки зрения и разработки маркетинговых технологий

для эффективности управления различными бизнес-процессами между всеми участниками рынка. Предложенное автором определение ключевого понятия «нетрафаретный ИИ-маркетинг» и его основные компоненты (кастомизация, лидогенерация, омниканальность, клиентская co-creation), способствуют увеличению продуктивности взаимодействия на креативной основе с потребителями, онлайн-платформами и службами поддержки участников рынка. При этом целесообразность применения ИИ в инструментах цифрового маркетинга повысит эффективности маркетинговых стратегий и оптимизации бизнес-процессов в разных сферах деятельности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бронников М.А. Применение искусственного интеллекта в маркетинге // Экономика и социум. 2022. № 6-1(97). С. 449–453. EDN: ZIQSPN
2. Котлер Филипп. Маркетинг 6.0 Будущее за иммерсивностью, слияние цифрового и физического миров / Филипп Котлер, Сетиаван Айвен, Картаджай Хермаван; перевод с английского В.Г. Шереметьевой. М. : Эксмо, 2025. 240 с. (Атланты маркетинга).
3. Габидуллина Ч.Ф. Влияние искусственного интеллекта на профессии креативных индустрий // Общество и государство. 2024. № 2(46). С. 6–11. DOI: 10.24412/2224-9125-2024-2-6-11 EDN: GCRFJG
4. Герасименко В.В. Идеология осознанного потребления и восприятие ценностей бренда // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2021. Т. 13. № 3(41). С. 7–24. DOI: 10.38050/2078-3809-2021-13-3-7-24 EDN: QWXXGU
5. Городецкая О.Ю. Омниканальная система взаимодействия с клиентом: особенности использования / О.Ю. Городецкая, Ю.Д. Кравченко // Финансовые рынки и банки. 2023. № 6. С. 15–21. EDN: IVUJYL
6. Field P. The crisis in creative effectiveness. IPA. 2019. URL : https://ipa.co.uk/media/7699/ipa_crisis_in_creative_effectiveness_2019.pdf
7. Kannan P.K. Digital marketing: A framework, review and research agenda / P.K. Kannan, L. Hongshuang // International Journal of Research in Marketing. 2017. № 34. P. 22–45.
8. Смирнов А.В. Паттерны человеко-машинного сотрудничества в системах поддержки принятия решений / А.В. Смирнов, Т.В. Левашова // Искусствен. интеллект и принятие решений. М., 2024. № 2. С. 3–17. DOI: 10.14357/20718594240201 EDN: DOQSYO

References:

1. Bronnikov M.A. Application of artificial intelligence in marketing // Economics and society. 2022. № 6-1(97). P. 449–453. EDN: ZIQSPN
2. Kotler Philip. Marketing 6.0 The future belongs to immersivity, the fusion of the digital and physical worlds / Philip Kotler, Sethiawan Ivan, Kartajaya Hermavan; Translated from English by V.G. Sheremetyeva. M. : Eksmo, 2025. 240 p. (Atlanty Marketing).
3. Gabidullina C.F. The influence of artificial intelligence on the creative industries // Society and the state. 2024. № 2(46). P. 6–11. DOI: 10.24412/2224-9125-2024-2-6-11 EDN: GCRFJG
4. Gerasimenko V.V. The ideology of conscious consumption and the perception of brand values // Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic Journal. 2021. Vol. 13. № 3(41). P. 7–24. DOI: 10.38050/2078-3809-2021-13-3-7-24 EDN: QWXXGU
5. Gorodetskaya O.Yu. Omnichannel system of interaction with the client: usage features / O.Yu. Gorodetskaya, Yu.D. Kravchenko // Financial markets and banks. 2023. № 6. P. 15–21. EDN: IVUJYL
6. Field P. The crisis in creative effectiveness. IPA. 2019. URL : https://ipa.co.uk/media/7699/ipa_crisis_in_creative_effectiveness_2019.pdf
7. Kannan P.K. Digital marketing: A framework, review and research agenda / P.K. Kannan, L. Hongshuang // International Journal of Research in Marketing. 2017. № 34. P. 22–45.

8. Smirnov A.V. Patterns of human-machine cooperation in decision support systems / A.V. Smirnov, T.V. Levashova // Artificial. intelligence and decision-making. M., 2024. № 2. P. 3–17. DOI: 10.14357/20718594240201 EDN: DOQSYO

Информация об авторе

Вершинин Валентин Петрович

доктор экономических наук,
доцент,
кафедра социальных технологий
и государственной службы,
Московский психолого-социальный университет
v.vershinin@list.ru

Valentin P. Vershinin

Doctor of Economics,
Associate Professor,
Department of Social Technologies
and Public Service,
Moscow University of Psychology and Education
v.vershinin@list.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-10>

УДК 336.01

Attribution

cc by

ОТ ЦЕЛЕВОЙ ПОДГОТОВКИ К АГЕНТСКОЙ МОДЕЛИ: АЛГОРИТМ ПАРТНЕРСТВА НОВОГО УРОВНЯ HR-СЛУЖБЫ РЖД И УНИВЕРСИТЕТА

Гаранин М.А.¹, Горбунов Д.В.²

¹Приволжский государственный университет путей сообщения,

²Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева

Аннотация. Статья посвящена анализу новых форм взаимодействия между образовательными организациями и бизнес-сообществом в сфере управления карьерой. Авторы статьи предлагают для университета агентскую модель партнерства при взаимодействии с ОАО «РЖД». В этой модели университет выступает карьерным агентом выпускника, который отвечает, как за реализацию его персональной траектории развития, так и за развития компании-партнера. Авторы приводят типологию потенциальных карьерных агентов: специализированные кадровые агентства, независимые HR-консультанты и карьерные коучи, платформенные решения, отраслевые университеты. Показывают роль отраслевого университета в данной типологии и доказывают, что именно отраслевой университет (на примере ПривГУПС) демонстрирует наиболее сбалансированный профиль для реализации агентской модели в партнерстве с ОАО «РЖД». В статье предлагается пошаговый алгоритм взаимодействия между HR-службой компании и карьерным агентом в лице университета, который состоит из пяти последовательных этапов и образует цикл непрерывного управления карьерой.

Ключевые слова: экономика труда, кадровый потенциал, управление карьерой, партнерство между университетом и бизнесом, агентская модель.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FROM TARGETED TRAINING TO AGENT MODEL: NEW LEVEL HR-SERVICE-UNIVERSITY PARTNERSHIP ALGORITHM

Maxim A. Garanin¹, Dmitry V. Gorbunov²

¹Volga State Transport University,

²Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

Abstract. The article is devoted to the analysis of new forms of interaction between educational organizations and the business community in the field of career management. The authors of the article propose an agent partnership model for the university in cooperation with Russian Railways. In this model, the university acts as a career agent for the graduate, who is responsible both for the implementation of his personal development trajectory and for the development of the partner company. The authors provide a typology of potential career agents: specialized recruitment agencies, independent HR consultants and career coaches, platform solutions, and industry-specific universities. They show the role of an industry-specific university in this typology and prove that it is an industry-specific university (on the example of Volga State Transport University) that demonstrates the most balanced profile for implementing the agent model in partnership with Russian Railways. The article proposes a step-by-step algorithm for interaction between the company's HR department and a career agent represented by the university, which consists of five postgraduate programs.

Keywords: labor economics, human resources, career management, university-business partnership, and agent model.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность развития новых форм взаимодействия между образовательными организациями и бизнес-сообществом в сфере управления карьерой обусловлена вызовами современной экономической реальности, характеризующейся нестабильностью, неопределенностью, сложностью и неоднозначностью. В условиях обостряющейся глобальной конкуренции за таланты, особенно в высокотехнологичных и стратегически важных отраслях, к которым относится железнодорожный транспорт, традиционные модели подготовки и найма кадров демонстрируют свою ограниченность. Запросы нового поколения специалистов (Generations Y и Z) на самореализацию, гибкость и осмысленность трудового пути требуют от компаний перехода от патерналистской опеки к партнерским отношениям в построении карьеры. Для таких системообразующих корпораций, как ОАО «РЖД», чья эффективность напрямую зависит от качества человеческого капитала, задача привлечения, удержания и развития мотивированных лидеров становится ключевым стратегическим приоритетом.

Теоретической основой для данного исследования послужила работа М.А. Гаранина и Д.В. Горбунова «Архитектор персональных карьерных траекторий» [1], в которой обоснован переход от линейного карьерного планирования к индивидуальному проектированию сложных, нелинейных профессиональных путей. Авторы убедительно аргументируют необходимость появления новой роли – «архитектора карьеры», сопровождающего человека на протяжении всего жизненного пути. Однако вопрос о конкретном субъекте, который мог бы выполнять эту функцию, а также о практических механизмах его взаимодействия с работодателем в указанной работе остается раскрытым не в полной мере.

В настоящее время доминирующей моделью взаимоотношений между отраслевым вузом и компанией-партнером в России является система целевой подготовки. Несмотря на ее бесспорные преимущества в обеспечении гарантированного трудоустройства и адресности обучения, она обладает рядом системных ограничений: ориентация на тактическое «закрытие» конкретных вакансий, жесткость образовательных траекторий, слабая адаптивность к изменениям рынка, и зачастую пассивная роль самого обучающегося, мотивированного не столько перспективой роста, сколько обязательством по договору.

Разрешение указанного противоречия между устаревшим, ригидным инструментарием и новыми вызовами управления талантами видится в переходе к агентской модели партнерства. В данной модели университет выступает не как подрядчик, выполняющий заказ компании, а как активный представитель интересов выпускника – его карьерный агент, ответственный за долгосрочное проектирование и реализацию персон

альной траектории развития в интересах как самого специалиста, так и стратегического развития компании-партнера.

В современной научной литературе проблема нелинейности карьеры и перехода к индивидуальным траекториям широко обсуждается в контексте концепции «безграничной карьеры» (Arthur et al., 2005 [4]) и требует новых подходов к управлению (Baruch, 2004 [5]; Sullivan & Baruch, 2009 [6]).

Обсуждение.

Целью настоящей статьи является разработка и теоретическое обоснование алгоритма перехода к партнерству нового уровня между HR-службой компании (на примере ОАО «РЖД») и университетом (на примере Приволжского государственного университета путей сообщения, ПривГУПС), выступающим в роли карьерного агента выпускника.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Провести сравнительный анализ традиционной (целевая подготовка) и инновационной (агентская модель) систем взаимодействия «вуз-работодатель».
2. Определить преимущества и ограничения различных субъектов, которые могут выполнять роль карьерного агента, и обосновать выбор отраслевого университета в качестве оптимального для российских условий.
3. Разработать универсальный пошаговый алгоритм взаимодействия HR-службы компании и карьерного агента.
4. Адаптировать предложенный алгоритм к специфике стратегического партнерства ПривГУПС и ОАО «РЖД».
5. Оценить преимущества, риски и перспективы практического внедрения предложенной модели.

Структура статьи выстроена в соответствии с поставленными задачами и следует логике перехода от теоретического анализа к разработке практического инструментария с последующей его апробацией на конкретном отраслевом примере.

1. Теоретическая база: от целевой подготовки к агентской модели.

Современная система взаимодействия между высшими учебными заведениями и компаниями-работодателями в России, особенно в отраслевых сегментах, исторически базируется на модели целевой подготовки. Данная модель, предполагающая заключение трехстороннего договора между вузом, предприятием и абитуриентом, за десятилетия своего существования доказала определенную эффективность в решении задачи гарантированного обеспечения кадрами. Ее ключевыми преимуществами являются:

— для компании: предсказуемость и адресность пополнения кадрового резерва, возможность влиять на содержание образовательных программ.

— для вуза: повышение показателей трудоустройства, стабильный контингент абитуриентов, укрепление связей с отраслью.

— для студента: гарантия трудоустройства, социальная поддержка в период обучения (стипендия, практика).

Однако в условиях динамичной цифровой экономики системные ограничения целевой подготовки становятся все более очевидными. К ним относятся:

1. Тактичность и ригидность: модель ориентирована на закрытие конкретных, зачастую уже существующих вакансий, слабо адаптируясь к стремительно меняющейся структуре профессий будущего.

2. Пассивная роль обучающегося: студент оканчивается объектом образовательного процесса, мотивированным преимущественно обязательствами по договору, а не осознанным построением карьеры.

3. Ограниченность горизонта планирования: взаимодействие часто заканчивается в момент трудоустройства, не предполагая долгосрочного сопровождения карьерного роста выпускника.

4. Слабая связь с личными амбициями: траектория задается внешним заказом, что может приводить к недостаточной вовлеченности и, как следствие, к оттоку перспективных кадров после отработки минимального срока.

Качественным ответом на эти вызовы является концепция «архитектора персональных карьерных траекторий», предложенная М.А. Гараниным и Д.В. Горбуновым [1]. Авторы обоснованно утверждают, что современная карьера приобретает нелинейный, проектный характер, требуя индивидуального проектирования. В их трактовке «архитектор» выполняет функцию навигатора и консультанта, помогающего человеку выстроить уникальный профессиональный маршрут. Развивая эту идею, мы предлагаем конкретизировать роль «архитектора» в виде института карьерного агента, действующего на основе принципов представительства интересов работника.

Агентская модель представляет собой эволюционное развитие целевой подготовки, переводящее взаимодействие из плоскости «заказ-исполнение» в плоскость стратегического партнерства по совместному выращиванию человеческого капитала. Для наглядности ключевые различия между двумя моделями систематизированы в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей целевой подготовки и карьерного агента

Критерий	Модель целевой подготовки	Агентская модель (на базе университета)
Философия и фокус	Подготовка специалиста для закрытия конкретной вакансии в компании. Фокус на тактической задаче	Проектирование долгосрочной карьерной траектории человека. Фокус на стратегическом развитии
Роль студента/выпускника	Объект обучения, обязанность отработать по договору	Активный субъект (принципал), осознанно управляющий своей карьерой
Роль университета	Исполнитель образовательного заказа компании	Стратегический партнер и карьерный агент, представляющий интересы выпускника
Основа мотивации	Обязательства перед компанией (негативная мотивация «отработать»)	Осознание перспектив личного и профессионального роста (позитивная мотивация «реализовать»)
Гибкость и адаптивность	Жесткая, заранее заданная траектория	Высокая, траектория постоянно корректируется в соответствии с изменениями на рынке и целями человека
Временной горизонт	Краткосрочный (до момента трудоустройства)	Долгосрочный (вся профессиональная жизнь)
Ключевой результат для компании	Исполнитель на конкретную позицию	Лояльный, мотивированный будущий лидер, чье развитие прогнозируемо

Проведенный анализ демонстрирует, что агентская модель не отрицает положительные аспекты целевой подготовки (такие как связь с практикой), но надстраивается над ними, добавляя стратегический горизонт, гибкость и, что наиболее важно, персональную ориентированность. Она трансформирует студента из пассивного получателя образования в ответственного архитектора собственного будущего, а университет — из поставщика кадров в полноправного партнера по управлению талантами.

Таким образом, переход к агентской модели является закономерным этапом развития отношений между образованием и бизнесом, адекватно отвечающим на вызовы современного рынка труда.

Следующей задачей является определение конкретного субъекта, способного эффективно выполнить роль карьерного агента в российских институциональных условиях.

3. Субъекты-исполнители роли карьерного агента: обоснование выбора.

Реализация агентской модели на практике требует ответа на ключевой вопрос: какой субъект обладает необходимыми компетенциями, ресурсами и мотивацией для эффективного выполнения роли карьерного агента? Анализ современного ландшафта услуг на рынке труда позволяет выделить несколько потенциальных кандидатов, каждый из которых обладает уникальными характеристиками.

3.1. Типология потенциальных карьерных агентов:

А) Специализированные кадровые агентства: данные организации обладают глубокой экспертизой в области оценки персонала, ведения переговоров и знания рыночных условий. Их сильная сторона – ориентация на результат и обширная база контактов. Однако их бизнес-модель традиционно ориентирована на работодателя как на источник оплаты, что создает потенциальный конфликт интересов при переходе к представительству кандидата. Кроме того, их фокус часто ограничен разовой сделкой по трудоустройству, а не долгосрочным сопровождением карьеры;

Б) Независимые HR-консультанты и карьерные коучи: данные специалисты работают напрямую с клиентами, что изначально выстраивает модель «агент-принципал». Они сильны в области постановки целей и личностного развития. Их слабым местом может стать отсутствие системного доступа к вакансиям и рычагов влияния на крупные корпорации, а также фрагментированность их услуг;

В) Платформенные решения (фриланс-платформы, аутстаффинговые компании): цифровые платформы де-факто выполняют роль агрегаторов и посредников, формализуя отношения между исполнителем и заказчиком. Их преимущество – технологичность и масштабируемость. Однако их модель часто рассматривает специалиста как «единицу товара», а не как уникальную личность с долгосрочной карьерной стратегией, сводя взаимодействие к транзакциям;

Г) Отраслевые университеты: вузы, особенно с сильной отраслевой принадлежностью, обладают рядом уникальных преимуществ, делающих их перспективными кандидатами на роль карьерных агентов в специфических условиях российской экономики.

3.2. Критерии выбора оптимального агента для отраслевой модели.

Для обоснованного выбора необходимо определить ключевые критерии эффективности агента в контексте долгосрочного партнерства с крупной корпорацией:

- Доверие и лояльность: способность вызывать доверие как у работника, так и у работодателя;
- Глубокая отраслевая экспертиза: понимание

специфики бизнес-процессов, корпоративной культуры и перспектив развития отрасли;

- Долгосрочный горизонт планирования: заинтересованность в успехе карьеры выпускника на протяжении десятилетий;

- Ранний доступ к талантам: возможность начать работу по построению карьеры на стадии обучения, а не после его окончания;

- Отсутствие фундаментального конфликта интересов: приоритет долгосрочного развития человеческого капитала над сиюминутной финансовой выгодой.

3.3. Отраслевой университет как оптимальный агент: обоснование для системы «ПривГУПС – РЖД».

Оценивая потенциальных субъектов через призму указанных критериев, отраслевой университет (на примере ПривГУПС) демонстрирует наиболее сбалансированный профиль для реализации агентской модели в партнерстве с РЖД:

- Доверие, основанное на общей миссии: университет и компания-партнер связаны не только договорными отношениями, но и общей историей, подчинением профильному министерству (Минтранс России) и стратегической задачей развития транспортной отрасли. Это создает прочный фундамент для доверия, недостижимый для коммерческих посредников;

- Беспрецедентная отраслевая экспертиза: ПривГУПС обладает глубинным пониманием технологических, управленческих и экономических аспектов работы железнодорожного транспорта. Это позволяет университету проводить максимально точную диагностику компетенций и формировать реалистичные, соответствующие стратегии РЖД карьерные траектории;

- Пожизненный горизонт планирования: университет заинтересован в успешной карьере выпускника на протяжении 40–50 лет, так как это напрямую формирует репутацию вуза, укрепляет его связи с отраслью и привлекает новых абитуриентов. Это полностью соответствует концепции пожизненного карьерного сопровождения (lifelong career management);

- Доступ к талантам на стадии формирования: университет начинает работу со студентом с первого курса, что позволяет целенаправленно формировать будущего лидера для отрасли, а не просто подбирать готового специалиста под вакансию;

- Сбалансированность интересов: в отличие от коммерческого агента, мотивация которого – максимизация комиссии, университет заинтересован в оптимальном, взаимовыгодном соответствии между выпускником и компанией, что обеспечивает устойчивость партнерства.

Таким образом, для высокоинтегрированных систем «отраслевой вуз – системообразующее предприятие», характерных для российской экономики, именно университет является наиболее предпочтительным субъектом для исполнения роли карьерного агента. Его уникальная позиция позволяет преодолеть системные ограничения коммерческих моделей и выстроить стратегическое партнерство, ориентированное на выращивание, а не на покупку талантов.

Следующим шагом является разработка конкретного механизма (алгоритма) взаимодействия между выбранным агентом (университетом) и

HR-службой компании-партнера.

4. Универсальный алгоритм взаимодействия HR-службы компании и карьерного агента.

Переход от теоретического обоснования агентской модели к ее практической реализации требует разработки четкого, пошагового алгоритма взаимодействия между HR-службой компании и карьерным агентом. Предлагаемый алгоритм (рис. 1) состоит из пяти последовательных этапов, образующих цикл непрерывного управления карьерой.

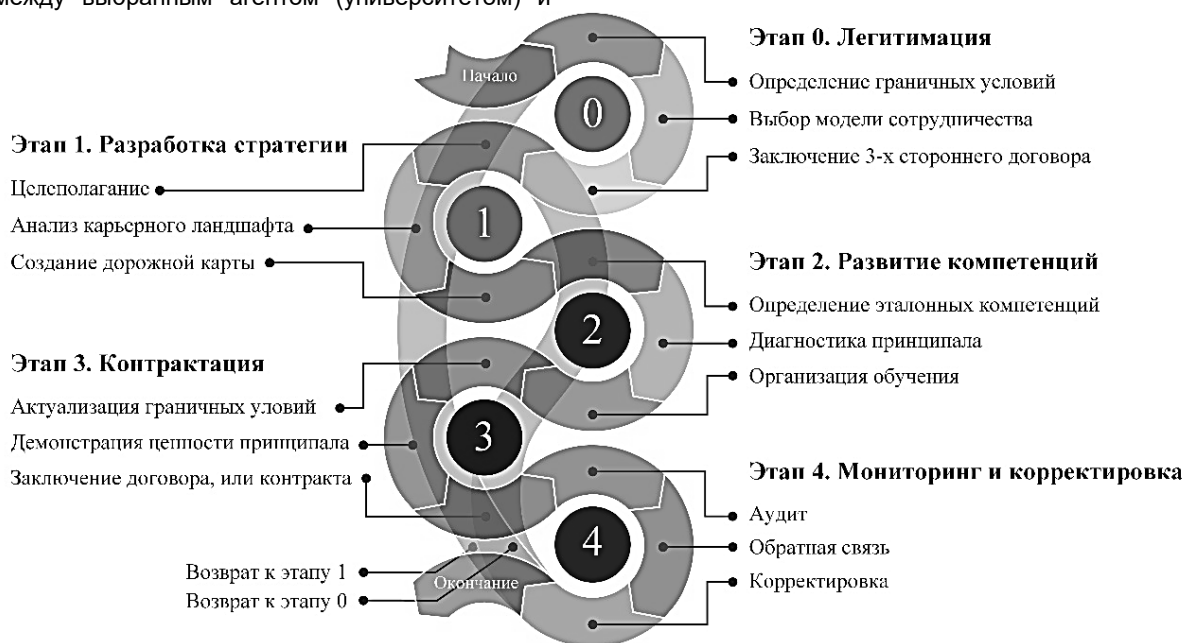

Рисунок 1 – Алгоритм взаимодействия HR-службы компании и карьерного агента

4.1. Этап 0: легитимация и определение модели сотрудничества

Данный подготовительный этап предназначен для формирования правовой и экономической основы взаимодействия.

Содержание: стороны (агент, принципал, при участии компании) заключают трехстороннее соглашение, определяющее:

- Права и обязанности сторон;
- Этические нормы и правила конфиденциальности;
- Модель вознаграждения агента. Для университета наиболее целесообразна бюджетно-стимулирующая модель: основное финансирование деятельности агента (карьерной службы) осуществляется университетом, а компания-партнер выплачивает стимулирующие бонусы за успешное трудоустройство и долгосрочное удержание выпускников на ключевых позициях.

Результат: создана легитимная и прозрачная основа для долгосрочного партнерства.

4.2. Этап 1: Разработка долгосрочной карьерной стратегии принципала.

Этот стратегический этап задает общее направление всей последующей работе.

Содержание: карьерный агент (университет) совместно с принципалом (студентом / выпускником) проводит работу по:

- Целеполаганию: определение карьерных целей на 5–10 лет (например, «занять позицию начальника региональной дирекции»).
- Анализ карьерного ландшафта: изучение возможных траекторий внутри компании-партнера, требований к целевым позициям, перспектив развития отрасли.
- Созданию «дорожной карты»: формализация плана с ключевыми вехами – целевые должности, необходимые навыки и образование, сроки.

Результат: согласованная и документированная

карьерная стратегия, являющаяся «путеводной звездой» для всех участников процесса.

4.3. Этап 2: Анализ компетенций и организация развития.

Данный тактический этап направлен на подготовку принципала к достижению ближайшей вехи, определенной в «дорожной карте».

Содержание:

– Шаг 2.1. Определение эталонных компетенций: агент совместно с HR-службой компании формирует профиль компетенций для целевой должности;

– Шаг 2.2. Диагностика принципала (Gap Analysis): проводится оценка текущего уровня развития компетенций принципала для выявления зон силы (профицит) и зон развития (дефицит);

– Шаг 2.3. Организация обучения: на основе выявленных дефицитов агент разрабатывает и организует для принципала индивидуальный план развития (ИПР), который может включать: специальные курсы, стажировки, проектные задания, менторство.

Результат: принципал целенаправленно развивает необходимые для карьерного роста компетенции, а его рыночная стоимость объективно повышается.

4.4. Этап 3: Переговоры о контракте.

На данном этапе подготовленная позиция принципала реализуется в конкретном предложении о работе.

Содержание: карьерный агент выступает в роли представителя принципала в диалоге с HR-службой компании:

– Переговоры ведутся на основе объективных данных: портфолио, результатов оценки, выполненного ИПР;

– Обсуждается не только оклад, но и весь пакет условий: должностные обязанности, программа адаптации, возможности дальнейшего обучения, перспективы ротации;

– Ключевой аргумент агента – демонстрация не только текущей, но и потенциальной ценности принципала для компании в свете долгосрочной карьерной стратегии.

Результат: заключение взаимовыгодного трудового договора или контракта на развитие.

4.5. Этап 4: Мониторинг и корректировка стратегии.

Агентское сопровождение не заканчивается трудоустройством.

Содержание: после трудоустройства агент продолжает курировать принципала:

– Регулярный аудит: совместно с принципалом и HR-службой агент отслеживает прогресс по «дорожной карте»;

– Обратная связь: сбор фидбэка от принципала и его руководителя в компании;

– Корректировка: при необходимости (изменение целей, стратегии компании, рыночной конъюнктуры) карьерная стратегия пересматривается, и цикл возвращается на этап 1 или 2.

Результат: обеспечение гибкости и актуальности карьерной траектории на протяжении всего жизненного цикла.

Предложенный алгоритм представляет собой универсальную схему, которая может быть адаптирована к специфике конкретных организаций.

В следующем разделе мы рассмотрим его применение в контексте стратегического партнерства ПривГУПС и ОАО «РЖД».

5. Отраслевая специфика: адаптация алгоритма для взаимодействия ПривГУПС и ОАО «РЖД»

Универсальный алгоритм взаимодействия карьерного агента и HR-службы компании приобретает особую эффективность при его адаптации к условиям стратегического партнерства между отраслевым университетом и компанией-лидером.

Рассмотрим специфику применения каждого этапа алгоритма в системе «ПривГУПС – РЖД».

5.1. Специфика этапов алгоритма в контексте отраслевого партнерства.

Этап 0: Легитимация. Взаимодействие строится на основе существующих рамочных договоров о сотрудничестве. Модель вознаграждения карьерной службы ПривГУПС логично интегрируется в систему целевого финансирования подготовки кадров для РЖД. Стимулирующие выплаты университету могут быть увязаны с KPI трудоустройства и последующего карьерного роста выпускников в холдинге.

Этап 1: Разработка стратегии. «Дорожная карта» карьеры выпускника формируется не в вакууме, а на основе стратегических документов Холдинга «РЖД»: Программы инновационного развития [3], Стратегии развития кадрового потенциала [2]. Это обеспечивает полное соответствие карьерных целей выпускника долгосрочным интересам компании.

Этап 2: Анализ и развитие компетенций.

Профиль компетенций формируется на основе корпоративных моделей РЖД и профессиональных стандартов отрасли [7].

Анализ дефицитов компетенций проводится с

привлечением не только университетских методик, но и корпоративного центра оценки персонала РЖД.

Индивидуальный план развития (ИПР) насыщается отраслевыми компонентами: стажировки на ключевых объектах инфраструктуры, участие в корпоративных проектах, обучение в Корпоративном университете РЖД.

Этап 3: Переговоры о контракте. Позиция карьерной службы ПривГУПС усиливается за счет глубокого понимания отраслевой специфики и системы грейдов в РЖД. Переговоры носят характер не торга, а стратегического обсуждения оптимального места выпускника в системе холдинга.

Этап 4: Мониторинг и корректировка. Посттрудоустроечное сопровождение осуществляется через систему кураторства от университета (alumni-программы) и тесное взаимодействие с менторами от РЖД в рамках программ адаптации молодых специалистов.

5.2. Интеграция алгоритма в систему управления талантами РЖД.

Реализация алгоритма позволяет выстроить сквозную систему управления талантами от студенческой скамьи до руководящих позиций:

1. Ранний идентификация талантов: Карьерная служба ПривГУПС совместно с HR-специалистами РЖД проводит оценку потенциала студентов старших курсов.

2. Целевая подготовка кадрового резерва: Выпускники, прошедшие все этапы алгоритма, становятся приоритетными кандидатами на включение в кадровый резерв Холдинга «РЖД».

3. Снижение рисков при назначениях: Компания получает глубоко проанализированного и подготовленного кандидата, что значительно снижает риски неудачных назначений.

5.3. Синергетический эффект для участников партнерства

Для ОАО «РЖД»:

- Получение специалистов с целенаправленно сформированными компетенциями;
- Снижение издержек на поиск и адаптацию перспективных кадров;
- Повышение лояльности ключевых сотрудников.

Для ПривГУПС:

- Повышение конкурентоспособности на рынке образовательных услуг;
- Укрепление статуса как ведущего отраслевого вуза;

- Привлечение дополнительного финансирования.

Для выпускника:

- Гарантированное трудоустройство;
- Четкая и поддержанная карьерная перспектива;
- Возможность максимальной профессиональной самореализации.

Обсуждение результатов и перспективы внедрения.

Предложенная модель перехода от целевой подготовки к агентской системе представляет собой качественно новый этап в развитии взаимоотношений между образовательными организациями и бизнес-сообществом. Однако ее практическая реализация требует учета возможных барьеров и разработки четкого плана внедрения.

6.1. Потенциальные барьеры и пути их преодоления.

Организационно-культурные барьеры:

- Со стороны компании: консерватизм HR-системы, неготовность делегировать часть функций по развитию персонала внешнему агенту;
- Со стороны университета: инерция академической среды, недостаточная ориентация на практические результаты.

Пути преодоления: проведение совместных рабочих групп, пилотные проекты с ограниченным контингентом, разъяснение экономических выгод для всех участников

Нормативно-правовые барьеры:

- Отсутствие законодательного регулирования статуса карьерного агента;
- Ограничения в системе целевого обучения.

Пути преодоления: разработка типовых договорных конструкций, использование гибких форм сотрудничества в рамках существующего законодательства.

Экономические барьеры:

- Необходимость дополнительного финансирования деятельности карьерной службы университета.

Пути преодоления: поэтапное внедрение, интеграция в существующие программы развития, привлечение средств компаний-партнеров.

6.2. Преимущества для HR-службы РЖД.

Внедрение агентской модели позволит HR-

службе РЖД:

- Перейти от оперативного реагирования на кадровые потребности к стратегическому управлению талантами;
- Снизить затраты на поиск и адаптацию перспективных сотрудников;
- Повысить эффективность программ кадрового резерва;
- Улучшить показатели удержания ключевых специалистов.

6.3. Научная новизна и практическая значимость.

Научная новизна исследования заключается в:

- Разработке концепции карьерного агента на базе отраслевого университета;
- Создании универсального алгоритма взаимодействия агента и HR-службы компании;
- Адаптации модели управления карьерой к специфике российских отраслевых корпораций.

Практическая значимость работы состоит в:

- Предложении конкретного инструментария для модернизации системы целевой подготовки;
- Возможности тиражирования модели на другие отрасли (ТЭК, оборонно-промышленный комплекс);
- Создании методической основы для развития карьерных служб вузов.

6.4. Перспективы дальнейших исследований.

Перспективными направлениями для дальнейшей работы являются:

- Разработка отраслевых стандартов деятельности университетов-карьерных агентов;
- Создание системы оценки эффективности агентской модели;
- Исследование возможности применения цифровых платформ для автоматизации алгоритма;
- Анализ зарубежного опыта аналогичных моделей партнерства.

6.5. Ограничения исследования.

Следует отметить, что предложенная модель наиболее эффективна для:

- Крупных отраслевых корпораций с долгосрочной кадровой стратегией;
- Отраслевых университетов с устойчивыми связями с предприятиями;

- Высококвалифицированных специалистов, ориентированных на карьерный рост.

Для массовых специальностей и малого бизнеса потребуются разработка упрощенных версий модели.

Реализация предложенного алгоритма потребует скоординированных усилий всех заинтересованных сторон, но способна принести значительный синергетический эффект для развития отечественной системы подготовки кадров

Заключение.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что переход от традиционной системы целевой подготовки к агентской модели партнерства университета и компании является закономерным и необходимым этапом развития системы управления талантами в современных экономических условиях.

Основные выводы работы заключаются в следующем:

1. Выявлены системные ограничения модели целевой подготовки, прежде всего ее тактическая ориентация, ригидность и пассивная роль обучающегося, которые не соответствуют вызовам VUCA-мира и запросам нового поколения специалистов.
2. Теоретически обоснована и практически адаптирована для российских условий концепция карьерного агента как активного представителя интересов выпускника. Доказано, что отраслевой университет (на примере ПривГУПС) является оптимальным субъектом для выполнения этой роли в системе стратегического партнерства с компанией-лидером (ОАО «РЖД»).
3. Разработан универсальный алгоритм взаимодействия карьерного агента и HR-службы компании, включающий пять ключевых этапов: легитимация отношений, разработка долгосрочной карьерной стратегии, анализ компетенций и организация развития, переговоры о контракте, мониторинг и корректировка стратегии.
4. Показано, что практическая реализация предложенного алгоритма в системе «ПривГУПС-РЖД» позволит перейти от точечного закрытия вакансий к стратегическому выращиванию кадрового резерва холдинга, обеспечивая синергетический эффект для всех участников партнерства.

Перспективы практического внедрения связаны с решением организационных, нормативных и экономических барьеров, однако преимущества предлагаемой модели значительно превосходят возможные затраты на ее реализацию.

Дальнейшее исследование предполагает разработку методического обеспечения деятельности

карьерного агента, создание системы оценки эффективности модели и адаптацию предложенного подхода к другим отраслям экономики России.

В целом работа способствует развитию современных подходов к управлению талантами и открывает новые перспективы для развития стратегического партнерства между образованием и бизнесом в России.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гаранин М.А. Архитектор персональных карьерных траекторий / М.А. Гаранин, Д.В. Горбунов // Вестник СамГУПС. 2022. № 1(55). С. 9–14. EDN: NRHIUR
2. Стратегия развития кадрового потенциала ОАО «РЖД» до 2030 года. М. : ОАО «РЖД», 2021. 45 с.
3. Программа инновационного развития Холдинга «РЖД» на период до 2025 года. М. : ОАО «РЖД», 2020. 120 с.
4. Arthur M.B. Career success in a boundaryless career world / M.B. Arthur, S.N. Khapova, C.P.M. Wilderom // Journal of Organizational Behavior. 2005. Vol. 26. № 2. P. 177–202.
5. Артур М.Б. Карьерный успех в мире безграничной карьеры / М.Б. Артур, С.Н. Хапова, К.П.М. Вилдером // Журнал организационного поведения. 2005. Т. 26. № 2. С. 177–202.
6. Baruch Y. Managing careers: Theory and practice. Harlow : FT Prentice Hall, 2004. 305 p.
7. Барух Й. Управление карьерой: теория и практика. Харлоу : FT Prentice Hall, 2004. 305 с.
8. Sullivan S.E. Advances in career theory and research: A critical review and agenda for future exploration / S.E. Sullivan, Y. Baruch // Journal of Management. 2009. Vol. 35. № 6. P. 1542–1571.
9. Салливан С.Е. Достижения в теории и исследованиях карьеры: критический обзор и план будущих изысканий / С.Е. Салливан, Й. Барух // Журнал менеджмента. 2009. Т. 35. № 6. С. 1542–1571.
10. О профессиональных стандартах в сфере железнодорожного транспорта: приказ Минтранса России от 24.12.2021. № 450. 35 с.

References:

1. Garanin M.A. Architect of personal career trajectories / M.A. Garanin, D.V. Gorbunov // Bulletin of SamGUPS. 2022. № 1(55). P. 9–14. EDN: NRHIUR
2. The strategy for the development of the personnel potential of JSC «Russian Railways» until 2030. M. : JSC «Russian Railways», 2021. 45 p.
3. The program of innovative development of the Russian Railways Holding for the period up to 2025. M. : Russian Railways, 2020. 120 p.
4. Arthur M.B. Career success in a boundaryless career world / M.B. Arthur, S.N. Khapova, C.P.M. Wilderom // Journal of Organizational Behavior. 2005. Vol. 26. № 2. P. 177–202.
5. Artur M.B. Career success in the world of unlimited career / M.B. Artur, S.N. Khapova, K.P.M. Wilder // Journal of Organizational Behavior. 2005. Vol. 26. № 2. P. 177–202.
6. Baruch Y. Managing careers: Theory and practice. Harlow : FT Prentice Hall, 2004. 305 p.
7. Baruch J. Career management: theory and practice. Harlow : FT Prentice Hall, 2004. 305 p.
8. Sullivan S.E. Advances in career theory and research: A critical review and agenda for future exploration / S.E. Sullivan, Y. Baruch // Journal of Management. 2009. Vol. 35. № 6. P. 1542–1571.
9. Sullivan S.E. Achievements in career theory and research: a critical review and a plan for future research / S.E. Sullivan, Y. Baruch // Journal of Management. 2009. Vol. 35. № 6. P. 1542–1571.
10. On professional standards in the field of railway transport: order of the Ministry of Transport of Russia dated 12/24/2021. № 450. 35 p.

Информация об авторах

Гаранин Максим Алексеевич

доктор экономических наук,
кандидат технических наук,
доцент,
ректор Приволжского государственного

Maxim A. Garanin

Doctor of Economics,
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Rector of the Volga State Transport University

университета путей сообщения
ORCID: 0000-0002-9773-5294
garanin@samgups.ru

Горбунов Дмитрий Викторович

доктор экономических наук,
директор
Научно-консультационного центра экспертизы,
Самарского национального исследовательского
университета имени академика С.П. Королева
ORCID: 0000-0003-4180-2467
gorbunov.dv@ssau.ru

ORCID: 0000-0002-9773-5294
garanin@samgups.ru

Dmitry V. Gorbunov

Doctor of Economics,
Director of the Scientific Advisory
Center of Expertise,
Samara National Research University
named after Academician S.P. Korolev
ORCID: 0000-0003-4180-2467
gorbunov.dv@ssau.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-16>

УДК 338.45

Attribution

cc by

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА

Нехайчук Д.В.¹, Симченко Н.А.², Фомина Е.А.³

¹Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,

²Санкт-Петербургский государственный университет,

³Севастопольский филиал, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Аннотация. Целью данного исследования является оценка текущего уровня промышленного развития в регионе на примере Севастополя, выявление препятствий и определение приоритетов для формирования устойчивой и динамично развивающейся промышленной сферы региона. Методология исследования включает в себя анализ динамики валового регионального продукта, структуры промышленного сектора и эффективности мер поддержки развития. В исследовании выявлено, что обрабатывающие отрасли играют ключевую роль в формировании добавленной стоимости и стимулировании роста смежных отраслей, таких как энергетика и строительство. Рост числа предприятий и внедрение мер поддержки подтверждают эффективность стратегии развития. Авторами выделены перспективные направления импортозамещения и доказана необходимость подготовки квалифицированных кадров. Утверждается, что долгосрочное развитие требует системных мер в виде расширения финансовых инструментов, кадрового обеспечения и привлечения специалистов, что будет способствовать укреплению промышленного потенциала региона.

Ключевые слова: промышленное развитие, регион, приоритеты промышленного сектора, меры поддержки, формирование добавленной стоимости, импортозамещение.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ABOUT OF ECONOMIC PRIORITIES FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE INDUSTRIAL SECTOR OF THE REGION

Dmytriy V. Nekhaychuk¹, Natalia A. Simchenko², Elena A. Fomina³

¹V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

²Saint Petersburg State University,

³Sevastopol branch, Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. The aim of the study is to assess the current level of industrial development in the region, using Sevastopol as an example, identify barriers, and define priorities for creating a sustainable and dynamically developing industrial sector in the region. The research methodology includes an analysis of the gross regional product (GRP) dynamics, the structure of the industrial sector, and the effectiveness of development support measures. The study found that manufacturing plays a key role in generating added value and stimulating the growth of related industries, such as energy and construction. The growing number of enterprises and the implementation of support measures confirm the effectiveness of the development strategy. The authors highlight promising areas for import substitution and demonstrate the need to train qualified personnel. They argue that long-term development requires systemic measures such as expanding financial instruments, staffing, and attracting specialists, which will contribute to strengthening the region's industrial potential.

Keywords: Industrial development, region, industrial sector priorities, support measures, added value creation, import substitution.

Funding: Independent work.

Введение.

Сегодня промышленное производство является одним из ключевых факторов, определяющих

экономическую устойчивость и динамику развития регионов. Региональные структуры выступают основными центрами формирования конку-

рентоспособной промышленной среды, учитывающей потребности населения, доступные экономические ресурсы и инфраструктурные возможности.

Актуальность проводимого исследования определяется необходимостью изучения современных тенденций промышленного развития в регионах, в том числе в городе Севастополь.

Целью данного исследования является оценка текущего уровня развития промышленности в Севастополе, выявление факторов, препятствующих её дальнейшему росту, а также определение возможных путей и приоритетов становления устойчивой и динамично развивающейся промышленной сферы региона в долгосрочной перспективе.

Обсуждение.

В исследовании крымских и севастопольских авторов проанализирован ряд современных нормативно-правовых актов в сфере развития национального промышленного сектора, а также научные исследования отечественных авторов по данной тематике.

Так, Х.Г. Акмурадов [4] свои труды посвятил исследованию роли и значению промышленности в развитии современного производства.

В свою очередь, Д.К. Костина и Е.И. Пискун [5] рассматривают в своих исследованиях научно-техническую и инновационную составляющие экономики города Севастополя.

О роли развития промышленности и территориального планирования регионов России говорит в научных публикациях Н.С. Луковникова [6].

Кроме того, М.Б. Сарыева, М.А. Аллакулыва [7] и О.С. Сухарев [8] показывают роль промышленности в экономике, отдельные закономерности и перспективы развития промышленного сектора.

Результаты.

Развитие промышленного сектора играет важнейшую роль в обеспечении экономического прогресса и повышения уровня жизни населения в любом регионе.

Промышленный сектор Российской Федерации остается одним из основ российской экономики, играя важную роль в формировании доходов, занятости и развитии связанных отраслей.

Согласно исследованию М.Б. Сарыевой и М.А. Аллакулывой: «Промышленность играет ключевую роль в экономике России, выступая основой для устойчивого экономического роста, формирования рабочих мест и повышения конкурентоспособности страны на мировом рынке. Развитие промышленности способствует не только росту внутреннего валового продукта и укреплению экспортного потенциала, но и стимулирует развитие смежных отраслей, способ-

ствует внедрению инноваций, расширяет налоговую базу и повышает инвестиционную привлекательность регионов. В этих условиях модернизация и диверсификация промышленного производства становятся необходимыми условиями для обеспечения экономической безопасности и устойчивого развития Российской Федерации в условиях глобальной конкуренции и быстро меняющихся технологических трендов» [7].

Значимость развития промышленности подчеркивается в нормативных актах Президента РФ и Правительства РФ (Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [1] и Распоряжение Правительства РФ от 09 сентября 2023 г. № 2436-р «Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года» [2].

В нормативных актах акцентируется внимание на:

- Обновлении промышленного производства;
- Внедрении передовых технологий;
- Поддержке высокотехнологичных отраслей;
- Увеличении доли отечественной продукции;
- Реализации программ импортозамещения.

Так, укрепление промышленного сектора признается ключевым направлением для реализации долгосрочных экономических и социальных задач страны.

Согласно мнению Н.С. Луковниковой: «Развитие промышленности играет ключевую роль в социально-экономическом развитии регионов России. Промышленное развитие способствует формированию устойчивой экономической базы. Кроме того, оно является важным фактором территориального планирования, позволяющим сбалансировать экономический рост и инфраструктурное развитие регионов» [6].

Развитие промышленности в регионах России тесно связано с рядом факторов, которые одновременно формируют промышленный потенциал и определяют экономический, социальный и территориальный облик регионов.

Как отмечает Н.С. Луковникова, «в числе факторов можно выделить [6]:

Природно-ресурсный потенциал – богатые ресурсы привлекают инвестиции, а промышленность стимулирует экономический рост и занятость.

Транспорт и инфраструктуру – развитые сети обеспечивают функционирование предприятий, а промышленное развитие укрепляет инфраструктуру.

Демографию и социальные условия – квалифици-

рованная рабочая сила повышает производительность, а промышленность создает рабочие места и улучшает качество жизни.

Экономические условия – инвестиции и налоговая политика влияют на промышленность, которая, в свою очередь, стимулирует региональную экономику.

Политику и институциональную среду – поддержка и стабильность законов способствуют развитию промышленности, усиливая экономическую независимость региона.

Научно-технический потенциал – инновации повышают конкурентоспособность, а промышленность стимулирует внедрение технологий и развитие науки.

Географо-экономическое положение – близость к рынкам сбыта облегчает рост промышленности, а развитые регионы становятся центрами экономической активности» [6].

Отразим данную корреляцию на рисунке 1.

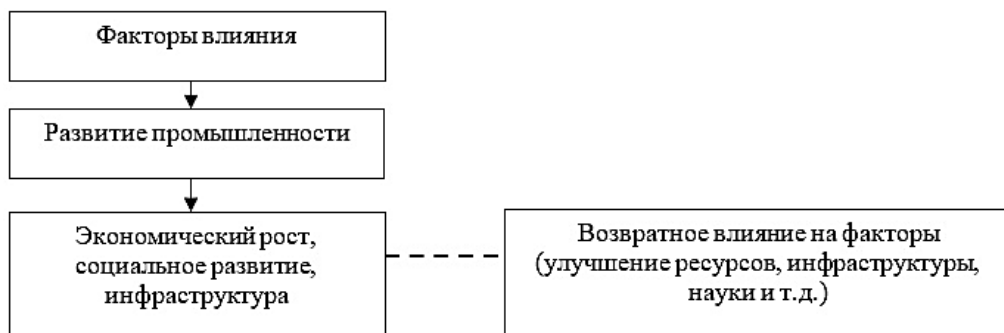

Рисунок 1 – Корреляция факторов развития промышленности и его влияния на развитие региона.
Составлено по материалам [6].

Как видно из рисунка, факторы и промышленный сектор взаимосвязаны и влияют друг на друга: условия определяют рост промышленности, а сама промышленность способствует укреплению и развитию региона.

Укрепление и модернизация промышленного сек-

тора являются стратегически важным для экономической безопасности, устойчивого роста и повышения конкурентоспособности регионов и страны.

Графическое представление изменений динамики валового регионального продукта (далее – ВРП) города Севастополя показано на рисунке 2.

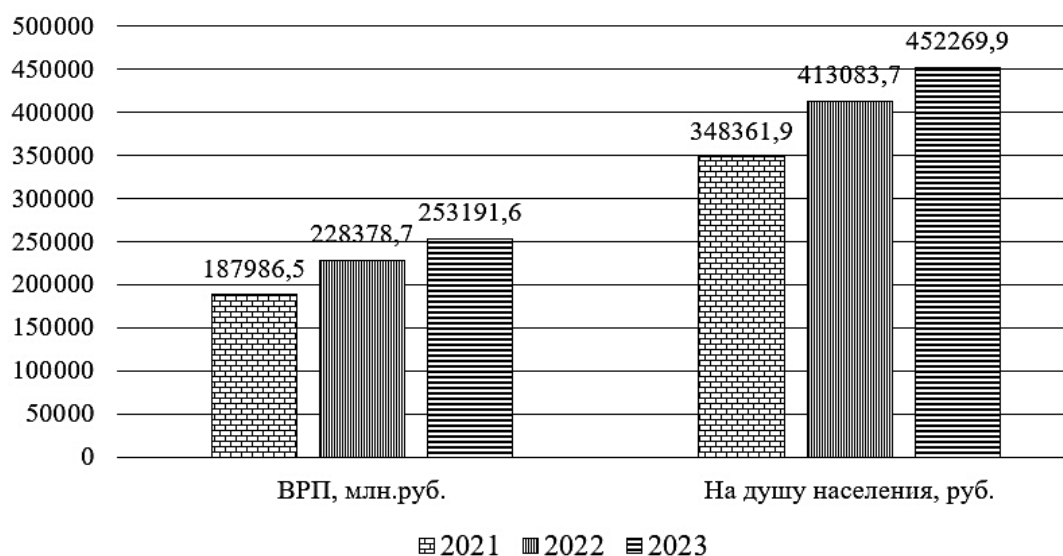

Рисунок 2 – Валовой региональный продукт города Севастополя.
Составлено по материалам [9; 10].

За последние годы Севастополь демонстрирует

уверенный рост ВРП – его объем увеличился по-

чи на треть, что говорит о поступательном развитии экономики региона. Одновременно с этим рост ВРП на душу населения отражает не просто демографический фактор, но и повышение отдачи труда.

Существенный вклад в это вносит промышленность – изменение ВРП отражает, что промышленные предприятия стабильно наращивают выпуск и обновляют производство.

В результате, по итогам 2024 года доля промышленности в структуре ВРП составляет:

«Добыча полезных ископаемых 0,7 %.

Обрабатывающие производства 5,5 %.

Обеспечение эл.энергией, газом и паром 4,5 %.

Водоснабжение, водоотведение и др. 0,9 %» [10].

Общая доля промышленности составляет 11,6 %.

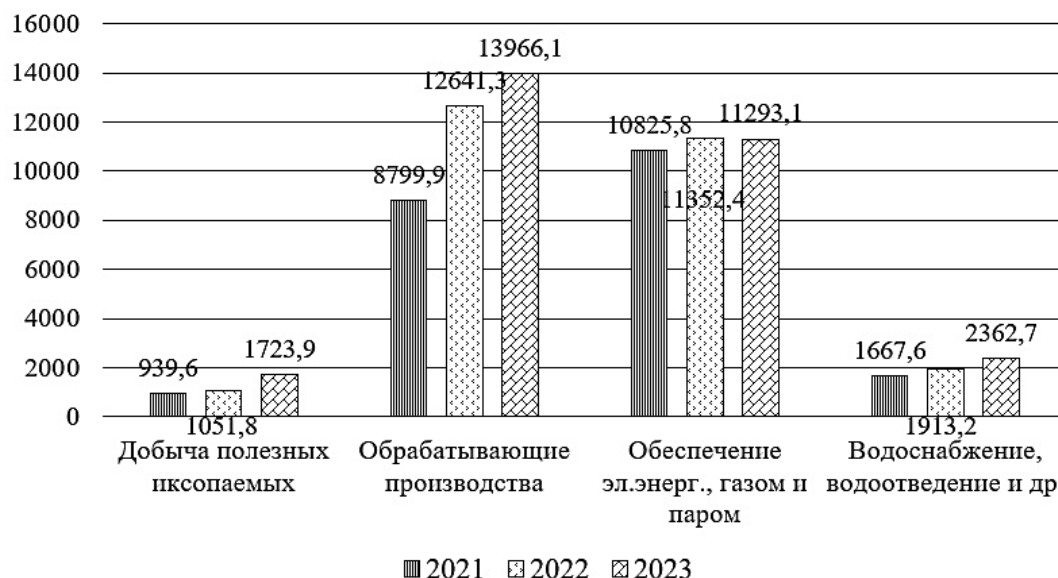

Рисунок 3 – Валовой региональный продукт по видам промышленности в городе Севастополе, млн руб.
Составлено по материалам [9; 10].

Структура ВРП говорит о том, что ключевую роль в промышленном развитии Севастополя играют именно обрабатывающие отрасли, формируя значительную часть добавленной стоимости и поддерживая рост смежных направлений – от добычи до строительного комплекса и энергетики. Рост перерабатывающего сектора указывает на запуск новых производственных объектов, модернизацию оборудования и реализацию мер господдержки, способствующих привлечению инве-

стиций. Одновременно, стабильный рост энергетического хозяйства и коммунальных служб создает надежный фундамент для дальнейшего развития промышленного потенциала региона.

За два последних года промышленность Севастополя демонстрирует заметный рост: объемы отгрузки увеличились почти на 44 %. Основу по-прежнему составляют обрабатывающие производства, которые формируют значительную часть выпуска.

Рисунок 4 – Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в городе Севастополе, млн руб.
Составлено по материалам [9; 10].

Наибольший рост пришелся на сферу энергоснабжения, где объемы удвоились.

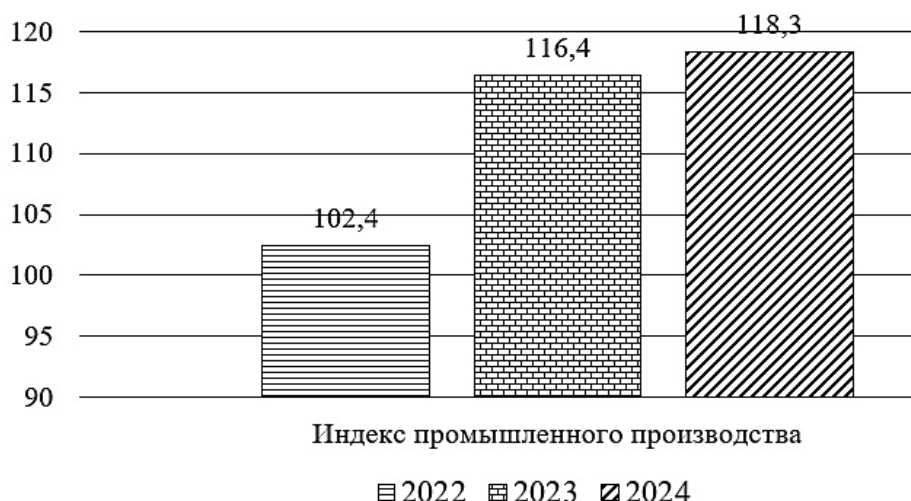

Рисунок 5 – Индекс промышленного производства города Севастополя, %.
Составлено по материалам [9; 10].

Индекс промышленного производства показывает стабильное повышение, свидетельствующее о динамичном развитии промышленного сектора Севастополя. Постоянный рост выпуска продукции и услуг подтверждает укрепление статуса

региона как значимого промышленного центра с хорошими перспективами дальнейшего развития.

Изменение индекса по отдельным видам промышленности отражены на рисунке 6.

Рисунок 6 – Индекс промышленного производства по видам экономической деятельности в городе Севастополе, %.
Составлено по материалам [9; 10].

Обрабатывающая промышленность показывает наибольший рост, подтверждая свое ключевое значение для промышленного комплекса Севастополя. Устойчивое развитие энергоснабжения создает прочную базу для дальнейшего расширения производства.

Итак, наибольшее развитие имеют обрабатывающие производства (их структура показана на рис. 7).

Обрабатывающее производство в Севастополе представлено рядом ключевых отраслей, которые вместе обеспечивают около 65 % от общего объема выпуска, свидетельствуя о сбалансированном развитии промышленного комплекса.

Наибольшую долю занимают производства неметаллических минеральных изделий и пищевых продуктов – значимые для экономики Севастополя направления, поддерживающие стабильный

спрос и создающие рабочие места.

Кроме того, наблюдается рост в производстве напитков и электротехнической продукции, что отражает развитие как традиционных, так и высокотехнологичных отраслей. Важную роль играет и

сектор ремонта и монтажа оборудования, подчеркивающий необходимость технического обслуживания и обновления производственных мощностей.

- ▣ Производство прочей неметаллической минеральной продукции
- ▣ Производство пищевых продуктов
- ▣ Производство напитков
- ▣ Производство электрического оборудования
- ▣ Ремонт и монтаж машин и оборудования
- ▣ Другое

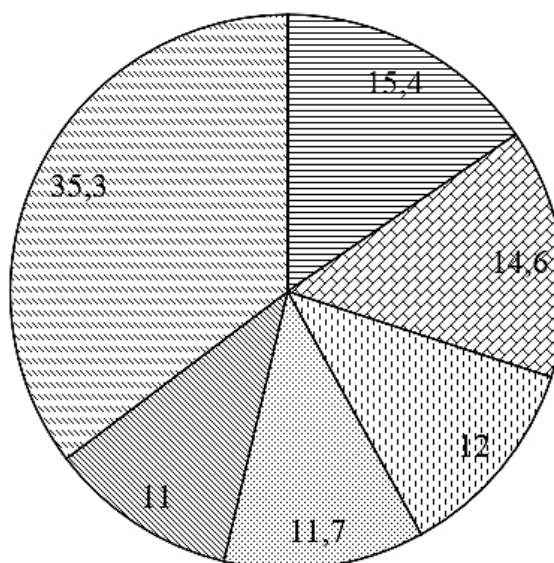

Рисунок 7 – Структура обрабатывающего производства в городе Севастополе в 2024 году, %.
Составлено по материалам [9; 10].

Изменения численности промышленных предприятий в городе Севастополе показано на рисунке 8.

Рисунок 8 – Численность промышленных предприятий города Севастополя, ед.
Составлено по материалам [11–13; 15].

За 2022–2024 гг. численность промышленных предприятий в Севастополе постепенно, но уверенно увеличилась – с 568 до 592. Такой рост указывает на расширение промышленного комплекса и активизацию деловой среды в Севастополе.

Увеличение количества предприятий промышленного комплекса свидетельствует о запуске новых производственных мощностей и развитии малого и среднего бизнеса в промышленной отрасли, что способствует укреплению экономической устойчивости Севастополя.

Промышленность Севастополя демонстрирует

стабильный прогресс, обновление технологий и расширение производственных мощностей, что значительно повышает экономический потенциал и привлекательность региона для инвесторов.

Для поддержания этой динамики и дальнейшего укрепления промышленного сектора ключевое значение имеет государственная программа города Севастополя «Развитие промышленности города Севастополя» [15]. Меры поддержки, предусмотренные программой включают в себя:

Субсидии на модернизацию. Позволяют предприятиям компенсировать часть расходов на закупку нового оборудования, внедрение современных технологий и техническое перевооружение. Это дает возможность ускорить обновление основных фондов, повысить эффективность производства и выпускать продукцию, соответствующую современным требованиям рынка.

Льготные займы. Открывает промышленным компаниям доступ к займам на более выгодных условиях. Сниженные процентные ставки делают привлечение финансовых ресурсов более доступным, особенно для малого и среднего бизнеса, который чаще всего испытывает нехватку оборотных средств для расширения или модернизации.

Микрозаймы и гарантии. Особенно востребованы у небольших промышленных предприятий и начинающих производств. Благодаря таким инструментам бизнес может получить нужные средства на старте или при расширении, а гарантийная поддержка помогает оформить кредиты даже при недостатке собственного залогового обеспечения.

Проектное сопровождение. Охватывает весь цикл реализации инвестиционного проекта – от подготовки и оформления необходимой документации до ввода новых мощностей в эксплуатацию. Предприятия и инвесторы получают консультационную и правовую помощь, что существенно сокращает сроки согласования и снижает бюрократические барьеры.

Ключевую роль в предоставлении данных мер поддержки играет НКО «Фонд развития промышленности Севастополя»: «выполняет функции проводника государственной политики в сфере стимулирования промышленного производства и модернизации предприятий. Главная задача Фонда – помощь промышленным компаниям и предпринимателям получить доступ к мерам поддержки» [11].

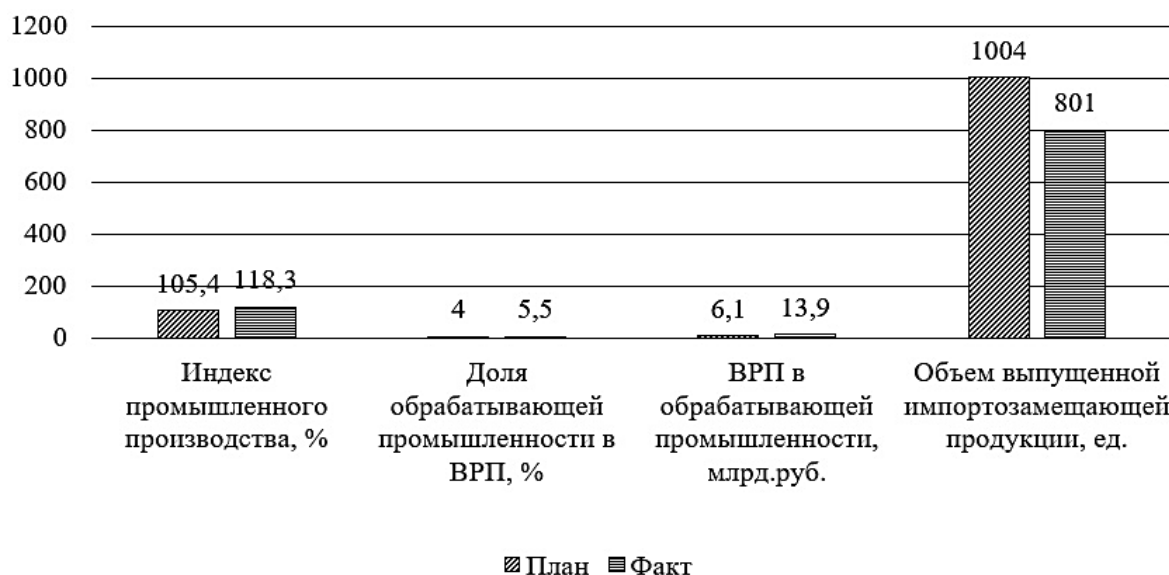

Рисунок 9 – Оценка эффективности мер поддержки развития промышленности в городе Севастополе в 2024 году.
Составлено по материалам [3; 9; 10].

Меры поддержки промышленного развития в Севастополе, реализованные в рамках государственной программы «Развитие промышленности города Севастополя», продемонстрировали высокую эффективность, о чем свидетельствует перевыполнение большинства плановых индикаторов. Данные показатели говорят о следующем:

Значительное опережающее развитие промышленного сектора.

Усиление роли обрабатывающей промышленности в экономике Севастополя.

Успешное расширение производственной базы и рост добавленной стоимости.

Тем не менее, достигнутый уровень выпуска продукции, ориентированной на импортозамещение, пока не соответствует запланированным значениям, что указывает на сохраняющиеся трудности в данной сфере и подчеркивает необходи-

мость усиления внимания и пересмотра действующих мер поддержки, направленных на развитие импортозамещающих производств – таких как выпуск пресс-форм, станочного оборудования, элементов для машиностроения и судовых установок.

Будущее промышленного сектора города Севастополя в значительной степени определяется активным продвижением мероприятий, направленных на увеличение объемов производства

продукции, способной заменить импорт.

В процессе формирования и внедрения мер, направленных на развитие выпуска импортозамещающей продукции в Севастополе, важно учитывать факторы, которые напрямую влияют на результативность мер поддержки промышленности и, следовательно, развитие сектора.

На рисунке 10 представлены данные факторы.

Рисунок 10 – Факторы влияния на развитие промышленности в Севастополе

Специфика территориального расположения Севастополя и дефицит свободных площадей заметно ограничивают перспективы расширения производственных зон и создания новых промышленных объектов.

Жесткие природоохранные нормы и обязательность их соблюдения усложняют строительство и эксплуатацию промышленных предприятий, особенно вблизи особо ценных природных территорий. Кроме того, аварии экологического характера (например, разлив нефти), могут на время остановить работу отдельных отраслей и негативно сказываться на смежном производстве.

Нестабильность спроса на продукцию промышленности напрямую влияет на объемы производства, финансовую устойчивость предприятий и их

возможности реализовывать долгосрочные проекты.

Подорожание сырья повышает затраты на производство готовой продукции, что может снижать её ценовую привлекательность на рынке и требует дополнительных ресурсов для сохранения прибыльности.

Указанные факторы одновременно создают определённые ограничения и определяют ориентиры для выработки эффективных мер, направленных на развитие промышленного комплекса Севастополя.

Определим ключевые перспективные направления, которые способны стимулировать наращивание объемов производства продукции, призванной заместить импорт.

Таблица 1

Перспективные направления развития производства импортозамещающей продукции на территории города Севастополя

№ п/п	Направление	Ключевые виды продукции и работ	Причины актуальности
1	2	3	4

1.	Судостроение и ремонт флота	Выпуск судовых комплектующих: дизели, электроника, системы управления. Организация производства запчастей и оборудования вместо зарубежных аналогов. Развитие сервисов по ремонту и модернизации флота – гражданского и военного. Строительство малых рыболовецких и прогулочных судов	Севастополь исторически развит как крупный порт и база ВМФ с сильными судоремонтными традициями
----	-----------------------------	--	---

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
2.	Электронная и радиотехническая промышленность	Сборка телекоммуникационных модулей, радиооборудования и навигации. Замещение импорта электроники для гражданских и военных нужд. Наладка выпуска датчиков, контроллеров и компонентов для беспилотных устройств	Спрос на отечественную электронику растет, особенно в ОПК и телекоммуникациях
3.	Композитные технологии и стройматериалы	Производство строительных изделий с использованием местного сырья. Выпуск энергоэффективных окон, дверей, утеплителей. Освоение технологий изготовления композитов для транспорта, авиации и флота	Широкий рынок строительства и инфраструктуры требует локальных решений
4.	Агро промышленность и пищевая переработка	Производство и внедрение отечественного оборудования для пищевой промышленности (розлив, упаковка). Изготовление упаковочных материалов. Переработка и консервирование рыбы и морепродуктов	Регион обладает ресурсами для развития рыболовства и сельхозотрасли
5.	Энергетическое и климатическое оборудование	Организация производства котлов, отопительных систем, генераторов малой мощности. Выпуск тепловых насосов и установок для вентиляции и климат-контроля	Востребовано на объектах ЖКХ, в промышленности и частном секторе
6.	Беспилотные и роботизированные технологии	Сборка дронов для коммерческого и промышленного применения. Замещение зарубежных комплектующих (гироскопы, камеры, ПО) Производство роботов для мониторинга береговой линии и акватории	Перспективная отрасль, активно поддерживается оборонным сегментом
7.	Приборостроение и научно-технологические кластеры	Производство медицинской и экологической измерительной аппаратуры. Локализация лабораторного оборудования. Выпуск реагентов и расходных материалов вместо импортных	Сильная база НИОКР: университеты и научные центры могут стать ядром кластеров

Заключение.

Таким образом, для того, чтобы новые промышленные предприятия в Севастополе могли успешно развиваться, необходимы современные площадки и поддержка бизнеса в сфере импортозамещающего производства.

Одной из важнейших задач, в данном ключе, является привлечение технических специалистов. Для этого важно подготавливать квалифицированные кадры в местных вузах (технические специальности – Севастопольский государственный университет), а также привлекать в отрасль опытных инженеров и рабочих (например, предоставление направлений на целевое обучение от ведущих производственных компаний отрасли – ООО «Таврида Электрик», ООО «ФИОЛЕНТ КОЛОР», ООО «СЕВХИМПРОМ» и др.).

Необходимо также обеспечивать гарантированный сбыт за счет государственного заказа, уча-

ствия в национальных программах импортозамещения и целевого финансирования перспективных проектов.

Отдельное внимание также стоит уделить созданию собственных цепочек поставок – чем больше сырья и комплектующих будет производиться на местах, тем меньше зависимость от импорта. Это укрепит промышленность и откроет дополнительные рабочие места в связанных секторах.

Долгосрочное развитие промышленного комплекса Севастополя требует системного подхода, включающего создание расширения спектра финансовых и организационных инструментов поддержки, а также непрерывную работу по подготовке квалифицированных кадров и привлечению специалистов.

Последовательная реализация этих приоритетов позволит Севастополю укрепить статус значимого промышленного центра Южного федерального округа.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921>
2. Распоряжение Правительства РФ от 09 сентября 2023 г. № 2436-р «Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года» // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407545698>
3. Постановление Правительства Севастополя от 29.12.2021 № 727-ПП Об утверждении государственной программы города Севастополя «Развитие промышленности города Севастополя» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL : <https://docs.cntd.ru/document/578052682>
4. Акмурадов Х.Г. Роль и значение промышленности в развитии современного производства // Символ науки. 2023. № 5-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-promyshlennosti-v-razvitii-sovremenogo-proizvodstva>. EDN: KGEXJB
5. Костина Д.К. Научно-техническая и инновационная составляющие экономики города Севастополя: история и современность / Д.К. Костина, Е.И. Пискун // Экономика и управление: теория и практика. 2021. № 1(7). С. 54–60. EDN: CJZZUH
6. Луковникова Н.С. О роли развития промышленности и территориального планирования регионов России // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2021. № 3(38). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-razvitiya-promyshlennosti-i-territorialnogo-planirovaniya-regionov-rossii>. DOI: 10.21777/2587-554X-2021-3-74-81 EDN: TFZNVJ
7. Сарыева М.Б. Роль промышленности в экономике / М.Б. Сарыева, М.А. Аллакулова // Символ науки. 2023. № 4-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-promyshlennosti-v-ekonomike>. EDN: EGGKBQ
8. Сухарев О.С. Развитие промышленности России: некоторые закономерности и перспективы // Journal of new economy. 2024. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-promyshlennosti-rossii-nekotorye-zakonornosti-i-perspektivy>. DOI: 10.29141/2658-5081-2024-25-1-1 EDN: ZLBGQC
9. Севастополь в цифрах 2023 г.: крат. стат. сб. / Управление федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. Севастополь, 2024. 176 с. URL : <https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Севастополь%20в%20цифраx.2023.pdf>
10. Город Севастополь в цифрах 2024: Крат. стат. сб. / Управление федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. Севастополь, 2025. 158 с. URL : <https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Севастополь%20в%20цифраx.2024.pdf>
11. Доклад о состоянии, проблемах, перспективах развития малого и среднего предпринимательства в городе Севастополе, о реализации государственной экономической, промышленной и инвестиционной политики на территории города Севастополя и о развитии международных и межрегиональных связей в городе Севастополе за 2021 год // Правительство Севастополя. URL : https://sevizakon.ru/assets/files/otchety/pravitelstvo/2022/der_2022_08_10.pdf
12. Доклад об итогах работы экономического блока Правительства Севастополя за 2023 и планах на 2024 // Центр «Мой Бизнес». URL : <https://mb92.ru/upload/support/document/02022022/ДИАЛОГ%20с%20бизнесом%202024%20-%20dth%2015.pdf>
13. НКО «Фонд развития промышленности Севастополя» // Фонд развития промышленности Севастополя. URL : <https://frpgs.ru>
14. Севастополь // Онлайн-журнал «TAdviser». URL : <https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Севастополь>
15. Экономика Севастополя // Инвестиционный портал города Севастополя. URL : <https://sevinvestportal.ru/o-sevastopole/ekonomika>

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/13/2017 № 208 «On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921>
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 09, 2023 № 2436-r «Consolidated Strategy for the development of the manufacturing industry of the Russian Federation until 2030 and for the period up to 2035» // Information and legal portal «Garant.ru». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407545698>
3. Resolution of the Government of Sevastopol dated December 29, 2021 № 727-PP On approval of the State program of the city of Sevastopol «Industrial development of the city of Sevastopol» // Electronic Fund of Legal

- and Regulatory Documents. URL : <https://docs.cntd.ru/document/578052682>
4. Akmuradov H.G. The role and importance of industry in the development of modern // Symbol of Science. 2023. № 5-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-promyshlennosti-v-razviti-ii-sovremennogo-proizvodstva> EDN: KGEXJB
 5. Kostina D.K. Scientific, technical and innovative components of the economy of the city of Sevastopol: history and modernity / D.K. Kostina, E.I. Piskun // Economics and Management: theory and practice. 2021. № 1(7). С. 54–60. EDN: CJZZUH
 6. Lukovnikova N.S. On the role of industrial development and territorial planning of Russian regions // Bulletin of the S.Y. Witte Moscow University. Series 1: Economics and Management. 2021. № 3(38). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-razvitiya-promyshlennosti-i-territorialnogo-planirovaniya-regionov-rossii> DOI: 10.21777/2587-554X-2021-3-74-81 EDN: TFZNVJ
 7. Saryeva M.B. The role of industry in the economy / M.B. Saryeva, M.A. Allakulyva // Symbol of Science. 2023. № 4-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-promyshlennosti-v-ekonomike> EDN: EGGKBQ
 8. Sukharev O.S. Industrial development in Russia: some patterns and prospects // Journal of new economy. 2024. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-promyshlennosti-rossii-nekotorye-zakonomernosti-i-perspektivy> DOI: 10.29141/2658-5081-2024-25-1-1 EDN: ZLBGQC
 9. Sevastopol in figures 2023: summary of statistics / Office of the Federal State Statistics Service for the Republic of Crimea and Sevastopol. Sevastopol, 2024. 176 p. URL : <https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sevastopol%20b%20ciphers.2023.pdf>
 10. The city of Sevastopol in figures 2024: Summary of statistics / Office of the Federal State Statistics Service for the Republic of Crimea and Sevastopol. Sevastopol, 2025. 158 p. URL : <https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sevastopol%20b%20cifrach.2024.pdf>
 11. Report on the state, problems, prospects for the development of small and medium-sized businesses in the city of Sevastopol, on the implementation of state economic, industrial and investment policy in the city of Sevastopol and on the development of international and interregional relations in the city of Sevastopol in 2021 // Government of Sevastopol. URL : https://sevizakon.ru/assets/files/otchety/pravitelstvo/2022/der_2022_08_10.pdf
 12. Report on the results of the work of the economic block of the Government of Sevastopol for 2023 and plans for 2024 // My Business Center URL : <https://mb92.ru/upload/support/document/02022022/ДИАЛОГ%20с%20бизнесом%202024%20-%20dth%2015.pdf>
 13. NGO «Industrial Development Fund of Sevastopol» // Industrial Development Fund of Sevastopol. URL : <https://frpgs.ru>
 14. Sevastopol // Online magazine «TAdviser». URL : <https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Sevastopol>
 15. Sevastopol's economy // The investment portal of the city of Sevastopol. URL : <https://sevinvestportal.ru/ru/o-sevastopole/ekonomika>

Информация об авторах

Нехайчук Дмитрий Валериевич

доктор экономических наук,
доцент,
профессор кафедры менеджмента
предпринимательской деятельности
факультета географии, геоэкологии и туризма,
Институт «Таврическая академия»,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского
ORCID: 0000-0002-1915-6393
dimchikn@mail.ru

Симченко Наталия Александровна

доктор экономических наук,
профессор,
и.о. заведующего кафедрой экономической теории
и экономической политики,
Санкт-Петербургский государственный университет
ORCID: 0000-0001-8364-2313
natalysimchenko@yandex.ru

Фомина Елена Александровна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры экономики и управления,
Севастопольский филиал,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова
ORCID: 0000-0002-4340-5505
feaalex@rambler.ru

Dmitry V. Nekhaychuk

Doctor of Economics,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Management and Entrepreneurship
at the Faculty of Geography, Geoecology, and Tourism,
Taurida Academy Institute,
Vernadsky Crimean Federal University
ORCID: 0000-0002-1915-6393
dimchikn@mail.ru

Natalia A. Simchenko

Doctor of Economics,
Professor,
Acting Head of the Department
of Economic Theory and Economic Policy,
St. Petersburg State University
ORCID: 0000-0001-8364-2313
natalysimchenko@yandex.ru

Elena A. Fomina

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Economics and Management,
Sevastopol branch,
Plekhanov Russian University of Economics
ORCID: 0000-0002-4340-5505
feaalex@rambler.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-29>

УДК 330: 37.015.6

Attribution

cc by

EDTECH И ВУЗЫ: КОНКУРИРОВАТЬ НЕЛЬЗЯ СОТРУДНИЧАТЬ – ГДЕ ПОСТАВИТЬ ЗАПЯТУЮ?

Поляничко М.А.

Приволжский государственный университет путей сообщения

Аннотация. Цель исследования – разработка комплексной модели взаимодействия государства, университетов, бизнеса и EdTech-платформ, ее математическая формализация, описание параметров и стратегий субъектов, а также условия равновесия и области практического применения. Методологической основой исследования являются институциональный подход, системный подход, прикладная математика, в частности, раздел исследование операций, включающий теорию игр и равновесие Нэша. В статье представлена общая концепция модели. Выделены пять основных субъектов экономики данных в сфере образования: государство, бизнес, Университеты, EdTech-компании, Человек. Государство рассматривается в роли регулятора и инвестора, бизнес – в роли инвестора и потребителя образовательных услуг, а университеты и EdTech-платформы – в роли производителя образовательных услуг. В центре такой модели находится человек, рассматриваемый как субъект. Данная модель позволяет определить стратегии субъектов, позволяющие найти баланс интересов при взаимодействии.

Ключевые слова: университеты, EdTech-платформы, образовательные услуги, модель взаимодействия, теория игр, равновесие Нэша.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

EDTECH AND UNIVERSITIES: COMPETE OR COOPERATE – WHERE TO PUT THE COMMA?

Mark A. Polyanichko

Volga State Transport University

Abstract. The purpose of the study is to develop a comprehensive model of interaction between the government, universities, businesses, and EdTech platforms, as well as to formalize it mathematically, describe the parameters and strategies of the actors, and determine the conditions for equilibrium and practical application. The study is based on an institutional approach, a systems approach, and applied mathematics, specifically the field of operations research, which includes game theory and Nash equilibrium. The article presents a general concept of the model. It identifies five main actors in the data economy in the field of education: the government, businesses, universities, EdTech companies, and individuals. The state is considered as a regulator and an investor, business as an investor and a consumer of educational services, and universities and EdTech platforms as a producer of educational services. At the center of such a model is a person, considered as a subject. This model allows you to determine the strategies of the subjects that help you find a balance of interests in your interactions.

Keywords: universities, EdTech platforms, educational services, interaction model, game theory, Nash equilibrium.

Funding: Independent work.

Введение.

Современная экономика характеризуется интенсивной цифровизацией и стремительным ростом значимости данных. Цифровые решения, как инструмент сокращения транзакционных издержек, проникают во все сферы экономики: материальное производство и сферу услуг. Не исключением является образование, относимое авторами к

сфере услуг. В пользу отнесения образования к рынку говорит наличие соответствующих атрибутов: платное образование, спрос, предложение, равновесная цена и пр. При этом данная услуга является социально значимой (общественно значимым благом) и может рассматриваться только через призму общественного сектора экономики. Лонгитюдные исследования показывают тесную

взаимосвязь между эффективностью системы образования и государственными расходами на образование – с одной стороны, и показателями экономического развития – с другой. В этом смысле, эффективность интеграции цифровых образовательных технологий и использующих их компаний (EdTech) в национальную систему профессионального образования является одним из ключевых факторов устойчивой и динамичной экономики России.

В контексте настоящего исследования, под системой образования понимается совокупность государственных и негосударственных образовательных организаций, регулятора (Минобрнауки и Минпросвещения) и бизнес.

Каждый субъект, участвуя в цифровизации образования, преследует собственные цели и интересы.

Государство стремится обеспечить качество человеческого капитала и общественное благосостояние.

Бизнес заинтересован в высокой отдаче от инвестиций в человеческий капитал.

Университеты нацелены на укрепление репутации и финансовой устойчивости через цифровизацию образовательных программ, а EdTech-компании стремятся занять значимую долю на рынке образовательных технологий и получить максимальную выручку.

Из-за различий в целях и ресурсах этих участников возникает необходимость в создании аналитической модели их взаимодействия. Проведенное исследование позволяет учитывать взаимозависимость стратегий субъектов и выявлять оптимальные решения, которые были бы приемлемыми и выгодными для всех участников.

Цель исследования и методология.

Целью настоящего исследования является разработка комплексной модели взаимодействия государства, университетов, бизнеса и EdTech-платформ, ее математическая формализация, описание параметров и стратегий субъектов, а также условия равновесия и области практического применения. При этом государство рассматривается в роли регулятора и инвестора, бизнес рассматривается в роли инвестора и потребителя образовательных услуг, а университеты и EdTech-платформы рассматриваются в роли производителя образовательных услуг. В центре такой модели находится человек, рассматриваемый как субъект.

Методологической основой исследования являются институциональный и системный подходы, прикладная математика, в частности, раздел «Исследование операций», включающий теорию игр и равновесие Нэша.

В ходе исследования нашли применение общенаучные методы: аналитический, сравнительно-аналитический метод; частно научные методы: метод системного анализа, метод экспертных оценок.

Проведенное исследование опиралось на результаты научных исследований ученых-экспертов в сфере экономики образования [1–6], а также на анализ экспертных мнений в области развития EdTech [7–14].

Объект и предмет исследования.

Объектом исследования является национальная система образования, рассматриваемая с точки зрения институциональной экономики, т. е. как комплекс институтов, которые регулируют процессы производства, распределения, обмена и потребления образовательных услуг.

Предметом исследования являются закономерности движения материальных, финансовых и трудовых ресурсов в сфере образования.

На рисунке 1 показана демографическая карта потоков образовательных ресурсов на рынке труда России по состоянию на 2022 год. Карта демонстрирует наиболее значимые с точки зрения рынка образования потоки: детское образование и высшее образование. При этом поток, приходящий на высшее образование с рынка труда, сопоставим с потоком, приходящим с предыдущих уровней образования (общее и среднее образование).

На карте не показан рынок дополнительного профессионального образования, однако по масштабу потоков лиц, желающих получить профессиональное образование различного уровня, можно судить о его размерах. На карте также демонстрируется большое количество лиц, попадающих на рынок труда, при этом не получивших образование на последнем уровне. Данные потоки представляют собой потенциал для развития рынка EdTech-образования, они готовы к рынку труда, при этом желают повысить свой уровень образования.

Сделанные выводы подтверждаются объемами рынка образования России по состоянию на 2022 год (рис. 2). На диаграмме показаны объемы рынка образования в государственном и негосударственном секторах. Образование детей (дошкольное, общее образование, а также дополнительное образование детей) занимает в совокупности 64 % рынка.

Общее образование (начальное и среднее) демонстрируют самый большой рост – более 40 % с 2019 по 2022 год (рис. 3). При этом все уровни образования демонстрируют устойчивый рост. Более высокие показатели роста среднего профессионального образования по сравнению с высшим связаны скорее с политикой регулятора, нежели с качественными показателями.

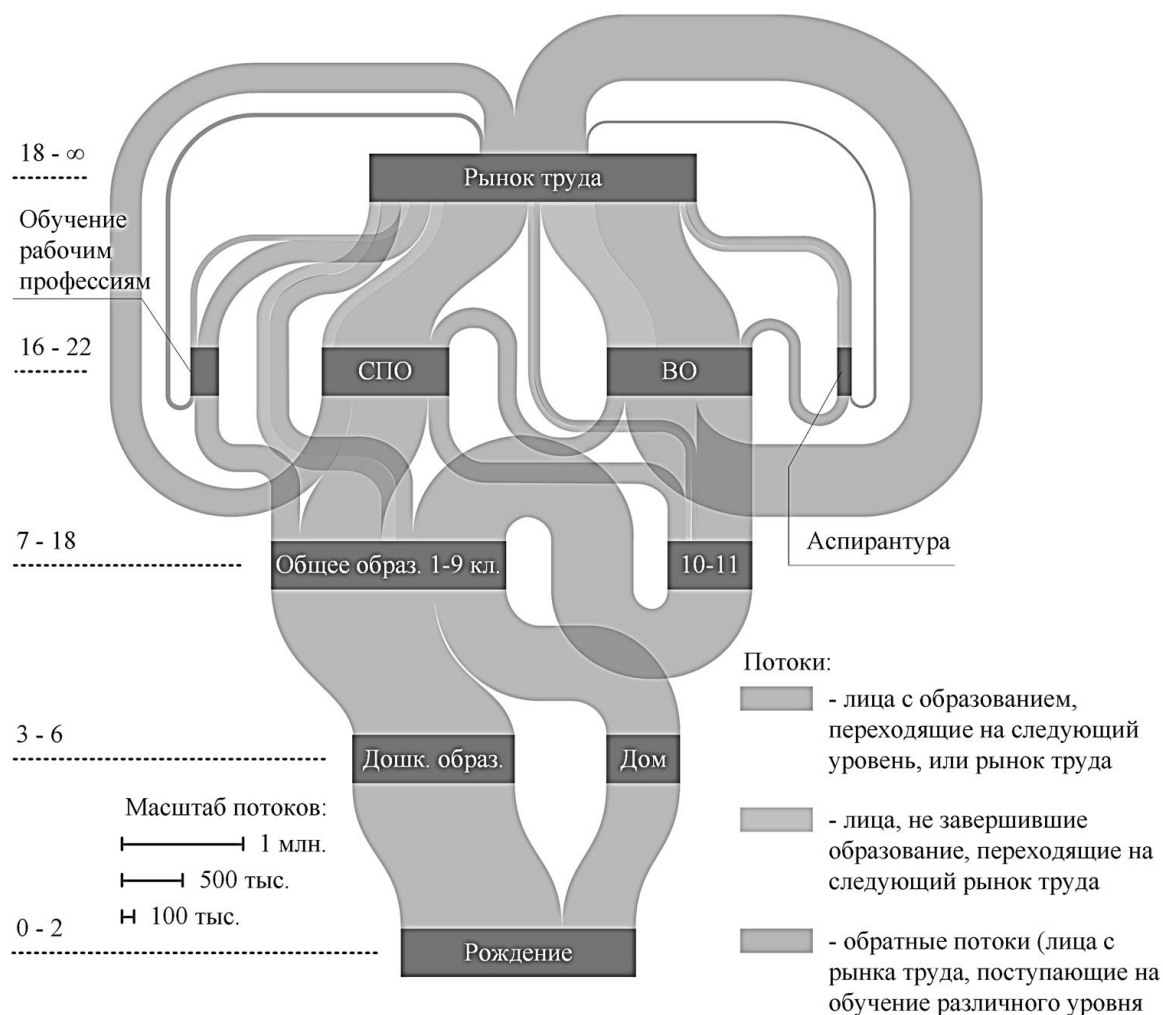

Рисунок 1 – Потоки образовательных ресурсов на рынке труда России.
(Составлено автором).

Рисунок 2 – Структура рынка образования России, млн руб.
(Составлено автором).

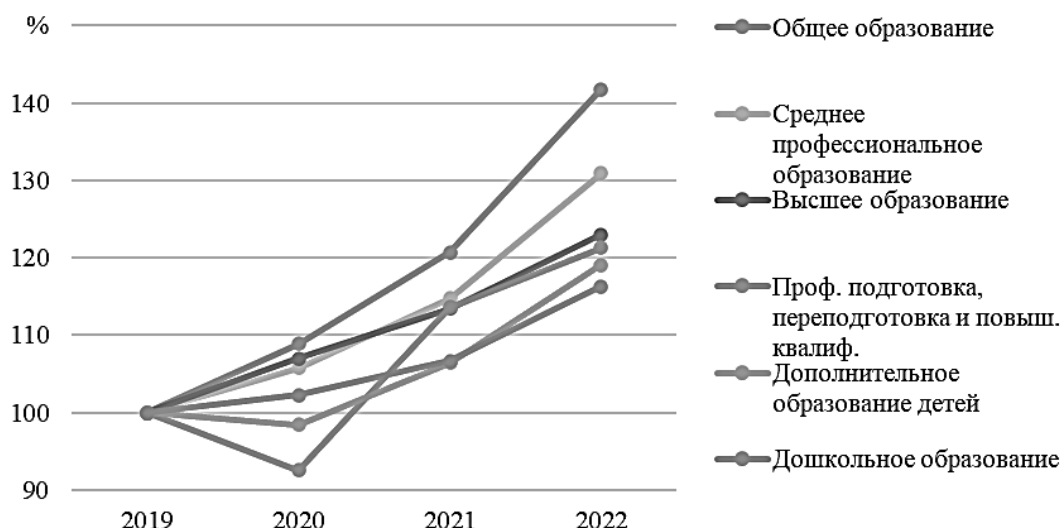

Рисунок 3 – Динамика рынка образования России
(Составлено автором).

В целом рисунок 3 подтверждает тезис об увеличении влияния образования на социально-экономические показатели в будущем и, как следствие, увеличении его значения для государства. Доминирующую позицию весьма рельефно сформулировал Президент России В.В. Путин в своём выступлении: «Знания – лучшая валюта XXI века». В этом смысле, EdTech-платформы демонстрируют наилучшие возможности конфигурации имеющихся ресурсов для достижения наилучшего результата. В отличие от традиционных университетов, демонстрирующих определенную инертность в вопросе внедрения новых технологий и делающих это скорее под воздействие регулятора и учредителя, для платформ цифровые технологии являются инструментом получения конкурентных преимуществ.

Обзор литературы.

Базовую позицию российского регулятора в отношении развития цифровых решений в сфере образования можно обобщить как: цифровизация не заменит традиционное обучение, а лишь дополнит и расширит его возможности. Обзор источников, посвященных развитию рынка и продуктов EdTech в России, показывает, что драйверами рынка являются высшее образование и детский сегмент. Все публикации можно условно разделить на четыре группы.

Первая группа – опросы и мониторинги. Это публикации, основанные на статистических отчетах, в том числе на результатах мониторинга и социологических опросах в сфере образования [15–17].

Согласно отчету «EdTech Industry Report 2025», к 2029 году объем глобального рынка EdTech и умных классов вырастет с 214,73 млрд долларов в 2025 году до 445,94 млрд долларов, с годовым темпом роста 20 %, а «EdTech будет определять будущее обучения, способствовать инновациям и расширять глобальный доступ к качественному

образованию» [15].

Авторы исследования «Исследование рынка корпоративного обучения в 2024 году» [16] говорят о том, что бизнес начал активнее использовать метрики для оценки отдачи от инвестиций в развитие сотрудников. Наиболее популярные критерии [16]: удовлетворённость сотрудников (66 %), качественная трансформация продукции или оказываемых услуг (47 %), динамика прибыли, изменение рыночной стоимости продукта и его конкурентоспособности (44 %), снижение затрат (30 %).

В «Отчёте об искусственном интеллекте в образовании за 2024 год» [17] показаны наиболее успешные кейсы применения технологии: расширенные возможности обучения, автоматизация повторяющихся задач, доступ к образовательным ресурсам, помощь в оценке заданий, поддержка специального образования, инновационные инструменты обучения и профессиональное развитие.

Вторая группа – сценарное прогнозирование. Группа содержит варианты стратегического планирования сферы образования, создание различных сценариев развития [18–22]. Это результаты научных исследований, посвященных выявлению и снижению рисков.

В статье «Прогнозы на 2025 год от участников edtech-рынка» [18] участники рынка предполагают замедление роста рынка несмотря на то, что edtech пока покрывает малую долю рынка образования. Ставки, в основном, делаются на профессиональное образование. Авторы статьи идентифицируют точки роста edtech-рынка: легализация и прозрачность работы, персонализация, непрерывное обучение, эффективные форматы корпоративного обучения, общение и поддержка.

Авторы статьи «Тренды в онлайн-обучении в 2025 году» [19] справедливо прогнозируют рост

платформенного образования и укрупнение игроков edtech-рынка. В части краткосрочного прогноза прогнозируется рост сегмента, связанного с детским образованием, здоровьем, психологией и узкоспециализированными профессиями.

В статье «Тренды EdTech 2025: как ИИ, блокчейн и метавселенные изменят обучение» [20] приведены численные прогнозы цифровизации образования: «к 2028 году объём рынка ИИ в EdTech составит 21 млрд долларов» и «к 2030 году мировой рынок метавселенных может достичь 5,8 трлн долларов, а среднегодовые темпы роста приблизятся к 45 %».

Авторы статьи «Education 2030: как будут развиваться EdTech-сценарии и кого нужно нанимать под каждый из них» [21] ключевую роль в цифровой трансформации сектора образования отводят человеку: «Независимо от того, какой сценарий окажется ближе к реальности – или как они будут переплетаться в гибридные модели, ясно одно: в центре трансформации образования стоит человек. Не технологии определяют будущее – а те, кто умеет с ними работать. Преподаватели, продуктовые лидеры, C-level в EdTech и корпоративном обучении – именно они перезапускают экосистему обучения».

В публикации «Как развивается EdTech: ключевые тенденции 2025 года» [22] планируется «сдвиг от стандартизированных обучающих платформ к по-настоящему персонализированному управлению обучением», при этом «платформы которого адаптируются к уникальным потребностям и скорости обучения отдельных студентов». По мнению авторов «Искусственный интеллект (ИИ) останется преобразующей силой в 2025 году, изменяя академические и административные ландшафты высшего образования. Грамотность в области ИИ станет главным приоритетом для университетов, готовя студентов к критическому взаимодействию с технологией, которая будет всё больше влиять на их карьеру и повседневную жизнь» [22].

Третья группа – алгоритмы и технологии. Это исследования локального эмпирического характера, включающие опыт применения различных алгоритмов и технологий в образовании [23–27].

В книге «Психометрики в EdTech» [23] показаны практические решения для тех, кто создаёт образовательные продукты в EdTech и стремится проектировать процесс обучения максимально продуманно. Автор ставит вопрос об эффективности современных метрик в образовании: «Невозможно, посмотрев на двух студентов, сказать, кто из них лучше знает предмет. Нет инструментов, которые, подобно весам или рулетке, покажут, каков запас знаний у человека».

Статья «Data science for analyzing and improving educational processes» [24] содержит методы аналитики и алгоритмы машинного обучения, которые облегчают процесс оценки знаний обучаю-

щихся. Авторы выделяют следующие группы методов: методы машинного обучения, методы визуализации данных, методы обработки естественного языка (NLP) и методы анализа социальных сетей.

Авторы статьи «Использование data science для образования: пример социально-эмоционального обучения» [25] рассматривают применения методов науки о данных в образовании, в частности, в контексте социального-эмоционального обучения. В статье делается акцент на связи между актом и результатом обучения: «срочно требуется больше исследований, особенно связанных с измерением результатов и их прогнозированием, и их связью с конкретными вмешательствами».

В исследовании «Образовательный анализ данных и аналитика обучения: возможности и перспективы для онлайн-образования» [26] утверждается, что аналитика обучения – важный инструмент для развития студентов, планирования учебного процесса и даже принятия решений на уровне учреждения. Авторы рассматривают, как анализ данных может улучшить процесс обучения, например, за счёт отслеживания прогресса студентов и выявления закономерностей.

В статье «Этические вызовы для аналитики обучения» [27] предлагается обратить внимание на одну из этических проблем, связанных с использованием данных в обучении: невозможность контролировать, кто и для каких целей использует информацию о студентах.

Четвертая группа – экономика образовательных платформ. Это публикации, посвященные платформенному образованию [28–31]. Авторы таких статей рассматривают цифровые образовательные платформы через призму экономики.

В статье «Экономическая модель цифровых образовательных платформ» [28] представлена экономическая модель развития цифровых образовательных платформ, включающая определение эффективности инвестиций в человеческий капитал, использование ресурсов системы образования и отдачу от образования.

Исследование «Институциональные условия развития цифровых образовательных платформ» [29] показывает, каким образом платформенные решения в образовании могут быть встроены в существующие национальные модели развития человеческого капитала.

Интерес представляет исследование «Этапы и сценарии развития цифровых образовательных платформ» [30], автор которого показывает процесс инкорпорирования существующих информационных систем образовательных организаций в цифровые образовательные платформы.

Автор статьи «Цифровые платформы как новые субъекты образовательных отношений» [31] по-

казывает, как цифровые платформы с искусственным интеллектом могут выступать самостоятельными субъектами образовательных отношений, постепенно минимизируя значение образовательных организаций.

Общая концепция модели:

Модель взаимодействия рассматривает пять основных субъектов экономики данных в сфере образования:

- Государство формирует условия, определяет уровень финансирования, регулирует и стимулирует цифровизацию и развитие образования;
- Бизнес инвестирует в подготовку человеческого капитала, ожидая возврата инвестиций в виде повышения производительности и прибыли;
- Университеты интегрируют цифровые решения в образовательные программы, стремясь к росту репутации и финансовой устойчивости;
- EdTech-компании разрабатывают и внедряют инновационные цифровые решения в сфере образования, ориентируясь на захват рынка и получение прибыли;
- Человек выступает как непосредственный потребитель образовательных услуг и активный участник процесса формирования человеческого капитала.

Механизмы взаимодействия.

- Государство как регулятор и инвестор

Финансирование и регулирование:

- Гранты и субсидии университетам и EdTech-стартапам;
- Создание налоговых льгот для бизнеса, инвестирующего в образование.

Стандартизация:

- Установление стандартов качества образования и требований к навыкам;
- Регулирование рынка EdTech-платформ для защиты пользователей.

Мониторинг и аналитика:

- Анализ рынка труда для выявления дефицитов кадров;
- Поддержка платформ для сбора данных о спросе на навыки (например, через открытые данные).
- Университеты и бизнес: связь теории и практики

Совместные образовательные программы:

- Бизнес участвует в разработке курсов (например, «программы под заказ» для IT, энергетики или медицины);

- Стажировки, практики и кейс-стади в университетах, организованные работодателями.

Инновационные лаборатории:

- Совместные проекты с бизнесом для внедрения технологий в образовательный процесс (например, VR-лаборатории для медицинских вузов).

- EdTech-платформы как связующее звено

Технологии для образования:

- Платформы предоставляют университетам инструменты для онлайн-обучения, AI-ассистенты для студентов, аналитику успеваемости;
- Разработка микропрофессиональных курсов для бизнеса (например, корпоративное обучение).

Доступность и масштабируемость:

- Платформы обеспечивают доступ к образовательным ресурсам в регионах с дефицитом вузов;
- Партнёрство с университетами для дистанционного образования.

- Обратная связь и адаптация

Анализ спроса на навыки:

- Бизнес передает университетам и EdTech данные о потребностях рынка;
- Государство использует эти данные для корректировки образовательных программ.

Оценка эффективности:

- Университеты и платформы анализируют результаты обучения через метрики вроде уровня трудоустройства студентов или эффективности корпоративных курсов.

- Научные исследования и инновации

Совместные проекты:

- Университеты и технологические компании работают над разработкой новых решений (например, AI для персонализированного обучения);
- Государство финансирует исследования через гранты.

Цели и интересы субъектов модели.

Государство G.

Государство стремится к обеспечению устойчивого развития человеческого капитала и равного доступа к образованию. В стратегической перспективе это выражается в повышении качества образовательных услуг и адаптации системы образования к вызовам цифровой экономики. Тактически государство заинтересовано в развитии цифровой образовательной инфраструктуры, стандартизации и поддержке новых форматов обучения. С экономической точки зрения, оно ориентировано на оптимизацию бюджетных расходов, повышение занятости и конкурентоспособности национальной экономики.

Бизнес В.

Для бизнеса ключевым интересом является наличие кадров, обладающих актуальными профессиональными и цифровыми компетенциями. Стратегически компании заинтересованы в интеграции с образовательной средой с целью формирования кадрового резерва. Тактические интересы включают участие в разработке программ, создание корпоративных университетов и взаимодействие с EdTech-платформами. Экономическая мотивация выражается в снижении затрат на обучение персонала и повышении эффективности производства.

Университеты U.

Университеты действуют как проводники научных знаний и подготовки кадров. Их стратегический интерес заключается в повышении академиче-

ского статуса и привлечении внешнего финансирования. Тактические цели связаны с обновлением образовательных программ, развитием цифровых сервисов и интеграцией с платформами EdTech. С экономической стороны университеты стремятся к диверсификации доходов, увеличению доли платных образовательных услуг и участию в совместных проектах с бизнесом.

EdTech-компании Е.

Цель EdTech-компаний заключается в трансформации образовательного процесса посредством технологий. Стратегически они заинтересованы в масштабировании решений, выходе на международные рынки и формировании стандартов цифрового обучения. Тактически – в разработке персонализированных и адаптивных курсов, использовании технологий искусственного интеллекта, геймификации и анализа образовательных данных. Экономически модели EdTech ориентированы на монетизацию платформ и образовательного контента, а также на привлечение венчурных инвестиций.

Человек Н.

Заинтересован в получении качественного и доступного образования, отвечающего требованиям рынка труда при минимизации личных затрат (финансовых и временных) и максимизации перспектив трудоустройства, карьерного роста и повышения дохода.

Таблица 1

Интересы субъектов модели

Субъект	Интересы		
	Стратегические	Тактические	Экономические
Государство	Качество образования, равный доступ, человеческий капитал	Цифровизация, стандартизация, регулирование	Оптимизация расходов, рост производительности, налогово-облагаемая база
Бизнес	Квалифицированные кадры, интеграция с образованием	Корпоративное обучение, участие в программах	Снижение затрат, рост производительности, уменьшение текучки кадров
Университеты	Академическая репутация, интернационализация, финансирование	Обновление программ, цифровые сервисы, сотрудничество с EdTech	Рост доходов, коммерциализация знаний, привлечение студентов
EdTech-компании	Масштабируемость, инновации, формирование стандартов	Адаптивные курсы, геймификация, сбор данных	Продажа решений, подписки, инвестиции и аналитика
Человек	Качественное и релевантное образование	Оптимальное распределение времени и средств, выбор формата обучения	Максимизация карьерного роста и дохода при минимальных личных затратах

Целевые функции полезности субъектов взаимодействия.

Исходя из структуры интересов, можно перейти к формализации поведения субъектов в рамках кооперативно-конкурентной среды. Предположим, что каждый субъект принимает решения о вложении ресурсов в совместную образовательную систему, стремясь максимизировать собственную полезность, при этом учитывая поведение других участников.

Рассмотрим модель с четырьмя участниками/субъектами: государством (G), бизнесом (B), университетами (U) и EdTech-компаниями (E). Каждый из них выбирает уровень инвестиций в совместную деятельность:

$$x_G, x_B, x_U, x_E, x_H \geq 0.$$

Общее качество образования Q определяется совокупным вкладом всех участников:

$$Q = \alpha x_G + \beta x_B + \gamma x_U + \delta x_E + \varepsilon x_H.$$

Функция полезности каждого актора состоит из двух частей:

- Выгода от участия в системе, зависящая от общего качества Q ;
- Издержки на собственные инвестиции (возможно, с убывающей отдачей).

Каждый субъект имеет свою целевую функцию U , отражающую его интересы:

Государство.

$$U_G = \alpha_1 Q + \alpha_2 S_G + \alpha_3 I - C_G,$$

где Q – качество человеческого капитала (измеряемое через квалификацию выпускников); S_G – социальная стабильность (рост занятости, снижение безработицы); I – уровень инноваций в стране; C_G – расходы государства на проекты; α_i – коэффициент значимости

Бизнес.

$$U_B = \beta_1 R + \beta_2 H + \beta_3 PR - C_B,$$

где R – экономический эффект (повышение прибыли за счет квалифицированных кадров); H – улучшение HR-бренда и доступ к талантам; PR – рост репутации и социальных инвестиций компании; C_B – затраты бизнеса на финансирование и поддержку проектов; β_i – коэффициент значимости.

Университеты.

$$U_U = \gamma_1 F + \gamma_2 Q_U + \gamma_3 R_U - C_U,$$

где F – финансирование, получаемое университетом; Q_U – рост качества образовательных программ (рейтинг, репутация); R_U – научная репутация и публикационная активность; C_U – затраты университета на реализацию проектов; γ_i – коэффициент значимости.

EdTech-компании.

$$U_E = \delta_1 P + \delta_2 T + \delta_3 V - C_E,$$

где P – прибыль от реализации образовательных продуктов; T – технологическое лидерство и доля рынка; V – рост капитализации компании (привлечение инвестиций); C_E – затраты на разработку программного обеспечения и контента; δ_i – коэффициент значимости.

Человек.

$$U_H = \varepsilon_1 Q + \varepsilon_2 S_H - C_H - T_H$$

где Q – качество образовательного процесса; S_H – социальные и карьерные выгоды (например, доход, статус); C_H – финансовые затраты человека (оплата обучения, материалов); T_H – временные затраты на обучение; ε_i – коэффициент значимости.

Равновесие Нэша.

Равновесие Нэша возникает, когда ни один из субъектов не может увеличить значение функции полезности, изменив свою стратегию, при том, что другие субъекты не меняют своей стратегии. Таким образом получится определить стратегии участников (университеты, бизнес, государство, edTech), при которых ни один из них не заинтересован в одностороннем изменении своих действий. Это позволит найти баланс интересов.

Пусть стратегии субъектов:

$x_G \in X_G$ – стратегия государства;

$x_B \in X_B$ – стратегия бизнеса;

$x_U \in X_U$ – стратегия университетов;

$x_E \in X_E$ – стратегия edTech компаний;

$x_H \in X_H$ – стратегия человека.

Тогда равновесие Нэша $(x_G^*, x_B^*, x_U^*, x_E^*, x_H^*)$ определяется условиями:

$$U_G(x_G^*, x_B^*, x_U^*, x_E^*, x_H^*) \geq U_G(x_G, x_B^*, x_U^*, x_E^*, x_H^*) \quad \forall x_G \in X_G$$

$$U_B(x_G^*, x_B^*, x_U^*, x_E^*, x_H^*) \geq U_B(x_G^*, x_B, x_U^*, x_E^*, x_H^*) \quad \forall x_B \in X_B$$

$$U_U(x_G^*, x_B^*, x_U^*, x_E^*, x_H^*) \geq U_U(x_G^*, x_B^*, x_U, x_E^*, x_H^*) \quad \forall x_U \in X_U$$

$$U_E(x_G^*, x_B^*, x_U^*, x_E^*, x_H^*) \geq U_E(x_G^*, x_B^*, x_U^*, x_E, x_H^*) \quad \forall x_E \in X_E$$

$$U_H(x_G^*, x_B^*, x_U^*, x_E^*, x_H^*) \geq U_E(x_G^*, x_B^*, x_U^*, x_E^*, x_H) \quad \forall x_H \in X_H$$

Для анализа устойчивого состояния системы определим стратегию каждого участника как выбор уровня инвестиций, при котором он максимизирует собственную полезность, учитывая действия остальных.

Для каждого субъекта $i \in \{G, B, U, E, H\}$ задача формулируется как:

$$\max_{x_i \geq 0} U_i = \theta_i Q - c_i x_i^2,$$

где $Q = \alpha x_G + \beta x_B + \gamma x_U + \delta x_E + \varepsilon x_H$ – общее качество системы.

Нужно найти частные производные и установить условия равновесия, при которых каждый максимизирует свою функцию, учитывая действия других. Найдем равновесные значения инвестиций x_i^* при которых:

$$\frac{dU_i}{dx_i} = 0.$$

Пример для государства:

$$\frac{dU_G}{dx_G} = \theta_G \alpha - 2c_G x_G = 0 \Rightarrow x_G^* = \frac{\theta_G \alpha}{2c_G}.$$

Аналогично для других субъектов:

$$x_B^* = \frac{\theta_B \beta}{2c_B}, x_U^* = \frac{\theta_U \gamma}{2c_U}, x_E^* = \frac{\theta_E \delta}{2c_E}, x_H^* = \frac{\theta_H \varepsilon}{2c_H}.$$

Равновесное общее качество образования:

$$Q^* = \alpha x_G^* + \beta x_B^* + \gamma x_U^* + \delta x_E^* + \varepsilon x_H^*.$$

Таким образом, каждый субъект выбирает свой уровень вложений, исходя из:

- своей оценки отдачи от качества образования (θ_i);
- своей стоимости ресурсов (c_i);
- и влияния своих вложений на итоговый результат ($\alpha, \beta, \gamma, \delta, \varepsilon$).

Интерпретация результатов и выводы.

Полученные выражения позволяют сделать ряд выводов:

1. Индивидуальные стимулы субъектов зависят не от абсолютного уровня качества, а от предельной отдачи от собственных вложений. Например, если бизнес получает большую выгоду от квалифицированных кадров (θ_B высоко), он инвестирует больше.
2. Равновесие координированное, но не оптимальное: каждый участник действует эгоистично, что может привести к недоинвестированию в систему в целом по сравнению с коллективным оптимумом.
3. Инструменты регулирования (субсидии, налоговые льготы, софинансирование) могут сдвигать равновесие в сторону более эффективных исходов, корректируя стимулы участников.
4. EdTech-компании при высокой технологической отдаче (δ) и низких затратах (c_E) могут играть роль катализатора трансформации, повышая общий уровень Q^* .

Данная модель позволяет определить стратегии субъектов, при которых ни один из них не заинтересован в одностороннем изменении своих действий. Это позволит найти баланс интересов при взаимодействии.

- Для университетов:
 - Актуализация программ, доступ к технологиям, финансирование.
- Для бизнеса:
 - Доступ к подготовленным кадрам, снижение затрат на корпоративное обучение.
- Для государства:
 - Рост экономики, снижение дефицита кадров, укрепление инновационного потенциала.

- Для EdTech:

– Рынок для продуктов, партнёрства с ведущими игроками.

- Для человека:

– Баланс качества образования и личных затрат.

Заключение.

Главным стейкхолдером проекта интеграции цифровых образовательных технологий и использующих их компаний (EdTech) в государственную систему профессионального образования является само государство.

Современная российская система профессионального образования на протяжении последних десятилетий находится в состоянии весьма бессистемного и сильно ограниченного продуктивного реформирования.

Результатом такого подхода стали:

- дифференциация образовательных организаций с резким градиентом функции финансирования и уровня материально-технической базы;
- геронтологическое истощение преподавательского состава образовательных организаций;
- разрыв между ожиданиями работодателя и уровнем квалификации выпускников.

Между тем, перспективы экономики в современных условиях определяются интенсивностью развития, которая не может существовать в условиях стагнации образовательного потенциала. Поэтому имеется объективный комплексный спрос на квалифицированных специалистов. Едва ли стоит комментировать, что такой спрос учитывает не только текущие потребности, но и долгосрочные тенденции, связанные с демографическими, технологическими и социальными изменениями.

Автор ориентирует свои исследовательские усилия в направлении синтеза и апробирования внедрения инструментов EdTech в традиционные образовательные организации, которые сегодня ещё в какой-то степени являются центрами кадрового обеспечения отраслей, но вовсе не центрами нового знания и средой для притяжения лидеров. В результате их выпускники представляют собой лишь прототипы квалифицированных специалистов, которые подлежат доучиванию по месту трудоустройства.

Результатом такой интеграции видится трансформация системы взаимодействия «EdTech – вуз», позволяющая благоприятно превратить образовательные организации в среду реализации суперпозиции образовательной, мыслительной и практической деятельности, духовного, интеллектуального и физического развития.

Решение задачи трансформации видится в сервисной модели, предусматривающей финансирование внедрения инструментов EdTech в вузе за счет постепенного перевода части учебной нагрузки в цифровую среду. Это позволит изменить структуру баланса образовательных организаций, увеличив статьи на развитие, в том числе развитие сотрудников, цифровую трансформацию и создание комфортной среды.

Главными барьерами интеграции представляются административная и академическая инертность. Административная инертность – это желание команды управления вузом сохранить привычную модель поведения, которая становится препятствием для адаптации к новым реалиям. Акаде-

мическая инертность относится к преподавательскому составу, она обеспечивает стабильность, но тормозит внедрение новых парадигм. Преодоление первого барьера лежит в плоскости регулятора и учредителя и, как правило заключается в поддержке команды управления. Преодоление академической инертности вытекает из анализа функциональных составляющих формулы Бекхарда: раскрытие для сотрудников перспектив и будущего, которое мотивирует, а также обсуждение с сотрудниками конкретных шагов, которые необходимо предпринять. После осознания неудовлетворённости и формирования видения можно начать действовать. В контексте настоящего исследования может быть использована цитата У.Э. Деминга «Выживание не является обязанностью».

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Экосистемы в пространстве новой экономики : монография / М.А. Боровская [и др.]; Науч. ред. М.А. Боровская [и др.]; Минобрнауки, Южный федер. ун-т. Ростов-н/Д., Таганрог : Изд-во Южного федер. ун-та, 2020. 768 с.
2. Новиков С.В. Современное состояние и тенденции развития российской системы высшего образования // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 9. С. 3589–3604. DOI: 10.18334/epp.13.9.118723 EDN: GALPUN
3. Актуальные современные тенденции в сфере высшего образования: прогноз развития и риски / Е.Г. Долгова [и др.] // Экономические науки. 2022. № 207. С. 41–45. DOI: 10.14451/1.207.41 EDN: QJGKRE
4. Якушев А.Ж. Анализ тенденций развития высшего образования при цифровой трансформации / А.Ж. Якушев, С.Р. Турковский // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. № 2(134). С. 124–133. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.02.05.017 EDN: HRFANQ
5. Роль высшего образования как социального института в региональной инновационной системе / Т.В. Терентьева [и др.] // Креативная экономика. 2022. № 8.
6. Изотова А.Г. Экосистемный подход как новый тренд развития высшего образования / А.Г. Изотова, Е.С. Гаврилюк // Вопросы инновационной экономики. 2022. № 2.
7. Размер рынка EdTech, конкурентные исследования и Insights 2032 / Verified Market Reports / Дата публикации: февраль 2025. URL : verifiedmarketreports.com (дата обращения 24.06.2025).
8. Отчёт HolonIQ «Education in 2030» / Сайт benchmark.ru.com (дата публикации 27.12.2024). URL: benchmark.ru.com (дата обращения 22.06.2025).
9. Образование после пандемии: падение, или подготовка к прыжку? / В.В. Болгова [и др.] // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 7. С. 9–30. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-7-9-30 EDN: FKTYTN
10. Индикаторы образования: 2024: статистический сборник / Н.В. Бондаренко [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 416 с.
11. Sancho-Gil J.M. Moving beyond the predictable failure of EdTech initiatives / J.M. Sancho-Gil, P. Rivera-Vargas, R. Miño-Puigcercós // Learning, Media and Technology. 2019. DOI: 10.1080/17439884.2019. 1666873
12. REAL Centre «Synergies Between the Principles for Digital Development and Four Case Studies». Отчет Центра исследований равноправного доступа и обучения (REAL) на факультете образования Кембриджского университета. 2018.
13. Muyooya C. Education technology map: guidance document / C. Muyooya, M. Brugha, D. Hollow. A document developed by Jigsaw. Great Britain, 2016.
14. Scaling Access & Impact: Realizing the Power of EdTech. Исполнительный отчет, в котором рассматриваются факторы, необходимые для масштабирования и поддержания равноправного использования EdTech на национальном уровне. В отчете анализируются данные по Чили, Китаю, Индонезии и США.

15. EdTech Industry Report 2025 // StartUs Insights (дата публикации 12.11.2024). URL : startus-insights.com (дата обращения 24.06.2025).
16. Исследование рынка корпоративного обучения в 2024 году // Сообщество Digital Learning (дата публикации 15.05.2024). URL : digital-learning.ru (дата обращения 24.06.2025).
17. The State of AI in Education. AI in Education Report 2024 / Carnegie Learning (date of publication 21.05.2024) (дата обращения 24.06.2025). URL : ai.gov.ru
18. Прогнозы на 2025 год от участников edtech-рынка (дата публикации 10.01.2015). URL : edtechs.ru (дата обращения 24.06.2025).
19. Тренды в онлайн-обучении в 2025 году. (дата публикации февр. 2025). URL : ZenClass.ru (дата обращения 24.06.2025).
20. Тренды EdTech 2025: как ИИ, блокчейн и метавселенные изменят обучение (дата публикации 17.12.2024) (дата обращения 24.06.2025). URL : Trends.RBC.ru
21. Education 2030: как будут развиваться EdTech-сценарии и кого нужно нанимать под каждый из них (дата публикации 23.06.2025). URL : benchmark.ru.com (дата обращения 24.06.2025).
22. Как развивается EdTech: ключевые тенденции 2025 года (дата публикации 09.06.2025). URL : cossa.ru (дата обращения 24.06.2025).
23. Аббакумов Дмитрий. Психометрика в EdTech: первые шаги: инструменты для методистов, аналитиков, исследователей и продакт-менеджеров в образовании / Дмитрий Аббакумов; Под научн. ред. Инны Антипкиной. М. : МИФ, 2025. 176 с.
24. Aljawarneh S. Data science for analyzing and improving educational processes / S. Aljawarneh, J.A. Lara // Journal of Computing in Higher Education. 2021. № 33(3). P. 545–550. DOI: 10.1007/s12528-021-09299-7 EDN: TNUQCR
25. Liu M.C. The use of data science for education: The case of social-emotional learning / MC. Liu, Y.M. Huang // Smart Learning Environments. 2017. Vol. 4. Art. 1.
26. Baker R.S. Educational data mining and learning analytics: Potentials and possibilities for online education / R.S. Baker, P.S. Inventado // In G. Veletsianos (Ed.), Emergence and Innovation in Digital Learning. 2016. P. 83–98.
27. Ferguson R. Ethical challenges for learning analytics // Journal of Learning Analytics. 2019. № 6(3). P. 25–30.
28. Максименко А.Ю. Экономическая модель цифровых образовательных платформ // «Лидерство и менеджмент». 2024. Т. 11. № 2. С. 787–806. DOI: 10.18334/lim.11.2.120855 EDN: OTOMZQ
29. Максименко А.Ю. Институциональные условия развития цифровых образовательных платформ // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 107–120. DOI: 10.18334/ep.14.1.120318 EDN: VGMGSC
30. Максименко А.Ю. Этапы и сценарии развития цифровых образовательных платформ // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 6. С. 2817–2830. DOI: 10.18334/ep.14.6.120976 EDN: JBLSUL
31. Чеха В.В. Цифровые платформы как новые субъекты образовательных отношений // Наука и школа. 2021. № 3. С. 81–93. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-3-81-93 EDN: WALMTX

References:

1. Ecosystems in the space of the new economy : monograph / M.A. Borovskaya [et al.]; Scientific editorship M.A. Borovskaya [et al.]; Ministry of Education and Science, Southern Federal University. un-t. Rostov-on/D., Taganrog : Publishing House of the Southern Federal University. University, 2020. 768, p.
2. Novikov S.V. The current state and development trends of the Russian higher education system // «Economics, entrepreneurship and law. 2023. Vol. 13. № 9. P. 3589–3604. DOI: 10.18334/ep.13.9.118723 EDN: GALPUN
3. Actual modern trends in higher education: development forecast and risks / E.G. Dolgova [et al.] // Economic Sciences. 2022. № 207. P. 41–45. DOI: 10.14451/1.207.41 EDN: QJGKRE
4. Yakushev A.Zh. Analysis of trends in the development of higher education in the digital transformation / A.Zh. Yakushev, S.R. Turkovsky // Economics and management: problems, solutions. 2023. № 2(134). P. 124–133. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.02.05.017 EDN: HRFANQ
5. The role of higher education as a social institution in the regional innovation system / T.V. Terentyeva [et al.] // Creative Economy. 2022. № 8.
6. Izotova A.G. Ecosystem approach as a new trend in the development of higher education / A.G. Izotova, E.S. Gavriluk // Issues of innovative economics. 2022. № 2.
7. EdTech Market Size, Competitive Research and Insights 2032 / Verified Market Reports (Publication date February 2025). URL : verifiedmarketreports.com(date of application 06/24/2025).
8. HolonIQ Report «Education in 2030» // Website benchmark.ru.com (date of publication 12/27/2024). URL : benchmark.ru.com (date of application 06/22/2025).
9. Education after a pandemic: falling, or preparing for a jump? / V.V. Bolgova [et al.] // Higher education in Russia. 2021. Vol. 30. № 7. P. 9–30. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-7-9-30 EDN: FKTYTN
10. Education indicators: 2024: a statistical collection / N.V. Bondarenko [et al.]; National research. University of Higher School of Economics. M. : ISIEZ HSE, 2024, 416 p.
11. Sancho-Gil J.M. Moving beyond the predictable failure of EdTech initiatives / J.M. Sancho-Gil, P. Rivera-Vargas, R. Miño-Puigcercós // Learning, Media and Technology. 2019. DOI: 10.1080/17439884.2019. 1666873
12. REAL Centre «Synergies Between the Principles for Digital Development and Four Case Studies». A report by

- the Center for Research on Equal Access and Learning (REAL) at the University of Cambridge Faculty of Education. 2018.
13. Muyoya C. Education technology map: guidance document / C. Muyoya, M. Brugha, D. Hollow. A document developed by Jigsaw. Great Britain, 2016.
 14. Scaling Access & Impact: Realizing the Power of EdTech. An executive report that examines the factors needed to scale and maintain the equitable use of EdTech at the national level. The report analyzes data from Chile, China, Indonesia, and the United States.
 15. EdTech Industry Report 2025 / StartUs Insights (date of publication 12.11.2024). URL : startus-insights.com (date of application 06/24/2025).
 16. Corporate Training Market Research in 2024 / The Digital Learning Community. Date of publication: 05/15/2024. URL : digital-learning.ru (date of application 06/24/2025).
 17. The State of AI in Education. AI in Education Report 2024 / Carnegie Learning (date of publication 05/21/2024. URL : ai.gov.ru (date of application 06/24/2025).
 18. Forecasts for 2025 from edtech market participants (Publication date 10.01.2015). URL : edtechs.ru (date of application 06/24/2025).
 19. Trends in online learning in 2025 (Publication date: February 2025). URL : ZenClass.ru (date of application 06/24/2025).
 20. EdTech Trends 2025: How AI, Blockchain and Metaverse will Change Learning (Publication date 12/17/2024). URL : Trends.RBC.ru (date of application 06/24/2025).
 21. Education 2030: how EdTech scenarios will develop and who needs to be hired for each of them (Publication date 06/23/2025). URL : benchmark.ru.com (date of application 06/24/2025).
 22. How EdTech is developing: key trends of 2025 (Publication date 06/29/2025). URL : cossa.ru (date of application 06/24/2025).
 23. Abbakumov Dmitry. «Psychometrics in EdTech: The first steps: tools for methodologists, analysts, researchers and product managers in education / Dmitry Abbakumov; Edited by Inna Antipkina. M. : MIF Publ., 2025, 176 p.
 24. Aljawarneh S. Data science for analyzing and improving educational processes / S. Aljawarneh, J.A. Lara // Journal of Computing in Higher Education. 2021. № 33(3). P. 545–550. DOI: 10.1007/s12528-021-09299-7 EDN: TNUQCR
 25. Liu M.C. The use of data science for education: The case of social-emotional learning / MC. Liu, Y.M. Huang // Smart Learning Environments. 2017. Vol. 4. Art. 1.
 26. Baker R.S. Educational data mining and learning analytics: Potentials and possibilities for online education / R.S. Baker, P.S. Inventado // In G. Veletsianos (Ed.), Emergence and Innovation in Digital Learning. 2016. P. 83–98.
 27. Ferguson R. Ethical challenges for learning analytics // Journal of Learning Analytics. 2019. № 6(3). P. 25–30.
 28. Maksimenko A.Y. The economic model of digital educational platforms // Leadership and management. 2024. Vol. 11. № 2. P. 787–806. DOI: 10.18334/lim.11.2.120855 EDN: OTOMZQ
 29. Maksimenko A.Y. Institutional conditions for the development of digital educational platforms // Economics, entrepreneurship and law. 2024. Vol. 14. № 1. P. 107–120. DOI: 10.18334/epp.14.1.120318 EDN: VGMGSC
 30. Maksimenko A.Y. Stages and scenarios of development of digital educational platforms. The article was published in the journal Economics, Entrepreneurship and Law. 2024. Vol. 14. № 6. P. 2817–2830). DOI: 10.18334/epp.14.6.120976 EDN: JBLSUL
 31. Chekhov V.V. Digital platforms as new subjects of educational relations // Science and School. 2021. № 3. P. 81–93. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-3-81-93 EDN: WALMTX

Информация об авторе

Поляничко Марк Александрович

Приволжский государственный
университет путей сообщения, г. Самара
ORCID: 0000-0002-8817-7921
mark-polyanichko@yandex.ru

Mark A. Polyanichko

Volga State Transport University, Samara
ORCID: 0000-0002-8817-7921
mark-polyanichko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-28>

УДК 334

Attribution

cc by

ФИНАНСИРОВАНИЕ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И АДАПТИВНОГО СПОРТА: СТРУКТУРА РАСХОДОВ, ИСТОЧНИКИ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ДЕФИЦИТЫ

Серпер С.А.

Самарский государственный медицинский университет

Аннотация. В статье исследованы особенности финансирования адаптивной физической культуры и адаптивного спорта в Российской Федерации с позиций региональной и отраслевой экономики. Показано, что современная модель финансового обеспечения характеризуется высокой зависимостью от бюджетных источников и ограниченным участием внебюджетных ресурсов. Проведён структурный и институциональный анализ расходов, выявлены диспропорции между текущими и инвестиционными направлениями, а также управленческие дефициты, связанные с межведомственной координацией и кадровым обеспечением. На основе полученных данных разработана экономическая модель финансирования адаптивной физической культуры, включающая показатели целевой результативности, устойчивости и управляемости финансовых потоков. Обоснована необходимость перехода от затратной к инвестиционно-ориентированной модели, основанной на партнёрстве государства, бизнеса и гражданского общества. Сделан вывод о том, что диверсификация источников и совершенствование механизмов управления финансами способны обеспечить устойчивое развитие отрасли, повысить её социальную эффективность и сократить межрегиональные различия в доступности адаптивного спорта.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура, адаптивный спорт, финансирование, структура расходов, внебюджетные источники, эффективность, региональная экономика, государственно-частное партнёрство, инвестиционная модель.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FINANCING OF ADAPTIVE PHYSICAL EDUCATION AND ADAPTIVE SPORTS: COST STRUCTURE, SOURCES, AND MANAGEMENT DEFICITS

Sergey A. Serper

Privolzhsky State Transport University

Abstract. The article examines the financial mechanisms of adaptive physical culture and adaptive sports in the Russian Federation within the framework of regional and sectoral economics. The current model of financial support is characterized by a high dependence on public budgets and limited participation of extra-budgetary resources. A structural and institutional analysis of expenditures reveals imbalances between current and investment spending as well as managerial deficits related to interdepartmental coordination and human resource capacity. Based on the analysis, an economic model of adaptive physical culture financing is proposed, incorporating indicators of target efficiency, financial stability, and manageability. The study substantiates the need to shift from a cost-based to an investment-oriented model built on the partnership of the state, business, and civil society. It is concluded that diversification of funding sources and the improvement of financial management mechanisms can ensure sustainable sectoral development, enhance social efficiency, and reduce regional disparities in access to adaptive sports.

Keywords: adaptive physical culture, adaptive sports, financing, expenditure structure, extra-budgetary sources, efficiency, regional economy, public-private partnership, investment model.

Funding: Independent work.

Введение

Адаптивная физическая культура и адаптивный

спорт являются важными социально-экономическими направлениями, обеспечивающими реабилитацию и интеграцию людей с ограниченными возможностями здоровья. В последние годы данная сфера официально признаётся приоритетным направлением спортивной политики, о чём свидетельствует рост числа занимающихся и развитие инфраструктуры. Однако финансовое обеспечение адаптивного спорта отстаёт от потребностей: в Российской Федерации оно характеризуется хронической недофинансированностью, что отрицательно сказывается на темпах развития и популяризации адаптивного спорта среди молодёжи с инвалидностью [1]. Недостаточность средств отражается, в частности, на состоянии спортивной инфраструктуры и ограничивает вовлечение лиц с ОВЗ в регулярные занятия физической культурой. Помимо экономических факторов, активность участия в адаптивных программах во многом определяется ценностными ориентациями и трудовой мотивацией молодёжи, что подтверждают исследования трудовых установок современной российской молодёжи [2].

Современная структура финансирования адаптивной физической культуры и спорта показывает преобладание государственных источников. По данным исследований, основную долю – свыше 65 % – составляют бюджетные средства разных уровней, тогда как внебюджетные источники (спонсорская поддержка, благотворительность и др.) играют существенно меньшую роль [3]. Бюджетное финансирование направляется на широкий спектр расходов: проведение спортивных мероприятий, приобретение специализированного инвентаря и оборудования, строительство и ремонт спортивных объектов, оплату труда специалистов, содержание инфраструктуры, приспособленной для лиц с инвалидностью [3]. В то же время наблюдаются диспропорции в динамике и структуре финансирования: в отдельные годы доминирует финансирование с одного уровня бюджета, связанное с крупными спортивными событиями, после чего ресурсы снижаются. Такая нестабильность указывает на проблемы в планировании и устойчивости финансового обеспечения отрасли.

Кроме того, имеются существенные региональные различия в развитии адаптивного спорта, обусловленные в том числе финансовыми и управленческими факторами. В экономически развитых регионах достигнуты более высокие показатели вовлечённости лиц с инвалидностью в спорт – до 30–40 %, тогда как в ряде других субъектов этот показатель не превышает нескольких процентов [4]. Данная дифференциация свидетельствует о наличии управленческих дефицитов в распределении и использовании средств: не во всех регионах обеспечены достаточные объёмы финансирования и эффективное управление ресурсами. Сохранение высокой зависимости адаптивного спорта от бюджетного финансирования при недостаточно развитых внебюджетных источниках также можно рассматривать как системный управленческий недостаток. Для достижения

стратегических целей развития адаптивной физической культуры (таких как увеличение массовости занятий и повышение доступности услуг) необходимы совершенствование механизмов финансирования и устранение указанных дефицитов управления [4]. В связи с этим актуальным представляется исследование структуры расходов, источников финансирования и проблем управления финансами в адаптивной физической культуре и спорте. Настоящая работа направлена на академический анализ данных аспектов, выявление причин недофинансированности и региональных диспропорций, а также формулирование рекомендаций по повышению устойчивости и эффективности финансового обеспечения отрасли.

Постановка проблемы, цель и задачи исследования

Сфера адаптивной физической культуры и адаптивного спорта в России демонстрирует устойчивую зависимость от бюджетного финансирования при ограниченном участии негосударственных источников. Для социально значимой отрасли это приводит к ряду экономико-управленческих эффектов: волатильности ресурсной базы, перекосам в структуре расходов в пользу текущего содержания (зарплаты, эксплуатация объектов) при недоинвестировании в инфраструктуру и массовые программы, а также к региональной дифференциации доступности услуг. Исследовательская повестка задаётся необходимостью уточнить параметры этих диспропорций и предложить инструменты ребалансировки финансовой модели [5].

В академической и прикладной литературе обсуждается потенциал диверсификации источников за счёт механизмов государственно-частного партнёрства (ГЧП), спонсорства и благотворительности. Однако опыт их системного использования в спорте и, особенно, в АФК остаётся точечным и неоднородным по регионам [6]. Это указывает на институциональные ограничения (правовые, организационные, управленческие), требующие экономического анализа, сопоставления региональных моделей и выработки критериев эффективности привлечения внебюджетных средств.

Объект исследования – экономические отношения, складывающиеся в процессе формирования и использования финансовых ресурсов в сфере адаптивной физической культуры и спорта РФ.

Предмет исследования – структура источников финансирования и структура расходов в АФК, а также управленческие механизмы, влияющие на их динамику и эффективность.

Цель исследования – выявить ключевые диспропорции финансового обеспечения АФК, оценить их управленческие причины и предложить экономически обоснованные направления оптимизации финансирования с учётом региональной специфики.

Гипотезы

1. Низкая и нестабильная доля внебюджетных поступлений сопровождается смещением расходов в пользу текущего содержания и сдерживает инфраструктурное развитие и массовизацию участия в АФК.

2. Выраженная региональная дифференциация бюджетной обеспеченности коррелирует с показателями доступности и вовлечённости в АФК; расширение инструментов ГЧП способно снизить неравномерность доступа.

3. Ребалансировка расходной структуры (повышение доли программ массового участия и целевых капвложений) при неизменном общем объёме средств повышает результативность отрасли по социальным эффектам.

Задачи исследования

1. Описать и классифицировать источники финансирования АФК и структуру расходов (функциональные и экономические статьи).

2. Оценить региональные различия по составу источников и профилю расходов; выявить типичные модели финансирования.

3. Идентифицировать управленческие ограничения привлечения внебюджетных средств (институциональные и организационные).

4. Проанализировать применимость инструментов ГЧП, спонсорства и грантовых схем для АФК; сопоставить кейсы по критериям эффективности.

5. Сформулировать рекомендации по оптимизации финансовой модели (на уровне субъекта РФ и муниципалитета) с целями: снижение волатильности, рост доли программ массового участия и повышение инвестиционной активности.

Методология исследования

Исследование выполнено с использованием комбинированного подхода, включающего количественные и качественные методы анализа. Такой дизайн позволяет изучить не только объём и структуру финансирования адаптивной физической культуры (АФК), но и управленческие механизмы, определяющие эффективность использования ресурсов [7].

На первом этапе проведена классификация источников финансирования по уровням бюджетной системы и по формам привлечения внебюджетных средств. Анализировались механизмы участия государства, коммерческих организаций, некоммерческого сектора и физических лиц. Классификация позволила выявить диспропорции: более 90 % средств формируется за счёт бюджетов всех уровней, тогда как вклад негосударственных источников остаётся незначительным. Для количественного анализа использовались показатели доли внебюджетных поступлений, коэффициента концентрации бюджетных

средств и темпа изменения финансирования по годам [8].

На втором этапе осуществлён структурно-динамический анализ расходов, включающий оценку распределения средств по функциональным статьям: текущие расходы (оплата труда, эксплуатация объектов, обеспечение мероприятий) и капитальные вложения (строительство, реконструкция, закупка оборудования). Для выявления динамики применялись методы горизонтального и вертикального анализа. Полученные данные позволили определить ключевые направления недофинансирования и зафиксировать тенденцию преобладания текущих расходов над инвестиционными.

Третий этап был посвящён качественному институциональному анализу, направленному на выявление управленческих ограничений. Рассматривались факторы, влияющие на эффективность освоения средств: система межведомственного взаимодействия, кадровое обеспечение, качество финансового планирования, степень прозрачности процедур распределения субсидий. Отдельное внимание уделялось механизмам государственно-частного партнёрства, конкурсов грантов и благотворительных программ как перспективным инструментам диверсификации финансирования [7]. При интерпретации выявленных закономерностей учитывался региональный социокультурный контекст, представленный в исследованиях социально-экономического развития Ростовской области [9].

Для комплексной оценки применялись критерии эффективности финансирования, разработанные в экономике спорта и социальной сферы:

- коэффициент целевой результативности (K_1)
- доля целевых расходов в общем объёме средств;

- коэффициент устойчивости финансирования (K_2) – отношение внебюджетных поступлений к общему объёму за три года;

- коэффициент управляемости ресурсов (K_3) – доля освоенных средств в утверждённом плане.

Сравнение значений этих показателей позволяет судить о степени эффективности и устойчивости финансовых моделей адаптивной физической культуры в разных регионах. Методологическая конструкция исследования обеспечивает системную оценку финансовых процессов и выявление управленческих дефицитов [8].

Результаты и обсуждение

Финансирование адаптивной физической культуры и адаптивного спорта представляет собой сложную систему межуровневого взаимодействия государственных и негосударственных субъектов. Построенная экономическая модель описывает взаимосвязь трёх компонентов: источников формирования ресурсов, структуры расхо-

дов и институциональных ограничений, определяющих эффективность финансовых потоков [10].

1. Структура источников финансирования

Исследования показывают, что подавляющая часть финансовых ресурсов в сфере физической культуры и спорта формируется за счёт бюджетных средств, преимущественно регионального и муниципального уровней [10]. Негосударственные источники – спонсорство, благотворительные программы, целевые фонды и механизмы государственно-частного партнёрства – пока занимают незначительную долю. Такая структура приводит к устойчивой зависимости системы адаптивного спорта от бюджетного цикла, что ограничивает возможность долгосрочного планирования и внедрения инновационных форм деятельности. Определённую роль в низкой активности частных инвестиций играют социокультурные факторы: ориентация на демонстративное потребление и снижение значимости социально-ориентированных форм меценатства в обществе [11].

В результате формируется эффект «жёсткого бюджетного ядра»: распределение средств определяется не столько стратегическими приоритетами отрасли, сколько возможностями региональных бюджетов. Авторы подчеркивают необходимость постепенного расширения участия внебюджетных ресурсов и институционализации ГЧП как механизма привлечения инвестиций [12].

2. Структура расходов

Анализ расходной части подтверждает, что наибольший удельный вес занимают текущие расходы – заработная плата и содержание объектов [3]. На обновление материально-технической базы, закупку оборудования и развитие инфраструктуры выделяется значительно меньше средств. Такая структура расходов обеспечивает стабильное функционирование учреждений, но не способствует модернизации и росту охвата населения адаптивной физической культурой.

Сравнение региональных практик показало, что регионы, сумевшие поддерживать более сбалансированное распределение между текущими и инвестиционными статьями, демонстрируют более высокие показатели вовлечённости населения с ограниченными возможностями здоровья. Это подтверждает гипотезу о прямой связи между качеством финансового планирования и социальными результатами системы АФК [3].

3. Управленческие и институциональные ограничения

Важным элементом модели являются управленческие дефициты. К их числу относятся недостаточная прозрачность процедур распределения субсидий, разобщённость ведомственной ответственности и кадровые проблемы. Авторы отме-

чают нехватку специалистов, владеющих современными инструментами финансового и проектного менеджмента, что снижает эффективность освоения выделенных средств [12].

Отсутствие единой методики оценки результативности расходов также является барьером для развития. В большинстве случаев эффективность финансирования оценивается по степени освоения бюджетов, а не по достигнутым социальным эффектам. Это приводит к формированию затратной, а не инвестиционной логики финансирования, что противоречит стратегическим целям отрасли.

4. Оценка эффективности и управленческие выводы

Для оценки результативности модели предложено использовать три индикатора:

- коэффициент целевой результативности (K_1) – отражает долю расходов, направленных на достижение стратегических целей;
- коэффициент устойчивости (K_2) – характеризует долю стабильных внебюджетных поступлений;
- коэффициент управляемости (K_3) – показывает соотношение освоенных средств и утверждённых ассигнований.

По данным [3] и [10], в регионах, где наблюдается более диверсифицированная структура источников и повышенная доля целевых расходов, социальные эффекты выражены сильнее: увеличивается охват населения с инвалидностью, расширяется сеть доступных спортивных объектов, улучшаются показатели вовлечённости в адаптивные программы.

Таким образом, построенная экономическая модель демонстрирует необходимость перехода от затратной модели финансирования к инвестиционной. Устойчивость системы АФК достигается не только увеличением объёма бюджетных средств, но и их структурной оптимизацией – ростом доли программно-целевых расходов, повышением прозрачности управления и формированием благоприятной среды для участия частного сектора.

Заключение

Проведённый анализ позволил выявить системные закономерности и управленческие особенности финансирования адаптивной физической культуры и спорта в России. Сложившаяся модель носит черты централизованной бюджетной системы, где доминирующее положение занимают государственные источники, а участие частного и некоммерческого секторов остаётся ограниченным. Такая зависимость от бюджетного цикла порождает уязвимость отрасли к экономическим колебаниям и усиливает территориальные диспропорции между регионами с различным уровнем экономического потенциала [10].

Рассмотренные в работе механизмы показали, что увеличение объёма финансирования само по себе не гарантирует роста эффективности системы. На первый план выходят структура расходов и качество управления ресурсами. Преобладание текущих затрат над инвестиционными формирует инерционный тип бюджета, обеспечивающий сохранение базового уровня функционирования, но не создающий предпосылок для развития. При этом инвестиции в материально-техническую базу, кадровую подготовку и внедрение инновационных технологий в сфере адаптивного спорта обладают мультипликативным эффектом — они не только повышают доступность услуг для людей с ограниченными возможностями здоровья, но и способствуют расширению занятости, укреплению социальной интеграции и росту человеческого капитала [3].

Выявленные институциональные дефициты — слабая межведомственная координация, недостаточная прозрачность распределения субсидий, нехватка специалистов экономического профиля — снижают результативность программ, даже при росте абсолютных объёмов финансирования. Эти проблемы носят системный характер и требуют внедрения инвестиционно-ориентированного подхода, при котором ключевым критерием становится не освоение средств, а достижение измеримых социальных и экономических эффектов.

В долгосрочной перспективе устойчивое развитие адаптивной физической культуры возможно только при формировании смешанной финансовой модели, основанной на партнёрстве государства, бизнеса и гражданского общества. Такая модель позволяет диверсифицировать источники ресурсов, снижая бюджетные риски, и повышает общую эффективность управления за счёт внедрения проектных механизмов и программно-целевого планирования.

Финансовая трансформация отрасли должна сопровождаться созданием институциональных условий для привлечения частных инвестиций и благотворительных фондов, развитием грантовой поддержки и расширением налоговых стимулов для спонсоров. В совокупности эти меры обеспечат переход от затратной к инвестиционной логике развития, где каждая бюджетная единица рассматривается как вложение в социальное благополучие, здоровье и трудовой потенциал населения.

Тем самым подтверждается, что экономическая устойчивость системы адаптивной физической культуры напрямую связана с эффективностью управленческих решений и качеством финансового планирования. Реформирование механизмов финансирования должно стать одним из приоритетов региональной и отраслевой политики, направленной на повышение результативности социальных инвестиций и сокращение межрегиональных различий.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Авилова И.А. Финансирование и популяризация адаптивного спорта среди молодежи с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 1(34). С. 59–61. DOI: 10.26140/anie-2021-1001-0013 EDN: HBADXZ
2. Гнатюк М.А. Трудовые ценности и трудовая активность современной российской молодежи / М.А. Гнатюк, Д.В. Кротов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10. С. 32–35. EDN: ZROSYB
3. Анализ финансирования адаптивного спорта и адаптивной физической культуры в Российской Федерации на современном этапе / О.Н. Никифорова [и др.] // Адаптивная физическая культура. 2019. № 2 (78). С. 46–48. EDN: GCHNNJ
4. Тарасенко А.А. Допустимые алгоритмы эффективного государственного регулирования адаптивной физической культуры и адаптивного спорта (правовая и финансовая составляющая) / А.А. Тарасенко, С.В. Фомиченко, С.С. Воеводина // Физическая культура, спорт — наука и практика. 2022. № 1. С. 64–70. DOI: 10.53742/1999-6799/1_2022_64 EDN: XIPOUV
5. Чешихина В.В. Анализ финансового обеспечения адаптивной физической культуры и адаптивного спорта в Российской Федерации / В.В. Чешихина, В.В. Селезнев // Современные здоровьесберегающие технологии. 2016. № 2(3). С. 120–128. EDN: YLKGGH
6. Хаджиу А.П. Государственно-частное партнерство: анализ реализации инвестиционных проектов в сфере спорта в России // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы

- современной науки, достижения и инновации : Сборник научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Уфа, 03 марта 2023 года. Уфа : ООО Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. Ч. 1. С. 126–134.
7. Мануйленко Э.В. Методы финансирования физической культуры и спорта / Э.В. Мануйленко, А.Ю. Хмызова // Балтийский морской форум: материалы VIII Международного Балтийского морского форума : в 6 т. Калининград, 05–10 октября 2020 года. Калининград : Калининградский государственный технический университет, 2020. Т. 1. С. 354–357. EDN: GVQMCC
 8. Перькова Е.Ю. Оценка эффективности финансирования физической культуры и спорта в регионах ЦФО // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 3(20). С. 275–278. EDN: ZMLAYR
 9. Двадцать пять лет новой России: Ростовская область / Ю.Г. Волков [и др.]; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки федеральный Научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Южнороссийский филиал. Ростов-н/Д. : Фонд науки и образования, 2018. 174 с. ISBN: 978-5-6041016-7-4 EDN: OTDOMM
 10. Бобровский Е.А. О развитии финансирования физической культуры и спорта // Вестник евразийской науки. 2020. № 6 (76). С. 71–74. DOI: 10.26140/anie-2020-0904-0014 EDN: UHIIRB
 11. The Sociocultural Determinants of Conspicuous Consumption in Russian Society in the Context of Spiritual Crisis / A.V. Vereshchagina [et al.] // The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2018. Vol. 8. № S-SPTMSPCL. P. 2244–2251. DOI: 10.7456/1080SSE/298 EDN: FNTKXO
 12. Мельник Т.Е. Государственно-частное партнёрство в области физической культуры и спорта // Журнал российского права. 2016. Т. 4. № 12. DOI: 10.12737/22731 EDN: XBDQGF

References:

1. Avilova I.A. Financing and popularization of adaptive sports among youth with disabilities and people with disabilities // Azimuth of scientific research: economics and management. 2021. Vol. 10. № 1(34). P. 59–61. DOI: 10.26140/anie-2021-1001-0013 EDN: HBADXZ
2. Gnatyuk M.A. Labor values and labor activity of modern Russian youth / M.A. Gnatyuk, D.V. Krotov, S.I. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. № 10. P. 32–35. EDN: ZROSYB
3. Analysis of financing adaptive sports and adaptive physical culture in the Russian Federation at the present stage / O.N. Nikiforova [et al.] // Adaptive physical culture. 2019. № 2(78). P. 46–48. EDN: GCHNJ
4. Tarasenko A.A. Acceptable algorithms for effective state regulation of adaptive physical culture and adaptive sports (legal and financial component) / A.A. Tarasenko, S.V. Fomichenko, S.S. Voevodina // Physical culture, sport – science and practice. 2022. № 1. P. 64–70. DOI: 10.53742/1999-6799/1_2022_64 EDN: XIPOUV
5. Cheshikhina V.V. Analysis of financial support for adaptive physical culture and adaptive sports in the Russian Federation / V.V. Cheshikhina, V.V. Seleznev // Modern health-saving technologies. 2016. № 2(3). P. 120–128. EDN: YLKGGH
6. Hadjiu A.P. Public-private partnership: an analysis of the implementation of investment projects in the field of sports in Russia // Fundamental and applied scientific research: current issues of modern science, achievements and innovations: A collection of scientific articles based on the materials of the X International Scientific and Practical Conference : in 2 parts. Ufa, March 03, 2023. Ufa : Limited Liability Company Scientific Publishing Center Bulletin of Science. 2023. Part 1. P. 126–134.
7. Manuylenko E.V. Methods of financing physical culture and sports / E.V. Manuylenko, A.Y. Khmyzova // Baltic Sea Forum: proceedings of the VIII International Baltic Sea Forum : in 6 vol. Kaliningrad, October 05–10, 2020. Kaliningrad : Kaliningrad State Technical University, 2020. Vol. 1. P. 354–357. EDN: GVQMCC
8. Perkova E.Y. Evaluation of the effectiveness of financing physical culture and sports in the regions of the Central Federal District // Azimuth of scientific research: economics and management. 2017. Vol. 6. № 3(20). P. 275–278. EDN: ZMLAYR
9. Twenty-five years of New Russia: Rostov region / Yu.G. Volkov [et al.]; Federal state budgetary institution of science federal research sociological center of the Russian academy of sciences, South russian branch. Rostov-on-Don: Foundation for Science and Education, 2018. 174 p. ISBN: 978-5-6041016-7-4 EDN: OTDOMM
10. Bobrovsky E.A. On the development of financing physical culture and sports // Bulletin of Eurasian Science. 2020. № 6 (76). P. 71–74. DOI: 10.26140/anie-2020-0904-0014 EDN: UHIIRB
11. The Sociocultural Determinants of Conspicuous Consumption in Russian Society in the Context of Spiritual Crisis / A.V. Vereshchagina [et al.] // The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2018. Vol. 8. № S-SPTMSPCL. P. 2244–2251. DOI: 10.7456/1080SSE/298 EDN: FNTKXO
12. Melnik, I.E. Public-private partnership in the field of physical culture and sports // Journal of Russian law. 2016. Vol. 4. № 12. DOI: 10.12737/22731 EDN: XBDQGF

Информация об авторе

Серпер Сергей Александрович

кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой
физического воспитания и здоровья,
Самарский государственный
медицинский университет
sergeyserper@gmail.com

Sergey A. Serper

Candidate of Economic Sciences,
Head of the Department
of Physical Education and Health,
Samara State Medical University
sergeyserper@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-21>

УДК 334.7:336.77(470)

Attribution

cc by

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ДОСТУПНОСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА СФЕРЫ УСЛУГ

Стефаненко М.Н., Каджаметова Т.Н.

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Аннотация. Статья посвящена анализу региональных различий в доступности финансирования для предприятий малого и среднего бизнеса в сфере услуг. Целью исследования является выявление факторов, определяющих пространственную дифференциацию условий и объемов кредитования МСП по федеральным округам и видам деятельности. Методология базируется на анализе данных Центрального банка РФ за 2022–2024 гг., включающих показатели кредитных объемов, процентных ставок и динамики кредитной активности. Применен комплексный подход, учитывающий четыре измерения доступности финансирования: физическую, экономическую, институциональную и информационную. Результаты показывают высокую концентрацию кредитования в экономически развитых регионах, значительный рост процентных ставок, внутриотраслевую неоднородность условий финансирования и критические барьеры в периферийных регионах. Выявлены специфические проблемы сферы услуг, связанные с дефицитом залогового обеспечения и волатильностью доходов.

Ключевые слова: доступность финансирования, малое и среднее предпринимательство, сфера услуг, региональная дифференциация, кредитование, финансовая инфраструктура.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

REGIONAL DIFFERENCES IN FINANCING ACCESSIBILITY FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN THE SERVICE SECTOR

Margarita N. Stefanenko, Tamila N. Kazhametova

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Abstract. This article analyzes regional differences in financing accessibility for small and medium-sized enterprises (SMEs) in the service sector. The research aims to identify factors determining spatial differentiation in lending conditions and volumes of SME credit across federal districts and types of economic activity. The methodology is based on analysis of Central Bank of Russia data for 2022–2024, including indicators of credit volumes, interest rates, and dynamics of credit activity. A comprehensive approach is applied that considers four dimensions of financing accessibility: physical, economic, institutional, and informational. The results demonstrate high concentration of lending in economically developed regions, significant increase in interest rates, intra-sectoral heterogeneity in financing conditions, and critical barriers in peripheral regions. Specific problems in the service sector are identified, related to shortage of collateral security and income volatility.

Keywords: financing accessibility, small and medium-sized enterprises, service sector, regional differentiation, credit lending, financial infrastructure.

Funding: Independent work.

Введение.

Доступность финансирования является одним из ключевых факторов, определяющих возможность создания, функционирования и развития малых и средних предприятий. Особую актуальность эта проблема приобретает в контексте региональных различий экономического развития России, где условия кредитования и наличие финансовых ре-

сурсов существенно варьируются по территориям. Сфера услуг, формирующая более 60 % всех субъектов малого и среднего предпринимательства, сталкивается с уникальными барьерами финансирования, обусловленными преобладанием нематериальных активов и высокой волатильностью денежных потоков, что делает актуальным изучение механизмов и факторов, определяющих доступ этих предприятий к кре-

дитным ресурсам в различных регионах Российской Федерации.

Обсуждение. Результаты.

Доступность финансирования представляет собой многоаспектную экономическую категорию, характеризующую возможность субъектов малого и среднего предпринимательства получить

необходимые финансовые ресурсы в требуемом объеме и на приемлемых условиях для создания, функционирования и развития бизнеса [1]. Согласно методологии Всемирного банка и Международной финансовой корпорации, доступность финансирования следует рассматривать через призму нескольких взаимосвязанных измерений, представленных на рисунке 1.

Рисунок 1 – Основные измерения доступность финансирования предприятий малого и среднего бизнеса

Физическая (географическая) доступность характеризует территориальную близость финансовых институтов и возможность физического или дистанционного доступа к финансовым продуктам; для региональной экономики данный аспект приобретает особое значение, поскольку удаленность от финансовых центров создает дополнительные барьеры. Экономическая доступность представляет собой совокупность финансовых условий предоставления ресурсов (процентная ставка, срок кредитования, размер займа, залоговые требования, комиссии) [2].

Институциональная доступность определяется наличием формальных и неформальных правил, регулирующих процесс получения финанси-

рования, включая административные процедуры, требования к документации, критерии отбора заемщиков. Наконец, информационная доступность отражает прозрачность информации о доступных источниках финансирования, условиях получения средств, а также уровень финансовой грамотности предпринимателей [3].

Финансирование субъектов малого и среднего предпринимательства осуществляется за счет комбинации различных источников, которые можно классифицировать по степени контроля собственников над капиталом и условиям его привлечения [4]. Систематизация основных источников и инструментов финансирования МСП представлена в таблице 1.

Таблица 1

Источники и инструменты финансирования субъектов МСП

Группа источников	Основные инструменты
Внутренние источники	Капитал учредителей, нераспределенная прибыль, амортизация
Банковское финансирование	Кредиты, овердрафт, кредитные линии, гарантии
Небанковское заемное финансирование	Займы МФО, лизинг, факторинг, товарный кредит
Государственная поддержка	Субсидии, гранты, государственные гарантии, льготные займы
Альтернативное финансирование	Венчурные фонды, бизнес-ангелы, краудфандинг, кредитование

Как видно из таблицы 1, современные МСП имеют доступ к широкому спектру источников финансирования, однако, их реальная доступность существенно различается в зависимости от размера предприятия, отраслевой принадлежности и региона функционирования. Для малых предприятий сферы услуг наиболее доступными остаются внутренние источники и государственная поддержка, в то время как банковское кредитование зачастую труднодостижимо из-за жестких требований к залоговому обеспечению и кредитной истории. Альтернативные источники финансирования (венчурные фонды, краудфандинг) пока не получили массового распространения и

концентрируются преимущественно в крупных горадах.

Упомянутая отраслевая дифференциация доступности финансовых ресурсов в значительной степени обусловлена различиями в структуре активов и бизнес-моделях предприятий [5]. Наиболее показательным примером является сфера услуг – крупнейший сегмент МСП, формирующий более 60 % всех субъектов малого и среднего предпринимательства, где проблема дефицита залогового обеспечения проявляется максимально остро.

Для понимания механизма формирования барьеров доступа к финансированию в сфере услуг необходим системный подход, учитывающий как внутренние характеристики данного сектора, так и внешние условия их функционирования, в

первую очередь – региональный контекст [6]. Взаимосвязь между специфическими характеристиками сферы услуг, возникающими барьерами финансирования и их региональной дифференциацией представлена на рисунке 2.

Рисунок 2 – Модель формирования барьеров доступа к финансированию для МСП сферы услуг в региональном контексте

На первом уровне специфические характеристики сферы услуг создают объективные предпосылки для ограничения доступа к финансовым ресурсам. К таким характеристикам относятся: преобладание нематериальных активов над материальными, высокая волатильность денежных потоков, локальный характер деятельности и доминирование микро- и малых предприятий.

На втором уровне отраслевые особенности трансформируются в конкретные барьеры финансирования. Дефицит материальных активов приводит к отсутствию ликвидного залогового обеспечения, высокая волатильность и непредсказуемость доходов повышают кредитные риски, высокая доля прекращения деятельности усиливает недоверие кредиторов к молодым бизнесам. В результате, формируется устойчивый комплекс барьеров: дефицит залогового обеспечения, повышенные процентные ставки, короткие сроки кредитования и высокая доля отказов в предоставлении финансирования.

На третьем уровне эти барьеры приобретают региональную специфику. В экономически развитых регионах негативные эффекты частично компенсируются развитой финансовой инфраструктурой, государственными программами поддержки и альтернативными источниками финансирования. В периферийных регионах происходит усиление барьеров: ограниченная инфраструктура, дефицит институтов поддержки и зависимость от банковского кредитования, приводят к критическому дефициту доступного финансирования.

Таким образом, региональный контекст выступает критическим модератором доступности финансовых ресурсов для МСП сферы услуг.

Для более полного понимания региональных особенностей доступности финансирования необходимо проанализировать текущую кредитную активность – объемы вновь предоставляемых кредитов. Показатели кредитования МСП по федеральным округам в декабре 2022-2024 гг. представлены в таблице 2 [7].

Таблица 2

Показатели кредитования МСП по федеральным округам в декабре 2022–2024 гг.

Федеральный округ	Объем кредитов, млрд руб.			Процентная ставка до 1 года, % годовых			Процентная ставка свыше 1 года, % годовых		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Центральный	602,8	886,7	652,2	9,87	15,56	25,08	10,14	15,10	21,02
Северо-Западный	124,8	154,9	131,5	10,78	15,98	24,55	8,92	15,34	16,31
Южный	126,2	212,9	176,1	9,00	11,34	25,34	9,51	17,43	23,01
Северо-Кавказский	27,9	25,0	21,0	7,76	9,31	19,90	6,22	13,95	16,71
Приволжский	179,0	245,2	196,9	9,57	13,76	22,08	9,59	14,24	19,20
Уральский	108,9	120,4	104,1	10,78	14,51	22,57	11,42	15,92	17,89
Сибирский	111,0	135,8	111,7	9,86	13,98	22,47	10,58	15,46	18,70
Дальневосточный	75,1	73,6	67,1	9,80	15,05	21,75	9,72	16,40	16,66

Всего по РФ	1356	1855	1461	—	—	—	—	—	—
-------------	------	------	------	---	---	---	---	---	---

Данные таблицы 2 демонстрируют взаимосвязь между динамикой объемов кредитования МСП и изменением стоимости заемных средств в период 2022–2024 гг. Анализ выявляет четкую обратную зависимость: рост процентных ставок сопровождается сокращением кредитной активности.

Кредитование МСП показало волатильную динамику: пик в декабре 2023 г. (1854,5 млрд руб., +36,8 %) сменился спадом в 2024 г. (1460,6 млрд руб., –21,2 %). Все федеральные округа снизили объемы кредитования, с наибольшим сокращением в Центральном ФО (–26,4 %) и наименьшим в Дальневосточном ФО (–8,8 %). Процентные ставки продемонстрировали устойчивый тренд на повышение. Краткосрочные кредиты выросли в 2–2,5 раза (с 7,76–10,78 % до 19,90–25,34 %), долгосрочные – с 6,22–11,42 % до 16,31–23,01 %. Темпы роста ставок ускорились в 2024 г. (8–10

п.п.), отражая ужесточение денежно-кредитной политики ЦБ РФ в ответ на инфляционное давление.

Региональная дифференциация остается стабильной: Северо-Кавказский и Дальневосточный ФО демонстрируют наиболее низкие ставки благодаря региональным программам субсидирования, тогда как Центральный и Южный ФО характеризуются максимальной стоимостью кредитов. Разрыв между регионами сохраняется на уровне 4–6 п.п. независимо от общего уровня ставок.

Наряду с региональной дифференциацией, существенные различия в объемах и условиях кредитования наблюдаются между видами деятельности внутри сферы услуг. Динамика основных показателей кредитования МСП по видам деятельности сферы услуг представлена в таблице 3 [7].

Таблица 3

Объемы кредитования и процентные ставки по кредитам МСП сферы услуг по видам деятельности в декабре 2022–2024 гг.

Вид деятельности	Объем кредитов, млрд руб.			Ставка до 1 года, % годовых			Ставка > 1 года, % годовых		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Торговля оптовая и розничная	423,0	545,9	396,0	11,47	16,97	24,66	12,22	18,69	26,82
Строительство	147,8	288,1	237,0	11,32	16,78	26,13	10,69	15,52	18,60
Профессиональные услуги	215,9	237,0	221,0	8,56	16,20	23,53	9,87	16,02	19,15
Операции с недвижимостью	77,8	103,9	108,0	10,16	17,14	23,67	8,22	14,59	18,02
Транспортировка и хранение	67,1	72,5	60,0	11,33	17,07	24,64	9,99	17,97	24,85
Итого по основным видам услуг	931,6	1247,4	1022	—	—	—	—	—	—

Анализ данных таблицы 3 выявляет существенную внутриотраслевую дифференциацию как в динамике объемов кредитования, так и в условиях финансирования различных видов деятельности сферы услуг.

По объемам кредитования прослеживается общая для всех видов услуг закономерность: пик активности в декабре 2023 года с последующим спадом в 2024 году. Совокупный объем кредитования основных видов услуг вырос с 931,6 млрд руб. в 2022 году до 1247,4 млрд руб. в 2023 году (+33,9 %), но затем сократился до 1022,0 млрд руб. в 2024 году (–18,1 %). При этом масштабы снижения существенно различаются: торговля сократилась на 27,4 % (с 545,9 до 396,0 млрд руб.), строительство – на 17,7 %, в то время, как операции с недвижимостью продемонстрировали рост на 3,9 % (с 103,9 до 108,0 млрд руб.), что указывает на большую устойчивость данного сегмента к ужесточению кредитных условий.

По процентным ставкам все виды услуг столкнулись с резким удорожанием заемных средств. Краткосрочные кредиты подорожали в 2–3 раза: от 8,56–11,47 % в 2022 году до 23,53–26,13 % в 2024 году. Долгосрочные кредиты выросли с

8,22–12,22 % до 18,02–26,82 %. Наибольший рост стоимости зафиксирован в торговле, где долгосрочные кредиты подорожали с 12,22 % до 26,82 % (+14,6 п.п.), что, в сочетании с максимальным сокращением объемов, свидетельствует о наиболее сильном давлении на данный сегмент.

Внутриотраслевая дифференциация ставок в 2024 году составляет 2,5 п.п. по краткосрочным кредитам (от 23,53 % для профессиональных услуг до 26,13 % для строительства) и 8,8 п.п. по долгосрочным (от 18,02 % для недвижимости до 26,82 % для торговли). Профессиональные услуги сохраняют наиболее выгодные условия кредитования благодаря более высокой маржинальности и квалификации персонала, что снижает воспринимаемые банками риски. Торговля, напротив, характеризуется максимальной стоимостью кредитов из-за высокой конкуренции, волатильности доходов и значительной доли оборотного капитала в структуре финансирования.

Таким образом, сфера услуг демонстрирует не только общие тенденции, характерные для всего сектора МСП (рост ставок и снижение объемов в 2024 году), но и значительную внутриотраслевую

неоднородность, что требует дифференцированного подхода при разработке мер поддержки МСП в различных сегментах сферы услуг.

Выявленные различия в условиях кредитования между видами деятельности сферы услуг (табл. 3) накладываются на региональную дифференциацию объемов и стоимости кредитов, формируя сложную картину пространственно-отраслевой неоднородности доступности финансирования.

Региональная дифференциация во многом обусловлена различиями в отраслевой структуре экономики федеральных округов: в одних регионах доминируют высокомаржинальные профессиональные услуги с низкими процентными ставками, в других – торговля и общественное питание с более высокой стоимостью кредитов.

Структура кредитования МСП по основным видам деятельности сферы услуг в разрезе федеральных округов представлена на рисунке 3 [7].

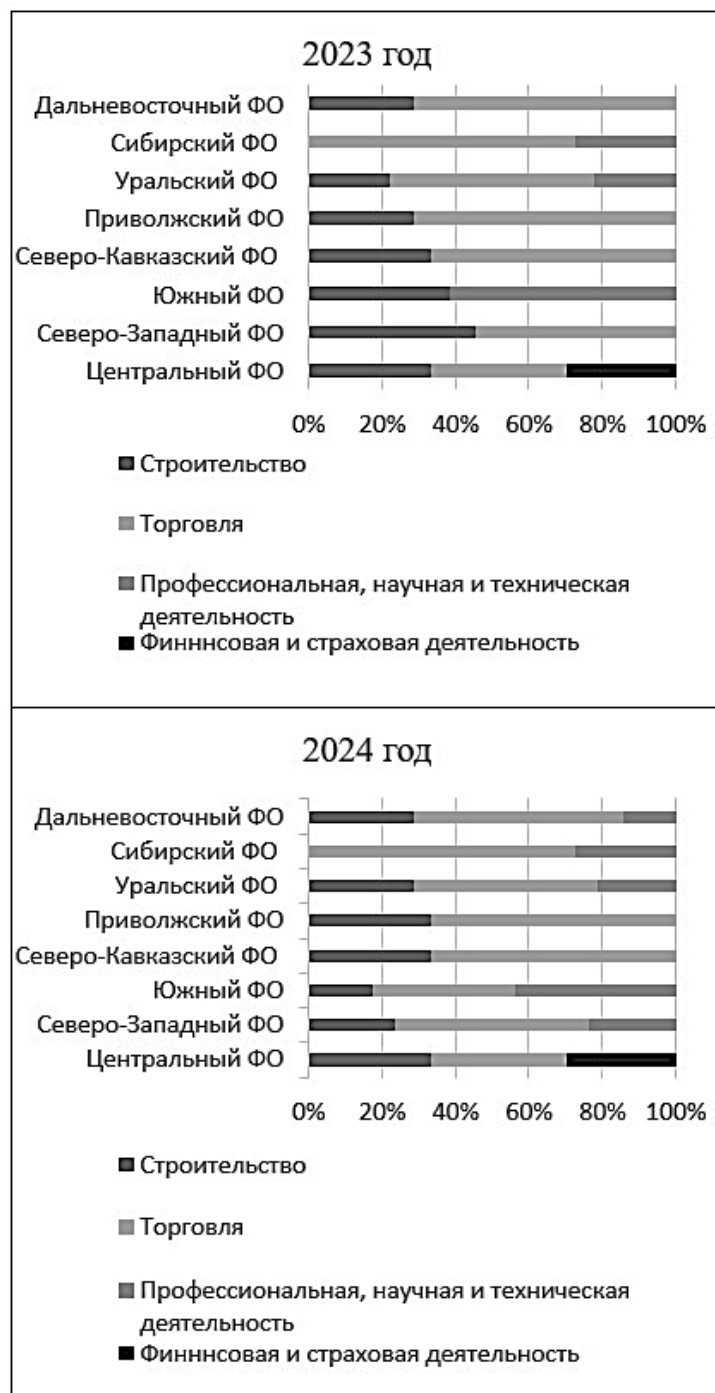

Рисунок 3– Структура кредитования МСП сферы услуг по федеральным округам в декабре 2023–2024 гг.

Анализ региональной структуры кредитования МСП по видам деятельности сферы услуг (рис. 3) выявляет устойчивое доминирование Центральный ФО и существенную региональную специализацию.

Пространственная концентрация кредитования сохраняется на высоком уровне: на Центральный ФО в 2023–2024 гг. приходится около 540 млрд руб., что составляет примерно 40 % от совокупного объема кредитования основных видов услуг по всем округам. При этом Центральный ФО является единственным регионом, где все три ключевых сегмента услуг (строительство, торговля и профессиональные услуги) имеют сопоставимые масштабы (по 160–200 млрд. руб. каждый), что свидетельствует о диверсифицированной структуре экономики столичного региона.

Региональная отраслевая специализация проявляется в доминировании определенных видов деятельности в различных федеральных округах. Торговля является ведущим видом деятельности в Приволжском (100–120 млрд руб.), в Южном (80–90 млрд руб.) и Северо-Западном (60–90 млрд руб.) федеральных округах. Строительство преобладает в Сибирском ФО (80 млрд руб.) и сохраняет стабильные позиции в Центральном ФО (180 млрд руб.). Профессиональные услуги сконцентрированы преимущественно в Центральном (160 млрд руб.) и Южном (100 млрд руб. в 2024 г.) федеральных округах, что коррелирует с размещением научно-образовательных центров и инновационной инфраструктуры.

Динамика 2023–2024 гг. демонстрирует разнонаправленные изменения по регионам. В Приволжском ФО наблюдается рост торговли с 100 до 120 млрд руб. (+20 %) и строительства с 40 до 60 млрд руб. (+50 %). В Южном ФО значительно выросли профессиональные услуги (появление сегмента в 100 млрд руб. в 2024 г.), что может быть

связано с развитием IT-кластеров в регионе. Напротив, в Северо-Западном и Дальневосточном федеральных округах произошло сокращение объемов кредитования по ряду сегментов, что отражает общее снижение кредитной активности в 2024 году.

Появление финансовой деятельности в структуре кредитования нескольких округов в 2024 году (Северо-Западный – 40 млрд руб., Уральский – 30 млрд руб., Дальневосточный – 10 млрд руб.) свидетельствует о диверсификации экономики регионов и развитии финансовых услуг за пределами столичного региона.

Периферийные регионы (Северо-Кавказский, Дальневосточный ФО) характеризуются минимальными объемами кредитования (20–30 млрд руб. суммарно), что, в сочетании с более низкими процентными ставками, указывает на системные ограничения развития сферы услуг, не компенсируемые мерами государственной поддержки.

Таким образом, региональная структура кредитования МСП сферы услуг характеризуется высокой концентрацией в экономически развитых регионах, устойчивой отраслевой специализацией федеральных округов и сохранением значительных межрегиональных диспропорций в период 2023–2024 гг.

На основе анализа теоретических концепций и эмпирических исследований можно выделить систему факторов, определяющих региональную дифференциацию доступности финансирования для МСП сферы услуг. Эти факторы функционируют на двух взаимосвязанных уровнях – региональном и микроуровне, образуя сложную систему детерминант.

Концептуальная модель взаимодействия факторов представлена на рисунке 4.

Рисунок 4 – Факторная модель детерминант доступности финансирования для МСП сферы услуг

На основе представленной факторной модели система детерминант доступности финансирования для малых и средних предприятий сферы услуг организуется вокруг четырех взаимодополняющих групп факторов.

Финансовая инфраструктура, включающая банки, фонды и механизмы цифровизации, создает материальную базу для кредитования и инвестирования.

Макроэкономические условия, отражаемые показателями ВВП, инвестиционной активности и экономического роста, определяют общий уровень ликвидности в экономике региона и предпринимательский оптимизм.

Социально-культурные факторы, связанные с уровнем урбанизации, доходами населения и развитием предпринимательской культуры, влияют на формирование спроса на услуги и готовность хозяйствующих субъектов к расширению деятельности.

Наконец, микроуровневые характеристики самих предприятий – размер, возраст, рентабельность – совместно с отраслевыми особенностями и принадлежностью к сфере услуг определяют их привлекательность для финансовых институтов. Указанные группы факторов взаимодействуют через четыре измерения доступности финансирования: физическую (наличие финансовых учреждений),

экономическую (приемлемость условий кредитования), институциональную (качество регулирования) и информационную (прозрачность информации об условиях финансирования).

Заключение.

Анализ выявил критическое значение регионального контекста в определении доступности финансирования для МСП сферы услуг. В экономически развитых регионах развитая финансовая инфраструктура и государственные программы частично компенсируют объективные барьеры финансирования. В периферийных регионах происходит кумулятивное усиление барьеров, приводящее к критическому дефициту доступного финансирования.

Ужесточение денежно-кредитной политики в 2022–2024 гг. привело к двух- и трехкратному росту процентных ставок и сокращению объемов кредитования. Наиболее уязвимыми оказались торговля и общественное питание.

Полученные результаты требуют разработки дифференцированной региональной политики поддержки МСП в сфере услуг, усиления мер государственной поддержки в периферийных регионах и развития альтернативных инструментов финансирования, включая цифровые платформы.

Конфликт интересов
Не указан
Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared
Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Полянин, А. В. Методологические аспекты региональной экономической политики развития видов бизнеса с учетом территориальных особенностей // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (52). С. 207–212. EDN EGNLXM
2. Наумкин В.А. Кредит как источник финансирования малого и среднего бизнеса // Экономика и предпринимательство. 2023. № 5(154). С. 1387–1389. DOI 10.34925/EIP.2023.154.5.276. EDN NVZKTJ
3. Трифонов И.В. Малый и средний бизнес в России: проблемы развития и финансирования / И.В. Трифонов, М.И. Таланова // Инновационное развитие экономики. 2023. № 2(74). С. 206–10. DOI 10.51832/2223798420232206. EDN YLOKFU
4. Афанасов В.В. Проблемы финансирования предприятий малого и среднего бизнеса // Вестник научных конференций. 2023. № 2-1(90). С. 18–20. EDN OQXTMZ
5. Попова С.В. Особенности финансирования предприятий малого и среднего бизнеса / С.В. Попова, Д.Д. Лашманов // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-4. С. 144–147. DOI 10.18411/trnio-04-2023-210. EDN WPRJCA
6. Эрдэнэ-Очир Х. Инструменты финансирования малого и среднего бизнеса // Валютное регулирование. Валютный контроль. 2023. № 1. С. 44–58. EDN MFORLY
7. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства статистический бюллетень. URL : https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/#a_112227

References:

1. Polyanin A.V. Methodological aspects of regional economic policy for business development taking into account territorial characteristics // Natural and Humanitarian Research. 2024. № 2(52). P. 207–212. EDN EGHLMX
2. Naumkin V.A. Credit as a source of financing for small and medium business // Economics and Entrepreneurship. 2023. № 5(154). P. 1387–1389. DOI 10.34925/EIP.2023.154.5.276 EDN NVZKTJ
3. Trifonov, I. V. Small and medium business in Russia: development and financing problems / I. V. Trifonov, M. I. Talanova // Innovative Development of Economics. 2023. № 2(74). P. 206–210. DOI 10.51832/2223798420232206 EDN YLOKFU
4. Afanasov V.V. Financing problems of small and medium-sized enterprises // Bulletin of Scientific Conferences. 2023. № 2-1(90). P. 18–20. EDN OQXTMZ
5. Popova S.V. Features of financing small and medium-sized enterprises / S.V. Popova, D.D. Lashmanov // Trends in the Development of Science and Education. 2023. – No. 96-4. P. 144–147. DOI 10.18411/trnio-04-2023-210. EDN WPRJCA
6. Erdene-Ochir Kh. Financing instruments for small and medium business // Currency Regulation. Currency Control. 2023. № 1. P. 44–58.
7. Lending to small and medium-sized businesses. Statistical bulletin. URL : https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/#a_112227

Информация об авторах

Стефаненко Маргарита Николаевна

доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры менеджмента
и государственного управления,
факультет экономики, менеджмента
и информационных технологий,
Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова
stefanenko.m2019@gmail.com

Margarita N. Stefanenko

Doctor of Economics,
Professor,
Professor of the Department of Management
and Public Administration,
Faculty of Economics, Management
and Information Technology,
Crimean Engineering and Pedagogical University
named after Fevzi Yakubov
stefanenko.m2019@gmail.com

Каджаметова Тамила Наримановна

доктор экономических наук,
доцент,
профессор,
кафедра бухгалтерского учета, анализа и аудита,
факультет экономики, менеджмента
и информационных технологий,
Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова
tamila_b@mail.ru

Tamila N. Kazhametova

Doctor of Economics
Associate Professor,
Professor,
Department of Accounting, Analysis and Audit,
Faculty of Economics, Management
and Information Technology,
Crimean Engineering and Pedagogical University
named after Fevzi Yakubov
tamila_b@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-24>

УДК 338.45

Attribution

cc by

ФОРМИРОВАНИЕ СЕТЕВОГО КВАЗИИНТЕГРАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА КООПЕРАЦИИ, СУБКОНТРАКТАЦИИ И ТРАНСФЕРА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ИННОВАЦИЙ КАК ФАКТОР СТИ- МУЛИРОВАНИЯ ДОБЫЧИ МАРГИНАЛЬНЫХ ЗАПАСОВ НЕФТИ

Чугаева Ю.А.

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация. В статье обосновывается, что стимулирование добычи маргинальных нефтяных месторождений является основой устойчивого развития нефтяной отрасли. Представлены ключевые угрозы и ограничения, связанные с добычей трудноизвлекаемых запасов нефти. Предложены меры, направленные на повышение эффективности работы с данными нефтяными ресурсами. В качестве инструмента совершенствования работы с маргинальными месторождениями предложено создание сетевого квазиинтегрального партнерства кооперации, субконтракта-ции и трансфера инноваций. Приведен механизм формирования инновационных партнерств се-тевой кооперации, отображающий миссию, цели и задачи. В качестве формы взаимодействия инновационных партнерств сетевой кооперации предлагается использование субконтракта-ции. Основой устойчивости нефтяной отрасли является развитие нефтесервисных технологий, осно-ванных на агрессивных программах бурения и стимулирования добычи нефти. Динамическая сеть партнеров включает нефтедобывающие, а также нефтесервисные компании. В квазиинте-гральную структуру сетевого партнерства будут входить как вертикально-интегрированные нефтяные компании, так и малые, и средние нефтесервисные предприятия. Подчеркивается, что грамотно организованные сетевые структуры потенциально могут снизить степень оппортуни-стического поведения. Представлены основные преимущества использования субконтракта-ции в нефтяной отрасли.

Ключевые слова: динамическая сеть партнеров, квазиинтегральное партнерство, марги-нальные месторождения, сетевая кооперация, субконтракта-ция, трудноизвлекаемые запасы нефти.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FORMATION OF A NETWORK QUASI-INTEGRATED PARTNERSHIP OF COOPERATION, SUBCONTRACTING, AND TRANSFER OF HIGH-TECH INNOVATIONS AS A FACTOR STIMULATING THE PRODUCTION OF MARGINAL OIL RESERVES

Julia A. Chugaeva

Kuban State Agrarian University named After I.T. Trubilin

Abstract. This article substantiates that stimulating the production of marginal oil fields is the foundation for the sustainable development of the oil industry. The key threats and limitations associated with the production of hard-to-recover oil reserves are presented. Measures aimed at improving the efficiency of working with these oil resources are proposed. The creation of a networked quasi-integrated partnership of cooperation, subcontracting, and innovation transfer is proposed as a tool for improving work with marginal fields. A mechanism for forming innovative networked partnerships is presented, outlining the mission, goals, and objectives. Subcontracting is proposed as a form of interaction between innovative networked partnerships. The foundation of the oil industry's sustainability lies in the develop-ment of oilfield service technologies based on aggressive drilling programs and stimulated oil produc-tion. The dynamic partner network includes oil producing and oilfield service companies. The quasi-integrated structure of the networked partnership will include both vertically integrated oil companies and small and medium-sized oilfield service enterprises. It is emphasized that well-organized network structures have the potential to reduce the degree of opportunistic behavior. The main advantages of using subcontracting in the oil industry are presented.

© Чугаева Ю.А.

Keywords: dynamic partner network, quasi-integral partnership, marginal fields, network cooperation, subcontracting, hard-to-recover oil reserves.

Funding: Independent work.

Введение.

По состоянию на февраль 2025 г., согласно данным Роснедр, 52 % от всех запасов нефтяных ресурсов РФ являются трудноизвлекаемыми [9]. К данной категории следует отнести энергоресурсы, которые сложно добываются по причине природно-климатических, технических, геологических особенностей, а также физико-химического состава нефти.

Следует отметить, что совершенствование технологий в части добычи трудноизвлекаемых запасов нефти позволяет значительно увеличить рентабельность данных месторождений. В условиях истощения традиционных запасов нефти роль этих ресурсов в развитии нефтяной промышленности значительно возрастает. Однако ключевым недостатком, связанным с развитием добычи трудноизвлекаемых запасов нефти, является высокая стоимость добычи.

Обсуждение.

Устойчивое экономическое развитие нефтяной промышленности во многом определяется эффективностью работы с трудноизвлекаемыми запасами нефти. Особо остро проблема добычи подобных запасов обострилась в период введения санкционного давления, поскольку был ограничен доступ к зарубежным технологиям и оборудованию. При этом следует отметить, что существуют определенные барьеры, препятствующие добыче в данных месторождениях. Так, к основным экономическим угрозам добычи трудноизвлекаемых запасов нефти относят:

- высокие издержки добычи;
- значительные инвестиции в инфраструктуру;
- долгие сроки окупаемости инвестиционных вложений;
- волатильность мировых цен на нефть.

Технологические барьеры для добычи трудноизвлекаемых запасов:

- введение санкций;
- неэффективность использования традиционных методов добычи;
- ограничение доступа к зарубежным технологиям и оборудованию;
- низкий уровень развития импортозамещения в сегменте нефтесервисных технологий.

Немаловажное влияние оказывают и различные инфраструктурные ограничения:

- сложные природно-климатические условия;

- территориальная удаленность данных месторождений;
- усложнение логистических цепочек;
- недостаточное количество трубопроводов;
- отсутствие дорог;
- низкое количество ледокольных танкеров, портов.

На добычу трудноизвлекаемых запасов нефти также оказывают влияние вязкий и тяжелый состав нефти, низкая проницаемость пород, высокая глубина залегания. Следует отметить, что рост производства возобновляемых источников энергии может негативно отразиться на инвестиционных проектах, связанных с разработкой трудноизвлекаемых запасов нефти. Вместе с тем, добыча трудноизвлекаемых запасов нефти приводит к росту значительного углеродного следа. Внедрение новейших технологий позволит нарастить объемы добычи и разработки трудноизвлекаемых запасов нефти. Необходимо подчеркнуть, что именно трудноизвлекаемые запасы будут являться драйвером развития нефтяной промышленности в долгосрочной перспективе.

Однако следует отметить, что работа с трудноизвлекаемыми запасами нефти требует использования комплексного подхода к совершенствованию работы с данными месторождениями. Прежде всего, это связано с синтезом использования инновационного оборудования и технологий, государственной поддержкой и усилением экологической ответственности.

К технологическим мерам, направленным на повышение эффективности работы с трудноизвлекаемыми запасами нефти, следует отнести:

- использование цифровых двойников месторождений;
- применение нанотехнологий для увеличения проницаемости пласта;
- разработка национальных реагентов и растворов;
- развитие технологий гидроразрыва пласта и горизонтального бурения;
- автоматизация процессов добычи и разработки трудноизвлекаемых запасов нефти.

Немаловажное значение в повышении эффективности использования трудноизвлекаемых запасов нефти имеют: повышение квалификации сотрудников, продление налоговых льгот, предоставление дополнительных субсидий, сокращение углеродного следа, развитие процессов импортозамещения, сокращение себестоимости,

адаптация российского опыта к российской действительности, расширение инфраструктурных возможностей и другие меры.

Результаты.

Трудноизвлекаемые запасы нефти относят к группе маргинальных месторождений. В качестве авторского подхода в развитии добычи трудноизвлекаемых запасов нефти предлагается создание сетевого квазиинтегрального партнерства кооперации, субконтракта и трансфера инноваций [10].

Отметим ключевые цели создания данной модели:

- инновационное развитие технологий для работы с маргинальными месторождениями нефти;
- снижение уровня импортной зависимости в части оборудования и технологий, используемых при разработке и добыче трудноизвлекаемых запасов нефти;
- создание отечественных катализаторов, повышающих нефтеотдачу маргинальных месторождений.

В рамках партнерств сетевой кооперации, основными стейкхолдерами данных структур будут выступать: независимые нефтяные компании, малые нефтяные компании, нефтесервисные компании, научные институты, профильные компании-разработчики оборудования и технологий. В рамках данных сетевых партнерств будет производиться разработка диджитальных технологий и оборудования [8].

Отличительной чертой инновационных сетевых партнерств является комплиментарность участников. Кроме того, сетевые партнерства сокращают риски и затраты на проведение R&D. Использование сетевых партнерств должно основываться на принципах доверия, открытости, комплиментарности, гибкости и комплексности [6].

К ключевым задачам формирования инновационных партнерств сетевой кооперации следует отнести:

- снижение уровня импортной зависимости от зарубежных технологий и оборудования, необходимых для работы с маргинальными месторождениями нефти;
- производство катализаторов, направленных на увеличение коэффициента извлечения нефти, развитие технологий гидроразрыва пласта;
- инновационная трансформация нефтяной промышленности, коммерциализация научных разработок.

В качестве формы взаимодействия инновационных партнерств сетевой кооперации предлагается использование субконтракта, суть которой заключается в том, что контрактор поручает субконтрактору осуществить определенную производственную деятельность. В качестве субконтракторов могут выступать как малые и средние предприятия, так и вертикально интегрированные

нефтяные компании [7].

Отметим мотивы, по которым нефтяным компаниям целесообразно использование субконтракта:

- обмен опытом;
- инновационное развитие нефтяных компаний;
- сокращение затрат;
- привлечение дополнительных ресурсов через субподрядчиков;
- перераспределение рисков ситуаций;
- необходимость использования точной специализации в производственной деятельности.

Субконтракта может быть использована в следующих отраслях нефтяной отрасли: бурение скважин, сейсмические исследования, ремонт, техническое обслуживание оборудования, разработка месторождений, цифровизация нефтяной отрасли, охрана окружающей среды, строительство инфраструктурных объектов, IT-услуги, геофизические работы и др.

Использование субконтракта в нефтяной отрасли способствует снижению издержек, оптимизации ресурсов и повышению качества производственной деятельности.

Формирование инновационных партнерств сетевой кооперации будет основываться на создании сетевого партнерства кооперации, субконтракта и трансфера инновационных технологий по работе с маргинальными нефтяными месторождениями. Сетевое партнерство представляет собой сотрудничество компаний, основанное на обмене опытом, внедрении и трансфере инноваций. Данные объединения будут иметь форму квазиинтеграции. Под интеграцией в общепринятом смысле этого слова подразумевается приобретение одной компанией другой. Однако в современных условиях данная форма является неэффективной, поскольку усложняются процессы управления и увеличиваются издержки компаний. Выведение активов компании на рынок позволит устранить эти недостатки [5].

Вместе с тем, в рамках создания сетевых структур усиливается оппортунистическое поведение партнеров по следующим причинам:

- усложняются процессы мониторинга и контроля;
- большое количество связей;
- асимметричность информации, циркулирующей между компаниями;
- усиливается возможность для несправедливой выгоды;
- значительная вероятность злоупотреблений;
- отсутствие четких механизмов ответственности.

Однако следует отметить, что грамотно организованные сетевые структуры потенциально могут снизить степень оппортунистического поведения. В рамках горизонтальных сетевых структур, степень оппортунистического поведения ниже, т.к. партнеры являются равнозначными участниками интеграционных объединений. Вертикальные сетевые структуры предполагают использование системы иерархичности, поэтому вероятность использования оппортунистического поведения выше [3].

Данная форма интеграции относится к одной из форм квазиинтегральных объединений, которые представляют собой устойчивые объединения компаний с определенными целями, но при этом сохраняют свою самостоятельность, т.е. это означает, что одно предприятие использует активы другой компании, но при этом не владеет ими. Следовательно, сохраняются операционная и юридическая независимости хозяйствующих субъектов. Предприятия нефтяной отрасли сохраняют свою автономию, однако интегрированы в совместную производственную деятельность.

В современных условиях цифровизация упрощает работу квазиинтегральных структур, поскольку увеличивается транспарентность бизнес-процессов, уменьшаются транзакционные издержки, процессы координации и контроля автоматизируются, а также увеличивается доверие между бизнес-партнерами. В данную квазиинтегральную структуру будут входить как вертикально-интегрированные нефтяные компании, так и малые, и средние нефтесервисные предприятия.

Вне данных сетевых партнерств нефтяные компании могут вести самостоятельную независимую деятельность. Для минимизации асимметрии информации предлагается использование цифровых платформ. Основной специализацией данного квазиинтегрального сетевого партнерства кооперации, субконтракции и трансфера инновационных технологий будут использоваться совместно технологические процессы, оборудование, финансовые ресурсы, научно-технические разработки, инфраструктура, логистические мощности [1].

В современных условиях особо важное значение для развития нефтяной отрасли является развитие нефтесервисной отрасли. Следует отметить, что этот рыночный сегмент обладает высоким потенциалом экономического роста. Активная цифровизация нефтесервисной отрасли ставит новые задачи перед всей нефтяной отраслью. Традиционные формы ведения бизнеса устарели для нефтяной отрасли. С целью повышения эффективности внедрения нефтесервисных технологий предлагается использование квазиинтегрального сетевого партнерства кооперации, субконтракции и трансфера инновационных технологий при работе с маргинальными нефтяными месторождениями.

Повышение эффективности использования нефтесервисных услуг основывается на внедрении инновационных технологий в части агрессивных программ бурения и стимулирования добычи нефти. Основные агрессивные программы бурения и стимулирования добычи маргинальных запасов нефти отображены на рисунке 1.

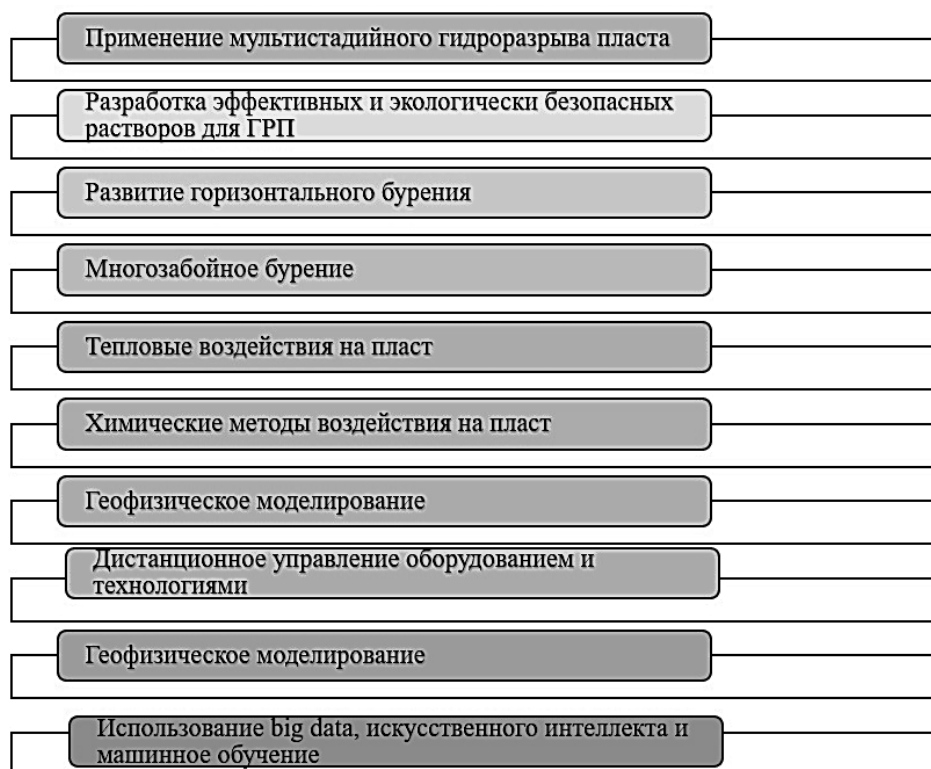

Рисунок 1 – Основные агрессивные программы бурения и стимулирования добычи маргинальных запасов нефти

Внедрение инновационных технологий в разработку маргинальных месторождений позволит сократить себестоимость добычи, уменьшить длительность разработки и добычи нефтяных ресурсов, освоить трудноизвлекаемые запасы нефти, а также увеличить объем добычи нефти [2; 4].

В рамках формирования сетевого квазиинтегрального партнерства кооперации, субконтракта и трансфера инноваций, предлагается формирование сетевого пула нефтяных компаний, объединенных общей целью, направленной на повышение эффективности извлечения нефти из трудноизвлекаемых запасов нефти.

Динамическая сеть партнеров будет включать нефтедобывающие, а также нефтесервисные компании. При этом, компании могут частично принимать участие в работе данных пулов, а вне данных структур осуществлять самостоятельную независимую деятельность. Динамическая сеть партнеров будет объединена в квазиинтегральное партнерство кооперации, субконтракта и трансфера инноваций.

Следует отметить, что данное партнерство будет носить временный характер, т.е. создаваться для конкретных проектов. При этом, деятельность партнеров будет взаимно дополнять друг друга. Отметим основные этапы формирования квазиинтегрального партнерства кооперации, субконтракта и трансфера инноваций:

- формирование динамических партнеров;
- инициирование комплекса инновационных проектов по работе с маргинальными месторождениями нефти;
- создание квазиинтегрального партнерства кооперации, субконтракта и трансфера инноваций;
- выбор портфелей инновационных проектов;
- реализация инновационных проектов по разработке и добыче нефтяных ресурсов из маргинальных месторождений.

Заключение.

Трансфер инноваций представляет собой процесс передачи результатов инновационных прорывных технологических решений от контракторов субконтракторам. Данный процесс позволит осваивать наиболее сложные месторождения. Этот механизм направлен на ускорение внедрения инновационных нефтесервисных технологий в развитие добычи нефтяных ресурсов из маргинальных месторождений нефти. Следовательно, формирование сетевого квазиинтегрального партнерства кооперации, субконтракта и трансфера инноваций будет стимулировать работу с трудноизвлекаемыми запасами нефти в долгосрочной перспективе.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бондаренко Н.Е. Межфирменная кооперация как фактор инновационного развития // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2016. № 6(90). С. 31–40. EDN: XDCCPT
2. Золотухин С.П. Межфирменная кооперация в нефтегазовой сфере: обзор основных бизнес-моделей и особенностей их применения // Московский экономический журнал. 2023. Т. 8. № 4. DOI: 10.55186/2413046X_2023_8_4_172 EDN: MHFNDM
3. Качалкина К.Г. Роль межотраслевой кооперации при внедрении технологий индустрии 4.0 в нефтегазовых компаниях // Российское предпринимательство. 2019. Т. 20. № 1. С. 185–196. DOI: 10.18334/rp.20.1.39748 EDN: ICOAFV
4. Куимов В.В. Экономика кооперационно-сетевых взаимодействий. Теория. Практика. Возможности : монография. М. : ИНФРА-М, 2020. 220 с.
5. Попова Ю.Ф. Развитие сетевых форм межфирменной кооперации в российской экономике // Креативная экономика. 2008. Т. 2. № 9. С. 36–42. EDN: JUGSQF
6. Садриев А.Р. Сетевая кооперация при создании новых технологических разработок / А.Р. Садриев, М. Маъруфи, Б.Н. Камаев // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 6(126). С. 78–85. EDN: DMJALV
7. Сергиенко А.М. Кооперационно-сетевые взаимодействия предприятий в контексте социально-экономического развития региона / А.М. Сергиенко, А.Я. Троцкий // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 6. С. 64–82. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.5 EDN: MRZJPQ
8. Столяров Д.Ю. Сетевая экономика : учеб. пособие / Д.Ю. Столяров, И.Ю. Столярова, И.С. Сыркова. М. : ФЛИНТА, 2021. 107 с.
9. Федеральное агентство по недропользованию. URL : <https://rosnedra.gov.ru> (дата обращения 02.09.

2025).

10. Хорева Л.В. Экосистема как инновационная форма сетевой межфирменной кооперации / Л.В. Хорева, А.Л. Белых, А.В. Шраер // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2019. № 6(52). С. 48–53. EDN: KANWCB

References:

1. Bondarenko N.E. Inter-company cooperation as a factor of innovative development // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2016. № 6(90). P. 31–40. EDN: XDCCPT
2. Zolotukhin S.P. Inter-company cooperation in the oil and gas sector: an overview of the main business models and features of their application // Moscow Economic Journal. 2023. Vol. 8. № 4. DOI: 10.55186/2413046X_2023_8_4_172 EDN: MHFNMD
3. Kachalkina K.G. The role of intersectoral cooperation in the implementation of industry 4.0 technologies in oil and gas companies // Russian entrepreneurship. 2019. Vol. 20. № 1. P. 185–196. DOI: 10.18334/rp.20.1. 39748 EDN: ICOAFV
4. Kuimov V.V. Economics of cooperative and network interactions. Theory. Practice. Possibilities: a monograph. M. : INFRA-M, 2020. 220 p.
5. Popova Yu.F. Development of network forms of inter-company cooperation in the Russian economy // Creative economy. 2008. Vol. 2. № 9. P. 36–42. EDN: JUGSQF
6. Sadriev A.R. Network cooperation in the creation of new technological developments / A.R. Sadriev, M. Marufi, B.N. Kamaev // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. 2020. № 6(126). P. 78–85. EDN: DMJALV
7. Sergienko A.M. Cooperative and network interactions of enterprises in the context of socio-economic development of the region / A.M. Sergienko, A.Ya. Trotskovsky // Problems of territorial development. 2023. Vol. 27. № 6. P. 64–82. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.5 EDN: MRZJPQ
8. Stolyarov D.Y. Network economics : textbook / D.Y. Stolyarov, I.Y. Stolyarova, I.S. Syrkova. M. : FLINTA, 2021. 107 p.
9. Federal Agency for Subsoil Use. URL : <https://rosnedra.gov.ru> (date of application 02.09. 2025).
10. Khoreva L.V. Ecosystem as an innovative form of network inter-company cooperation / L.V. Khoreva, A.L. Belykh, A.V. Schraer // Information and economic aspects of standardization and technical regulation. 2019. № 6(52). P. 48–53. EDN: KANWCB

Информация об авторе

Чугаева Юлия Анатольевна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры экономики
и внешнеэкономической деятельности,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
ORCID: 0000-0001-6733-007X
yuachugaeva@mail.ru

Yulia A. Chugaeva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Economics and Foreign Economic Activity,
Kuban State Agrarian University
named After I.T. Trubilin
ORCID: 0000-0001-6733-007X
yuachugaeva@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-25>

УДК 332

Attribution

cc by

О ВЗАИМОСВЯЗИ ФАКТОРОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ДИНАМИКИ И ТЕНДЕНЦИЙ ДАННОГО ПРОЦЕССА

Шефель С.В., Землячева О.А.

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Крымский филиал

Аннотация. Актуальность представленного для публикации исследования связана с задачами реализации стратегии устойчивого развития современной России. В нем систематизируется многовекторный формат современного модернизационного процесса трансформации российского общества, в основе которого лежит анализ положений научных докладов участников X Всероссийской научно-практической онлайн-конференции «Экономика, менеджмент, право и общество», что позволяет концептуально и методологически ясно осмыслить особенности взаимодействия экономических, правовых, социальных, гуманитарных и управленческих факторов данного процесса, выявляется смена акцентов в социальной практике ее институциональных субъектов. В статье обосновывается необходимость в полной мере использовать потенциал каждого из этих факторов для достижения целей национального развития в ближайшем будущем в условиях геополитической нестабильности и устремлений Российской Федерации совместно со странами глобального сообщества.

Ключевые слова: экономика, менеджмент, право, общество, традиционные социокультурные ценности, экологический образ жизни, национальная безопасность, поддержка устойчивого развития.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE FACTORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: BASED ON A COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE DYNAMICS AND TRENDS OF THIS PROCESS

Sergey V. Shefel, Olga A. Zemlyacheva

Crimean branch of Russian State University of Justice named After V.M. Lebedev

Abstract. The relevance of the presented article is related to the tasks of implementing the strategy of sustainable development of modern Russia. It explores the multi-vector format of the modern modernization process of transformation of Russian society. The analysis of the provisions of the scientific reports of the participants of the X All-Russian Scientific and Practical Online Internet Conference «Economics, Management, Law and Society» allows us to conceptually and methodologically comprehend the features of the interaction of economic, legal, social, humanitarian and managerial factors of this process, revealing a change of emphasis in the social practice of its institutional subjects. The article substantiates the need to fully utilize the potential of each of these factors in order to achieve the goals of national development in the near future in the context of geopolitical instability and the aspirations of the Russian Federation, together with the countries of the global South, to create a new world order.

Keywords: economics, management, law, society, traditional socio-cultural values, ecological lifestyle, national security, supporting sustainable development.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность представленной статьи связана с задачами реализации стратегии устойчивого развития современной России. В ней исследуется

многовекторный формат современного модернизационного процесса трансформации российского общества, в основе которого лежит анализ положений научных докладов и выступлений

участников X Всероссийской научно-практической онлайн-конференции «Экономика, менеджмент, право и общество», проведенной 17 октября 2025 г. в Крымском филиале ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им В.И. Лебедева», что позволило авторам данной публикации концептуально и методологически ясно осмыслить особенности взаимодействия экономических, правовых, социальных, гуманитарных и управленческих факторов данного процесса, выявить смену акцентов в социальной практике ее институциональных субъектов, обосновывать необходимость в полной мере использовать потенциал каждого из этих факторов для достижения целей национального развития в ближайшем будущем в условиях геополитической нестабильности и устремлений Российской Федерации совместно со странами глобального сообщества.

Озвученные участниками данной конференции результаты исследования многовекторного формата современного модернизационного процесса трансформации российского общества позволяют концептуально-методологически осмыслить особенности взаимодействия экономического, правового, социального-гуманитарного и управленческого факторов этого процесса, выявив смену акцентов в социальной практике его институциональных субъектов, предложить новые подходы в обосновании необходимости полноценного использования потенциала каждого из выше указанных факторов для достижения целей национального развития на ближайшую перспективу в условиях геополитической нестабильности и устремленности Российской Федерации совместно со странами глобального Юга к созданию нового мирового порядка. Об этом свидетельствуют, в частности, выступления директора Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», доктора юридических наук, председателя комитета Государственного Совета Республики Крым по законодательству, заслуженного юриста Республики Крым С.А. Трофимова, а также других участников пленарного и секционных заседаний конференции.

Обсуждение.

На пленарном заседании конференции с докладами, посвященными социально-гуманитарной и правоведческой тематике, выступили ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодар, Липецка, Ростова-на-Дону, Владикавказа, Севастополя, Симферополя и других российских регионов. В частности, значимые аспекты истории уголовного права в России проанализировал в своем докладе на тему «Уголовно-правовое источниковедение: проблемы онтологии» почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий сектором Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор А.И. Чучаев. В развитие анализа исследования результатов уголовно-правовых исследований на современном этапе

правоприменительной судебной практики прозвучали выступления профессора ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет», кандидата юридических наук, доцента Е.А. Борицкого на тему «Проблемы, связанные с собиранием и процессуальным закреплением доказательств в уголовном процессе России» (г. Генчешек), судьи Верховного суда Республики Крым Ю.А. Латынина на тему «Судебный штраф в системе института освобождения от уголовной ответственности» (г. Симферополь) и судьи Верховного суда Республики Крым О.В. Хожаиновой на тему «Некоторые аспекты судебного усмотрения в применении категории малозначительного деяния» (г. Симферополь).

В центре внимания участников конференции оказались вопросы обеспечения устойчивого развития страны и ее регионов. Им были посвящены доклады сотрудников Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», доктора юридических наук Н.А. Чернядьевой на тему «Цели устойчивого развития как фактор совершенствования российского права» и доктора философских наук, профессора С.В. Шефеля на тему «Цивилизационно-парадигмальные основания реализации курса на устойчивое развитие в Республике Крым».

Одним из ключевых на пленарном заседании стал доклад на тему «Гуманистическая составляющая патриотизма в контексте национальной безопасности Российской Федерации», представленный доктором социологических наук, профессором М.Ю. Поповым и ведущим научным сотрудником Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, кандидатом социологических наук С.Г. Кареповой. Его содержание органично дополнили научные сообщения, посвященные проблемам модернизации системы высшего образования в России на современном этапе. В них, в частности, были проанализированы вопросы становления гражданской ответственности в докладах сотрудников Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», доктора педагогических наук, кандидата юридических наук, профессора И.С. Ерёминной на тему «Содержание учебно-воспитательной деятельности по развитию гражданской ответственности у нового поколения профессионалов в образовательной системе вуза», доктора филологических наук, профессора Л.Ф. Черниковой на тему «Влияние государственных решений на судьбу родных языков», доктора экономических наук Е.А. Ягуповой на тему «Будущие юристы в эпоху цифровых технологий: необходимость кибербезопасности в юридическом образовании»).

Результаты.

Детализация основополагающих концептов, сформулированных докладчиками на пленарном заседании конференции, была широко представлена в политематической палитре выступлений

участников секционных заседаний. Так, в секции, посвященной проблемам социально-гуманитарного характера, выделялись доклады по экономическим аспектам трансформации современного российского общества. В частности, доктором экономических наук, профессором Г.Н. Ротановым (ФГАОУВО «Севастопольский государственный университет») были расставлены акценты на ключевых аспектах государственного управления, а доктором экономических наук Д.В. Нехайчуком (Севастопольский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова) – на актуальных вопросах совершенствования качества услуг крымских средств размещения.

В свою очередь, кандидат экономических наук М.В. Абрамова (Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева») акцентировала внимание на проблеме формирования системы менеджмента в условиях развития цифровой экономики, а кандидат экономических наук доцент О.М. Асташева (ФГБОУВО «Херсонский технический университет») – на развитии Херсонской области в условиях трансформации экономики региона в общероссийское хозяйственно-экономическое пространство. Вызвали заинтересованную реакцию аудитории выступления сотрудников Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» кандидата экономических наук С.В. Землячева - о подходах к определению риска в банковской сфере; кандидата экономических наук О.А. Землячевой - о признаках банкротства предприятий; кандидата экономических наук О.В. Севастьяновой - об особенностях использования потенциала экономики знаний в Республике Крым; - Э.Р. Джемиловой - о государственной вовлеченности в реализацию концепции устойчивого развития Республики Крым.

Позитивный резонанс вызвал и целый ряд выступлений на заседании секции по тематике, связанной с формированием жизненной позиции как представителей педагогической общественности, так и студенческой молодежи: доктора экономических наук, профессора кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин И.В. Ускова (Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева») на тему «Саморазвитие педагога в контексте компетентностного подхода в образовании»; З.Г. Багаева (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ) – «О социально-экономических показателях прекаризации труда преподавателей вузов Северной Осетии – Алании».

Наряду с этими докладами, были представлены и иные аспекты анализа данной проблематики в научных сообщениях на тему: «Актуальные вопросы реализации региональной политики в сфере цифровизации образования на примере города Севастополя» Е.Л. Зелинской (Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»); «Основные аспекты использования потенциала студенческого самоуправления для развития социального интеллекта обучающихся в высшей юридической школе (на примере Республики Крым)» кандидата психологических наук С.Б. Капидиновой; «О некоторых аспектах внедрения в образовательный процесс высшей юридической школы православной традиции как фактора духовно-нравственного воспитания студенчества (на примере Республики Крым) В.Т. Гасановой, представляющими Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»;

«Музейная педагогика как средство актуализации личности студента» С.Г. Колесниченко («Симферопольский художественный музей» (г. Симферополь); «Современная библиотека как ресурс культурного и научного развития молодежи» В.О. Мезенцевой (Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И.Я. Франко); «О патриотической и гражданской идентичности молодежи в условиях современных реалий российских регионов» А.А. Дамбегова (Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону); «О диалоге поколений в контексте меняющихся реалий современного мира» М.Е. Денищенко (ФГАОУВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); «Проблемы формирования экологичной личности в современной России в контексте осмысления социокультурных инвариантов цивилизационных альтернатив» кандидата философских наук В.А. Захаровой (Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»).

Весьма содержательными были научные сообщения лингвокультурологической направленности, представленные кандидатом филологических наук О.И. Андрейченко на тему фольклорных и фразеологических аспектов стереотипных представлений о женщине в русской языковой картине мира и Р.В. Востриковой – о языке телевидения как отражении современной языковой проблемы из Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»); кандидатом филологических наук Л.Ф. Щербачук об эмоциональных фразеологизмах в русской языковой картине мира (ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»).

Определенный интерес у участников конференции вызвали научные сообщения соискателей Института социологии и регионоведения ФГАОУВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону) Е.А. Гетманской – о трансформации культуры управленческой деятельности в эпоху цифровизации и И.В. Добренкова - о ценности семьи в жизненной траектории российской молодежи; доклады сотрудников Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» кан-

дидата технических наук С.А. Кислого – об особенностях динамики демографического процесса в современном пространстве Крымского региона и кандидата технических наук и О.Д. Хрулёвой – об использовании информационных технологий в цифровом пространстве Республики Крым; научные сообщения по этической проблематике соискателя Э.Ф. Касьян, Институт социологии и регионоведения ФГАОУВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону) – об этических основаниях труда в контексте распространения идеологии потребления, кандидата юридических наук, Крымский филиал ФГКОУВО «Краснодарский университет МВД России» (г. Симферополь) С.В. Кисс – о достоинстве личности как социальной ценности; кандидата философских наук Ю.Д. Паруновой, Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» – о некоторых аспектах этических оснований взаимодействия судебной системы со средствами социальной коммуникации; А.Г. Лукьяшко – о факторах трансформации ценности здоровья в эпоху глобальной цифровизации», ФГАОУВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); кандидата культурологии Н.Н. Лыковой – о роли коллективной памяти в современном обществе, Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» а также старшего преподавателя М.Н. Химич – о ценностных основаниях самосохранительного поведения в цифровую эпоху, ФГБОУВО «Ростовский государственный университет путей сообщения».

Особое место в обсуждении социально-гуманитарной составляющей секционной проблематики заняли вопросы, поднятые в докладе кандидата психологических наук З.В. Спивачук, на тему «Значимые аспекты оказания психологической помощи участниками СВО и их семьям (на примере Республики Крым)», Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева».

В секции «Актуальные вопросы развития права и применения законодательства в модернизирующемся российском социуме» с особым интересом были восприняты научные сообщения кандидата юридических наук, доцента Д.В. Агашева – о совершенствовании механизма определения индивидуальных пенсионных коэффициентов в системе обязательного пенсионного страхования россиян, Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»; кандидата юридических наук, доцента Н.А. Аблятиповой – о реализации преимущественного права в долевой собственности, Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»; кандидата юридических наук, доцента С.А. Буткевич – о принципах финансового мониторинга в системе противодействия легализации преступных доходов и финансирования терроризма, Крымский филиал ФГКОУВО «Крас-

нодарский университет МВД Российской Федерации» (г. Симферополь),

Содержательными были доклады кандидата юридических наук В.Ю. Волкова – об особенностях государственного контроля в контрактной системе закупок, Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»; аспиранта кафедры уголовного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Е.И. Губарева – о предмете преступлений против собственности; кандидата юридических наук К.В. Трифионовой – о миграционных правонарушениях, ФГБОУВО «ЮРИУ РАНХИГС» (г. Ростов-на-Дону).

Позитивный отклик участников секционного заседания нашли научные сообщения К.В. Казарян – о взаимодействии адвокатуры с государственными и общественными институтами, обеспечивающими права человека», ФГБОУВО «Донской государственный технический университет» (г. Ростов-на-Дону); кандидата юридических наук С.Г. Трифинова по содержанию дискурса в отношении дефиниции «правовая система», ФГБОУВО «ЮРИУ РАНХИГС» (г. Ростов-на-Дону); преподавателя Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» Л.В. Есаян – о правовом регулировании международного наследования.

Научной новизной отличались и выступления ряда других участников секции по правоведческой тематике: кандидата юридических наук Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Е.А. Мельникова – об укрывательстве преступления в форме бездействия; старшего преподавателя кафедры гражданского права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева им. В.М. Лебедева» И.В. Кручек – об особенностях установления нуждаемости гражданина в социальном обеспечении; Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» И.К. Диланян – об отдельных вопросах правоспособности юридического лица на территории новых субъектов Российской Федерации, а также магистрантов Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» И.В. Бесельман – о совершенствовании административного законодательства в сфере регулирования фото- и видеосъемки с использованием БПЛА и А.К. Барсегян – об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, выявленных посредством автоматической фотофиксации.

Заслуживают внимания и выступления: кандидата юридических наук, доцента Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» К.В. Киян – об уроках исторического опыта коммерческих судов Российской империи в разреше-

нии острых хозяйственно-экономических проблем; кандидата юридических наук, доцента ФГКОУВО «Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации» К.А. Корчагиной – о роли государственных органов в обеспечении национальной безопасности; кандидата юридических наук, доцента ФГКОУВО «Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации» Н.В. Пономаревой – о перспективах совершенствования гражданского законодательства в сфере недвижимого имущества; кандидата юридических наук, старшего преподавателя Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» С.С. Потопальского – о перспективах правового регулирования торговли в маркетплейсах.

Кроме того, на конференции в научных сообщениях были нетривиально раскрыты отдельные специфические темы. Их примером являются выступления в уголовно-правовом контексте кандидата юридических наук, доцента В.П. Бодаевского на тему «Значение общественной опасности как интегративного свойства преступления для структурирования (рубрикации) Особенной части уголовного закона»; старшего преподавателя Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» С.А. Козинцева на тему «Этимология дискредитации в российском уголовном праве»; старшего преподавателя ФГБОУВО «Липецкий государственный технический университет» (г. Липецк) П.С. Макурина на тему «Зарождение законодательных основ цензуры»; преподавателей Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» А.А. Мальцевой на тему «К вопросу о возрасте субъекта жестокого обращения с животными», Д.В. Сафоновой на тему «Зарубежный опыт уголовно-правового противодействия мошенничеству с использованием электронных средств платежа» и Л.М. Якуповой на тему «Эволюция законодательства о фискальных преступлениях в эпоху петровских реформ: историко-правовой опыт для современной России»; аспиранта ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» (г. Москва) Н.А. Сипягина на тему «Правовое значение периода прохождения воинской службы в рамках освобождения по статье 802 Уголовного кодекса Российской Федерации»; слушателя 5 курса Крымского филиала ФГКОУВО «Краснодарский университет МВД России» (г. Симферополь) Л.И. Щуровского на тему «Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве».

В административно-правовом аспекте были представлены выступления кандидата политических наук, доцента Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» В.В. Костылева и помощника мирового судьи судебного участка № 6 (г. Симферополь) Е.С. Крандакова на тему «Процессуальное основание административной ответственности за нарушение правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей

продукции»; помощника юрисконсульта Э.И. Коваль на тему «Киберпространство как объект административно-правового регулирования: современные тенденции судебной практики», а также курсанта 2 курса ФГКОУВО «Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации» (г. Ростов-на-Дону) Р.А. Петренко на тему «Понятие «административная ответственность»: проблемы и перспективы развития»; помощника юрисконсульта А.А. Шикиной на тему «Административное выдворение как административно-правовой метод борьбы с незаконной миграцией».

Не менее интересными и содержательными стали научные сообщения участников конференции по гражданско-правовой тематике: доклады сотрудников Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»: кандидата юридических наук Н.А. Рябининой – о компенсации морального вреда; старшего преподавателя Л.А. Шигониной – о специфике трансграничных алиментных обязательств; старшего преподавателя И.В. Ясиной – о практических особенностях использования договора лизинга с правом выкупа, а также преподавателя кафедры, ведущего юрисконсульта Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» (г. Ростов-на-Дону) В.А. Шмыгаль – об изъятии из принципа публичности судопроизводства.

Трибуна молодого ученого на конференции предоставила возможность апробации результатов своих первых исследований и для группы начинающих ученых из числа аспирантов, магистрантов и студентов старших курсов вузов ряда регионов страны.

При подведении итогов конференции были отмечены лучшие выступления и определены ближайшие перспективы работы над устранением лакуны в научном поиске в сфере социально-гуманитарного знания.

Заключение.

Результаты репрезентированных исследований позволили прийти к следующим выводам, прежде всего, в ракурсе оценки возможностей реализации стратегии поддерживающего устойчивого развития в крымском регионе и возможности использования данного опыта в масштабах всей страны:

1. В условиях глобализации и быстрого изменения экономической ситуации в мире, важно, чтобы регионы Российской Федерации были готовы к адаптации и изменениям. Это может включать в себя внедрение новых технологий, перестройку материально-технической базы, расширение производительных способностей, творческих качеств человеческого капитала, модернизации инфраструктуры и др. Все эти аспекты должны быть учтены в процессе стратегического планирования и управления в рамках регионального развития, а также поиска

«точек роста».

2. Стратегическое планирование, мобилизация ресурсного потенциала и управление развитием регионов, – это сложный и многогранный процесс, который требует учета множества факторов воздействия. Важно помнить, что каждый регион уникален, и подходы к его развитию должны быть адаптированы к его специфике. Это подразумевает необходимость глубокого анализа текущей ситуации, выявления проблем и возможностей, а также разработки стратегий, которые будут учитывать, как внутренние, так и внешние ресурсные особенности. На практике это может означать, что необходимо создавать рабочие группы, которые будут заниматься анализом ресурсов и разработкой стратегий. Такие группы могут включать представителей местной власти, бизнеса, науки и общественных организаций. Важно, чтобы все заинтересованные стороны были вовлечены в процесс планирования и реализации намеченных целей, так как это способствует более широкому пониманию проблем и раскрывающихся возможностей.

3. Информационные технологии (далее – ИТ) на современном этапе экономического развития нашей страны становятся важнейшим инструментом достижения устойчивого роста. В условиях цифровой экономики выделяются следующие основные направления их использования как ресурса: высокоскоростная обработка больших массивов информации, ускорение коммуникационных процессов между субъектами бизнеса и потребителями, упрощение и ускорение платежных операций, повышение качества и доступности государственных услуг.

Исследование влияния ИТ как инструмента инноваций на конечные результаты экономической деятельности показало, что их рациональное применение позволяет совершить качественный рывок в динамике валового регионального продукта: в условиях незначительного роста количества субъектов предпринимательской деятельности обеспечить неуклонный его рост.

Проведенный корреляционно-регрессионный анализ статистических данных подтвердил эффективность развития использования ИТ как инструмента инноваций в цифровом пространстве.

В Республике Крым реализация программы развития цифровой экономики преимущественно затронула систему организационного управления (на региональном и муниципальном уровнях), а также финансовый сектор. Но трансформация реального сектора в настоящее время находится на первом этапе – внедрении информационно-коммуникационных технологий и оказании информационных услуг. Слабо используются цифровые платформы для реализации производимого продукта, что в ближайшей перспективе может дать существенный рост прибавочной стоимости.

4. Моделирование трансформаций в экономической системе показало, что внедрение цифровых

платформ и формирование цифровых двойников субъектов экономических отношений качественно изменило характер развития экономической системы в целом. Валовый региональный продукт, сохраняя тенденцию к росту, изменяется под действием комплекса факторов, сформированных в виртуальном пространстве: использованием электронного документооборота (в том числе в форме СЭД), Web-сайтов и цифровых платформ ведения бизнеса. Его рост наиболее сильно зависит от степени использования цифровых платформ, но развитие последних угнетается фактором СЭД. Перспективным может быть изучение новых систем менеджмента в цифровом пространстве.

В условиях цифровой экономики недостаточно развивать сетевые информационные технологии, обеспечивающие электронный обмен данными. Важно создать механизм управления экономическими процессами, качественно отличающийся от существующего в настоящее время.

Государство, используя развитые системы электронного документооборота на основе глобальных сетей, развивает инструментарий регулирования экономических процессов в цифровом пространстве. Но как один из главных субъектов бизнеса, оно не может ограничивать себя исключительно регуляторной функцией, что реализуется наличием государственных платформ взаимодействия, таких как платформа цифрового рубля.

5. Стратегическое бюджетирование является важным инструментом, объединяющим воедино главные элементы процесса стратегического планирования: цель, оцифрованное видение, этапы реализации стратегии, контрольные параметры и критерии текущей деятельности, а также позволяет корректировать деятельность и определять эффект административных мер.

По результатам проведенного исследования, в контексте раскрытия тенденций развития взаимодействия банков и страховых компаний, выделены и охарактеризованы основные формы такого взаимодействия (конкуренция, взаимодействие в качестве контрагентов, интеграция).

Отдельно, на основе критического исследования наработок зарубежных и отечественных ученых дано авторское определение терминов «взаимодействие» и «интеграция», а также определено соотношение этих экономических категорий (интеграция является составной частью взаимодействия, но не тождественна ей).

Доказано, что наиболее эффективной и результативной формой банковско-страхового взаимодействия в современных условиях развития мирового и национальных финансовых рынков, финансовых, банковских и страховых услуг является интеграция. В этом контексте выделены стимулы, мотивы и виды банковско-страховой интеграции.

6. Микрофинансовые организации играют одну из существенных ролей в экономике Республики

Крым, которая усиливается на фоне особенностей функционирования банковской сферы и ограниченного присутствия ряда традиционных финансовых институтов в регионе. Микрофинансовые организации предоставляют альтернативные источники получения заемного капитала, удовлетворяют тем самым потребности физических и юридических лиц в получении необходимого запаса дополнительной ликвидности для решения текущих финансовых задач.

В Республике Крым деятельность микрофинансовых организаций может быть раскрыта в разрезе системы факторов, выражающих специфику микрофинансового рынка. Так, в Республике зарегистрировано сравнительно небольшое число микрофинансовых организаций, причиной чему являются историко-политические и экономические предпосылки, связанные с периодом интеграции в экономику России с 2014 года; важную роль в деятельности микрофинансовых организаций Республики занимает Микрокредитная компания «Фонд микрофинансирования предпринимательства Республики Крым», которая активно поддерживает малый и средний бизнес посредством предоставления льготных микрозаймов, что, несомненно, способствует экономическому развитию, созданию рабочих мест, а также достижению ряда прочих существенных эффектов для региональной экономики и финансового рынка. Ввиду сложившихся особенностей Республики Крым и её микрофинансового рынка, низкой активности на рынке, существенно увеличивается роль дистанционных каналов выдачи займов, которые позволяют компенсировать текущие ограничения.

В Республике Крым развитие рынка микрофинансирования в целом согласуется с теми задачами, которые выдвигаются Центральным Банком в качестве существенных для всего финансового рынка России; в частности, требуется преодолевать проблемы недостаточного доверия к микрофинансовым организациям со стороны заемщиков, проблемы теневой деятельности, нарушения законодательства, проблемы мошенничества и низкой активности путем проведения планомерных реформ, повышения уровня финансовой грамотности населения и развития инфраструктуры доступа к продуктивным инструментам. Поскольку деятельность микрофинансовых организаций в Республике Крым способствует развитию малого и среднего предпринимательства, стимулирует экономический рост и поддерживает планомерную реализацию национальной социально-экономической политики, целесообразно стимулировать развитие конкуренции на рынке микрофинансирования в Республике Крым, что приведет к закономерному росту качества доступных микрофинансовых продуктов или услуг.

7. За последние пять лет Республика Крым продемонстрировала значительный прогресс в улучшении инвестиционного климата. Реализованные меры государственной поддержки, создание эф-

фективных институтов и привлечение значительных объемов инвестиций способствовали экономическому росту региона.

Среди ключевых проектов:

- жилой микрорайон «Жигулина Роща» (16,2 млрд руб.);
- центр винного туризма (4,7 млрд руб.);
- курортный комплекс «Alean Family Resort» (14,6 млрд руб.).

Несмотря на позитивную динамику, регион сталкивается с рядом проблем, включая:

- ограниченные внешнеэкономические связи;
- высокий уровень зависимости от федеральных дотаций;
- нехватка пресной воды;
- медленные темпы цифровизации;
- изношенность инфраструктуры в некоторых районах.

Для дальнейшего устойчивого развития необходимо продолжать работу над устранением существующих проблем и повышением конкурентоспособности экономики.

8. Несмотря на внешнеполитические ограничения, внутренние меры поддержки, развитие СЭЗ и активная позиция региональных властей позволяют создавать привлекательную среду для бизнеса. В регионе открываются широкие возможности в аграрной сфере, туризме, строительстве, ИТ и промышленности. Ключевой задачей на ближайшие годы остаётся обеспечение стабильности, преодоление оставшихся административных барьеров и продолжение модернизации экономики.

Таким образом, экономика Крыма после 2014 года претерпела глубокую трансформацию, обусловленную политическими и экономическими изменениями. Интеграция в российскую экономическую систему, международные санкции и структурные сдвиги оказали существенное влияние на экономическое развитие региона. Реализация комплексной стратегии развития региона, привлечение инвестиций, развитие приоритетных отраслей экономики и модернизация инфраструктуры могут обеспечить устойчивый рост и повышение уровня жизни населения Крыма.

9. В аспекте сопряжения экономической составляющей обеспечения стратегии устойчивого развития с иными факторами социально-гуманитарного характера, выделяется блок научных сообщений, позволивших расставить новые акценты по направлению взращивания личности, призванной в перспективе активно включиться в модернизационный процесс. В этой связи, заслуживают

внимания, следующие выводы участников конференции.

Педагог воплощает значимую миссию, которая в своей социально педагогической и наставнической реализации создает и презентует такое понятие, как формирование и подготовка молодого человека к жизни как настоящего гражданина. Опыт показывает, что промедление в вопросах улучшения нравственности и гражданственности юношества ведет к росту социально-опасных явлений: деморализации, агрессивности, враждебности, жестокости, насилию. Значение решения рассматриваемой нами проблемы возрастает в связи с возникшим в настоящее время противоречием между обновленными требованиями общества к формированию гражданственности у подрастающего поколения и результативностью этого процесса в воспитательно-образовательной среде. Возникает несоответствие между возрастающей потребностью и необходимостью изучения учебных дисциплин социально-гуманитарного цикла. На наш взгляд, диспропорция в традиционной системе воспитательно-образовательной политики и технологиях просвещения ярко выражена жизненной ситуацией в стране. Приоритеты в формировании гражданственности у юношества акцентируются посредством включения студентов в общественно значимую деятельность посредством цикла социально-гуманитарных дисциплин ВУЗа, что позволяет эффективно направить становление их гражданственности.

В частности, основываясь на опыте социокультурного воспитания и образования в работе Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», стремясь выявить характер национально-культурной идентичности и патриотизма, можно прийти к однозначному выводу о том, что мероприятия, проводимые в рамках работы ВУЗа во взаимодействии с этнокультурными автономиями, общественными объединениями Республики Крым, становятся важным элементом формирования национально-культурной идентичности в молодежной среде, поскольку обеспечивают сбалансированное сочетание изучения традиций-обычаев этносов полуострова и внедрения новаций федеральной образовательной стратегии внутри самого ВУЗа.

10. Можно также выделить две особенности механизма социального обеспечения семьям с детьми в Республике Крым.

Первая – это преобладание денежных выплат и почти полное отсутствие услуг натурального характера.

Вторая – радикальное преобладание федеральных бюджетных средств над республиканскими. Хотелось бы пожелать того, чтобы по мере оздоровления экономического положения Крыма, увеличения доходной части республиканского бюджета указанная диспропорция постепенно смягчалась бы, и большая доля выплат гражданам с

детьми осуществлялась именно из бюджета Республики Крым.

11. Кроме того, в общей тенденции усиления внимания к уровню экологической культуры и поведения россиян можно ощутить обеспокоенность вопросами потенциала образовательных учреждений всех уровней, в том числе высшего образования, в решении этой задачи, поскольку образовательное пространство высшего учебного заведения представляет собой чрезвычайно перспективное пространство для активизации как ценностно-смысловых, так и деятельностных составляющих экологического поведения как детерминанты экологичной личности. Обладая потенциалом интеграции различных элементов воздействия на личность с целью воспитания экологической культуры и приобщения к экологическим практикам, учреждения высшего образования не реализуют его полностью, сталкиваясь с такими барьерами, как преобладание теоретического материала, отсутствие системности в соединении теоретического и практического элементов воспитательного воздействия, недостаток наглядности и фундаментального этического базиса, пронизывающего все стадии указанного воздействия.

12. Представленные результаты исследований участников конференции показали, что, в особенности, экологические практики современной крымской молодежи развиваются в логике глобальных тенденций, классифицируясь по степени распространенности и востребованности среди молодых граждан страны:

- на потребительские, которые заключаются в поиске и выборе экологичных товаров и услуг, мониторинг производителей брендов на соответствие экологическому имиджу;
- на досуговые, связанные с экологическим туризмом, спортивными мероприятиями на природе, защитой и помощью бездомных животных;
- на природоохранные через участие в волонтерском движении, реализацию экологических и патриотических проектов регионального и федерального значения, а также практики повседневной утилизации отходов и раздельного сбора мусора.

Вместе с тем, стало очевидным, что экологические практики молодежи Республики Крым не носят системного характера, не являются стабильно имплементированными в повседневность, не стали габитусом социального поведения. При отсутствии чисто экологической мотивации, экологические практики оформляются в принципиально иной мотивационный и содержательный формат, который именно для представителей молодежи как наиболее прагматично воспринимающих современную реальность рыночного общества (своей социализационной среды) является естественным и востребованным.

Развитие экологических практик крымской молодежи, как, впрочем, и представителей молодого

поколения россиян в целом, в перспективе, предполагает не только учет нового формата социальной активности российской молодежи, мотивированной вполне конкретными установками (экономическими, карьерными, имиджевыми, досуговыми и т.д.), но и новый формат ее экологической социализации посредством формирования у нее соответствующей духу времени и феноменологии молодежной субъектности экологической

культуры.

В целом решение экономических, социальных и экологических проблем в рамках обеспечения стратегии устойчивого развития России и ее регионов невозможно без качественной имплементации императивов федерального законодательства в правовое поле всех ее субъектов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации Принята всенародным голосованием 12.12.1993 и поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: Утв. Президентом РФ 30.04.2012 г. СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. Электрон. дан. 2013. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117
3. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271
4. Инвестиционный портал Республики Крым. URL : <https://invest-in-crimea.ru> (дата обращения 26.05.2025).
5. Информационно-аналитические материалы Управления государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю: Информационные и коммуникационные технологии. URL : <https://82.rosstat.gov.ru/folder/162629>
6. Как изменился Крым за 10 лет // ТАСС. URL : <https://tass.ru/info/20256665>
7. Республика Крым в цифрах. 2024: Крат. стат. сб. / Крымстат – Симферополь, 2025. 182 с. URL : <https://82.rosstat.gov.ru/folder/162629>
8. Республика Крым: статистический ежегодник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым. Симферополь : Крымстат, 2023. 412 с.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: Adopted by popular vote on December 12, 1993 (subject to amendments made by the laws of the Russian Federation, Adopted by popular vote on December 12, 1993 and amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 № 6-FKZ, dated December 30, 2008 № 7-FKZ, dated July 05, 2014 № 2-FKZ, dated July 21, 2014 № 11-FKL, dated 03/14/2020 № 1-FKZ, approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 144.
2. Fundamentals of the state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030: Approved by By the President of the Russian Federation on 30.04.2012. SPS «Consultant Plus». Prof's version. Electron. dan. 2013. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru / document/cons_doc_LAW_389271
4. Investment portal of the Republic of Crimea. URL : <https://invest-in-crimea.ru> (date of application 05/26/2025).
5. Information and analytical materials of the Office of State Statistics for the Republic of Crimea and Sevastopol: Information and Communication Technologies. URL : <https://82.rosstat.gov.ru/folder/162629>
6. How Crimea has changed in 10 years // TASS. URL : <https://tass.ru/info/20256665>
7. The Republic of Crimea in numbers. 2024: Brief. Statistical collection / Krymstat – Simferopol, 2025. 182 p. URL : <https://82.rosstat.gov.ru/folder/162629>
8. The Republic of Crimea: Statistical Yearbook / Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Crimea. Simferopol : Krymstat, 2023. 412 p.

Информация об авторах

Шефель Сергей Викторович

доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия, Крымский филиал
sergey_shefel@mail.ru

Землячева Ольга Андреевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия, Крымский филиал
sv-zemlya@yandex.com

Sergey V. Shefel

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Head of the Department of Humanities
and Social and Economic Disciplines,
Crimean branch
of Russian State University of Justice
sergey_shefel@mail.ru

Olga A. Zemlyacheva

Candidate of Economics Sciences,
Associate Professor
of the Department of Humanities
and Social and Economic Disciplines,
Crimean branch
of Russian State University of Justice
sv-zemlya@yandex.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 11 от 25.11.2025

Выходит 12 раз в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

академик Российской академии наук, д-р социол. наук,
д-р с.-х наук, профессор
Харитонов Евгений Михайлович

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

канд. филос. наук, доц.
Бугаенко Юлия Юрьевна

ШЕФ-РЕДАКТОР

д-р соц. наук, проф.
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 21.11.2025

Подписано к публикации 25.11.2025

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.

Тел. +7 (918) 415–05–71

e-mail: id-yug@id-yug.com